Р. Я. Евзеров
И. С. Яжборовская

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МЫСЛЬ»

РОЗА
ЛЮКСЕМБУРГ

743
55762

Р. Я. Евзеров
И. С. Яжборовская

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ

Биографический очерк

Издательство «Мысль»
Москва 1974

ЗКИ1 (092)
Е 13

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

74-95196

Е $\frac{10303-198}{004(01)-74}$ 79-74

© Издательство «Мысль». 1974

ВВЕДЕНИЕ

«...Не только память о ней будет всегда ценна для коммунистов всего мира, но ее биография и *полное* собрание ее сочинений /.../ будут полезнейшим уроком для воспитания многих поколений коммунистов всего мира»[1], — писал В. И. Ленин о Розе Люксембург. К сожалению, современный советский читатель не располагает такой биографией. Вместе с тем ученые социалистических стран (в первую очередь СССР, ГДР, ПНР) немало сделали, в особенности за последние годы, по изучению и освещению большого и сложного жизненного пути пламенной революционерки. В обобщающих трудах[2] и специальных исследованиях решены многие важные задачи, без которых создание научной биографии Р. Люксембург было бы невозможно. В последние годы советская историография обогатилась рядом работ, непосредственно затрагивающих те или иные аспекты жизни и деятельности Розы Люксембург[3].

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 422.

[2] См., например, многотомную «Историю КПСС», «Всемирную историю», двухтомную «Историю Второго Интернационала», восьмитомную «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», двухтомное издание «Historia polskiego ruchu robotniczego» и др.

[3] *Б. А. Айзин.* Борьба против ревизионизма в германской социал-демократии в конце XIX в. (1898—1899 гг.). — «Германское рабочее движение в новое время», М., 1962; *его же.* Р. Люксембург — борец против германского милитаризма и империализма (1913—1914 гг.). — «Европа в новое и новейшее время». М., 1966, и др.; *Г. А. Алексеев.* Русский 1905 г. и революционная концепция Р. Люксембург. — «Историческая наука и некоторые проблемы современности». М., 1969; *Г. М. Деревковский.* Роза Люксембург в России во время первой революции. — «История СССР», 1968, № 1; *Р. Я. Евзеров.* «Sozialdemokratische Korrespondenz» — орган левых германской социал-демократии. — «Вопросы истории», 1966,

Много сделали в этой области германские ученые[1].

№ 2; *его же.* Германская социал-демократия в период июльского кризиса 1914 г. — «Германское рабочее движение в новое время»; *его же.* Р. Люксембург против германского милитаризма накануне первой мировой войны. — «Новая и новейшая история», 1966, № 2; *Я. В. Зайцев.* Борьба Розы Люксембург с реваншизмом и центризмом накануне первой мировой войны. — «Ученые записки Пермского университета», 1966, № 149; *его же.* В. И. Ленин и советская историография о Розе Люксембург. — «Ученые записки». Уфа, 1968, № 4; *М. Кораллов.* Роза Люксембург — литературный критик. — «Роза Люксембург о литературе». М., 1961; *Н. М. Кривогуз.* «Спартак» и образование Коммунистической партии Германии. М., 1962; *А. Я. Манусевич.* Роза Люксембург и ее место в истории международного рабочего движения. — «Новая и новейшая история», 1971, № 2; *В. В. Чистяков.* Роза Люксембург о тактике германского пролетариата (1898—1907). — «Империализм и борьба рабочего класса». М., 1960; *его же.* Борьба Розы Люксембург против милитаризма и военной опасности в начале XX века. — «Советское славяноведение», 1968, № 3; *его же.* В. И. Ленин и германские левые социал-демократы. — «В. И. Ленин и историческая наука». М., 1968; *его же.* Влияние русской революции 1905—1907 гг. на развитие взглядов Розы Люксембург. — «Ежегодник германской истории. 1968». М., 1969; *его же.* Роза Люксембург и международное рабочее движение. — «Вопросы истории», 1971, № 3; *его же.* Роль Розы Люксембург в разработке программы СДКП и ее взглядов по национальному вопросу (1893—1898 гг.). — «Исследования по славяно-германским отношениям». М., 1971; *Н. С. Яжборовская.* «Справа роботнича» и формирование идейно-политических позиций Р. Люксембург. — «Советское славяноведение», 1971, № 2; *ее же.* Роза Люксембург и колониальный вопрос. — «Народы Азии и Африки», 1971, № 2; *ее же.* Niektóre problemy myśli marksistowskiej na początku XX wieku. — «Dzieje najnowsze», 1970, N 2, и др.

[1] *В. Бартель.* Левые в германской социал-демократии в борьбе против милитаризма и войны. М., 1959; *E. Herbig.* Einige Bemerkungen zur Tätigkeit Rosa Luxemburgs als Referentin. — «Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung». Berlin, 1969. N 5; *A. Laschitza.* Deutsche Linke im Kampf für eine demokratische Republik. Berlin, 1969; *A. H. Laschitza, H. Schumacher.* Thesen über die Herausbildung und Entwicklung der deutschen Linken von der Jahrhundertwende bis zur Gründung der KPD (Spartakusbund). — «Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung», 1965, H. 1; *A. Laschitza, G. Radczun.* Rosa Luxemburg. Ihr Wirken in der deutschen Arbeiterbewegung. Berlin, 1971; *G. Radczun.* Einige Probleme der Haltung Rosa Luxemburgs zur proletarischen Revolution. Zu Flechtheims Rosa-Luxemburg-Edition «Die russische Revolution». — «Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung», 1966, H. 1; *G. Radczun.* Zu einigen Aspekten der Junius Broschüre. — «Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung», 1967, H. 1; *H. Wohlgemuth.* Die Entstehung der Kommunistischen Partei Deutschlands 1914 bis 1918. Oberblick. Berlin, 1968; *его же.* Die Revolution 1905 bis 1907 in Russland und die deutschen

Весьма значителен вклад польских ученых в разработку проблематики наследия Розы Люксембург[1].

Марксистско-ленинское исследование широкого комплекса проблем жизни и деятельности Р. Люксембург активно противостоит усилившимся в последние годы попыткам фальсифицировать наследие и образ Красной Розы, использовать их в интересах буржуазного реформизма и левацкого экстремизма. Особого накала эта борьба достигла в связи с празднованием 100-летия со дня рождения выдающейся революционерки, которая вошла в историю международного рабочего движения «как народный трибун, активный революционный боец, как видный марксистский теоретик»[2]. Это не удивительно. Р. Люксембург сыграла значительную роль в истории международного рабочего движения в период II Интернационала и создания предпосылок для возникновения Коммунистического Интернационала, в период борьбы ленинизма против социал-демократизма. Поэтому ее труды и имя были и остаются в сфере напряженных идеологических боев. Ее идейно-политическая биогра-

Linken. — «Theorie und Praxis», 1965, H. 6; *его же.* Zu den Thesen über die Herausbildung und die Entwicklung der deutschen Linken. — «Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung», 1965, N 6.

[1] *A. Głowacki.* Róża Luksemburg i zachodniopomorska organizacja SPD przed I wojną światową. — «Z pola walki». Warszawa, 1971, № 1; *R. Gradowski.* Róża Luksemburg — teoretyk i działacz mie dzynarodowego ruchu robotniczego. — «Z pola walki», 1971, N 3; *J. Dziewulski.* W kwestii luksemburgizmu. — «Julian Marchlewski. Materiały sesji naukowej z okazji 100 rocznicy urodzin». Warszawa, 1968; *его же.* O rzeczywistej treści i walorach naukowych teorii akumulacji kapitału R. Luksemburg. — «Ekonomista», 1970, N 1; *его же.* O teoretyczno-ekonomicznym podłożu «dwudziestoletniego sporu» między Różą Luksemburg a Włodzimierzem Leninem w kwestii narodowej. — «Z pola walki», 1971, N 1; *J. Kaczanowska, F. Tych.* Bibliografia pierwodruków Róży Luksemburg. — «Z pola walki», 1962, N 3; *T. Kowalik.* Róża Luksemburg. Teoria akumulacji i imperializmu. Wrocław, 1971; *M. Mieszczankowski.* Wokół teorii akumulacji R. Luksemburg. — «Ekonomista», 1969, N 4; *F. Tych.* Stosunek SDKPiL, PPS — Lewicy i KPP do Rewolucji Październikowej. — «Rewolucja Październikowa a Polska». Warszawa, 1968; *его же.* Słowo wstępne. — Róża Luksemburg. Listy do Leona Jogichesa — Tyszki. T. I. Warszawa, 1968; *его же.* Ostatni pobyt Róży Luksemburg w Warszawie. — «Warszawa powstaniowa». Z. I. Warszawa, 1968; *его же.* Myśl i czyn rewolucji. — «Nowe drogi», 1971, N 3; *его же.* Róża Luksemburg. — «Polski Słownik Biograficzny», t. XVIII/1, z. 76. Wrocław etc., 1973, и др.

[2] «Коммунист», 1971, № 4, стр. 127.

фия становится объектом различных, подчас взаимоисключающих интерпретаций, а нередко и откровенно антикоммунистических фальсификаций. Антикоммунисты стремятся отрицать или принизить революционные заслуги Розы Люксембург, имя которой по мере усиления массовых антимонополистических движений в капиталистическом мире становится в последние годы все более популярным, особенно среди молодежи. Правые социал-демократы стараются отыскать в ее идеях материал, позволяющий им оправдать свой оппортунизм. Революционерам же Р. Люксембург импонирует как прогрессивный деятель рабочего движения, пламенный трибун, чья жизнь была отдана борьбе за светлые идеалы трудового человечества. «Каждому свое»[1], — как дальновидно определил В. И. Ленин характер интереса различных политических течений к наследию Розы Люксембург.

Антикоммунистическая пропаганда, беззастенчиво фальсифицируя взгляды видной деятельницы международного рабочего движения, неоднократно предпринимала попытки «в более или менее острой форме измышлять разногласия между Лениным и Розой Люксембург по принципиальным вопросам марксистской теории и отыскать в теоретическом наследстве Розы Люксембург аргументы против Ленина и ленинизма»[2]. В последнее время в связи с широкой публикацией значительной части теоретического и политического наследия Р. Люксембург в ряде стран антикоммунисты были вынуждены перейти к более откровенным нападкам на нее. В их среде раздаются голоса о необходимости пересмотреть прежние оценки, выдвинутые Ф. Боркенау, С. Хуком, Б. Вольфе и другими[3], трактовавшими наследие Р. Люксембург сравнительно «благосклонно»: они противопоставляли его ленинскому наследию и приписывали ей близкую к буржуазной трактовку понятия «политической демократии». Профессор Уобашского колледжа (США) Э. Маклин подчеркивает, что ее подход к проблемам

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 422.
[2] «Вопросы истории КПСС», 1970, № 8, стр. 52.
[3] *F. Borkenau. World Communism.* A History of the Communist International. Ann Arbor, 1962; *S. Hook.* Marx and the Marxists. The Ambiguous Legacy. Princeton, New Jersey, 1955; «The Russian Revolution and Leninism or Marxism by Rosa Luxemburg». Michigan, 1961.

пролетарской демократии «был почти идентичным ленинскому и определенно враждебным западному пониманию политической демократии», и требует заострить критику ее взглядов[1]. Итак, терпят крах попытки изобразить Розу Люксембург «противницей» В. И. Ленина, игнорировать факты, свидетельствующие о единстве В. И. Ленина и Р. Люксембург в главных, принципиальных вопросах революционного рабочего движения.

Социал-реформистская, правосоциалистическая историография в течение десятилетий старалась использовать имя Розы Люксембург, некоторые ее высказывания для антикоммунистических спекуляций, для борьбы против идеи диктатуры пролетариата и учения о руководящей идейно-политической и организаторской роли пролетарской партии. Реформисты «забывают» о том, что Р. Люксембург, как и В. И. Ленин, придерживалась курса на пролетарскую революцию и диктатуру пролетариата, утверждала и отстаивала революционные методы борьбы, хотя и не смогла дать правильную трактовку ряда организационных принципов партии нового типа.

Идеологи современного «левого» экстремизма, анархизма и «неотроцкизма» на разный манер стараются использовать внимание Р. Люксембург к проблеме революционной активности масс. Однако даже один из идеологов анархо-синдикализма, Д. Герэн, вынужден признать, что Р. Люксембург всегда была сторонницей пролетарской партии и организованной политической деятельности, популяризатором опыта российского революционного движения[2]. Троцкистствующие элементы пытаются изобразить Розу Люксембург сторонницей некоего «непрерывного» революционного действия. Научный анализ творчества революционерки убедительно показывает, что всякого рода экстремизм, псевдореволюционный авантюризм были чужды ей.

Не вызывает сомнений, что Роза Люксембург была фигурой сложной, а ее творческий путь не лишенным противоречий. Ее многочисленные работы, тео-

[1] «Politica» (Pavia), 1969, № 1, p. 39.
[2] *D. Guerin.* Rosa Luxemburg et la spontanéité revolutionaire. Paris, 1971.

ретические и публицистические статьи, письма ярко характеризуют идейные искания революционной европейской социал-демократии, раскрывают направленность споров в ее рядах относительно тенденций и перспектив революционного прогресса в эпоху империализма, форм и методов классовой борьбы.

Напрасно антикоммунисты и антисоветчики пытаются спекуляциями на имени Р. Люксембург опорочить ленинизм. Исторически неопровержимая правда состоит в том, что, преодолевая свои сомнения и ошибки, она пошла за В. И. Лениным[1]. Поэтому подлинно научный анализ творческого пути Розы Люксембург имеет самое актуальное политическое значение, может и должен сыграть важную роль в современной идеологической борьбе.

В настоящей работе авторы ставили своей задачей дать советскому читателю биографический очерк Р. Люксембург, который позволил бы составить представление о важнейших моментах и сторонах ее деятельности. В то же время такой очерк, как мы надеемся, будет еще одним шагом вперед по пути создания научной биографии одной из выдающихся представительниц «революционного пролетариата и нефальсифицированного марксизма»[2].

---

[1] См. *В. А. Богород.* О теоретическом наследии Розы Люксембург. Обзор международной научной конференции. — «Рабочий класс и современный мир», 1974, № 2; *И. Яжборовская.* Роза Люксембург и противники ленинизма. Критический обзор. — «Рабочий класс и современный мир», 1971, № 1.

[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 371.

ЗАМОЩЬ — ВАРШАВА

Роза Люксембург появилась на свет как пятый и последний ребенок Эдварда Люксембурга, торговца лесом, проживавшего в Королевстве Польском, в небольшом городе Замощь (Замостье).

Этот город, расположенный на стыке польских и украинских земель, между Бугом и Вепшем, правым притоком Вислы, в 70-е годы XIX в. насчитывал около трех столетий существования. Построенный в конце XVI в. по замыслу польского канцлера и великого коронного гетмана Яна Замойского, он получил всемирную известность и название «Северной Падуи». В энциклопедиях и изданиях по истории искусства архитектурные сооружения Замощя приводятся в ряду самых блестящих образцов польского зодчества эпохи Ренессанса. И по сей день специалисты считают Замощь жемчужиной архитектуры Возрождения мирового класса. Именно здесь были впервые воплощены в камне смелые градостроительные и фортификационные принципы лучших итальянских зодчих, сочетавшиеся с местными архитектурными традициями.

Первым архитектором, распланировавшим территорию нового города и успевшим осуществить постройку ряда ведущих сооружений, был венецианец Бернардо Морандо, занятый до этого строительством королевского замка и кафедрального собора в Варшаве. К числу самых блестящих жилых строений относится и дом, расположенный на улице Сташица, 31[1]. В этом доме, находящемся недалеко от

---

[1] *St. Herbst.* Zamość. Warszawa, 1964, s. 48, 61, 63, 82, 84.

ратуши, в самой респектабельной части города, почти рядом с домом, построенным Морандо для себя, на южной стороне большого рынка, именуемого сейчас площадью Мицкевича, и родилась 5 марта 1870 г. будущая выдающаяся революционерка[1].

Замощь возник в период складывания польского внутреннего рынка и был возведен на пересечении важных торговых путей, ведущих из Киева в Краков и Прагу, а также из Львова в Люблин. Он сразу получил ряд привилегий и право на три ярмарки в год. Это помогло ему вскоре стать крупным торговым центром, тем более что стараниями Я. Замойского в городе осели группы иностранных купцов — греки, персидские армяне, португальские и левантийские евреи, немцы, шотландцы и др. Одновременно город стал

[1] В отношении даты рождения Розы Люксембург по сей день нет полной ясности, ибо ее метрика и паспорт не сохранились. Из писем Розы друзьям явствует, что день рождения она отмечала 5 марта (по польскому католическому календарю именины Розы приходятся на 6 марта). Однако в некоторых документах как день ее рождения зафиксирована дата 25 декабря 1870 г.

1870 год считали годом появления Розы Люксембург на свет хорошо знавшие ее Л. Каутская, Г. Роланд-Гольст и П. Фрёлих. В пользу этой даты говорят и ранние документы, оформлявшиеся в России. В аттестате зрелости, выданном 14 июня 1887 г., указывается, что получающей его выпускнице второй варшавской женской гимназии 17 лет, а это вполне соответствует дате рождения 5 марта 1870 г. О паспорте Розы известно, что он был выдан 15 марта 1888 г., а в то время на территории Королевства Польского паспорта получали дочери купцов, достигшие совершеннолетия. Следовательно, 15 марта 1888 г. Розе Люксембург уже было 18 лет. Тем самым датой ее рождения следовало бы признать 5 марта 1870 г.

К этой дате склоняется и один из ведущих исследователей жизни и наследия Розы Люксембург — Ф. Тых («Polski Słownik Biograficzny», t. XVIII/I, z. 76. Wrocław etc., 1973).

Версия, согласно которой Р. Люксембург родилась в 1871 г., в значительной степени опирается на ее автобиографию, написанную позднее, уже за границей (в Цюрихском университете), а также на ее письмо Г. Роланд-Гольст от 30 января 1907 г., в котором она, получив от последней поздравление с днем рождения (посланное, вероятно, к 25 декабря, т. е. за два с лишним месяца до срока), пояснила, что ее «официальная дата рождения» неверна, что она «не так стара на самом деле». (*P. J. Nettl.* Rosa Luxemburg, vol. 1. London, 1966, p. 50). Правдоподобнее всего, что именно за границей, где Розе Люксембург неоднократно приходилось оформлять различные документы и по различным соображениям менять дату своего рождения, и возникли эти разночтения.

весьма мощной и неприступной по тем временам крепостью, сохранявшей стратегическое значение до середины XIX в. Ему довелось сделаться также одним из основных культурных центров Польши того времени: Я. Замойский, покровительствовавший наукам и искусству, заложил в 1594 г. в городе академию с факультетами философским, медицинским и юридическим. Одновременно с академией была создана хорошо оснащенная типография. Хотя академия просуществовала лишь до 1784 г. и была закрыта австрийскими властями после первого раздела Польши, в городе сохранились просветительские традиции, которые способствовали взаимному обогащению различных национальных культур, сосуществовавших между собой и в значительной степени ассимилировавшихся естественным путем.

Семья Люксембургов[1] принадлежала к числу наиболее культурных в городе. Дед Розы посылал сыновей продолжать образование в торговые школы Берлина и Бромберга (Быдгощи). В числе носителей прогрессивно-освободительных, либеральных тенденций они были сторонниками «стремления к разрушению национально-религиозной замкнутости еврейства...»[2] — направления, оформившегося в середине 60-х годов среди еврейской буржуазии и части интеллигенции. Не удивительно, что отец Розы Элиаш принял имя Эдвард. Польские имена получили также его дети — сыновья Миколай, Максимилиан и Юзеф и дочери Анна и Розалия, хотя они и не были католиками. Имя последней было выбрано по польскому католическому календарю.

Роза Люксембург считала себя полькой еврейского происхождения, неоднократно подчеркивая, что ее отечеством является Польша, и отвергая прояв-

[1] В написании этой фамилии в документах довольно часто встречаются разночтения (Люксембург, Люксенбург и даже Люксенберг). Ближайшие родственники Розы Люксембург преимущественно употребляли фамилию Люксенбург, сама она и ее адресаты еще в 90-е годы применяли два первых варианта, а затем она окончательно остановилась на первом.

[2] *Н. В. Герчиков.* Роза Люксембург, ч. I. Генезис и оформление социально-политических воззрений. 1870—1898. Саратов, 1931, стр. 14.

ления еврейского национализма[1]. «Она была полькой также и в том смысле, — отмечает польский исследователь С. Кеневич, — что свои мысли и чувства свободнее всего выражала на польском языке, несмотря на то, что бо́льшую часть своей жизни провела в эмиграции»[2].

Позднее Розу Люксембург неоднократно пытались обвинить в космополитизме. Оппортунисты и обыватели-националисты во все времена не были в состоянии понять, как Ярослав Домбровский мог сражаться за свободу Польши на баррикадах Парижской коммуны, а Кароль Сверчевский — против бековщины на берегах Гвадалахары; как можно повсюду, борясь против врагов пролетариата, отстаивать свободу своего народа, своего отечества.

Для благосостояния семьи Люксембургов немаловажное значение имело то обстоятельство, что переданный после наполеоновских войн России Замощь в 1821 г. был превращен в пограничную крепость. Это резко затормозило его экономическое развитие, ибо вокруг города была создана запретная зона. В середине XIX в. в связи с развитием военного дела Замощь потерял значение важной фортификации, крепостной режим был отменен, но у отца Розы Люксембург, вероятно, уже не было видов на успешное ведение коммерческой деятельности. Новые, более благоприятные условия экономического развития города не могли быть использованы из-за недостаточности средств сообщения. Да и немногочисленные сохранившиеся сведения об Эдварде Люксембурге отнюдь не свидетельствуют о его сколько-нибудь значительных способностях в этой области.

Переезд семьи в Варшаву в 1873 г., надо полагать, не случайно пришелся на период убыстрения темпов развития капитализма в Королевстве Польском. Варшава наряду с Лодзью в течение ряда лет была центром благоприятной экономической конъюнктуры. Бурно росло ее население. За 1870—1882 гг. число занятых в промышленности и ремесле жителей Варшавы утроилось. В начале 70-х годов здесь возникли первые акционерные общества. Вместе с тем концентрация деревообделочной промышленности проходила пока не столь быстрыми темпами и конкуренция не была столь острой, как в текстильной, металлургической или машиностроительной отраслях. Варшава открывала перспективы и как культурный центр для подрастающих детей Эдварда Люксембурга. Его забота об их дальнейшем обучении была продиктована не пустым тщеславием — дети были, бесспорно, способными, и стараниями отца получили неплохое образование[1], несмотря на то что его дела шли все хуже и он целиком зависел «от своей жалкой грошовой торговли»[2]. В конце XIX в. Эдвард Люксембург, втянутый в водоворот быстрой ломки социальной структуры населения промышленной Варшавы и массового «вымывания» мелкой буржуазии, окончательно разорился и умер.

Многими душевными качествами дети Эдварда Люксембурга были обязаны матери. Лина Люксембург выросла в среде либеральной еврейской интеллигенции, которой свойственна была увлеченность романтизмом Ф. Шиллера, чего, кстати, Роза Люксембург никогда не разделяла. Зато на всю жизнь она сохранила привитую матерью любовь к творчеству Адама Мицкевича. Как справедливо замечал Ю. Мархлевский, немного найдется таких работ Р. Люксембург, где не цитировались бы строки или не возникали бы образы из произведений великого польского поэта[3].

Значительную долю материнского тепла Лина Люксембург уделяла слабой и болезненной младшей дочери, родившейся с вывихом тазобедренного сустава, потребовавшим длительного лечения. На всю жизнь сохранился этот физический недостаток, за-

---

[1] *Р. Люксембург.* Письма к Карлу и Лунзе Каутским (1896—1918 гг.). М., 1923, стр. 51, 63, 142.

[2] *S. Kieniewicz.* Życie prywatne rewolucjonistki. — «Polityka», 18. I. 1969, s. 11.

[1] Старший брат Розы Николай, занимаясь по семейной традиции коммерцией, жил преимущественно в Лондоне. Второй брат, Максимилиан, экономист, был совладельцем смешанного польско-французского фармацевтического предприятия. Третий брат, Юзеф, доктор медицины, терапевт и невропатолог, был автором научных работ в области исследования спинного мозга.

[2] *R. Luksemburg.* Listy do L. Jogichesa-Tyszki (далее — *R. Luksemburg.* Listy), t. 1. Warszawa, 1968, s. 4/5.

[3] «Роза Люксембург». М., 1921, стр. 14.

ставлявший Розу ходить медленно и во избежание значительной хромоты шить специальную обувь. Впрочем, она старалась относиться к этому с юмором, хотя напоминания о «ковылянье», естественно, ее задевали [1].

Болезнь сковывала подвижность девочки, но не могла уничтожить жадного интереса к миру, интеллектуальной активности и любознательности. Наоборот, у лишенного многих детских развлечений ребенка развивались стойкие задатки пытливого наблюдателя, целеустремленность, обостренное желание постичь, запомнить, научиться, стремление преодолеть свой недуг. Как писала в биографии Р. Люксембург Луиза Каутская, основывавшаяся на рассказах Юзефа Люксембурга, Роза росла необычайно смышленым ребенком. В пять лет она научилась читать и писать. Будучи прикованной к постели, она переписывалась с родными, направляя им послания в стихах или прозе.

Читала она очень много, пробовала сочинять стихи, а также переводить с русского языка на польский. Роза Люксембург писала впоследствии о мощном воздействии на нее прогрессивной русской литературы. Более того, ее перу принадлежат несколько написанных в разные годы специальных литературоведческих статей о Л. Толстом, В. Короленко, Г. Успенском, а также интереснейшие высказывания о И. Тургеневе, Ф. Достоевском и других классиках русской литературы [2]. Еще в 1917 г. она хотела заново перечитать гончаровского «Обломова». «В прежние времена я читала его по-русски и была от него в полном восторге», «...в восьмидесятых годах роман входил в железный фонд «радикальной» молодежи России» [3], — писала она Кларе Цеткин. Образ Обломова во всей его убедительной завершенности помог ей в юные годы сознательно предпочесть активное действие, настойчиво искать пути приложения своих сил.

Роза Люксембург училась во Второй варшавской женской гимназии: ввиду тщательно поддерживаемых

[1] *Р. Люксембург.* Письма к Карлу и Луизе Каутским, стр. 111.
[2] См. «Роза Люксембург о литературе». М., 1961.
[3] Там же, стр. 251, 258.

царизмом сословных различий родители не могли и мечтать об обучении ее в Первой варшавской женской гимназии, предназначенной для дочерей царских сановников и польской аристократии. Младшие классы гимназии девочка посещала в те годы, когда в польском обществе происходили сложные социально-политические и идеологические процессы, ряд которых непосредственно задевали ее семью. Вливавшаяся в польскую буржуазию буржуазия еврейского происхождения, а вслед за нею и интеллигенция в начале 80-х годов в результате провокаторской политики царизма в Королевстве Польском (ограничение приема евреев в учебные заведения, еврейские погромы и пр.) снова оказались в положении культурной изоляции. Это вызвало ответную волну национализма среди еврейского населения.

Розе Люксембург были чужды настроения национальной узости, ограниченности. Она всегда была убежденной интернационалисткой. «Что ты носишься с какой-то особой иудейской скорбью? — писала она 16 февраля 1917 г. своей подруге и соратнице, жене сотрудника редакции теоретического органа германской социал-демократии «Нойе цайт» Матильде Вурм. — Мне столь же близки несчастные жертвы каучуковых плантаций в Путумайо и негры в Африке, жизнью которых европейцы играют как мячиком. Известна ли тебе фраза из творения генерального штаба, изреченная в связи с походом генерала Трота в Калахари: «...И хрипы умирающих, безумные вопли гибнущих от жажды тонули в возвышенном покое бесконечности». О, этот «возвышенный покой бесконечности», в котором столько воплей замирают, так и оставшись неуслышанными, они звучат в моей душе с такой силой, что у меня в сердце не остается особого уголка для гетто: я чувствую себя дома во всем мире, где есть облака, птицы и человеческие слезы» [1].

Вера предков была чужда Розе с юношеских лет, когда под влиянием характерного для варшавской молодежи этого времени увлечения естественными науками она становится атеисткой. Вспоминая об

[1] «Роза Люксембург о литературе», стр. 182—183.

этом, она писала 23 мая 1917 г. жене Карла Либкнехта Софье: «Моя мать, которая признавала библию, наряду с Шиллером, за источник высшей мудрости, твердо и определенно верила, что царь Соломон понимал птичий язык. Я тогда улыбалась материнской наивности со всем превосходством своих 14-ти лет и современного естественнонаучного образования»[1].

Гимназия дала Розе сумму общих знаний, которые она осваивала напористо, получая большое удовлетворение от интеллектуальных усилий. Жена Юлиана Мархлевского Бронислава, которая училась в той же гимназии несколькими классами старше, пишет в своих воспоминаниях: «Первый раз с именем Розы я встретилась во 2-й женской гимназии в Варшаве в 1884 г. Не помню, по какому поводу инспектор показал мне награду — несколько томов серьезных книг. Она принадлежала ученице Розе Люксембург при переводе ее из 4-го класса в 5-й. На мое замечание, не слишком ли серьезно содержание этих книг, инспектор сказал: «Это ведь для Розы Люксембург. Она у нас необыкновенно талантливая, способная...»»[2]. Ее способности быстро развились, подстегиваемые неуемной жаждой учиться, проникнуть в тайны и законы окружающего мира, постичь его сложности и противоречия.

В 14 лет Роза написала шуточную сатирическую оду «К приезду кайзера Вильгельма I», в которой нашла отражение атмосфера свободомыслия, царившая в семье. Юная гимназистка не только не проявила подобострастия, но выразила осуждение агрессивной политики Германии. Она сформулировала свое проникнутое подлинным демократизмом кредо, написав: «...ваших дворов я не посещаю, и ни во что не ставлю почести, вами оказываемые»[3].

Четкость и трезвость мышления с присущими ему исследовательскими задатками помогли ей преодолеть существовавший в семье культ шиллеровского романтизма. Высказывание Розы 8 сентября 1917 г. в письме Матильде Вурм: «...вся романтическая школа мне глубоко чужда»[1] — относилось не только к периоду ее зрелости. За несколько месяцев до написания процитированного письма она замечала в письме Софье Либкнехт, что иной склад мышления выкристаллизовался у нее еще в гимназические годы[2]. Критическое отношение к творчеству Ф. Шиллера было важным этапом становления ее мировоззрения. Ключ к этому процессу мы найдем в ее статьях, написанных к юбилею классика немецкого романтизма и являющихся, бесспорно, результатом длительного и тщательного осмысления идейно-политической нагрузки его произведений. Развернутый и в высшей степени зрелый анализ творчества Ф. Шиллера, предпринятый Розой Люксембург в 1905 г., завершается выводом, что романтизм, ограничивающийся «пламенным энтузиазмом» и «смутным порывом к светлым высям «идеального»», не может быть идеологией рабочего класса, что ««революционный идеализм», лишенный опоры *материалистического* мировоззрения, на котором он надежно зиждется сегодня в идеологии современного пролетариата, — это нечто весьма сомнительное...»[3]. Складывание у Розы материалистического мировоззрения, чему способствовали быстрый прогресс естественнонаучного образования в 80-е годы XIX в., огромная тяга молодежи к научным знаниям, побуждали юную гимназистку искать иной подход к социальным проблемам.

А между тем жизнь сама энергично вторгалась в судьбу любознательного подростка.

В 80-е годы в Королевстве Польском происходит бурное развитие капитализма. Аграрная реформа 1864 г., хотя и сохранила 54% земли в руках помещиков и ряд форм кабальной зависимости крестьянина от помещика, открыла пути развитию новых, капиталистических отношений как в городе, так и в деревне. Несмотря на то что промышленный переворот не закончился, в результате быстрой концентрации промышленности начинают возникать первые картели и синдикаты, на основе сращивания промышленного и банковского капитала образуется финансовый капитал.

[1] «Письма Розы Люксембург из тюрьмы». М., 1920, стр. 23—24.
[2] «Роза Люксембург. Из воспоминаний Б. Мархлевской». — «Красная нива», 1929, № 5, стр. 8.
[3] См. *И. В. Герчиков*. Указ. соч., стр. 32.

[1] «Роза Люксембург о литературе», стр. 184.
[2] См. «Письма Розы Люксембург из тюрьмы», стр. 23—24.
[3] «Роза Люксембург о литературе», стр. 77, 80.

За 1864—1885 гг. стоимость промышленной продукции возросла в Королевстве Польском более чем в шесть раз, а число рабочих в промышленности с 80 тыс. увеличилось до 140 тыс. человек. Возникли крупные промышленные предприятия, такие, как текстильное предприятие Шайблера в Лодзи, на котором работали 6 тыс. человек, или Познаньского с 2 тыс. человек. В Варшаве крупнейшими были металлообрабатывающие предприятия, среди которых на первом месте были заводы фирмы «Лильпоп, Рау и Левенштейн»[1].

Формирующийся пролетариат страдал и от капиталистической эксплуатации, и от недоразвития капитализма — уровень реальной зарплаты был значительно ниже, чем в странах Запада, рабочий день длился 11—16 часов, официальное регламентирование условий труда вводилось медленно. Весьма многочисленной категорией оставался полупролетариат, сочетавший работу в промышленности, на рудниках и шахтах с трудом на собственном клочке земли. Широко, особенно в сахароваренной и текстильной промышленности, были распространены старые, мануфактурные формы производства, означавшие особо жестокую эксплуатацию и низкий уровень зарплаты.

Острота социальных противоречий была очень велика и вскоре обнаружилась в выступлениях рабочего класса, который уже в 70-х годах развернул стачечную борьбу. Сначала это были оборонительные экономические стачки, цель которых была ограничить рабочий день, защититься от штрафов и снижения зарплаты. Однако варшавский генерал-губернатор запретил в 1871 г. забастовки и отдал распоряжение применять к рабочим жестокие репрессии в случае их выступления.

В условиях политического и экономического бесправия классовое самосознание пролетариата росло очень быстро. Росло и его национальное самосознание, ибо рабочий постоянно наталкивался на различные проявления национального угнетения — при переезде в город и трудоустройстве, на предприятиях, а также в суде, в администрации. Россия «в свинцовой атмосфере 80-х годов»[1] превращалась в узел острейших социальных и национальных противоречий. В Королевстве Польском проводились унификация системы управления с общероссийской государственно-правовой структурой, ликвидировавшая всякую автономию польских земель, политика подавления польской культуры и национальных традиций. Закрывались польские газеты. Суровая цензура не допускала публикации материалов, затрагивающих политические и культурные проблемы Королевства Польского. Музеям было даже запрещено выставлять картины на исторические темы.

В среде крепнувшей польской интеллигенции ширились оппозиционные настроения. Она протестовала против русификаторской политики, проводимой с 1879 г. попечителем Варшавского учебного округа А. Л. Апухтиным, который весьма ретиво осуществлял ликвидацию автономии образования в Королевстве Польском (его двадцатилетняя деятельность получила в истории польской культуры название «апухтинской ночи»). Особенно бурно реагировали студенческая молодежь и гимназисты в 1883—1884 гг. на антипольскую политику назначенного генерал-губернатором Привислянского края И. В. Гурко, последовательно и жестоко искоренявшего польский язык в системе управления, судопроизводства, образования, торговли и т. д. Глубокое возмущение вызывала широко развернувшаяся в 1885 г. русификация школы в деревне, нацеленная на нейтрализацию четко наметившегося на грани 70-х и 80-х годов XIX в. роста польского национального самосознания, на резкое ограничение просветительской деятельности польской интеллигенции, старавшейся расширить систему подпольного обучения[2].

Эти меры касались самым непосредственным образом гимназистов, ибо в гимназиях все более ограничивались права польского языка, а с 1885 г. уже ни один предмет, включая родной язык, не преподавался на этом языке. Это вызывало естественное

---

[1] «Historia Polski», t. II, cz. 1. Warszawa, 1967, s. 383, 389, 397; *St. Kieniewicz*. Historia Polski, t. II. Warszawa, 1969, s. 290.

[1] «Роза Люксембург о литературе», стр. 153.

[2] «Historia Polski», t. III, cz. 1, s. 433; *K. Groniowski*. Kwestia agrarna w Królestwie Polskim, 1871—1924. Warszawa, 1966, s. 170—172.

негодование молодежи, еще более усиливало атмосферу национального антагонизма и враждебности по отношению к учителям в классах, где существовала полицейская система надзора за учащимися, построенная на доносах и слежке. Вполне понятно поэтому, почему в аттестате Розы Люксембург по русскому языку и русской истории проставлены оценки «четыре». К моменту получения аттестата зрелости за ней прочно закрепилась репутация непозволительного вольномыслия и оппозиционности к политике гимназического начальства, в результате чего она не получила золотой медали, несмотря на прекрасные успехи. Так гимназия дала Розе Люксембург первый серьезный социальный урок.

Однако не только в гимназии формировались вольнолюбивые настроения молодежи. Они питались общей обстановкой середины 80-х годов: зимой 1885 г. рабочий класс заявил о своих нуждах, выйдя на улицы Варшавы на первую массовую демонстрацию. Эти настроения крепли и развивались в полулегальных кружках самообразования. В них обычно кто-либо из старших товарищей, преимущественно студентов, преподавал запрещенные в гимназии польскую историю и литературу, здесь читались лекции по естественным наукам и медицине. Роза принадлежала к кружку К. Щепаньского[1], известного лекциями по физике и политэкономии. В этом кружке, как и в некоторых других, обсуждались и социальные проблемы. Оппозиционные настроения молодежи способствовали распространению в ее среде различных социальных учений, чаще всего идей утопического, но нередко и научного социализма, как правило воспринимаемых через морально-этическую призму. Гимназистке Розе Люксембург со свойственной ее возрасту экзальтированностью также какое-то время было присуще подобное восприятие. Об этом свидетельствует надпись на обороте фотографии, подаренной школьной подруге. Четким, решительным почерком на ней выведено: «Моим идеалом является такой социальный строй, при котором можно было бы с чистой совестью любить всех. Стремясь к нему и во имя его, может, я могу ненавидеть. Ты этого никогда не сможешь и напрасно так рано родилась»[1].

[1] О принадлежности Р. Люксембург к кружкам «Второго Пролетариата», и в частности к кружку Щепаньского, есть сведения в воспоминаниях А. Варского, Ст. Бобиньского, в трудах Л. Кульчицкого, в показаниях Ш. Михалковского (*J. W. Borejsza.* Powstanie II Proletariatu i początki jego działalności. — «Z pola walki», 1958, N 2, s. 40).

Формирующиеся воззрения Розы Люксембург быстро вышли за рамки мелкобуржуазного радикализма и интеллигентской оппозиционности, господствовавших среди гимназической молодежи. Она смогла чутко отреагировать на острейшие проблемы эпохи — не только национальные, но и социальные. Более того, она оказалась в ряду тех, кто искал действенные методы реализации складывавшихся идеалов. Это был период ее быстрого идейно-политического развития, созвучного процессам созревания основного политического противоречия эпохи — противоречия между трудом и капиталом, которое стало все острее проявляться в польских землях[2].

Польский рабочий класс за короткий срок прошел сложный путь превращения в социальную силу, преодолевая трудности, вызванные особенностями его формирования в условиях сохранения значительных остатков феодальных отношений, полицейских репрессий и национального угнетения. Увеличение его численности, быстрая концентрация сопровождались ростом классового самосознания. Рабочий класс начал осознавать свои самые насущные задачи, необходимость бороться за специфические классовые интересы, за удовлетворение экономических требований, за основные политические права.

Со второй половины 70-х годов в польских землях все более распространялась социалистическая пропаганда, возникали первые социалистические кружки, деятельность которых отражала рост классовых противоречий в обществе. Участники первых кружков польских социалистов были связаны с народниками. Однако наряду с теориями утопического социализма уже пробивали себе дорогу идеи марксизма. Кружки

[1] *R. Luksemburg.* Listy, t. I, вклейка между II и III, а также XXXII и XXXIII стр.

[2] По словам Р. Люксембург, она бросила учиться музыке, ибо «тогда считала это буржуазным занятием», «да и рано стала заниматься рабочим движением, не хватало времени» (*Н. Семковская (Ирена Нэольская).* Роза Люксембург. Харьков, 1925, стр. 10).

периодически становились жертвой царских жандармов, но на их месте возникали новые, постепенно все шире включавшие в свой состав рабочих и ремесленников.

Часть первых польских социалистов, спасаясь от преследований, осела в Женеве, где стала издавать первые польские социалистические журналы «Рувнощь» и «Пшедсвит». Теоретическая деятельность группы издателей этих журналов стала основой возникновения в польских землях первой марксистской, интернационалистской партии «Пролетариат», которая сформулировала в своей программе (1882 г.) задачи свержения капитализма и установления социалистического строя в союзе с революционным движением России. Однако вскоре этой партии был нанесен тяжелый удар. Руководитель «Пролетариата» Людвик Варыньский был заточен в Шлиссельбургскую крепость, где и умер. Довольно широкая сеть рабочих и интеллигентских кружков, а также типографии «Пролетариата» были разгромлены вскоре после первой рабочей демонстрации, состоявшейся в Варшаве 2 марта 1885 г. В январе 1886 г. в Варшавской цитадели были повешены видные деятели «Пролетариата» Ст. Куницкий, П. Бардовский, Я. Петрусиньский и М. Оссовский. Новая волна репрессий летом 1886 г. привела к окончательному разгрому партии.

В кружках 1887—1888 гг. вновь ожили лучшие марксистские, интернационалистские традиции «Пролетариата» благодаря установлению контактов с женевским филиалом партии «Пролетариат», продолжавшим издавать журналы «Валька кляс» («Борьба классов»), «Пролетариат» и другие, благодаря распространению произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, а также другой марксистской литературы, в том числе хороших популярных брошюр вроде брошюры Я. Млота (Шимона Дикштейна) «Кто чем живет», названной В. И. Лениным образцом массовой пропагандистской брошюры[1]. Эти традиции сосуществовали с мелкобуржуазно-утопическими воззрениями, опиравшимися на идеи Фурье, Оуэна, Сен-Симона, на лассальянство, буржуазно-либеральные концепции и т. д.

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 46, стр. 270, 274.

Члены молодежных кружков постепенно стали налаживать пропагандистскую работу на фабриках и даже среди крестьян.

Среди варшавских кружков, которые функционировали в год окончания Розой Люксембург гимназии, особенно выделялся кружок в Высшей торговой школе Кроненберга, который в течение ряда лет посещал вместе с Л. Кульчицким, В. Назембло, Ст. Кассьюшем и другими К. Щепаньский[1]. В этом кружке, где изучалась политэкономия, был особенно велик интерес к социальным проблемам и марксистские воззрения пускали прочные корни. Но у многих членов кружка взгляды содержали лишь элементы марксизма. Часто преобладали радикально-демократические требования.

Обсуждение социальных проблем сочеталось с типичным для всех молодежных кружков поиском путей решения польского вопроса. У ряда участников кружка складывалось убеждение, что решение национального вопроса является первоочередным; другие считали, что следует брать курс на реализацию социальной программы, исходя из того, что социализм покончит со всяким гнетом, в том числе и с национальным[2]. Эти проблемы были жизненно важными для формирования идеологических позиций зарождавшегося польского социал-демократического движения.

Участники кружка в Высшей торговой школе установили контакты с другими кружками. В начале 1888 г. этот кружок вместе с рабочими кружками, патронируемыми спасшимся от ареста и вернувшимся в конце 1887 г. в Варшаву старым «пролетариатцем» Марчином Каспшаком, стал основой организации «Второй Пролетариат».

Во «Втором Пролетариате» продолжались споры вокруг проблемы выдвижения демократических требований, особенно по национальному вопросу. Итог этих споров был следующим. «Мы решили, — пишет Л. Кульчицкий, — выдвинуть требование конституции с автономией для Королевства... В отношении независимости Польши мы были по-прежнему в принципе

[1] *L. Kulczycki.* Dokoła mego życia. Cz. I. 1866—1893. Biblioteka Narodowa, rkps. IV 6384.
[2] Там же, стр. 51, 79, 83, 84, 133.

за нее, но в настоящее время мы не считали необходимым выдвигать ее как ближайшую цель»[1].

Так, с самого начала перед польским рабочим движением со всей остротой стояла задача сочетания борьбы за социальное и за национальное освобождение.

Роза Люксембург, связанная с К. Щепаньским, о котором известно, что эти вопросы остро волновали его и он написал даже специальную работу в тюрьме на эту тему, сразу оказалась в гуще названных проблем. Не без влияния К. Щепаньского (противника террора и создателя рабочей кассы взаимопомощи на случай конфликтов с предпринимателями) в ней постепенно зрело убеждение, что именно пролетариат является классом, которому принадлежит будущее, что именно его классовые интересы определяют социальный прогресс. Под влиянием марксистской литературы, изданной женевской редакцией «Вальки клясс», она стала сторонницей революционных марксистских традиций «Пролетариата». Своим кредо она выбрала положение, сформулированное в издании этой редакции «С поля вальки» следующим образом: «Принимая во внимание, что интересы эксплуатируемых нельзя примирить с интересами эксплуататоров и что они ни в коем случае не могут идти по одному пути во имя фиктивного национального единства, принимая во внимание, что, наоборот, интересы как городских рабочих, так и трудящихся деревни общи, — польский пролетариат совершенно отмежевывается от привилегированных классов и вступает с ними в борьбу как самостоятельный класс, имеющий свои, совершенно особые экономические, политические и моральные стремления»[2]. Несколько позднее она цитировала это положение как самое близкое ей, определяющее идейно-политические позиции «Пролетариата», в специальной работе «Памяти «Пролетариата»»[3]. Не вызывает сомнений, что она хорошо знала об интенсивных контактах «Второго Пролетариата», особенно в деле издания и транспортировки нелегальной литературы, с российскими революционерами: активным участником этого был К. Щепаньский, который как прусский подданный и торговый агент имел значительную свободу передвижения[1]. Среди членов партии живы были интернационалистские традиции «Пролетариата» — традиции польско-русского революционного союза.

[1] *L. Kulczycki.* Op. cit., s. 189.

[2] «Z pola walki». Genewa, 1886, s. 29; *L. Kulczycki.* Op. cit., s. 188.

[3] *Р. Люксембург.* Памяти «Пролетариата». Харьков, 1926, стр. 6.

Лето 1888 г. было в истории «Второго Пролетариата» критическим. Террористические акты, совершенные членами организации (увлечение террором досталось «Второму Пролетариату» от позднего «Пролетариата» и «Народной воли»), привели к тому, что в октябре 1888 г. на партию обрушились аресты. В ноябре был арестован К. Щепаньский. Это вынудило Розу Люксембург сначала скрыться в провинции, где она тяжело заболела воспалением легких, а затем бежать за границу. Как известно, политический режим в Королевстве Польском был в это время очень жестоким. По указу царя с 1879 г. генерал-губернатор получил право передачи гражданских лиц военному суду, а также высылки без суда всех неблагонадежных, пребывание которых в Королевстве Польском он посчитает вредным.

Через пограничную реку Розе Люксембург помог перебраться М. Каспшак. Этот факт интересен и потому, что он является в некотором роде косвенным свидетельством близости Розы к рабочей среде «Второго Пролетариата». М. Каспшак был известен как противник увлечения террористическими актами, как энергичный сторонник массового рабочего движения. Эта его позиция не могла не оказать на Розу определенного воздействия.

Роза Люксембург пересекла границу с Германией. Целью ее путешествия был Цюрих.

В ШВЕЙЦАРСКОЙ ЭМИГРАЦИИ. ФОРМИРОВАНИЕ МАРКСИСТСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ. «СПРАВА РОБОТНИЧА» — НАЧАЛО СДКПиЛ

Первое поколение польских революционеров уже проторило дорогу в Швейцарию. Во времена «Пролетариата» и «Второго Пролета-

[1] *J. W. Borejsza.* Op. cit., s. 48.

риата» Швейцария стала прибежищем и базой деятельности актива этих партий. Для нужд польского социалистического движения издавались работы основоположников марксизма, массовая агитационная литература, революционные периодические издания. Роза Люксембург могла рассчитывать здесь на встречу с соратниками и единомышленниками. Ее выбор настоятельно диктовался тем, что к этому моменту она уже была по характеру, по сложившимся интересам борцом за дело пролетариата. В осуществлении ее намерений незаменимую помощь мог оказать М. Каспшак, который неоднократно бывал в Швейцарии, где работал наборщиком в типографии, печатавшей польские революционные издания.

Для вчерашней гимназистки, которая на родине практически полностью была лишена возможности продолжать образование, особенно привлекателен был Цюрих, известный своими университетом и политехническим институтом и в котором сосредоточилось большинство польских студентов, обучающихся за границей.

Роза прибыла в Цюрих и поселилась сначала по адресу Нелькенштрассе, 5, а затем по адресу Университетштрассе, 79. Однако для поступления в университет нужны были деньги: за слушание лекций следовало заплатить около 250 франков, за получение диплома — еще 200 франков; экзамены также были платными[1]. Ее выручили товарищи, собравшие некоторую сумму.

В 1890/91 учебном году Р. Люксембург стала заниматься на факультете общественно-политических наук Цюрихского университета. Она посещала семинарские занятия, слушала лекции по истории философии, экономическим дисциплинам, в том числе по политэкономии и статистике, по обществоведению, читала философскую и педагогическую литературу. Одновременно Роза с удовольствием занималась математикой и естественными науками. Однако больше всего ее влекли социальные проблемы, возможность исследовать и познать механизмы и законы развития человеческого общества. Бронислава Мархлевская, которая работала в Интернациональном союзе студенток, пишет в воспоминаниях: «Помню, ко мне обратились товарищи с просьбой о том, чтобы достать Розе средства на учение. «Роза, — говорили они, — хрупкий, болезненный человек. Средств она не имеет, заработка тоже. Но нужно, чтобы она окончила учение, так как все мы считаем ее исключительно талантливой революционеркой»»[1].

[1] *B. Wróblewska.* Julian Marchlewski na emigracji w Zurychu. — «Z pola walki», 1966, N 2, s. 20.

7 мая 1892 г. Роза Люксембург была официально зачислена в университет. В торжественном свидетельстве «от имени цюрихского народа и его высокого правительства» ректор и сенат Цюрихского университета предписывали изучающей философию студентке Р. Люксембург «из Варшавы, Русская Польша», учиться «с усердием и рвением»[2]. Пожалуй, для Розы такое напоминание было излишним. Она была одной из наиболее активных и приметных студенток, особенно в семинаре по обществоведению, которым руководил молодой, но уже известный профессор Юлиус Вольф, издавший в 1892 г. монографию «Социализм и капиталистическое общественное хозяйство»[3] и превративший политэкономию в один из основных предметов на факультете. Роза, по воспоминаниям Ю. Мархлевского, «отличалась не только солидными знаниями, но также и блестящей диалектикой, что проявлялось в частых спорах с профессором политической экономии Юлианом Вольфом, ярым противником марксизма. Мы просто устраивали спорт: я бывало навожу уважаемого профессора на скользкую для него тему, а потом мы во всеоружии марксизма доказываем ему, что он ни бельмеса в этих вещах не смыслит»[4]. Более того, Роза написала для семинара Ю. Вольфа работу о теории промышленной резервной армии и теории фонда заработной платы, резко полемизирующую с его воззрениями. Впоследствии Вольф вынужден был признать Розу Люксембург «способнейшей ученицей» своего семинара, уже сформировавшейся как марксист[5]. Зато она удру-

[1] «Красная нива», 1929, № 5, стр. 8.
[2] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 209, оп. 1, д. 1373, л. 1.
[3] *J. Wolf.* Sozialismus und kapitalistische Gesellschaftsordnung. Stuttgart, 1892.
[4] «Роза Люксембург», стр. 20.
[5] «Die Volkswirtschaftslehre der Gegenwart in Selbstdarstellungen». Bd. 1. Leipzig. 1924, S. 220.

ченно писала после встречи с ним в июле 1898 г.: «...он там уже снова поглупел, вся наша работа над ним пропала без следа»[1].

Одновременно с усиленными занятиями по программе университета Роза систематически штудировала произведения К. Маркса и Ф. Энгельса. Впервые после разрозненного чтения отдельных марксистских работ, тайно передаваемых в Варшаве из рук в руки участниками «Второго Пролетариата»[2], она получила возможность по-настоящему глубоко и обстоятельно изучать марксистскую теорию. Незаурядные способности позволили Розе Люксембург быстро сделать успехи в этой области. Чтение работ основоположников марксизма захватывало ее все больше, ибо учение К. Маркса органически соединяло в себе революционность и строгую научность. «Непреодолимая привлекательная сила, которая влечет к этой теории социалистов всех стран, в том и состоит, — писал В. И. Ленин, — что она соединяет строгую и высшую научность (являясь последним словом общественной науки) с революционностью, и соединяет не случайно, не потому только, что основатель доктрины лично соединял в себе качества ученого и революционера, а соединяет в самой теории внутренне и неразрывно»[3].

Большую помощь в овладении основами марксизма Розе оказал поселившийся в Цюрихе со времен бисмарковского закона против социалистов немецкий социал-демократ Карл Любек. В его доме она жила некоторое время, радушно принятая Олимпией Любек, полькой по происхождению, связанной ранее с «Пролетариатом»[4]. Ю. Мархлевский указывает, что К. Любек, к тому времени уже парализованный, отличался выдающимся умом и большими знаниями и что Роза, записывавшая под диктовку его статьи и постоянно беседовавшая с ним, обязана ему многим.

---

[1] *R. Luksemburg*. Listy, t. 1, s. 238.

[2] «Читали, я бы сказал, — вспоминает Варский, — слишком много и слишком, прежде всего, хаотично, без системы, в результате чего не все можно было переварить» (*A. Warski*. Wybór pism i przemówień, t. 2. Warszawa, 1958, s. 270).

[3] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 341.

[4] *F. Tych*. Słowo wstępne: R. Luksemburg. Listy, t. 1, s. XXXIII.

Особенно творческий характер ее занятия марксизмом приобрели с возникновения в 1892 г. в Цюрихе кружка, объединявшего ряд будущих крупнейших польских марксистов того времени, как бы олицетворявших собой опыт всех существовавших польских рабочих партий и организаций. Это были студенты — представители поколения наследников «Пролетариата», участники нелегальных кружков второй половины 80-х годов, члены «Второго Пролетариата», основатели созданного в 1889 г. «Союза польских рабочих». Кроме Розы Люксембург в кружок входили: учившийся в 1891 г. в политехническом институте Бронислав Весоловский, исключенный из гимназии за нелегальную работу среди молодежи и активно действовавший до призыва в армию в «Союзе польских рабочих»; основатель «Союза польских рабочих» Юлиан Мархлевский, выпущенный под залог из X павильона Варшавской цитадели и приехавший весной 1893 г. в Цюрих; Лев (Леон, Лео) Иогихес, учившийся в то время вместе с Розой на факультете общественно-политических наук, революционер из Вильно, руководитель сети кружков, одновременно занимавшийся транспортировкой нелегальной литературы «Второго Пролетариата» и русских революционных организаций. Л. Иогихес сыграл важную роль в жизни Розы Люксембург как ее ближайший соратник и муж (брак с которым она в течение полутора десятков лет должна была держать в тайне от всех, кроме своей семьи, ибо он в силу ряда причин не был оформлен официально). Будучи сыном богатого купца, он быстро порвал со своей средой, бросив после окончания 6-го класса гимназию и устроившись на работу в слесарную мастерскую. В 1888 г. он был арестован за антиправительственную пропаганду среди рабочих и приговорен к четырем месяцам тюрьмы и году гласного надзора полиции, но сумел бежать в мае 1890 г. в Швейцарию. Здесь Л. Иогихес жил под псевдонимом «Казимеж Грозовский» и некоторое время сотрудничал с группой «Освобождение труда» в деле издания нелегальной литературы, пока весной 1892 г. не поссорился с Г. В. Плехановым. Знакомство с Розой Люксембург оказало решающее воздействие на направление его интересов. Человек,

по свидетельству Ю. Мархлевского, очень способный, весьма начитанный и ориентирующийся в самых сложных вопросах, Л. Иогихес (позднее больше известный в российском и германском рабочем движении под псевдонимом «Ян Тышка») всю последующую жизнь, а точнее, до первой мировой войны, отрезавшей его от Королевства Польского, львиную долю своих сил уделял польскому социал-демократическому движению.

Занятия кружка посещали также студент политехнического института Казимеж Ратыньский, студент факультета естественных наук, впоследствии известный писатель Вацлав Берент, будущий крупный психолог и философ Владыслав Хайнрих и другие, в том числе эмигрировавшая рабочая молодежь. С цюрихским кружком поддерживал контакт активный деятель «Пролетариата» и «Союза польских рабочих» Адольф Варшавский-Варский, выпущенный из тюрьмы в конце 1892 г. под залог и выехавший в Париж.

В этом кружке, одном из многих польских кружков, существовавших в пестрой в политическом отношении цюрихской эмиграции, сосредоточились представители Королевства Польского — наиболее развитой в промышленном отношении части польских земель, где классовые противоречия достигли большей остроты, где социалистическое движение было самым сильным и где в начале 90-х годов рабочий класс развернул массовые стачечные бои. Сфера интересов участников этого кружка была совершенно определенной — они в большинстве своем еще в Варшаве прочли «Что делать?» Н. Г. Чернышевского, зачитывались философской и социологической литературой, позволявшей познать основы диалектического и исторического материализма и отвергнуть различные немарксистские школы и школки. Особенно основательно они штудировали политэкономию, прежде всего первый том «Капитала» К. Маркса. У Ю. Мархлевского, например, во время ареста в ноябре 1891 г. была найдена рукопись начатой им работы о Марксовой теории стоимости[1], у А. Варского — заметки по

[1] *Ф. Тыс, Х. Шумахер.* Юлиан Мархлевский. М., 1969, стр. 91.

рабочему вопросу и социологии, в том числе работа «О факторах общественных явлений», и т. д.[1]

Участников кружка не обошли стороной и споры российских марксистов с народниками: они читали труды представителей либерального народничества В. П. Воронцова и Н. К. Михайловского, изучали работы Г. В. Плеханова. «Примерно в это самое время, — вспоминает А. Варский, — в наши руки попали брошюры Плеханова — «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия»»[2]. Спор вокруг проблемы развития капитализма в России рассматривался в польских нелегальных кружках как внешний, ибо «существование и развитие капитализма в Польше давно уже было слишком реальным фактом, чтобы оно могло остаться незамеченным»[3], как в городе, так и в деревне. Зато в отношении путей развития России среди польской молодежи бытовали самые различные концепции. Находились и последователи либеральных народников, отрицавшие подобно В. Гизберт-Студницкому возможность прохождения России через капиталистическую фазу развития. Члены цюрихского кружка, объединявшиеся вокруг Р. Люксембург, Б. Весоловского и Ю. Мархлевского, не разделяли этих увлечений народничеством, что неоднократно выражали, особенно Ю. Мархлевский, на страницах печати. Зато они поддерживали Г. В. Плеханова, его марксистскую концепцию путей развития капитализма в России. Правда, отношения с Г. В. Плехановым у них, особенно после ссоры его с Л. Иогихесом, складывались не наилучшим образом, но Роза Люксембург по достоинству оценила его обаяние и колоссальную марксистскую эрудицию, хотя и чувствовала себя рядом с ним недоучкой, не обладавшей достойным собеседника блеском[4]. Ее расхождения с Плехановым относятся ко времени Цюрихского и Лондонского конгрессов II Интернационала и связаны с трактовкой национального вопроса.

[1] *T. Feder.* Z działalności Adolfa Warskiego w szeregach SDKPiL. — «Z pola walki», 1959, N 1, s. 183.
[2] *A. Warski.* Wybór pism i przemówień, t. 2, s. 271.
[3] Там же.
[4] *R. Luksemburg.* Listy, t. 1, s. XVII.

Роза Люксембург и ее товарищи с увлечением изучали труды К. Маркса и Ф. Энгельса, овладевая историческим материализмом и диалектическим методом. Отвергнув господствовавшую в то время в польских землях философию позитивизма, они старались охватить всю систему идей марксизма — и философских, и политических, и правовых, и нравственных, и эстетических, и атеистических. Они рассматривали марксизм как духовное оружие пролетариата, как его орудие в деле перестройки мира. С позиций марксизма они изучали направление общественного развития, прежде всего закономерности функционирования и ликвидации капиталистического строя. Польские революционеры руководствовались тем марксистским положением, которое очень точно сформулировал В. И. Ленин: «...прямая задача науки, по Марксу, это — дать истинный лозунг борьбы, т. е. суметь объективно представить эту борьбу, как продукт определенной системы производственных отношений, суметь *понять* необходимость этой борьбы, ее содержание, ход и условия развития»[1].

Польское рабочее движение, проходившее этап идейно-политического становления, требовало изучения не только общих законов общественного развития, но и их конкретного проявления в данных исторических условиях. Необходим был тщательный анализ конкретных социально-экономических процессов как основы для научного понимания будущего, для разработки программы и стратегии пролетарской партии. Не удивительно, что в центре внимания кружка вскоре оказались проблемы развития польской капиталистической экономики, ее специфики и противоречий. В. И. Ленин писал позднее, что преобладающий интерес к той или другой стороне марксизма зависит «не от субъективных желаний, а от совокупности исторических условий...» — «при богатстве и разносторонности идейного содержания марксизма ничего нет удивительного в том, что в России, как и в других странах, различные исторические периоды выдвигают особенно вперед то одну, то другую сторону марксизма. В Германии до 1848 года особенно выдвигалось философское формирование

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 341.

марксизма, в 1848 году — политические идеи марксизма, в 50-ые и 60-ые годы — экономическое учение Маркса. В России до революции особенно выдвинулось применение экономического учения Маркса к нашей действительности...»[1] Это последнее положение с полным успехом может быть отнесено и к польской марксистской мысли, а конкретно — к цюрихскому кружку, в котором очень скоро руководящую роль стала играть Роза Люксембург. «Создать теоретическое обоснование польского марксизма, польского социал-демократического движения выпало на долю Розы Люксембург, — вспоминает Ю. Мархлевский, — тогда приходилось затратить огромный труд, чтобы проложить путь этим идеям. Роза Люксембург проявила сразу выдающийся публицистический талант и блестящие теоретические дарования, и мы охотно признали ее своим теоретическим руководителем»[2].

Авторитет Розы, которой в это время было чуть больше двадцати лет, складывался не только из того, что при свойственной ей глубине и силе мысли она усвоила и ярко и убедительно пропагандировала основы марксистской теории общественного развития (кстати, это она делала и в нескольких кружках политического самообразования, организованных ею, по свидетельству Б. Мархлевской, среди цюрихской молодежи[3]). И не только из того, что именно она написала в 1892 г. две агитационные первомайские брошюры, содержавшие яркий призыв к революционно-массовой борьбе рабочего класса, ставшие классическими в этом жанре и неоднократно переиздававшиеся.

Огромное значение имело то, что ее подход к задачам польского рабочего движения был подлинно научным, марксистским. Опираясь на марксистскую методологию, она постоянно подчеркивала важность анализа закономерностей польского исторического процесса, выявления новых определяющих тенденций его развития. С позиций исторического материализма она изучала коренные социально-экономические и политические проблемы, переходя от них к выяснению путей и перспектив польского революю-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 20, стр. 128.
[2] «Роза Люксембург», стр. 17, 18.
[3] «Красная нива», 1929, № 5, стр. 8.

ционного процесса. Эта направленность ее мышления ярко проявилась в докторской работе «Развитие промышленности в Польше» (1897 г.). Однако лежащая в основе этой работы научно-теоретическая концепция сформировалась по крайней мере на четыре года раньше, подтверждением чему служат статьи в основанной летом 1893 г. газете «Справа роботнича» и отчет о состоянии польского рабочего движения в 1889—1893 гг., написанный для Цюрихского конгресса II Интернационала (июль 1893 г.).

Роза Люксембург аргументированно утверждала, что капитализм быстро развивается как в России, Германии и Австро-Венгрии, так и в польских землях. Социально-экономические процессы в этих землях, входивших в состав трех государств, тесно связаны с их капиталистическим развитием. Эти связи делаются все крепче, возникают более прочные контакты и взаимодействие буржуазии угнетающей и угнетенной нации, особенно перед лицом растущего рабочего движения. По мере обострения противоречий между буржуазией и пролетариатом становятся первостепенными интересы классовой борьбы, а общепольское восстание против инонациональных угнетателей — мечта шляхетских революционеров — делается невозможным. В силу этого польский пролетариат должен выработать такую программу политической и экономической борьбы, которая обеспечивала бы совместную с русскими, немецкими, австрийскими рабочими деятельность в широких рамках социал-демократических партий этих государств. Эта деятельность должна была быть подчинена решению классовых задач пролетариата в условиях каждой из этих стран. В отличие от концепции партии «Пролетариат» это была значительно более зрелая концепция, основанная на опыте, приобретенном к тому времени польским рабочим движением.

К лету 1893 г. польское революционное рабочее движение уже в основном переболело увлечением как одной социалистической пропагандой и террором, так и организацией только экономической борьбы (это показал анализ, проделанный Розой Люксембург[1]).

[1] *F. Tych.* Związek Robotników Polskich. Warszawa, 1974, s. 419—420, 430—436.

В нем созрел вывод о необходимости органического сочетания политической и экономической борьбы.

Роза Люксембург вместе со своими соратниками выработали принципы создания в Польше социал-демократических организаций и предложили основы марксистской программы для борьбы рабочего класса в одной из частей польских земель — в Королевстве Польском. Именно с этих позиций был написан отчет Розы Люксембург (от имени редакции «Справы роботничей») для Цюрихского конгресса II Интернационала.

В марте 1894 г. в Варшаве при активном участии членов цюрихского кружка Б. Весоловского (с осени 1893 г. исполнявшего функции секретаря Главного правления) и К. Ратыньского состоялся I съезд польской социал-демократии, который четко сформулировал политическую линию партии, ее программу-минимум и программу-максимум, проникнутые последовательным пролетарским интернационализмом. Так же как это было сделано на страницах «Справы роботничей» и в отчете ее редакции Цюрихскому конгрессу, съезд признал конечной целью движения взятие политической власти пролетариатом, ликвидацию капитализма и утверждение социалистического строя, обобществление средств производства. Программа-минимум включала свержение самодержавия, введение демократической конституции и т. д.[1] Польские социал-демократы, а в их числе прежде всего Роза Люксембург, путем научного анализа объективных тенденций исторического развития доказали, что рабочее движение в Королевстве Польском становится частью назревающего общероссийского революционно-освободительного движения, мощность которого будет неуклонно нарастать.

Тезис об общности пути и перспектив рабочего движения в Королевстве Польском и во всей Россий-

[1] «Socjaldemokracja Królestwa Polskiego i Litwy. Materiały i dokumenty», t. I, cz. I. Warszawa, 1957, s. 1, 5, 21, 29, 177—183. Собственно, съезд утвердил программные установки и перечень требований, а их обработку и редактирование поручил по предложению Б. Весоловского редакции «Справы роботничей». Эта же редакция подготовила проекты резолюции съезда, привезенные в Варшаву К. Ратыньским (там же, стр. 174, 183, 187—189). Изданием газеты с января 1894 г. занималась одна Р. Люксембург (там же, стр. 128).

ской империи стал одним из основополагающих программных положений Польской социал-демократии. Вскоре по совету редакции «Справы роботничей» название «Польская социал-демократия» было заменено на «Социал-демократия Королевства Польского (СДКП)», чтобы подчеркнуть, как писал позднее Ю. Мархлевский, «что мы, согласно своей теории, строим организацию на определенной территории, именно в той части Польши, где пролетариату приходится бороться рука об руку с пролетариатом всей России»[1]. Это отнюдь не означало, что польских социал-демократов и лично Розу Люксембург не интересовало рабочее движение в других польских землях, что они были безразличны к судьбе рабочего класса других польских территорий и не принимали участия в его борьбе. Вначале особенно тесно связанная с партией, действовавшей в течение ряда лет почти исключительно в Королевстве Польском, Р. Люксембург вскоре приняла самое активное участие в организации борьбы рабочего класса в б. Познанском княжестве и в Верхней Силезии. Равным образом в течение ряда лет Р. Люксембург поддерживала постоянные контакты с Галицией, а в своих работах касалась положения в этой части польских земель, специфики ее классовой структуры и рабочего движения. Она неоднократно писала о принципах деятельности польских рабочих партий в Германии и Австро-Венгрии, о необходимости их тесного сотрудничества с германской и австрийской социал-демократией.

Итоги научного анализа перспектив революционного процесса в польских землях, предпринятого польскими социал-демократами, являлись весьма существенным, основополагающим вкладом в идейно-политическое развитие рабочего движения во всех польских землях.

1893 год стал годом окончательной кристаллизации двух идейно-политических течений в польском рабочем движении, временем их принципиального размежевания на базе предварительного организационного сближения сохранившихся групп и кружков

[1] «Роза Люксембург», стр. 19.

«Второго Пролетариата» и «Союза польских рабочих».

Почти одновременно с Польской социал-демократией организационно оформилось другое течение, отражавшее болезни рабочего движения, развертывавшегося в условиях национального угнетения в полуфеодальных монархиях. Оно выдвинуло на первое место задачу национального освобождения, а классовые задачи пролетариата отодвигало все более на задний план. Тем самым сложился основной идейно-политический водораздел в польском рабочем движении, сохранявшийся в течение десятилетий. В эту партию, получившую название Польской социалистической партии (ППС), вошел ряд радикально настроенных интеллигентов, являвшихся носителями шляхетских и мелкобуржуазных освободительных традиций в сочетании с элементами социалистической идеологии, а также часть революционеров, которая, недооценивая значение собирания сил рабочего движения в России после Морозовской стачки, поторопилась сделать заключение о бессмысленности ориентации на союз с ним (Б. Лимановский, Ст. Мендельсон, В. Иодко-Наркевич, Ф. Перль и др.). Подчинение классовых интересов пролетариата национальным задачам привлекло в эту партию националистов и соглашателей и способствовало усилению позиций национализма в рабочем движении. С другой стороны, внутри ППС шла постоянная борьба, происходила кристаллизация и выделение революционно-пролетарских элементов.

Цюрихский конгресс II Интернационала (август 1893 г.) стал первой политической и одновременно международной ареной, на которой заявили о себе одновременно оба течения в польском рабочем движении. Большинство делегатов — лидеров ППС имели старые связи в международной рабочей организации и без большого труда опротестовали мандат Розы Люксембург от вышедшей к тому моменту всего лишь первым номером «Справы роботничей», применив клеветнический прием — поставив под сомнение политическую честность ее редактора. На самом же деле, получив накануне заседаний в числе других материалов представленный Розой Люксембург доклад, они посчитали неприемлемой ее последовательно интерна-

ционалистскую позицию. В результате польскую социал-демократию представлял один Ю. Мархлевский (Карский), получивший мандат не только от «Справы роботничей», но и непосредственно от польских рабочих. Авторитет ряда известных II Интернационалу польских социалистов во главе с И. Дашиньским в тот момент победил, но блестящая защита Розой позиций зарождающейся польской социал-демократии не могла не запомниться. «Эту крошечную особу необходимо было поставить на стол для того, чтобы участники конгресса могли ее слышать и видеть, — передавала эти события позднее, в январе 1919 г., Луиза Каутская, — но не было почти ни одного среди них, кому не стало бы сразу ясно, что в этом маленьком невзрачном тельце живет исполинский дух»[1].

Г. В. Плеханов, несмотря на то что Роза Люксембург обратилась к нему с разъяснением своей позиции[2], не понял и не поддержал ее на конгрессе. Более того, будучи последовательным противником угнетения Польши, но не разбираясь в идейно-политической борьбе, развернувшейся в польском рабочем движении, он до 1896 г. руководствовался в известной степени личной неприязнью к Л. Иогихесу и поддерживал деятелей ППС. Так, во время празднования 14 мая 1894 г. в Цюрихе юбилея восстания под руководством Т. Костюшки он выступил «после острой, как бритва, и блестящей, как серебро, речи Розы»[3] и занял, по свидетельству А. В. Луначарского, компромиссную позицию. Р. Люксембург в это время активно стремилась привлечь на свою сторону Г. В. Плеханова, но и не упускала случая открыто полемизировать с его взглядами по польскому вопросу. Б. Мархлевская, лично познакомившаяся с Розой Люксембург в 1893 г., пишет: «В этот период я могла наблюдать Розу как блестящего полемиста. Тогда в Цюрих довольно часто наезжал Плеханов. Его лекции пользовались огромной популярностью среди студенчества. Роза была его всегдашней оппоненткой.

[1] Цит. по: *И. В. Герчиков.* Указ. соч., стр. 83.
[2] Об этом он писал в письме Ф. Энгельсу от 16 мая 1894 г. — «Под знаменем марксизма», 1923, № 11—12, стр. 19.
[3] *А. Луначарский.* Несколько встреч с Г. В. Плехановым. — «Под знаменем марксизма», 1922, № 5—6, стр. 88.

Своим горячим темпераментом, логически стройной аргументацией и большим теоретическим багажом она смело боролась с сильным противником»[1].

Определяющие идейно-политические позиции польской социал-демократии вырабатывались и формулировались, предваряя оформление программы партии на I съезде в Варшаве, газетой «Справа роботнича». Газета выходила с июля 1893 по июль 1896 г. в Париже на средства Л. Иогихеса. Роза Люксембург несла на себе все основные авторские и организационно-редакторские обязанности по ее изданию при активном участии А. Варского, Ю. Мархлевского и особенно Л. Иогихеса. Она собирала и писала материалы, компоновала номера, ездила в Париж к издателю, работала с корректурами и получала тираж. По подсчетам Я. Качановской и Ф. Тыха, перу «Крушиньской» (под этим псевдонимом Р. Люксембург выступала в это время чаще всего) принадлежат около пятидесяти статей и заметок, появившихся за три года на страницах «Справы роботничей»[2]. Всего вышло 25 номеров газеты. На страницах «Справы роботничей» проходило уточнение идейно-политических концепций и политической линии польских революционеров-марксистов Королевства Польского.

Последовательный интернационализм был определяющей чертой статей и заметок, написанных Р. Люксембург для «Справы роботничей». Из номера в номер она давала материалы о состоянии рабочего движения в России и за границей, стараясь обобщить его опыт. В числе ее первых публикаций была программа «Южнороссийского союза рабочих», которую Роза снабдила комментариями. В этих комментариях особенно интересно указание на то, что «русские рабочие стоят в политической борьбе на той же почве, что и мы» («понимают всю важность для себя свержения царизма и завоевания конституции»), что они осознали значение создания пролетарской партии, а само создание Союза — «большой шаг впе-

[1] «Красная нива», 1929, № 9, стр. 8.
[2] «Z pola walki», 1962, № 3, s. 181—184. Подробнее см. *И. С. Яжборовская.* «Справа роботнича» и формирование идейно-политических позиций Розы Люксембург. — «Советское славяноведение», 1971, № 2.

ред по этому пути»[1]. Систематически публиковавшиеся Р. Люксембург обзоры положения в России были проникнуты убежденностью в мощи нарастающего подъема борьбы пролетариата, в его великих возможностях. Они нацеливали польский пролетариат на союз с революционными силами России. Это был единственно верный и исторически оправданный курс, поскольку центр революционного движения перемещался в Россию.

В последних двух номерах «Справы роботничей» Роза поместила обширную статью «Рабочее движение в России», в которой подробно освещались могучий размах стачечного движения, празднование 1 Мая, а также политические позиции авангарда российского рабочего класса. В статье полностью приводится текст адреса, направленного в Париж по случаю юбилея Парижской коммуны петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» и очень высоко оценивается его деятельность. Роза Люксембург с большим удовлетворением констатирует, что Союз «оказал петербургским рабочим и всему делу пролетариата неоценимые услуги»[2].

«Справа роботнича» последовательно разъясняла, что конечная цель пролетариата — социалистическая революция, и воплощала в себе лучшие традиции революционного марксизма и пролетарского интернационализма. Стараясь помочь рабочему классу оформиться политически как антагонисту буржуазии, Р. Люксембург зорко следила за тем, чтобы газета не игнорировала ближайшие цели борьбы рабочего класса, не переключалась исключительно на чисто теоретическую пропаганду социализма[3]. Это было особенно важно, так как в то время в польском рабочем движении разгорелась борьба по вопросу о ближайших политических задачах польского пролетариата и о силах, на которые он может и должен опираться. В центре этой борьбы оказались два требования — демократической конституции и независимости Польши. Идеологи ППС считали, что в России нет сил, способных свергнуть царизм и добиться введения конституции и общей демократизации страны. Вследствие этого следует ограничиться борьбой только за отделение Польши. В этой концепции классовые задачи пролетариата отступали на задний план. Отнюдь не отрицая негативных последствий национального угнетения для развертывания рабочего движения и важности борьбы против всех его проявлений, Р. Люксембург горячо отстаивала примат классовой борьбы и пролетарский интернационализм. Она последовательно доказывала необходимость обеспечить рост классового самосознания пролетариата, преодолев опасность национализма. Когда орган ППС «Пшегленд социалистычны» стал критиковать концепции партии «Пролетариат» за то, что они якобы не учитывают экономическое и политическое положение в польских землях, когда выдвигают идею польско-русского революционного союза, Роза Люксембург обрушила на него огонь революционно-марксистской критики. Ее критика буржуазно-демократической трактовки лозунга национальной независимости Польши, выдвинутого польскими социалистами, была близка к ленинским оценкам[1].

В то время как публицисты ППС все более склонялись к идейно-политическому компромиссу с любыми слоями и классами польского общества, надеясь на союз с ними в борьбе за национальное освобождение[2], проведенный Р. Люксембург в 90-е годы анализ расстановки классовых сил в польских землях позволил ей с научной точностью определить позиции основных классов и подтвердить правильность стратегического курса СДКП на союз с революционной Россией. Разумеется, этот ранний анализ не был свободен от некоторого схематизма. В частности, Р. Люксембург абсолютизировала тенденции сращивания экономики Королевства Польского с хозяйственным организмом Российской империи. Она подчеркивала, что «Польша и Россия превращаются в единый экономический механизм», экономический прогресс делает этот союз все более прочным, тенденции экономического развития в Польше влекут за

[1] «Sprawa robotnicza». IX—X. 1894.
[2] «Sprawa robotnicza». V. VI. 1896.
[3] *R. Luksemburg.* Listy, t. 1, s. 57.

[1] *См. В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 235, 240, 241.
[2] «Przegląd socjalistyczny» (Paryż), 1892, N 1; 1899, N 4.

собой экономическое врастание ее в российское государство[1].

Концепция «органического врастания» экономики Польши в хозяйственный организм Российской империи сразу оказалась в центре полемики в польском рабочем движении. В начале марта 1894 г. в Варшаве в издании ППС «Работник» был опубликован «Ответ так наз. Социальной демократии и так наз. «Справе роботничей»», в котором утверждалось, что «органическое врастание» будто бы является антинациональным программным требованием СДКП. Главное правление СДКП в марте 1894 г. резко отреагировало на это утверждение[2]. В работе «Социал-патриотизм в Польше» Роза Люксембург писала, что «экономическое врастание» отнюдь не программное требование, а результат капиталистического развития Польши, что «это — объективный исторический процесс, который не зависит ни от воли единиц, ни от воли какой-либо партии...»[3]. На этой основе возникла отражающая определенные тенденции общественного развития теория «органического врастания».

В анализе расстановки классовых сил в польских землях у Р. Люксембург были и элементы смелого предвидения. Например, в работе «Шаг за шагом» Роза замечала, что в деревне рушится миф о «царе — освободителе крестьян», в связи с чем они скоро перестанут быть оплотом самодержавия и превратятся, «возможно, в крепкую опору борющегося пролетариата»[4]. Она сформулировала и положение об изменении международного значения польского вопроса, взяв за основу тезис Ф. Энгельса об его эволюции в связи с капиталистическим развитием польских земель[5]. Когда польский пролетариат взял на себя защиту интересов польского народа, уже не было оснований делать из лозунга независимости Польши программное требование II Интернационала, как этого хотела ППС. Поэтому на Лондонском конгрессе (1896 г.) Р. Люксембург противопоставила предложению ППС позицию СДКП, обязывающую польский пролетариат не выставлять требования независимости Польши, а вести классовую борьбу вместе с пролетариатом разделивших ее землю государств. Как известно, конгресс не принял никакой резолюции специально по польскому вопросу, сформулировав общий принцип подхода социал-демократов к решению национального вопроса — принцип права наций на самоопределение в сочетании с призывом к международному пролетарскому единству[1].

Роза Люксембург не отрицала прогрессивности борьбы против национального гнета, а выступала против противопоставления ее борьбе классовой. Решительное подчеркивание классового начала стало вплоть до первой мировой войны характерной чертой ряда ее работ, в которых она старалась отнести национальные требования за счет классов, уходящих в прошлое, дабы в обстановке напряженной борьбы против реальной опасности национализма еще более сконцентрировать внимание пролетариата на классовых требованиях, и невольно «перегибала палку»[2].

В. И. Ленин в работе «О праве наций на самоопределение», указывая на первоочередность задачи отстаивания единства классовой борьбы и отпора буржуазному национализму, замечал, имея в виду польскую социал-демократию, что «среди угнетенных наций выделение пролетариата в самостоятельную партию приводит иногда к такой ожесточенной борьбе с национализмом данной нации, что перспектива извращается...»[3]. В статье «Итоги дискуссии о самоопределении» он писал, что у польской социал-демократии это «было только неправильным теоретическим обобщением *особых* условий движения в Польше...»[4].

---

[1] *R. Luksemburg.* Wybór pism, t. 1, s. 60.

[2] См. приложение к «Справе роботничей» (№ 13/14, VII—VIII, 1894). — «Pod bat opinii publicznej»; «Z odprawy Polskiej Partii Socjalistycznej».

[3] *R. Luksemburg.* Wybór pism, t. 1, s. 60.

[4] *R. Luxemburg.* Gesammelte Werke, Bd. 1/1. Berlin, 1970, S. 110.

[5] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 22, стр. 290, 382, 537; т. 38, стр. 238.

---

[1] См. «История Второго Интернационала», т. 1. М., 1965, стр. 271—272.

[2] О позиции Р. Люксембург в период Лондонского конгресса II Интернационала подробно см. *Н. С. Ямборовская.* Идейное развитие польского революционного рабочего движения (конец XIX — первая четверть XX в.). М., 1973, стр. 80—88.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 317.

[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 57.

К середине 90-х годов относится первое выступление Р. Люксембург по колониальному вопросу. Уже в 1896 г. она включилась в полемику, развернувшуюся на страницах германской социал-демократической печати. Поводом для дискуссии послужила политика германского империализма в Турции. Спор разгорелся вокруг тактики партии по этому вопросу. Один из лидеров германской социал-демократии, Э. Бернштейн, стремился доказать на страницах органа СДПГ журнала «Нойе цайт», что раз путь к социализму лежит через распространение капиталистических отношений на все отсталые уголки мира, то, следовательно, колониализм прогрессивен. Эти идеи Э. Бернштейна были составной частью его ревизии марксизма. Роза Люксембург резко осудила политику колониальной агрессии и национального угнетения. Она выступила с критикой беспринципной позиции, занятой в этом вопросе редакцией органа германской социал-демократии газетой «Форвертс»[1]. Это снискало ей известность в германской социал-демократии — и в не меньшей степени, чем перенесенная на страницы «Нойе цайт» и других органов СДПГ дискуссия с носителями националистических тенденций в польском рабочем движении. Важность этой дискуссии в теоретическом и в практически-политическом отношении и для германской социал-демократии Роза Люксембург подчеркивала специально в письмах К. Каутскому 1896—1897 гг.[2]

К концу 1897 г. ее статьи публиковались в теоретическом органе германской социал-демократии «Нойе цайт», а также в других изданиях этой партии («Форверст», «Социалистише монатсхефте» и «Зексише арбайтерцайтунг»). Как польская делегатка от Познани, т. е. как представительница рабочего движения в польских землях, в результате разделов Польши отошедших к Пруссии, она участвовала в работе Лондонского конгресса II Интернационала. Опубликованные в ведущих периодических изданиях СДПГ крупные работы — «Новые течения в польском социалистическом движении в Германии

[1] *R. Luxemburg*. Gesammelte Werke, Bd. 1/1, S. 69—73.
[2] *Р. Люксембург*. Письма к Карлу и Луизе Каутским, стр. 37—46.

и Австрии», «Социал-патриотизм в Польше», «Социализм в Польше», «К тактике польской социал-демократии», «Шаг за шагом. К истории буржуазных классов в Польше»[1] — демонстрировали идейно-политическую зрелость их автора, были одновременно и глубоки, и остро полемичны. Они свидетельствовали о ярком публицистическом таланте молодой революционерки, многогранно раскрывшемся с самого начала ее творческой деятельности. «Она обладала даром блестящего изложения и умела выражать свои мысли во всей их полноте, со всеми оттенками, — свидетельствует Клара Цеткин. — Роза Люксембург никогда не ограничивалась сухим и бесцветным изложением теории, свойственным обыкновенно ученым специалистам. Язык ее работ сверкает умом, остроумием, язвительной насмешкой, словно дрожа от сдерживаемого возбуждения, и обнаруживает широкое общее образование и богатство внутренней жизни»[2].

В тесной связи с решением коренных идейно-политических вопросов польского рабочего движения Роза Люксембург готовила свою диссертационную работу, посвященную выявлению специфики развития капитализма в Польше и анализу глубоких социально-экономических причин складывавшейся в Королевстве Польском расстановки политических сил. В течение нескольких лет Роза Люксембург кропотливо собирала (в значительной мере в Париже, в Библиотеке Чарторыйских и Национальной библиотеке, а также в швейцарских библиотеках) необходимые материалы. Работая над диссертацией, Роза Люксембург особое внимание уделяла анализу новых тенденций в польской экономике, переживавшей период быстрого созревания капиталистических отношений, стремясь дать убедительное материалистическое обоснование программы партии. В центре работы было научное, базировавшееся на марксистской методологии рассмотрение развития капитализма в промышленности Королевства Польского. На

[1] *R. Luxemburg*. Gesammelte Werke. Bd. 1/1; *R. Luksemburg*. Wybór pism, t. 1.
[2] *К. Цеткин*. Роза Люксембург. — Сб. «Роза Люксембург», стр. 4.

его основе Р. Люксембург делала вывод о том, что капитализм утвердился в польских землях. Его закономерности стали определяющими, все полнее проявляются и будут обостряться его противоречия, пока могильщик буржуазии — пролетариат не ликвидирует ее господство.

Рассматривая процессы, свойственные польскому капитализму, Роза Люксембург подметила то, что отличало развитие капитализма на востоке Европы, — быстрые темпы, значительную роль иностранного капитала, особую интенсивность протекционистских мер правительства. В тот момент, когда она работала над этими вопросами, промышленность Королевства Польского стремительно росла благодаря «золотой пошлине» 1877 г., оградившей ее от конкуренции товаров с Запада. При энергичной поддержке царского правительства в основном завершилось сооружение железнодорожной сети, связавшей промышленность Королевства Польского с сырьевой базой и с рынками сбыта — с Украиной, с открывшимися для нее российским, а затем восточными — азиатскими — рынками.

Приводя материал об упрочивающихся связях и единстве интересов польских и русских промышленников, об их взаимодействии, об интернациональном характере капиталистической конкуренции, Роза Люксембург суммировала: «По многим и самым важным вопросам польская и русская буржуазия — как в отдельных группах своих, так и в целом — связаны друг с другом солидарностью интересов» [1].

Этот вывод вполне соответствовал выявившимся в то время тенденциям, одним из проявлений которых была теория «органического труда», распространившаяся в среде буржуазии и ориентировавшая на лояльное сотрудничество в рамках обеспечения хозяйственного прогресса и на отказ от борьбы за независимость Польши. Однако Роза Люксембург шла дальше, обосновывая тезис о неизбежном «органическом врастании» экономики Королевства Польского в хозяйственный организм Российской империи.

Наблюдая ряд явлений данного этапа развития

[1] *Р. Люксембург.* Промышленное развитие Польши. СПб., 1899, стр. 74.

капитализма — этапа еще не исчерпавшей себя полностью свободной конкуренции, она утверждала, что «правительство не делает различия между фабрикантами по национальности и старается удовлетворить и тех и других», что дискриминация польской буржуазии задела бы и связанную с нею русскую буржуазию, что политика царского правительства таковой и останется [1]. В этих условиях против царизма и единого фронта буржуазии должен выступать сплоченный пролетариат.

Р. Люксембург в основном верно характеризовала определяющие моменты социально-экономического и политического развития Королевства Польского, специфику развития польского капитализма. Однако она рассматривала лишь небольшой отрезок этого развития и допускала недостаточно аргументированные обобщения. Это касалось оценки политики царского правительства по отношению к хозяйственному развитию Королевства Польского и польской буржуазии, оценки, на ошибочность которой обратил внимание В. И. Ленин. В 1914 г. в статье «О праве наций на самоопределение» В. И. Ленин отмечал, что Роза Люксембург в этой работе «незаметным образом переходит постоянно к тому выводу, будто среди факторов, соединяющих Россию с Польшей, преобладают уже теперь чисто экономические факторы современно-капиталистических отношений» [2]. Из ее поля зрения выпадала исторически сложившаяся специфика русско-польских экономических отношений, существовавших в условиях застойных, полуфеодальных политических форм надстройки. В. И. Ленин подчеркивал, что доказательство капиталистического развития польских земель еще недостаточно для отрицания лозунга независимости Польши.

Это было не первое знакомство В. И. Ленина с работой Розы Люксембург. Еще в 1899 г. он, по некоторым данным, собирался написать на нее рецензию [3], хотя об осуществлении этого замысла у нас пока нет сведений.

[1] *Р. Люксембург.* Промышленное развитие Польши. стр. 69, 80.
[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 266.
[3] См. *Р. А. Ермолаева, А. Я. Минусевич.* Ленин и польское рабочее движение. М., 1971, стр. 33—34.

Таким образом, Роза Люксембург несколько схематизировала выявленные процессы. Еще в большей степени она прибегала к схематизации в тех вопросах, которые не были предметом ее анализа. Однако в основном она верно обосновывала необходимость революционного союза польского пролетариата с рабочим классом России. Но конкретно-историческая специфика политических и идеологических процессов в польском обществе, их взаимодействие с экономическими процессами не получили в ее работе достаточно аргументированного и развернутого научного решения. За преобладающими тенденциями экономического развития Роза Люксембург не увидела возможности возникновения движения за воссоздание независимого польского государства [1].

В целом работа Розы Люксембург, с позиций исторического материализма определявшая задачи польского пролетариата, была тогда научным открытием, фундаментальным обоснованием программы партии. Ее концепция капиталистического развития польских земель вошла органической составной частью в идеологию польского рабочего класса. Как Ю. Мархлевский, так и А. Варский (в своей рецензии в «Нойе цайт» [2]) с полным одобрением и убежденностью указывали на работу Р. Люксембург как на научное обоснование позиций польской социал-демократии. И в этом не было ошибки. Для того времени в области экономики большинство ее наблюдений в основном были верны [3]. Ошибкой было распространять эти наблюдения и выводы на дальнейший ход исторического процесса в Польше, а именно так и получилось в СДКПиЛ, теоретики которой больше не возвращались к анализу всего комплекса социально-экономических отношений в польских землях. Это вело к просчетам, к недооценке зарождавшегося и усиливавшегося национально-освободительного движения масс, революционно-демократических возможностей его участников.

[1] Подробнее о работе Р. Люксембург «Промышленное развитие Польши» см. *И. С. Ижбороевская.* Идейное развитие польского революционного рабочего движения, стр. 34—45.

[2] «Die Neue Zeit», 1898/1899, N 14; *A. Warski.* Wybór pism i przemówień, t. 1.

[3] *J. Dziewulski.* Wokół poglądów ekonomicznych Róży Luksemburg. Warszawa, 1972.

Разумеется, Роза Люксембург не могла предвидеть последующий ход исторического процесса в польских землях во всех деталях. Она в ту пору еще только училась применять марксистский диалектический метод, овладевала принципом историзма. Механизм соотношения различных—экономических, политических, идеологических, социально-психологических и т. п.— процессов в их развитии не был ею еще продуман до конца. Хотя, как следует из ряда ее работ второй половины 90-х годов, эти проблемы ее очень заинтересовали [1].

* *
*

Ранней весной 1897 г. Роза Люксембург заканчивала Цюрихский университет. 12 марта в заявлении на имя декана факультета общественно-политических (официально — государственно-правовых) наук она сообщала, что представляет диссертацию и просит назначить защиту на вторую половину апреля, ибо в конце апреля по семейным обстоятельствам должна будет покинуть Цюрих. Защита состоялась 1 мая 1897 г., Роза получила степень доктора юридико-экономических наук. Теперь она могла всецело посвятить себя революционной деятельности. Между тем возможности работы в польской социал-демократии резко сократились: аресты 1893 и 1894 гг. и особенно в июне 1895 г. практически привели к полному разгрому ее организаций в стране. С ликвидацией контактов с Королевством Польским и прекращением в июле 1896 г. издания «Справы роботничей» отпала редакционно-издательская работа.

Оставаться в Швейцарии уже не имело никакого смысла. К этому времени, защитив в 1896 г. диссертацию, Швейцарию покинул и перебрался в Мюнхен Ю. Мархлевский. Туда же переехал и А. Варский —

[1] Еще только намечая выступить с циклом статей против бернштейнианства, Р. Люксембург планировала часть их посвятить вопросам классового сознания. Испытывая значительные трудности при их подготовке, она просила Л. Иогихеса (Тышку) помочь ей («...о роли сознания вообще в истории и на современном этапе»). Она возвращалась к этому замыслу и в марте — мае 1899 г., но в конце концов все же отказалась от него (*R. Luksemburg.* Listy, t. 1, s. 409, 411, 457, 460—461).

возможности для работы среди польского пролетариата открывались только в Германии. Здесь издавались наиболее авторитетные во II Интернационале (в рамках которого и развертывались теоретические и идейно-политические бои с ППС) органы германской социал-демократии.

Германская социал-демократическая партия (СДПГ) была не только крупнейшей социал-демократической партией, «миллионной партией», как с восхищением писала Роза. Это была партия страны, включавшей польские территории, внимание которой можно и должно было привлечь к борьбе польского рабочего класса. Это открывало большие политические возможности и перед польским пролетариатом, и перед самой Розой Люксембург. К этому времени у нее уже было имя в международном рабочем движении и многочисленные контакты с рядом ведущих деятелей русского, французского, германского и швейцарского рабочего движения. Иных путей помощи польскому пролетариату в тот момент у нее не было. Возвращение в Королевство Польское было невозможно: бегство в Швейцарию без малого девять лет назад не снизило интереса царских властей к ее личности. Заведя на нее в октябре 1890 г. дело, департамент полиции пополнял его сведениями о контактах с Любеком, с Ядвигой Хшановской — женой А. Варского[1] и другими «подозрительными лицами». Ее причисляли к Г. В. Плеханову, В. Засулич и другим русским и польским революционерам, регулярно выступавшим в Цюрихе с речами и рефератами, определили ее роль в издании «Справы роботничей». Более того, полиции удалось нащупать связь Розы Люксембург с Россией и Галицией, с киевским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» — с группой польских социал-демократов в Киеве, объединившейся в марте 1887 г. с русскими социал-демократами. Правда, до самой революции 1905—1907 гг. полиции не удавалось выяснить ее приметы, и довольно долго ее путали с ежегодно выезжающей за границу тезкой — дочерью купца 1-й гильдии Розалией Маврикиевной

[1] Она была подругой Розы со школьных лет; версия полиции, что «Ядвига» — Я. Хшановская, вполне убедительна.

Люксембург[1]. Однако к 1897 г. царские власти имели более чем достаточно материала для ареста и осуждения революционерки.

Роза посещает Берлин, взвешивает возможные варианты решений. Издание диссертации она решает предпринять в Германии, что в значительной мере диктуется интересами идейно-политической борьбы в польском рабочем движении. Деньги на это она просит у отца и брата Юзефа. Последний ссужает ее 130 рублями в долг[2]. Книга, отрецензированная Ю. Вольфом, выходит в свет в Лейпциге в 1898 г.[3], а в следующем году, несколько пострадавшая от ножниц цензора, появляется в Петербурге на русском языке. Польский перевод А. Варскому завершить не удалось[4]. На польском языке эта книга увидела свет только в народной Польше в 1957 г.[5]

После защиты диссертации Роза некоторое время путешествует по Швейцарии, пытаясь уладить свои личные дела. В отношениях с Л. Иогихесом, задетым ее успехами как на научном, так и на политическом поприще, явно наметилась трещина. Единственное сохранившееся, а возможно и единственное написанное в 1897 г. письмо Розы Л. Иогихесу (в этот период она почти не ездила в Париж) — это глубоко личное письмо с горькими жалобами любящей и страдающей женщины, датированное 16 июля 1897 г. «Тебе, наверное, покажется диким, может, смешным, — писала она, — что я тебе пишу это письмо, мы живем в 10 шагах друг от друга, видимся друг с другом три раза в день, впрочем— ведь я только твоя жена — так что за романтика — письма, писанные ночью своему му-

[1] ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1898 г., ед. б, ч. 2 «в», д. 6, ч. 112. См. *Б. С. Клейн.* «Дело» Розы Люксембург. — «Вопросы истории КПСС», 1971, № 3, стр. 124—125.

[2] *R. Luksemburg.* Listy, t. 1, s. 196.

[3] *R. Luxemburg.* Die industrielle Entwicklung Polens. Leipzig, 1898.

[4] Почти законченный перевод А. Варского с поправками Р. Люксембург см. ЦПА ИМЛ, ф. 209, оп. 2, д. 982. Планы издать его возникали неоднократно, но не были реализованы (*R. Luksemburg.* Listy, t. 2, s. 149, 150, 386, 388).

[5] *R. Luksemburg.* Rozwój przemysłu w Polsce. Warszawa, 1957. По сообщению печати, рукопись докторской диссертации Розы Люксембург была куплена в 1950 г. на аукционе в Брауншвейге каким-то голландским коллекционером («Linzer Tageblatt», 13. X. 1950).

жу?» Поводом была поразившая и испугавшая ее сухость, замкнутость Л. Иогихеса, его отчужденность и брюзжание; она сетовала на то, что безвозвратно пропала «та мягкая, доверительная, идеальная атмосфера, которая в оные времена была», что «нет ровных и теплых отношений». В строки письма вплетаются прекрасные лирические двустишия А. Мицкевича, в конверт она вкладывает помеченное той же датой собственное стихотворение, написанное на одном дыхании, с так много говорящим вопросом: «Мой дорогой, ты ведь умеешь понимать и обдумывать, ты это всегда делал за себя и за меня в наших отношениях! Почему теперь ты не хочешь сделать это вместе со мной? Почему оставляешь меня одну?»[1] Л. Иогихес, который еще не написал диссертационной работы и не получил швейцарского подданства, не был, по-видимому, готов внести определенность в их отношения.

Роза принимает решение ехать в Германию, «отказываясь, — на время, как она думает, — от личного счастья, и начинает большую политическую карьеру»[2]. Уже осенью 1897 г. были предприняты конкретные шаги в направлении оформления ее фиктивного брака с третьим сыном Карла Любека Густавом, прусским подданным, чтобы она могла получить необходимое для партийной работы гражданство. 23 ноября 1897 г. принимавшая горячее участие в судьбе Розы Олимпия Любек дала письменное согласие на брак ее сына Густава Любека, рожденного 1 декабря 1873 г., с российской подданной «фрейлен Розалией Люксембург». 19 апреля 1898 г. в Базеле было выдано свидетельство о браке, и Роза немедленно начала оформлять германское гражданство. К этому времени относится ее прошение (с визой от 26 апреля 1898 г.) при выдаче документов внести в них некоторые изменения, которые могли бы облегчить ее устройство в Германии: в одном месте после фамилии супруга проставить не «машинист», а «ранее машинист, в настоящее время купец», а в другом месте указать уже только «купец»[3].

[1] *R. Luksemburg*. Listy, t. 1, s. 136—140.

[2] *St. Kieniewicz*. Życie prywatne rewolucjonistki. — «Polityka», 18. I. 1969.

[3] Густав Любек работал в механизированной столярной мастерской. Развод с ним удалось оформить только в апреле 1903 г. (см. благодарственное письмо Р. Люксембург Роберту и Матильде Зайделям от 7/IV 1903 г. — «Z pola walki», 1959, N 1, s. 86—87).

Комментируя решение Розы Люксембург связать себя фиктивным браком с германским подданным ради того, чтобы получить возможность переехать в Германию и активно включиться в германское рабочее движение, польский ученый С. Кеневич справедливо замечает: «Молодая, интеллигентная женщина на пороге XX века могла сыграть крупную политическую роль только в социалистическом движении, и особенно в немецкой социал-демократической партии, массовой, легальной, нуждающейся в сотнях агитаторов и журналистов и при этом полностью признающей равноправие женщин»[1]. Принятие германского подданства было обязательным условием для реализации подобных планов. Один из ближайших соратников Р. Люксембург, рожденный германским подданным, Ю. Мархлевский (его мать была немкой), потерял подданство из-за того, что не подтвердил его в день совершеннолетия. В результате в течение четверти века он был резко ограничен в революционной деятельности. «... Русским подданным меня не признали, а германское подданство — потерял — и вот я ничей! — рассказывал об этой истории Ю. Мархлевский в письме к русскому революционеру Н. М. Архангельскому. — Это положение очень глупое, потому что, таким образом, я не имею права нигде участвовать явно в общественной деятельности»[2]. Ему оставалось только уйти с головой в научно-политическую журналистскую деятельность, и вскоре он стал одним из ведущих партийных публицистов СДПГ.

Германское подданство давало Розе Люксембург возможность самым активным образом включиться не только в кружковую или редакционную, но и в работу массово-политическую и тем самым получить возможность играть более активную и значительную роль в жизни партии.

Как только были оформлены необходимые документы и подготовлен переезд, Роза Люксембург пересекла швейцарско-германскую границу. По пути в Берлин она 14—15 мая останавливалась в Мюнхене для встречи с Ю. Мархлевским, А. Варским и дру-

[1] «Polityka», 18. I. 1969.

[2] «Исследования по истории польского общественного движения XIX — начале XX в.». Сборник статей и материалов. М., 1971, стр. 384, 386.

гими польскими социал-демократами и для урегулирования дел по пересылке польской революционной литературы [1].

На письме, начинающемся после обращения словами: «Сегодня я приехала в 6 ½ утра» и содержащем описание поисков квартиры и сообщение «Я уже купила план Берлина», рукой Л. Иогихеса проставлена дата 16 мая 1898 г. [2]

В РЯДАХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ. РЕФОРМА ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ?

В жизни Розы Люксембург начался новый важный этап. Ее первоначальные планы заключались в работе среди польского пролетариата тех земель, которые после разделов Польши входили в состав Германии. Уровень рабочего движения в этих районах был весьма низок, и, чтобы добиться успехов, необходимо было опираться на германскую социал-демократию. Социал-демократическая партия Германии была самой мощной и влиятельной в то время партией II Интернационала, имевшей массовые организации по всей стране, широко разветвленную прессу и т. д. Пребывание в такой партии неизбежно делало Розу Люксембург участницей решения главных, магистральных проблем германского рабочего движения. Так, само объективное состояние рабочего движения в Германии и польских землях вело к тому, что она должна была стать на службу одновременно и польскому, и германскому рабочему движению.

На следующий день после приезда в Берлин, едва только устроившись, Роза пишет Л. Иогихесу, что Ю. Мархлевскому, увы, не удалось оформить в Мюнхене документы таким образом, чтобы получить возможность «ездить для агитации в Силезию» [3]. Вскоре выяснилось, что руководство СДПГ не проявляет большого интереса к работе на польских территориях. А между тем свою деятельность («страшно хочется

[1] *R. Luksemburg*. Listy, t. 1, s. 141—144.
[2] Там же, стр. 145—146.
[3] Там же, стр. 149.

броситься в поток «борьбы»», пишет Роза 20 мая) она мыслила именно там, в Познаньском округе, в Верхней Силезии, а также в Вестфалии, где была большая колония польских горняков. «В Берлине, — писала она 28 мая, — никакой работы нет, ибо поляки тут абсолютно никакого значения не имеют, а «посвятить себя» немецкой агитации, польскую же работу оставить Морав[скому] и Винтеру — это бессмыслица» [1].

Роза решает непосредственно обратиться в Правление СДПГ и, получив согласие, подключается к предвыборной кампании, которой была занята в тот момент вся германская социал-демократия. Выборы в рейхстаг предстояли в июне 1898 г., и германские социал-демократы готовились к дебатам по вопросам о милитаризме, кредитах, колониализме и т. д. Роза Люксембург пишет реферат для выступлений на митингах — «весьма солидный, натурально, без особых откровений, так как никто этого не ожидает и не требует, но на чисто партийную тему...». Это должно было помочь ей заручиться поддержкой Правления СДПГ: «тогда немцы по крайней мере бы знали, что для польской агитации получили соответствующую силу». Характерно, что в связи с напоминанием Л. Иогихеса о необходимости включаться не в «немецкую», а в «польскую» работу, Роза отвечает: «Но теперь сидеть в норе до самых выборов мне совсем не по вкусу. Попросту я не могу сидеть в углу, постоянно читая о собраниях. И наконец, хочется, до черта, немного представиться публике» [2]. Эта мысль, сформулированная в письме от 22 мая, уточняется в письме, датированном 28 мая: «Нам пока нужно на немцев опираться» [3].

Дело в том, что к тому моменту, когда ценой ежедневных поездок в полицейские органы, а также приплатив определенную сумму соответствующему чиновнику, Розе Люксембург удалось получить необходимый для публичных выступлений документ, гласящий, что «путем заключения брака она имеет прусское подданство» (а это произошло 31 мая) [4], она уже до-

[1] *R. Luksemburg*. Listy, t. 1, s. 183.
[2] Там же, стр. 167.
[3] Там же, стр. 184.
[4] Там же, стр. 188.

статочно сориентировалась в состоянии польского рабочего движения в Германии и увидела, что нельзя ни в коем случае игнорировать связи и помощь СДПГ. Более того, уже первая встреча с И. Ауэром, одним из руководителей СДПГ, а с 1900 г. постоянным секретарем партии, показала, что предстоит немалая работа и с деятелями германской социал-демократии, чтобы добиться налаживания активного интернационалистского сотрудничества германского и польского пролетариата. Не так уж много в этой партии было людей, которые помнили подобно В. Либкнехту, что необходимо отстаивать национальные права польского народа.

Польское рабочее движение в Германии после отмены исключительного закона развивалось весьма медленно, в основном в рамках профсоюзного движения (значительно отставая как от немецкого, так и от рабочего движения в Королевстве Польском, где уже заявила о себе социал-демократия). СДПГ в агитационной работе практически его игнорировала. Даже в ходе предвыборной кампании в польских округах не проводилось регулярной работы, почти не было собраний, не распространялись предвыборные воззвания. А между тем самосознание польского пролетариата проходило здесь сложную эволюцию, на которую обращал внимание В. И. Ленин, отмечая активное сопротивление народных масс прусской политике жестокого онемечивания населения и констатируя факт национального сплочения поляков перед лицом немецкой колонизации[1].

В польских землях так называемого прусского захвата (т. е. отошедших по разделам к Германии) проблема соотношения классового и национального самосознания пролетариата была особенно острой и сложной в силу того, что национальное и классовое угнетение часто идентифицировалось, ибо и помещик, и банкир, и фабрикант были, как правило, немцами. В этих условиях рост политической активности рабочего класса при недостаточных усилиях в области развития в нем классового самосознания как со стороны польских социалистов, так и со стороны увлекавшегося парламентской деятельностью и склонявшегося к реформизму руководства СДПГ сопровождался ростом в нем националистических настроений[1].

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 319; т. 28, стр. 560—561.

В Германии Роза Люксембург еще во время первого посещения польских земель познакомилась с общим положением дел и с партией польских социалистов, так называемой ППС прусского захвата (она, как известно, получила мандат на Лондонский конгресс II Интернационала от организаций Познани, Вроцлава и Забже). Накануне III съезда этой единственной в Германской империи партии польских рабочих, состоявшегося в 1897 г. в Берлине, Роза добивалась того, чтобы партия стала на интернационалистические позиции. Она настаивала на том, чтобы ППС активно сотрудничала с СДПГ, развернула энергичную политическую деятельность в Верхней Силезии, а издание основанной при помощи СДПГ в 1891 г. «Газеты роботничей» перенесла из Берлина в Познань или Вроцлав, превратив ее в классовый орган польского пролетариата. Между тем сотрудничество обеих партий не стало более активным. ППС, малочисленная и слабая в идейном и организационном отношении, стремилась всячески отмежеваться от СДПГ. Среди ее членов ширились националистические настроения. III съезд не только не принял решений, к которым призывала Р. Люксембург, но и исключил из партии М. Каспшака, с 1896 г. видного деятеля познанской организации ППС, за отказ осудить позицию Розы Люксембург по вопросу вхождения в СДПГ.

Приехав в Германию, Роза Люксембург сразу стала налаживать контакты с М. Каспшаком, чтобы поддержать и сплотить интернационалистские элементы польского рабочего движения — Ф. Моравского, Т. Вольного и некоторых других деятелей ППС прусского захвата, не разделявших сепаратистских устремлений ее руководства. Имея за плечами опыт издания рабочей газеты, она сразу поняла, что контакт с мас-

[1] Выборы 16 июня 1898 г. показали, в частности, что активность польского рабочего класса в б. княжестве Познаньском ослабевает: в большинстве округов кандидаты в депутаты от СДПГ и ППС получили намного меньше голосов, чем на предыдущих выборах (*B. Danielczuk.* Ruch robotniczy w Wielkopolsce. 1871—1914. Toruń, 1961, s. 141).

сами и их воспитание в духе революционно-классовой борьбы можно наладить при помощи «Газеты роботничей», если превратить ее в боевой орган, объединяющий вокруг себя пролетарские массы. О своем желании оказывать влияние на формирование политического облика этой газеты она намекнула при первой встрече И. Ауэру [1]. Ей удалось получить согласие этого партийного функционера на поездку в Верхнюю Силезию, хотя он не очень был склонен тратить силы партии на предвыборную работу в тех округах, где результаты были сомнительными.

Р. Люксембург сразу энергично подключается к работе начавшего здесь предвыборную кампанию основателя и руководителя местной организации СДПГ учителя и публициста Августа Винтера. Хотя широкую агитационную работу в польских районах развернуть было невозможно, она со 2 по 17 июня объезжает промышленные центры Верхней Силезии, встречается с рабочим активом, распространяет предвыборную литературу, с блеском выступает на нескольких массовых предвыборных собраниях — во Вроцлаве, затем в Легнице и Злоторые (Гольдберге). Она работает в Крулевской Хуте (Кенигхютте), в Бытоме (Бетене) и Тарновских гурах. О своем выступлении 13 июня в Легнице она пишет Л. Иогихесу: «... вчера у меня было здесь собрание, которое великолепно удалось, я говорила еще лучше, чем во Вроцлаве. Геноссы сразу выразили пожелание, чтобы я у них осталась на постоянную работу. Преподнесли мне цветы и т. д.» Таким же успехом сопровождалось ее следующее выступление 14 июня в Злоторые: «... было великолепно, людей столько набралось, что вокруг зала у окон было больше, чем в зале (партер), они стояли друг на друге за окнами. Геноссы говорят, что у них еще не было столь многолюдного собрания. Я получила, натурально, три раза «Да здравствует социал-демократия!» и сегодня утром, перед выездом, прекрасный букет роз и резеды» [2]. Секрет успеха был и в совершенстве формы выступлений, и в высоком идейно-политическом накале, и в близком классовому

[1] *R. Luksemburg*. Listy, t. 1, s. 174.
[2] Там же, стр. 201, 202.

чутью рабочей аудитории особом упоре, который Роза сделала на историческую миссию пролетариата.

Первая поездка дала великолепный эффект — социал-демократическая работа в районе Верхней Силезии активизировалась [1], связи с силезским активом были установлены. Руководство СДПГ обратило внимание на нового блестящего оратора и агитатора. Главный редактор второй по значению после «Форвертс» социал-демократической газеты «Лейпцигер фольксцайтунг» Бруно Шёнланк, в избирательном округе которого она выступала, выразил убеждение, что польская работа пойдет теперь «совершенно иначе» [2]. После того как изложение речи, произнесенной во Вроцлаве 5 июня 1898 г., было опубликовано вместе с отчетом об этом собрании в местной газете [3], он заказал ей обобщающую статью о предвыборной кампании в Верхней Силезии. Заказ был немедленно выполнен [4].

Вслед за этой статьей Р. Люксембург выступила с серией «Из Познани» и с материалами о положении в польских землях, входивших в состав Австро-Венгрии, на страницах дрезденской «Зексише арбайтерцайтунг» [5], где в редакции работал Ю. Мархлевский. Так с освещения польских сюжетов, а точнее, с обнародования позиций польской социал-демократии по основным социально-политическим проблемам жизни польского народа начался новый выход Розы Люксембург на страницы германской социал-демократической прессы.

Поездка в Верхнюю Силезию была для Розы, давно уже не видевшей своей родины, большим событием. Она почувствовала, что вдыхает воздух родной Польши. «Самое главное и самое сильное впечатление на меня произвели здешние места: поля ржи, луга, леса, огромная равнина и польская речь, польские крестьяне вокруг, — писала она из Крулевской Хуты Л. Иогихесу. — Ты не можешь понять, как я от этого всего счастлива. Я чувствую, что будто родилась заново, как будто бы снова нашла почву под ногами. Не могу

[1] *A. Laschitza, G. Radczun*. Op. cit., s. 25—29.
[2] *R. Luksemburg*. Listy, t. 1, s. 203—204.
[3] «Volkswacht» (Breslau), 6. VI. 1898.
[4] «Leipziger Volkszeitung», 2. VII. 1898.
[5] «Sächsische Arbeiterzeitung», 8, 13, 15. VII, 5. VIII. 1898.

наслушаться их речи, надышаться здешним воздухом!.. Я уже решила, что на «каникулы» не я поеду в Швейцарию, а ты приедешь сюда (те же самые деньги), и мы будем жить в какой-нибудь силезской деревне, потому что я совершенно уверена, что и ты тут оживешь, и ты будешь наслаждаться, когда увидишь, докуда хватает глаз, колоссальное ржаное поле (колосья уже выше меня!), луга с коровами, которых пасет пятилетний босой ребенок, и наши сосновые леса! Да и крестьян наших, обнищавших, грязных, но какой дивной стати»[1].

Еще раз возвращаясь к поездке в Силезию в письме от 24 июня 1898 г., Роза намечает планы на будущее. Несмотря на большую усталость и плохое самочувствие, она подчеркивает: «...я полна самых лучших надежд. Не то чтобы я была в горячке и энтузиазме, наоборот, я просто спокойна и уверена в будущем. Ты не представляешь, как на меня хорошо подействовали прошедшие мои выступления на собраниях. Я ведь не имела ни малейшей уверенности в этом отношении, должна была как на лед сходить. Теперь я уверена, что через полгода буду принадлежать к лучшим ораторам партии. Голос, свобода, язык, все у меня есть, а самое главное, что я иду так спокойно на трибуну, как будто я по крайней мере 20 лет выступала, ни малейшей дрожи не чувствую. Через какие-нибудь 2—3 недели снова начнутся собрания, и тогда-то я уж выступлю со всем блеском сначала в Дрездене, потом, может быть, в Лейпциге, а затем уж в Берлине. Не бойся, эта сторона работы от меня не уйдет, если бы все другое вошло так гладко, как речи. Под этим «другим» я понимаю две вещи: 1) статью против Бернштейна; 2) кампанию с Мор[авским]...»[2] — т. е. отношения с ППС прусского захвата.

К этому времени Э. Бернштейн уже развил и открыто провозгласил свое кредо. В серии статей «Проблемы социализма», которые с конца 1896 г. публиковались в редактировавшемся К. Каутским теоретическом органе СДПГ «Нойе цайт», под флагом «свободы критики» были подвергнуты ревизии основы марксистской теории и революционной практики. Объявляя

[1] *R. Luksemburg.* Listy, t. 1, s. 196—197.
[2] Там же, стр. 213.

устаревшим, не согласующимся с действительностью учение Маркса, ряд важнейших его основных положений, Бернштейн ратовал за больший «реализм» марксизма. На деле речь шла о том, чтобы лишить марксизм его революционной души, а социал-демократию, ставящую своей целью революционное превращение капитализма в социализм, сделать партией социальных реформ на почве буржуазного общества. Отказываясь от конечной цели рабочего класса — революционного установления социализма, Бернштейн цинично заявлял: «Эта цель ... для меня ничто, движение же — все»[1].

В. И. Ленин писал о бернштейнианстве, что оно по своему содержанию «прямо было перенесено из буржуазной литературы в социалистическую»[2].

С критикой Бернштейна в Социал-демократической партии Германии активно выступили Парвус (А. Л. Гельфанд), К. Цеткин, Ф. Меринг, Б. Шёнланк, Г. Ледебур. Однако у ведущего теоретика германской социал-демократии К. Каутского выступление Бернштейна не получило должного отпора. Он надеялся на «исправление» Бернштейна и стремился избежать даже теоретического разрыва с ним. Г. В. Плеханов пытался подтолкнуть Каутского на борьбу, подчеркивая, что Бернштейн — враг социал-демократии и рабочего движения[3]. Вскоре Г. В. Плеханов опубликовал против философских концепций ревизионизма ряд блестящих статей. А. Бебель с радостью отмечал философский разгром Бернштейна Плехановым, но считал важным заняться и экономико-политическими концепциями бернштейнианцев[4].

Р. Люксембург энергично включилась в борьбу против ревизионизма. «... В отношении Бернштейна ... у меня готов великолепный план полемики ...»[5], — писала она Л. Иогихесу 2 июля 1898 г.

Позиция Р. Люксембург определялась не только ее марксистской теоретической подготовленностью, но

[1] «Die Neue Zeit» 1897—1898, Bd. I, S. 586.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 8.
[3] См. «Группа «Освобождение труда»». Сб. № 6. М. — Л., 1928, стр. 251.
[4] *V. Adler.* Briefwechsel mit August Bebel und Karl Kautsky. Wien, 1954, S. 254.
[5] *R. Luksemburg.* Listy, t. 1, s. 230.

и революционными целями ее работы в Германии, знакомством с революционным движением в России. В. И. Ленин, уже имевший опыт борьбы с российской разновидностью ревизионизма — легальным марксизмом и экономизмом, узнав в сибирской ссылке о содержании выступлений Бернштейна, отмечал, что его «теория» «непомерно узкая для Западной Европы — и вовсе негодна и *опасна* для России»[1].

В течение июня — сентября 1898 г. Р. Люксембург сосредоточенно работала над выступлением против Бернштейна[2]. Она стремилась написать не в том стиле, как «большей частью пишутся статьи» в СДПГ, — «так традиционно, так неуклюже, так шаблонно»[3], а найти свежие, идущие от сердца слова. Полемизировала с Бернштейном и читала забытого уже в Германии Берне — он всегда будил в ней свежие мысли. Во второй половине сентября рукопись была готова — 107 страниц, которые Р. Люксембург тотчас отправила в «Лейпцигер фольксцайтунг». Редактор газеты Б. Шёнланк дал очень высокую оценку рукописи и немедленно отправил в печать. С 21 по 28 сентября 1898 г. появилась серия статей под общим заглавием «Социальная реформа или революция?».

В этих статьях Р. Люксембург показала, что Бернштейн по сути дела ставит вопрос о пролетарском или мелкобуржуазном характере рабочего движения, о самом существовании социал-демократии, ибо «*конечная цель* является единственным решающим моментом, отличающим социал-демократическое движение от буржуазной демократии и буржуазного радикализма»[4]. Принципиально отвергая и опровергая возможность реформистского перехода к социализму, Роза Люксембург в полемике с Бернштейном акцентировала внимание на вопросе, подготовляет ли капитализм в силу собственных противоречий... момент своего разрушения (вне зависимости от формы, в какой это проявляется)? Вывод был таков: если согласиться с Бернштейном, что капиталистические «средства приспособления» отменяют развитие капитализма к его

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 46, стр. 26.
[2] См. «Германское рабочее движение в новое время», стр. 392.
[3] «Z pola walki», 1959, N 5, s. 69.
[4] *Р. Люксембург.* Социальная реформа или революция. М., 1959, стр. 15.

гибели, могут устранить его противоречия, то растущее обобществление производства делает излишним социалистический переворот. Значит, социализм перестает быть объективно необходимым, превращается в утопию, и у Бернштейна речь идет не о путях перехода к социализму, а о ненужности этого перехода.

Р. Люксембург подробно анализировала «средства приспособления» капитализма, которые Бернштейн усматривал в развитии кредита, монополий, устойчивости средних предприятий. Исторический опыт показал, что она не всегда была права в своих суждениях: это относится и к характеристике причин экономических кризисов, и к недооценке перспектив развития монополий[1]. Однако в поле зрения Р. Люксембург все время оставалась противоречивость «средств приспособления», их неспособность разрешить коренные антагонизмы капиталистического общества.

Весьма актуальна критика, которой Р. Люксембург подвергла бернштейнианские «методы» введения социализма посредством социальных реформ. Она показала, что прокламируемый ревизионистами «общественный контроль» является не вмешательством в капиталистическую эксплуатацию, а лишь ее упорядочением[2]. Р. Люксембург отвергала попытки представить капиталистическое государство в качестве защитника интересов общества. «Прежде всего современное государство — это организация господствующего капиталистического класса, — писала она. — Если оно в интересах общественного развития берет на себя разнородные, имеющие общий интерес функции, то это происходит только потому и постольку, поскольку эти интересы и общественное развитие совпадают в общем с интересами господствующего класса»[3].

По сей день делаются попытки представить Р. Люксембург поборницей некоей внеклассовой, «чистой» демократии[4]. Однако уже в статьях против Бернштейна она прозорливо отмечала, что демократические по форме учреждения являются орудием

[1] *Р. Люксембург.* Социальная реформа или революция, стр. 23—27.
[2] См. там же, стр. 36.
[3] Там же, стр. 37.
[4] *P. Nettl.* Op. cit., s. 19.

господствующего класса и буржуазия готова ими пожертвовать, как только проявляется тенденция их превращения в орудие действительно народных интересов.

В противовес бернштейнианству, стремившемуся сгладить антагонизмы, ведущие к социалистической революции, статьи Р. Люксембург раскрывали коренные противоречия капитализма. Эклектике Бернштейна, пытавшегося, по словам Р. Люксембург, превратить море капиталистической горечи, постепенно подливая в него по бутылке социал-реформаторского лимонада, в море социалистической сладости, была противопоставлена марксистская диалектика. Развитие капитализма, как отмечала Р. Люксембург, не только приближает человечество к социализму, но и воздвигает «... все более высокую стену между капиталистическим и социалистическим обществом ... Только удар молотом революции, т. е. захват политической власти пролетариатом, может разрушить эту стену...»[1]

С позиций марксистского учения о социалистической революции и диктатуре пролетариата Р. Люксембург раскрывала противоположность марксистского и ревизионистского подхода к целям политической и профсоюзной борьбы рабочего класса, призванным подготовить пролетариат к взятию власти, осуществлению социалистического переворота. Превращение ревизионистами профсоюзной и политической борьбы в самоцель обрекало рабочий класс на роль орудия в руках честолюбивых политиканов, прикрывающихся именем социал-демократов и ведущих закулисные переговоры с «государственно мудрой позицией»[2].

Статьи Р. Люксембург в «Лейпцигер фольксцайтунг» сразу же получили большой резонанс. За ними последовали ее выступления в «Зексише арбайтерцайтунг», главным редактором которой она стала с конца сентября 1898 г. Роза Люксембург уделяла много внимания газете. Она вела главный отдел, в котором обсуждались вопросы стратегии и тактики партии. Стремясь улучшить газету, она прочитывала все материалы, поступавшие в редакцию, и отбирала те из них, которые можно было использовать для успешной партийной работы. Роза старалась добиться рассмотрения вопроса о ревизионизме на предстоящем съезде СДПГ.

[1] *Р. Люксембург.* Социальная реформа или революция, стр. 42.
[2] Там же, стр. 44.

Штутгартский съезд СДПГ открылся 3 октября 1898 г. Это был первый съезд германской социал-демократии, в котором Р. Люксембург принимала участие. С его трибуны она заявила: «Я знаю, что еще должна заслужить свои эполеты в германском движении. Но хочу сделать это на левом крыле, где хотят бороться с врагом, а не на правом, где хотят идти ему на уступки»[1].

Несмотря на попытки Правления партии уйти от обсуждения вопроса о ревизионизме, дебаты все же разгорелись, сторонники Бернштейна выступили на съезде с проповедью своих воззрений. А. Бебель вынужден был дать им публичную отповедь, подчеркнув, что партия не откажется от своей конечной цели борьбы, сформулированной в Эрфуртской программе.

Роза Люксембург выступила на съезде с яркой речью. Возражая тем, кто доказывал, что вопрос о конечной цели и позиции Бернштейна носит академический характер и должен обсуждаться не на партийном съезде[2], она говорила: «Для нас как партии революционной и пролетарской, не существует более практического вопроса, чем вопрос о конечной цели». «... Движение, как самоцель, для меня ничто; конечная цель для нас — все!»[3] Роза Люксембург отстаивала на съезде роль и значение субъективного фактора, активной борьбы народных масс. Бернштейнианской фетишизации развития производства она противопоставляла революционную инициативу парижских коммунаров, которые, к счастью, «не были столь умудрены». Иначе, говорила она, они бы просто решили поспать, ибо их час еще не пробил, «и рабочие показали бы себя не героями, а просто бабами»[4].

[1] *R. Luxemburg.* Gesammelte Werke, Bd. 1/1, S. 238.
[2] Этих взглядов придерживался и А. Бебель как на съезде, так и после него (*A. Laschitza, G. Radczun.* Op. cit., S. 42).
[3] *Р. Люксембург.* Избранные сочинения, т. 1, ч. 1. М. — Л., 1928, стр. 133, 138.
[4] Там же, стр. 134.

Партийное руководство стремилось приглушить полемику на съезде. Каутский призвал даже поблагодарить Бернштейна, который всех «заставил подумать». В заключительном слове П. Зингера подчеркивалось, что партия отклоняет ревизионизм, остается партией классовой борьбы, звучал призыв к всемерному укреплению единства и сплоченности партийных рядов. Никакого решения, осуждающего ревизионистскую проповедь Бернштейна и его последователей, съезд не принял. А. Бебель, который в личной переписке отмечал пропасть, лежащую между партией и Бернштейном, рассматривал его взгляды как угрозу существованию социал-демократии[1], тоже стремился избежать открытой полемики.

Р. Люксембург, подводя на страницах «Зексише арбайтерцайтунг» итоги съезда, осуждала линию «стариков» в развернувшейся дискуссии: «подобная тактика не годится для партийных вождей в столь важном вопросе»[2]. По поводу уклончивого поведения Каутского она писала: «Мы желали бы, чтобы наш, так сказать, официальный теоретик высказывал всегда по важным вопросам собственное «свое» слово...»[3]

Узнав, что по инициативе Каутского Бернштейну предложено изложить свои взгляды в специальной книге, а до этого партийное руководство рекомендует прекратить всякую критику в его адрес, Р. Люксембург начала готовиться к выступлению против Бернштейна, «как только выйдет его книжка»[4].

К этому времени (с ноября 1898 г.) она опять жила в Берлине. Из-за противодействия членов редакции дрезденской газеты ее борьбе с оппортунистами Р. Люксембург была вынуждена уйти с редакторского поста. Сотрудничество в «Зексише арбайтерцайтунг» ограничивалось теперь написанием «Экономических и социально-политических обзоров». Гонорар, который они регулярно приносили, был очень нужен Р. Люксембург, и она систематически

[1] См. *Б. А. Айзин.* Борьба против ревизионизма в германской социал-демократии в конце XIX в. (1898—1899 гг.). — «Германское рабочее движение в новое время», стр. 184—185.
[2] *Р. Люксембург.* Избранные сочинения, т. 1, ч. 1, стр. 159.
[3] Там же.
[4] *R. Luksemburg.* Listy, t. 1, s. 315.

перечитывала для недельного обзора всю прессу, имевшуюся в библиотеке.

Большая напряженная теоретическая работа не превратила Розу в «синий чулок». «Ее многосторонность была так же поразительна, как ее духовная эластичность, остроумие и дар быстро приноравливаться к любому человеку и положению»[1], — вспоминала об этом периоде Л. Каутская, в доме которой часто бывала Р. Люксембург. «С главой семьи беседовала она о политике, со мной занималась всем тем, что служит украшением жизни, с тремя нашими мальчуганами проделывала самые отчаянные проказы, а с нашим добрым гением дома — Цензи — упражнялась она, как добродетельная хозяйка, в кухонном искусстве...»[2]

Политической трибуной Р. Люксембург снова стала «Лейпцигер фольксцайтунг».

В конце февраля 1899 г. вышла книга Бернштейна «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» — «геростратовски-знаменитая книга ренегата»[3], как впоследствии охарактеризовал ее В. И. Ленин. Роза Люксембург ответила на нее серией статей, публиковавшихся в «Лейпцигер фольксцайтунг» в апреле 1899 г. Они сразу привлекли большое внимание. Через месяц вместе с первой серией статей «Социальная реформа или революция?» они вышли отдельной брошюрой под таким же названием. Весь тираж — 2400 экземпляров — разошелся за несколько недель.

Важное место в книге заняла проблема социалистической революции и буржуазной демократии. Опровергая доводы ревизионизма, будто «непрерывный подъем демократии» является «великим основным законом», Р. Люксембург отмечала в современном ей обществе восходящую тенденцию милитаризма и нисходящую линию буржуазной демократии. Из этого она делала вывод о зависимости демократии от развития революционного движения рабочего класса, которое станет «достаточно сильным, чтобы бороться против реакционных последствий мировой

[1] *Р. Люксембург.* Письма к Карлу и Луизе Каутским, стр. 29.
[2] Там же, стр. 28.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, стр. 51.

политики и буржуазной измены»[1]. Разоблачая механистический эклектизм Бернштейна, взвешивающего хорошие и дурные стороны реформ и революции, как взвешивают перец и корицу в потребительской лавочке, Р. Люксембург показывала органическую взаимосвязь развития демократии и пролетарской революции «в смысле захвата государственной власти, завоевания политической власти», отвергала попытки Бернштейна трактовать такой захват как бланкистскую ошибку[2]. Рассматривая реформы как продукт революции, Р. Люксембург подчеркивала, что речь идет о моментах в развитии классового общества, которые друг друга дополняют, завершают и исключают, но «законодательная реформаторская деятельность не обладает собственной независимой от революции движущей силой...» Предпочитать «законный путь реформ *вместо* и в *противоположность* завоеванию политической власти и общественному перевороту» — значит выбирать «...вместо осуществления нового общественного порядка только незначительные изменения в старом»[3]. В этой связи Р. Люксембург отмечала, что проповедь «законодательного преобразования» капиталистического общества игнорирует отношения капиталистической собственности и эксплуатации, подменяет отношения капитала и труда отношениями богатства и бедности, изменить которые способна будто бы реформа распределения материальных благ. Р. Люксембург понимала, что развитие в современном ей капитализме «элементов будущего общества» происходит в таких формах, которые носят классово антагонистический характер (в частности, обобществление производства в виде картелей) и затрудняют осуществление социализма (в частности, господство военного государства, его классовый характер). «Для отделения зерна социалистического общества от его оболочки приходится прибегнуть к захвату политической власти пролетариатом и к полнейшему уничтожению капиталистической системы»[4].

---

[1] *Р. Люксембург.* Социальная реформа или революция, стр. 66.
[2] См. там же, стр. 69.
[3] Там же, стр. 70—71.
[4] Там же, стр. 74.

Р. Люксембург разоблачала попытки ревизионистов фальсифицировать наследие Маркса и Энгельса, приписать им отказ от диктатуры победоносного пролетариата во имя борьбы за реформы, которую ведет порабощенный пролетариат, а «необходимость захвата пролетариатом политической власти» подменить использованием «курятника буржуазного парламентаризма»[1]. Р. Люксембург подчеркивала, что возможность мирного осуществления диктатуры пролетариата, которую предвидел Маркс, не может трактоваться как замена диктатуры капиталистическими социальными реформами[2].

Бернштейнианским опасениям, как бы пролетариат не взял власть слишком рано, она противопоставила концепцию, в которой учет объективной зрелости условий революции сочетался с признанием великой силы субъективного фактора. Главную задачу социал-демократии Роза Люксембург видела в соединении научного социализма с рабочим движением. Особое внимание она обращала на механизм созревания пролетариата в длительных и упорных боях, в победах и поражениях, в ходе приливов и отливов революционной волны. В течение всех двадцати лет борьбы в рядах германского рабочего движения эти проблемы оставались в центре ее внимания. Р. Люксембург была противницей бланкистских методов революционных действий, противопоставляла им работу по созданию классово сознательной, революционной армии пролетариата. Именно поэтому она не могла оправдать тактику воздержания от борьбы, осторожничанья там, где нельзя с аптекарской точностью определить стопроцентную вероятность успеха. Возвращаясь к проблеме, что делать пролетариату, если бы обстоятельства заставили его взять власть в свои руки, пламенная революционерка категорически отвергала рецепты бернштейнианцев, обрекающие «пролетариат в важнейший момент борьбы на бездеятельность, а следовательно, и на пассивную измену собственному делу»[3].

Отстаивая революционную линию социал-демок-

---

[1] *Р. Люксембург.* Социальная реформа или революция, стр. 75.
[2] См. там же.
[3] Там же, стр. 74.

ратического движения, Р. Люксембург внимательно анализировала причины, корни оппортунистических шатаний, хотя и не поняла их связь с империализмом. Она связывала их с мелкобуржуазным и буржуазным влиянием на рабочее движение, с его громадным ростом вширь, со сложностью условий и задач, за которые приходится бороться [1].

Р. Люксембург раскрыла гносеологические корни бернштейнианства, показала его эклектическую эквилибристику, буржуазный способ мышления, заменявший диалектику; определила историческое место бернштейнианства в развитии оппортунизма: оно было первой попыткой дать теоретическое обоснование оппортунистическим течениям в социал-демократии. «В книге Бернштейна оппортунизм завершил свое развитие в теории и дошел до своих конечных выводов» [2].

Работа Р. Люксембург «Социальная реформа или революция?» стала важным вкладом в борьбу с ревизионизмом. Летом — осенью 1899 г. эта борьба все больше обострялась и получила широкий международный резонанс. Оппортунисты в руководстве СДПГ и профсоюзов активно поддерживали позицию Бернштейна. Да и сам он продолжал отстаивать свои взгляды на страницах руководимого Каутским журнала «Нойе цайт».

В сентябре 1899 г. вышла книга Каутского «Бернштейн и социал-демократическая программа. Антикритика». Автор подвергал критике ревизионистскую трактовку развития капитализма, попытки превратить революционную социал-демократию в партию социальных реформ, однако делал это уклончиво, нерешительно, весьма примирительно по отношению к Бернштейну. Решение проблемы пролетарской диктатуры Каутский предлагал «вполне спокойно» предоставить будущему. «Это не полемика *против* Бернштейна, — отмечал впоследствии В. И. Ленин, изучая историю измены марксизму со стороны Каутского, — а, в сущности, *уступка* ему, сдача позиций оппортунизму...» [3]

[1] См. *Р. Люксембург.* Социальная реформа или революция, стр. 85.
[2] Там же, стр. 82, 84.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, стр. 106.

Вопрос о ревизионизме должен был рассматриваться на предстоящем осенью 1899 г. съезде СДПГ в Ганновере. Р. Люксембург в предсъездовских выступлениях подчеркивала, что, если съезд «укажет оппортунизму на дверь», он станет важной вехой в развитии германской, международной социал-демократии [1]. Она заявляла: «Партия — не дискуссионный клуб, а борющаяся организация, которая должна действовать сплоченно... Кто не стоит с нами на одной почве, может идти прочь и создавать свою партию» [2]. Там, где речь идет об основных принципах партии, «мы можем допустить лишь один вид свободы: свободу принадлежать или не принадлежать к нашей партии» [3], — отвечала она сторонникам «свободы критики». Однако Р. Люксембург не ставила перед съездом вопрос об исключении ревизионистов из партии, писала, что не требует выталкивания их из партии, а борьбой против них стремится добиться единства партии [4].

Она недооценивала опасность для партии со стороны ревизионистов. Возвращаясь некоторое время спустя к вопросу о бернштейнианстве, она утверждала: «Крупная и серьезная партия не раскалывается из-за газетных статей, не раскалывается и из-за отдельных политических отклонений», пока «измена социалистическим принципам» не «входит в систему, в обычную практику части партии...» [5] Р. Люксембург считала для Германии невероятным, чтобы ревизионистам «удалось осуществить свои тенденции и преобразовать рабочее движение на свой лад, в соответствии с своими теориями» [6]. В таком духе она выступала и на Ганноверском съезде СДПГ в октябре 1899 г.

Доклад А. Бебеля съезду был, по словам В. И. Ленина, образцом «отстаивания марксистских взглядов и борьбы за истинно социалистический характер

[1] См. у Б. А. Айзина — «Германское рабочее движение в новое время», стр. 212.
[2] Там же, стр. 214.
[3] *Р. Люксембург.* Избранные сочинения, т. 1, ч. 1, стр. 180.
[4] См. там же, стр. 186—187, 191.
[5] *Р. Люксембург.* Избранные сочинения, т. 1, ч. II. М., 1930, стр. 91.
[6] Там же, стр. 84.

рабочей партии»[1]. Но ни Бебель, ни другие выступавшие на съезде ораторы не ставили вопроса об очищении партии от оппортунистов. Отвергая ревизионизм, Ганноверский съезд надеялся обеспечить ее единство путем преодоления оппортунистических взглядов в рамках партии. В. И. Ленин писал в 1902 г. в связи с борьбой против бернштейнианства в СДПГ: «Можно спорить, с точки зрения интересов немецкой партии, о том, насколько уместна была дипломатичность, лучше ли в данном случае худой мир, чем добрая ссора...»[2]

Выступая на съезде, Р. Люксембург заявила, что считает важным не столько общие теоретические споры об оппортунизме, сколько борьбу с конкретными его проявлениями[3].

Такая постановка вопроса о переходе от общих констатаций к конкретной борьбе с оппортунизмом имела важное значение[4]. Тем более что ревизионисты весьма успешно трактовали в удобном для себя смысле даже такие резолюции, которые по существу означали их осуждение. «Каждая более или менее удачно сформулированная резолюция общего характера дает простор для различного понимания и толкования»[5],— отмечала Р. Люксембург. Вместе с тем ее позиция на съезде снижала идейно-политический уровень борьбы с оппортунизмом. Не случайно вопрос о корнях оппортунизма и путях его преодоления не получил необходимого освещения в материалах съезда, в том числе и у Р. Люксембург.

Опасность бернштейнианства проявилась и в связи с «казусом Мильерана» и всеобщей бельгийской стачкой 1902 г.

В июле 1899 г. французский социалист Мильеран вступил в буржуазное правительство, заняв там место рядом с палачом Парижской коммуны генералом Галифе, и начал соучаствовать в осуществлении

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 369.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 13.
[3] См. *Р. Люксембург.* Избранные сочинения, т. 1, ч. I, стр. 197.
[4] См. в этой связи письмо Р. Люксембург Л. Иогихесу 1/IX 1899 г.: «...чувствую, что теоретической болтовни было достаточно. Нужно писать чисто практически. Этого ждут люди» (*R. Luksemburg.* Listy, t. 1, s. 502).
[5] *Р. Люксембург.* Избранные сочинения, т. 1, ч. II, стр. 21.

политики буржуазии. «Мильеран дал прекрасный образчик... практического бернштейнианства...»[1] — писал В. И. Ленин.

«Казус Мильерана» обсуждался на Парижском конгрессе II Интернационала (1900 г.). В результате была принята резолюция Каутского. Отвергая вообще участие социал-демократов в буржуазном правительстве, она допускала его в виде исключения, не оговаривая условий такого исключения. В. И. Ленин впоследствии характеризовал ее как «половинчатую, уклончивую, примирительную по отношению к оппортунистам резолюцию»[2]. Не получил осуждения и сам поступок Мильерана. Необходимая принципиальная позиция в отношении министериализма тем самым закреплена не была.

Для Р. Люксембург была ясна прямая связь мильеранизма и бернштейнианства, ибо «с точки зрения введения социализма по кусочкам в буржуазный строй вступление социалистических элементов в правительство должно казаться столь же желательным, сколько и естественным»[3]. Она выступила с серией статей, посвященных рассмотрению основных проблем социал-демократической тактики.

Уже в начальный период борьбы с бернштейнианством, в октябре 1898 г., на страницах «Зексше арбайтерцайтунг» Р. Люксембург стремилась установить принципиальный «подход к пониманию общей роли парламентаризма в социал-демократическом движении...»[4]. При этом она особо обращала внимание на «силу классового сознания пролетариата»[5], проявляющуюся в «невидимом давлении сознательного пролетариата»[6]. Без такой силы Р. Люксембург считала невозможной ни классовую пролетарскую линию в парламенте, ни развитие социал-демократического движения вообще, хотя, как она подчеркивала, само классовое сознание пролетариата является в свою очередь продуктом социал-демократической работы. Залогом успеха со-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 8.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, стр. 105.
[3] *Р. Люксембург.* Избранные сочинения, т. 1, ч. II, стр. 10.
[4] *Р. Люксембург.* Избранные сочинения, т. 1, ч. I, стр. 165.
[5] Там же, стр. 166.
[6] Там же, стр. 167.

циал-демократического парламентаризма Р. Люксембург считала усиление контакта парламентской фракции с партией, ориентировку на ее «способ мышления». «Принимать участие в положительной законодательной работе по возможности с практическими результатами, и в то же время осуществлять на каждом шагу точку зрения принципиальной оппозиции капиталистическому государству — такова в общих чертах трудная задача наших парламентских представителей»[1], — писала Р. Люксембург.

В связи с «казусом Мильерана» Р. Люксембург продолжила и расширила анализ позитивной деятельности социал-демократов в составе буржуазных органов власти. Она писала в «Нойе цайт» в 1900 г., что социалисты в буржуазном парламенте как противники существующего порядка «принципиально образуют оппозицию». Таким путем решается «крупнейшая задача парламентской деятельности социалистов, прояснение сознания пролетариата». Вместе с тем принципиальная оппозиция является единственным средством достичь практических, осязательных прогрессивных реформ[2]. При этом может быть использовано и давление со стороны массы избирателей, широкого общественного мнения и сплоченная сила народных масс, с которой вынуждены считаться правительство и буржуазия[3].

Р. Люксембург указывала, что вступление Мильерана в буржуазное правительство по существу закрыло для французских социалистов все эти пути. Одновременно обнаружилась существенная особенность правительственной деятельности социал-демократов в условиях буржуазного государства. «...Социал-демократия, чтобы влиять практически, должна занимать все доступные ей в современном государстве позиции, должна всюду продвигаться. Но необходимая предпосылка при этом та, чтобы на этих позициях можно было вести классовую борьбу, борьбу с буржуазией и государством»[4], — формулировала Р. Люксембург исходное положение. Социалист в буржуазном правительстве стоит перед ди-

[1] *Р. Люксембург.* Избранные сочинения, т. 1, ч. 1, стр. 164.
[2] См. там же, стр. 46.
[3] См. там же.
[4] *Р. Люксембург.* Избранные сочинения, т. 1, ч. II, стр. 10.

леммой: либо на каждом шагу быть в оппозиции к своим коллегам-министрам, что должно привести к удалению его из правительства, либо фактически перестать быть социалистом. Отсюда Р. Люксембург делала вывод, что представители пролетариата могут вступать в буржуазное правительство «с целью овладеть им и превратить его в правительство господствующего рабочего класса»[1]. В тех же условиях, когда оборона страны, защита демократии делают необходимым участие в буржуазном правительстве, социал-демократы не должны солидаризироваться с его деятельностью и существованием в целом. Исходя из этого, Р. Люксембург осуждала Мильерана, который «стал орудием буржуазного правительства»[2].

Р. Люксембург подчеркивала международное и историческое значение «казуса Мильерана» для социалистического движения. В этой связи характерно внимание Р. Люксембург к вопросу о необходимости общих изменений форм борьбы и организации рабочего класса. Она считала, что на смену десятилетий спокойного развития, когда социалистическая работа исчерпывалась пропагандой, парламентской деятельностью, организацией профсоюзов, муниципальным социализмом, шел новый период. Пролетариат оказался «перед крупными задачами классовой борьбы в точном смысле этого слова, т. е. политической борьбы рабочих масс, организованных для единого действия»[3]. Хотя ее утверждение касалось Франции, оно имело гораздо более широкое значение.

В апреле 1902 г. в Бельгии развернулась борьба за всеобщее избирательное право, охватившая всю страну. Буржуазия была в панике. Руководство Бельгийской рабочей партии под давлением масс призвало к всеобщей стачке. Однако, когда стачка началась и союзники БРП — либералы потребовали безусловного соблюдения законности, лидеры бельгийских социалистов приняли решение прекратить всеобщую стачку[4].

[1] *Р. Люксембург.* Избранные сочинения, т. 1, ч. II, стр. 12.
[2] Там же, стр. 66.
[3] Там же, стр. 15.
[4] См. «История Второго Интернационала», т. II. М., 1966, стр. 53—54.

События в Бельгии вызвали широкий отклик в рядах международного социалистического движения. Революционные социал-демократы осуждали тактику руководства БРП. «Социалистический пролетариат увидит, к каким практическим результатам ведет оппортунистическая тактика, жертвующая революционной традицией в надежде на скорый успех»[1], — писала ленинская «Искра». Революционные социал-демократы Германии критиковали соглашателей. Бернштейн одобрил их действия, так как они соответствовали его взглядам.

Р. Люксембург в связи с бельгийскими событиями продолжала разработку проблемы социалистической революции, обращая особое внимание на субъективный фактор, без которого даже при созревших объективных предпосылках невозможно «обеспечить победу кратчайшим путем»[2]. Не ограничиваясь констатацией конкретной причины поражения рабочих в Бельгии, она шла дальше и глубже, анализируя перспективы грядущих схваток и начиная критически пересматривать имеющийся опыт германской социал-демократии. В полемике с Бернштейном Р. Люксембург вела борьбу с оппортунизмом в основном в рамках предшествовавшего опыта германской социал-демократии, считавшегося общепринятым. Но это был опыт сравнительно мирного развития конца XIX в. Теперь, как справедливо указывают известные историки ГДР А. Лашица и Г. Радчун, конкретно рассматривая вопрос о роли насилия в революции, Р. Люксембург выходит за прежние рамки и занимает критическую позицию в отношении прежних традиций борьбы германской социал-демократии[3].

Р. Люксембург отмечала, что ни насильственная революция, ни парламентаризм не может считаться единственным, исключительным методом классовой борьбы.

Она критиковала одностороннюю фетишизацию как парламента, так и массовой политической стачки и баррикад, но при этом подчеркивала безусловность «ясного понимания необходимости применения насилия как в отдельных эпизодах классовой борьбы, так и для окончательного овладения государственной властью»[1]. «И если мы посредством парламентской, как и всякой другой, деятельности революционизируем головы, то это для того, чтобы в конце концов в случае крайней необходимости революция из голов переместилась в кулаки»[2], — гласил ее вывод.

В противовес восхвалению «особых, германских методов борьбы» Р. Люксембург расценивала отсутствие массовой политической стачки в арсенале германского пролетариата не как признак превосходства, а как отсталость, определявшуюся условиями политического развития. Она считала массовую политическую стачку одним из основных средств как агитации, так и борьбы рабочего класса.

Важное значение имела разработка Р. Люксембург вопроса о соотношении законности и насилия в классовой борьбе пролетариата. Продолжая разоблачение оппортунистов, она показывала, что буржуазная законность и парламентаризм — лишь формы проявления выросшей из экономического базиса политической силы буржуазии. Тем самым реформистская проповедь отказа от применения силы означала попытку отрицать роль насилия в истории и предопределяла поражение пролетариата на всех участках его борьбы, в том числе и парламентском. Р. Люксембург подчеркивала, что парламентские успехи рабочего класса являются результатом его силы. Само поприще парламентаризма и буржуазной законности может быть сохранено как почва политической борьбы пролетариата только при условии, если господствующие классы чувствуют за спиной социал-демократических парламентариев готовые к борьбе народные массы, которые могут и считают необходимым в случае надобности пустить в дело революционные кулаки[3].

Анализ проблемы сочетания парламентаризма и внепарламентской борьбы пролетариата, органиче-

---

[1] «Искра», 1 июня 1902 г.
[2] *R. Luxemburg*. Gesammelte Werke, Bd. 1/2, S. 212.
[3] *A. Laschitza, G. Radczun*. Op. cit., S. 108.

[1] *R. Luxemburg*. Gesammelte Werke, Bd. 1/2, S. 247.
[2] Там же.
[3] См. там же.

ской взаимосвязи насильственной революции и использования буржуазной законности был весьма плодотворен, особенно в условиях, когда назревал подъем революционной борьбы против капитализма.

Позиция Р. Люксембург в связи с событиями в Бельгии привлекла внимание В. И. Ленина, предложившего в июне 1902 г. напечатать в «Заре» статью Р. Люксембург о бельгийской стачке[1]. Он знал Розу уже с конца 90-х годов по ее работам и выступлениям в прессе, на съездах СДПГ. Летом 1901 г. произошла их первая встреча в Швабинге (Мюнхен). И в дальнейшем они с глубоким уважением относились друг к другу, хотя подчас позиция Р. Люксембург оказывалась в противоречии с ленинской. В. И. Ленин всегда поддерживал революционную линию Р. Люксембург, но принципиально и твердо критиковал ее ошибки.

Предложение поместить статью Р. Люксембург одобрил и Г. В. Плеханов. Мыслилось опубликовать ее рядом со статейкой бельгийского бернштейнианца П. Дейтшера, чтобы противопоставить марксистскую позицию ревизионистской[2]. Возможно, из-за нехватки времени намеченный план не был осуществлен[3], но он свидетельствует о совпадении позиций российских революционных социал-демократов и Р. Люксембург в важных вопросах борьбы с ревизионизмом. Еще раньше (в 1901 г.) В. И. Ленин одобрял намерение опубликовать в «Заре» статью Р. Люксембург против мильеранизма, а также перевести в России сборник ее статей «Социалистический кризис во Франции»[4]. Об этом Р. Люксембург сообщал Плеханов[5].

Важной областью, привлекавшей внимание Р. Люксембург в борьбе за революционную марксистскую линию рабочего движения, были проблемы милитаризма, колониальной, империалистической политики.

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 46, стр. 190.
[2] См. «Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова», т. 1. М., 1973, стр. 204.
[3] См. там же, стр. 348; *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 46, стр. 190.
[4] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 46, стр. 100.
[5] *A. Laschitza, G. Radczun.* Op. cit., S. 104.

Уже на рубеже XIX и XX вв. она увидела новые моменты в развитии милитаризма. Она констатировала его общий рост во всех странах, прозорливо отмечая, что «милитаризм превратился в болезнь капитализма»[1]. Р. Люксембург указывала, что милитаризм необходим капиталистам, во-первых, как средство борьбы между разными национальными группами буржуазии, во-вторых, как важнейший способ приложения финансового и промышленного капитала, в-третьих, как орудие классового господства внутри страны. Такая характеристика при неразработанности общей теории империализма схватывала важные моменты связи милитаризма с наступающим новым этапом развития капитализма[2], могла служить основой для общедемократической антивоенной борьбы. Р. Люксембург справедливо считала антимилитаризм составной частью освободительной борьбы рабочего класса. В противовес ревизионистам Шиппелю и Гейне, отстаивавшим «практическую» политику в области милитаризма, вотирование военных кредитов как «разумную меру» или средство добиться уступок от правительства, Р. Люксембург требовала проведения социал-демократической партией принципиальной антимилитаристской линии.

В сентябре 1900 г. на съезде СДПГ в Майнце Р. Люксембург подвергла резкой критике Правление СДПГ, которое не обратилось непосредственно к массам и не организовало широкого движения протеста против объединенной империалистической интервенции для подавления народного восстания в Китае, предпринятой при активном участии Германии[3].

Подлинным пролетарским интернационализмом было проникнуто ее предложение организовать широ-

---

[1] *Р. Люксембург.* Социальная реформа или революция, стр. 39.
[2] В этой связи интересны замечания Р. Люксембург о влиянии военных поставок на технические усовершенствования, благодаря чему милитаризм оказывается все более плодоносным источником капиталистической прибыли, о выгодности поставок государству, спрос которого отличается устойчивостью, массовостью и обеспечивает монопольные цены (там же, стр. 94—95).
[3] «Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Mainz vom 17 bis 21 September 1900». Berlin, 1900, S. 117.

кие массы, объединенные в рабочие партии, для совместного выступления с протестом против войны в Китае; возглавить такое движение должна была социал-демократия Германии, страны, игравшей руководящую роль в этой войне[1].

Через несколько дней Р. Люксембург выступила с докладом о борьбе против империалистической «мировой политики» на международном конгрессе II Интернационала, состоявшемся в Париже. Готовиться к этому выступлению она начала уже в мае и продолжала до самого конгресса[2].

Р. Люксембург связывала борьбу против милитаризма, империалистической политики в ее новых проявлениях с революционными задачами рабочего класса. Вместо деклараций, просто повторяющих старые решения Интернационала, она требовала активных действий. Р. Люксембург подчеркивала, что новые проявления «мировой политики» способствуют созданию основы для объединенных экономических и политических выступлений международного пролетариата. «Все более становится ясным, — отмечала Р. Люксембург, — что крах капиталистического порядка последует не путем экономического кризиса, а путем политического кризиса, который влечет за собой «мировая политика»... и для того, чтобы решительный момент нашел нас готовыми к великой роли, необходимо, чтобы пролетариат всех стран посредством постоянных международных выступлений подготовился к этому моменту»[3]. Под влиянием Р. Люксембург в резолюции конгресса решительно предлагалось: «...от более или менее платонических демонстраций интернациональной солидарности на политическом поприще перейти к интернациональным действиям, общей борьбе против империализма и мировой политики»[4].

Составной частью разработки политической линии международного пролетариата было рассмотрение Р. Люксембург национально-колониального вопроса.

---

[1] «Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Mainz vom 17 bis 21 September 1900», S. 165.

[2] *R. Luksemburg.* Listy, t. 1, s. 73, 78, 110—111.

[3] «Internationaler Sozialisten-Kongress zu Paris, 23 bis 27 September 1900». Berlin, 1900, S. 27.

[4] Там же, стр. 28.

В конце XIX в. колониальный вопрос во II Интернационале не был достаточно разработан. В социал-демократических партиях распространялось мнение, будто борьба должна быть направлена не против колониализма, а за более гуманную, прогрессивную колониальную политику. В германской социал-демократии в конце XIX в. наметилось направление, отстаивающее необходимость колониальной политики как обязательного условия быстрого экономического развития метрополии. Для подымавшего голову ревизионизма в колониальном вопросе был также характерен беспринципный «практицизм».

Взгляды Розы Люксембург по колониальному вопросу складывались на принципиально иной основе.

Ее позиция была сформулирована четко: колониальная политика служит классовым интересам буржуазии, трудящимся же она несет только отрицательные последствия. Таким образом, Р. Люксембург рассматривает колониализм с классовых позиций, показывает экономические корни колониальных захватов и борьбы за передел мира в отличие от чисто антимилитаристского аспекта борьбы против колониализма, выдвигавшегося на первое место партиями II Интернационала. В подавляющем большинстве этих партий, как наглядно показал Амстердамский конгресс II Интернационала (1904 г.), осуждение захватнической политики сочеталось с признанием освоенных колоний неотъемлемой составной частью хозяйственного организма метрополий, от потери которой может пострадать рабочий класс. В этих условиях принципиальная линия, которую решительно отстаивала Роза Люксембург в колониальном вопросе, увязывая ее с борьбой за социалистическую перспективу, приобретала большое значение[1]. При этом она не пренебрегала оружием поэтического слова, часто цитируя в своих публицистических статьях «лихого барабанщика революции» Генриха Гейне, используя против бюргеров и оппортунистов, пораженных проказой расизма и колониализма, его разящий сарказм. Она даже предложила К. Каутскому опубликовать в «Гляйххайт» «Невольничий корабль» — поразившее

---

[1] См. *Н. С. Яжборовская.* Роза Люксембург и колониальный вопрос. — «Народы Азии и Африки», 1971, № 2.

ее своей образностью и убедительностью антиколониалистское произведение своего любимца [1].

То же решительное отстаивание революционной, социалистической перспективы было характерно для борьбы Р. Люксембург против национального гнета в рамках Германской империи. Проблемы национальной свободы и грядущего социалистического развития польских земель, борьба за революционное единство польского пролетариата так называемых земель прусского захвата и германского рабочего класса по-прежнему занимали большое место в деятельности Р. Люксембург.

После первой агитационной поездки в Верхнюю Силезию, в которой Р. Люксембург участвовала от имени СДПГ и польской социал-демократии, она стала искать пути дальнейшей активизации контактов немецкого и польского рабочего движения. 24 июня 1898 г. она писала: «... инициатива должна исходить целиком от меня. Немцы просто ожидают, что я сделаю какой-нибудь «krach», так мне говорил Винтер, Шенл[анк] и т. д.» [2]. Как следует из письма, в СДПГ склонны были поддержать ее выступление на партийном съезде, внеся соответствующий пункт в повестку дня, но этому должны были предшествовать какие-то практические конкретные шаги.

Роза снова и снова принимает участие в агитационных собраниях польских рабочих, укрепляя их классовое самосознание и завоевывая их симпатии. Большие результаты приносит ее агитационная поездка в последнюю неделю 1899 г., закончившаяся 31 декабря в Бельшовицах. Польские рабочие выбирают ее на V съезд ППС прусского захвата (15—16 апреля 1900 г.), в результате чего она становится членом этой партии. На съезде Роза входит в комиссию по печати при «Газете роботничей», надеясь использовать ее для укрепления польско-германского революционного сотрудничества. Следует подчеркнуть, что ППС была в этих землях единственной польской рабочей партией, и, не входя в нее, можно было защищать интересы польского пролетариата только в рядах СДПГ. Однако, прежде чем Роза успевает закрепиться

[1] См. «Роза Люксембург о литературе», стр. 210, 280.
[2] *R. Luksemburg*. Listy, t. 1, s. 213—214.

в этой комиссии, наступает идейно-политический конфликт.

Растущая популярность Розы Люксембург среди польских рабочих и вступление ее в ППС прусского захвата вызвали переполох среди соглашательского руководства польских социалистов всех польских земель. Краковский «Напшуд» призвал социалистов прусского захвата быть бдительными и готовыми лишить Люксембург полномочий, ибо ее вступление в эту партию «из-за ее враждебного отношения к программе партии... должно стать фактором разлагающим». Несмотря на попытки сохранить видимость благопристойности, «Напшуд» не мог скрыть страха и ненависти к Красной Розе, когда помимо воли признавал: «...в полемике панна Роза, благодаря своим дерзости и ядовитости, всегда одерживает иллюзорную победу...» [1] «Газета роботнича» в отчете о съезде комментировала вступление Р. Люксембург в эту партию как признание ею лозунга независимости Польши и всей линии партии по национальному вопросу [2]. В этих условиях Розе ничего не оставалось, как вступить в открытую полемику. Это повлекло за собой немедленную потерю ею политических акций в глазах руководства ППС прусского захвата и резко ограничило возможности работы внутри этой партии [3].

К этому времени проблема взаимоотношений СДПГ и ППС прусского захвата приняла весьма острый характер. Познаньская организация, которую возглавлял Каспшак, предложила распустить ППС, а ее членам вступить непосредственно в местные организации СДПГ. Роза Люксембург, настроенная более конструктивно, видела необходимость сохранения отдельной национальной организации, входящей в СДПГ. Она сумела уговорить Каспшака отказаться от своего предложения [4].

Она много работала в это время над уточнением программы борьбы польского революционного пролетариата за свои национальные права, стремясь добиться таких формулировок, которые не затемняли бы его классовое самосознание и не тормозили бы

[1] «Naprzód», 29. V. 1900.
[2] «Gazeta robotnicza», 21. IV. 1900.
[3] «Mówią wieki», 1971, N 2, s. 7—8.
[4] «Polski słownik biograficzny», XIV/2, zesz. 53, s. 192.

рост последнего. Именно такую цель ставила предложенная ею на Майнцском партайтаге совместно с делегатом Познаньского округа Ю. Гоговским резолюция о защите права поляков на родной язык, которая была ответом на распоряжение прусского министра культов Штудта, запрещающее преподавание основ религии на польском языке. Обосновывая это предложение, она говорила: «Мы обязаны доказать польскому народу, что защита его интересов — не в трусливых руках буржуазии, а в самых лучших, социал-демократических руках. Мы должны учить польского рабочего избавляться от национальных иллюзий и показать ему, что свои национальные интересы он лучше всего защищает не при помощи сепаратистской позиции — как поляк, связанный с национальными партиями, а как социал-демократ [...] Польскому рабочему следует показать, что он может чего-то достичь только в совместных действиях с немецкой социал-демократией».[1] Это выступление было положено Розой Люксембург в основу прекрасной брошюры, направленной против насильнической антипольской политики германского империализма и призывавшей польский пролетариат к интернациональному единству[2].

Популяризируя на страницах германской печати достижения польской культуры, она писала в 1898 г. по поводу 100-летия со дня рождения А. Мицкевича: «Адам Мицкевич — не только величайший польский поэт и один из самых великих поэтов на свете. Он — поэт, с именем которого теснейшим образом связана вся национальная и духовная история Польши»[3]. В этой статье, опубликованной в «Лейпцигер фольксцайтунг» под названием «Адам Мицкевич», Роза пробует свои силы как литературовед, выясняет социальные корни классицизма и романтизма и определяет отношение к великому поэту с позиций того класса, идеологом которого она была, — пролетариата. Четкость ее суждений по этому вопросу отражает большую зрелость эстетических взглядов. Она высмеивает тех социалистов, которые стараются выискать в произведениях Мицкевича подтверждение его социалистических воззрений. «Что касается нас, — пишет она, — то нам не по вкусу подобные попытки»; «представителем или предшественником современного рабочего класса и его классовой борьбы он не был и быть не мог». Она призывает уважать в А. Мицкевиче искреннего демократа, выдающегося представителя польской национальной культуры, творчество которого является органической составной частью духовной культуры пролетариата[1]. Здесь важно отметить, что в напряженной борьбе против различных проявлений польского национализма Роза Люксембург никогда не забывала о защите достояния национальной культуры.

Во время массовых взрывов негодования населения польских земель прусского захвата по поводу актов германизации Роза Люксембург резко и решительно выступает против политики национального угнетения, ведет последовательную борьбу против тех, кто пытается оправдать и обосновать политику онемечивания польских земель.

Борьба за революционный польско-германский союз была одним из важных и постоянных направлений деятельности Р. Люксембург в СДПГ. Неуклонно отстаивая идею совместной борьбы польского пролетариата с пролетариатом разделивших Польшу государств, она сама осуществляла на практике этот союз, была его воплощением и символом. Она знакомила СДПГ с борьбой польского рабочего класса и периодически освещала состояние германского рабочего движения в польской социал-демократической печати. Ей принадлежит заслуга постановки в германской социал-демократической печати ряда проблем польского рабочего движения в Германии и Австро-Венгрии. Отличная ориентация в этих проблемах — результат активной работы в Верхней Силезии и Познаньском округе; на съездах германской социал-демократии она постоянно является делегаткой от этих организаций, защищает на партайтагах в Любеке, Мюнхене, Дрездене их интересы[2]. В результате ее длительных усилий германская социал-демократия

[1] *R. Luxemburg*. Gesammelte Werke, Bd. 1/1, S. 797—799.
[2] «W obronie narodowości». Poznań, 1900.
[3] *R. Luxemburg*. Gesammelte Werke, Bd. 1/1, S. 302.

[1] *R. Luxemburg*. Gesammelte Werke, Bd. 1/1, S. 307.
[2] *R. Luxemburg*. Gesammelte Werke, Bd. 1/1, S. 798—799; Bd. 1/2, S. 144—145, 283—286, 378—381.

постепенно склоняется к решительному осуждению угнетательской национальной политики германского правительства (соответствующая резолюция была принята съездом германской социал-демократии в Нюрнберге в 1908 г.).

Вместе с Р. Люксембург в защиту прав польского народа в землях прусского захвата неоднократно выступали в печати и ее соратники по польской социал-демократии А. Варский и Ю. Мархлевский, показывая, что политика национального угнетения, поддерживаемая польскими имущими классами, пагубно отражается на интересах польского народа. А. Варский, например, решительно высказывался в поддержку права польского народа на Верхнюю Силезию. В 1903 г. в статье «Карл Маркс и Польша» он ставил вопрос о перспективе объединения польского народа, увязывая ее с крахом капитализма. Развитие общества, писал он, приведет «к тому, что будут разрублены узы, приковывающие польский народ к трем государствам-захватчикам, к тому, что по-прежнему, а скорее заново, по-настоящему произойдет объединение на развалинах буржуазного общества...»[1]. Таким образом, взгляды польских социал-демократов, действовавших в конце XIX — начале XX в. в Германии, отнюдь не грешили национальным нигилизмом.

Самую большую, просто гигантскую работу в защиту интересов польских трудящихся взяла на себя Роза Люксембург. Поездки Розы в Познань были заполнены жаркими дискуссиями на массовых собраниях с противниками марксистского толкования соотношения национальных и классовых задач. Повсюду ей приходилось энергично бороться за укрепление классового самосознания пролетариата. Типичной в этом отношении была картина, нарисованная ею в письме от 6 марта 1902 г. После ее доклада о «польском вопросе и интересах народа в Познаньском», вызвавшего шумные аплодисменты, один из ораторов выступил в защиту линии ксендзов, а «потом Гаазе (деятель ППС прусского захвата.— *Авт.*) вылез бледный как стена и, отдавая мне «частично» должное, — с иронией пишет она, — заявил, однако, протест против того, что я признаю национальный гнет только

[1] «Przegląd socjaldemokratyczny», III, 1903, N 3; *A. Warski*. Wybór pism i przemówień, t. 1, s. 132.

«каплей в море» рабочей недоли, ибо защита национального — самое важное дело. Уже раздавались голоса неодобрения, но и он, как обычно, получил аплодисменты. Потом я в заключительном слове дала краткую отповедь Гаазе, после которой вся зала стала на мою сторону, и с бурными аплодисментами единогласно была принята моя резолюция. Поскольку по требованию полиции прения были прекращены уже в 10, то на завтра, на пятницу, предложено продолжение прений, на которое я обещала прийти. Вообще было самое время, чтобы я сюда приехала навести порядок [...] Как видишь, я тут как в мельнице»[1].

Она много работала во время этих поездок над очередными номерами «Газеты людовой», выпускаемой в 1903—1904 гг., участвовала в выпуске двухнедельника «Освята», занималась распространением революционной литературы, в том числе изданий СДКПиЛ, и т. д.

Однако преодолеть сепаратистские тенденции в польском рабочем движении прусского захвата не удавалось, несмотря на то что представители польской социал-демократии в Германии, сплотившиеся вокруг Р. Люксембург, в постоянном взаимодействии с Правлением СДПГ вели напряженную работу на этих территориях. Например, во время выборов в рейхстаг 1903 г. агитационная работа в Познаньском округе проводилась значительно активнее и результативнее, чем раньше, и в этом была большая заслуга Розы Люксембург. Полемика Р. Люксембург с лидерами ППС прусского захвата имела значение не только для активизации революционного движения в этих землях и для успеха СДПГ. Социал-демократия Королевства Польского считала эту полемику очень важным делом для всего польского рабочего движения.

В Верхней Силезии Роза Люксембург опиралась на Ю. Брунса, с которым дружила начиная с первого приезда 2 июня 1898 г. во Вроцлав, где он был редактором «Фольксвахт», и который по ее совету стал после А. Винтера секретарем организации СДПГ Верхнесилезского промышленного округа. Он поддерживал Розу в борьбе против сепаратизма ППС прусского захвата, которая в конце 1902 г. на своем

[1] *R. Luksemburg*. Listy, t. 2, s. 236—237.

VII съезде вопреки договору с СДПГ приняла решение считать высшей инстанцией для партии только свой съезд и ориентироваться лишь на свою программу, не поддерживать в польских округах делегата СДПГ и т. д.[1] Кроме того, Брунс содействовал в организации материалов для «Газеты людовой» и ее распространении в Верхней Силезии[2].

В отличие от энергичной позиции и разнообразных мер, предпринимаемых Розой Люксембург для сохранения хотя бы существующей формы польско-германского единства пролетариата — выступлений на собраниях и в печати, «чтобы, — как она писала между 28 декабря 1902 г. и 5 января 1903 г. Ю. Брунсу, — влить в Правление партии немного энергии»[3], в самой СДПГ фактический отколп ППС прусского захвата сколько-нибудь существенного противодействия не вызвал.

Правление СДПГ, занятое только подготовкой выборов, ограничилось тем, что поделило с польскими социалистами избирательные округа. Роза Люксембург и в дальнейшем прилагала немало усилий к тому, чтобы укрепить в рядах СДПГ сотрудничество представителей немецкого и польского пролетариата, отстаивала эти принципы на страницах как польской, так и немецкой печати.

Положение Р. Люксембург в рядах германской социал-демократии в начале XX в. было далеко не простое. Она стала общепризнанным революционным публицистом, оратором, докладчиком не только в СДПГ, но и на международной арене. Значителен был вклад Р. Люксембург в защиту и разработку революционной стратегии и тактики социал-демократии. Ее роль в борьбе с бернштейнианством была широко известна. В победе революционного социализма над международным ревизионизмом, зафиксированной в решениях Амстердамского конгресса II Интернационала (1904 г.) при обсуждении международных правил со-

[1] «Nie opublikowane listy Róży Luksemburg w sprawie Górnego Śląska. Listy Róży Luksemburg do Juliusza Bruhnsa (grudzien 1902 — kwiecień 1905). Oprac. E. Klein. — «Ruch robotniczy na Śląsku Opolskim». Zeszyty naukowe (Opole), N 8, 1971, s. 71, 72, 74.

[2] «Ruch robotniczy na Śląsku Opolskim», s. 82—83, 86—87, 95, 98; «Volkswacht», 6. I. 1903.

[3] «Ruch robotniczy na Śląsku Opolskim», N 8, 1971, s. 78.

циалистической тактики, была и ее заслуга. За время многочисленных агитационных поездок с ней хорошо познакомились во многих районах Германии. В 1902 г. после смерти Шёнланка Р. Люксембург вместе с Ф. Мерингом было поручено политическое руководство пользовавшейся широкой известностью «Лейпцигер фольксцайтунг». Правда, их сотрудничество в газете было недолгим, но они навсегда остались соратниками в революционной борьбе. Вместе с ними выступали К. Цеткин, К. Либкнехт и др. Своеобразной оценкой деятельности Р. Люксембург было судебное преследование ее в 1901 г. за брошюру в защиту прав поляков и тюремное заключение в 1904 г. за «оскорбление» кайзера Вильгельма II.

Ее ненавидели оппортунисты и в душе остерегались многие руководящие функционеры СДПГ. Испытывать «беспокойство» приходилось не только партийному руководству, но порой и единомышленникам. Уже в этот период Р. Люксембург далеко не все нравилось в Каутском, но она не только очень дружила с его семьей, но и в нем самом видела товарища по борьбе, который, правда, подчас иначе мыслит и чувствует. «Карл, теперешняя драка — это не вынужденная схватка в серой атмосфере безучастия, каких тебе пришлось пережить так много в последние годы: теперь интерес массы опять оживился, я это чувствую сквозь стены, и потом не забудь: Интернационал теперь очень внимательно смотрит на нас... Все это я пишу тебе не для того, чтобы подавить тебя... но для того, чтобы пробудить в тебе радость в полемике, или, по крайней мере, передать тебе мою радость...»[1] — писала она Каутскому из тюрьмы Цвикау в 1904 г. Радость Розы не имела ничего общего с выхолощенным фанатизмом. Ее жизнелюбие выливалось в умение видеть мир во всем многообразии его радостей и печалей, в богатстве его проявлений. Хорошо зная цену настоящей жизни, испытывая упоение борьбой, Роза наслаждалась встречами с друзьями, искусством, музыкой. В письме Л. Иогихесу (Тышке) от 17 июля 1900 г. она делилась своими мечтами

[1] *Р. Люксембург.* Письма к Карлу и Луизе Каутским, стр. 73—74.

заняться «штудированием искусства», «которое меня в последнее время страшно поглощает» — «... после серьезной работы читать историю искусства, посещать галереи и оперы»[1]. Частично это удавалось, и ее эпистолярное наследие хранит целый ряд интересных мыслей и наблюдений в этой области. Занятия искусством, однако, не отвлекали Розу от главного — от идейно-политической борьбы.

Между тем и здесь возникали, казалось бы, непредвиденные сложности. На Мюнхенском и Дрезденском съездах СДПГ в 1902 и 1903 гг. действия Р. Люксембург искусственно ограничивали; ей не дали выступить даже по докладу А. Бебеля, явно опасаясь конфликта с оппортунистами[2]. Р. Люксембург стремилась сплотить единомышленников. В марте 1899 г. она писала, что хочет дать возможность «всей «левой» сойтись и снюхаться»[3]. После Майнцского съезда (1900 г.) отмечала: «Наше направление может быть вообще-то очень довольно съездом»[4].

С годами Р. Люксембург становилось все более ясным, что германская социал-демократия нуждается в усвоении передового опыта зарубежного рабочего движения. В Интернационале она видела новые силы, с помощью которых могло укрепиться левое крыло партии. После Амстердамского конгресса 1904 г. Р. Люксембург писала Каутскому: «Вывод для меня таков, что у нас ужасно много работы, и в первую очередь нам ужасно много придется учиться; я имею в виду изучение движения в различных странах; у меня такое чувство, что мы («немцы») уже одним лишь познанием движения в других странах приобретаем превосходство и влияние, и, с другой стороны, я чувствую, что мы уже одним сближением с Интернационалом все усиливаем нашу (в узком смысле) позицию внутри немецкого движения»[5].

---

[1] *R. Luksemburg.* Listy, t. 2, s. 100.

[2] Бебель понимал, сколь живительна ее критика для партии. «Оставьте мне только Розу в покое, — такая щука очень полезна среди карасей в нашем пруду», — отвечал он негодующим «карасям» (см. предисловие Л. Каутской к немецкому изданию книги: *Р. Люксембург.* Письма к Карлу и Луизе Каутским, стр. 31).

[3] *R. Luksemburg.* Listy, t. 1, s. 396.

[4] *R. Luksemburg.* Listy, t. 2, s. 110.

[5] *Р. Люксембург.* Письма к Карлу и Луизе Каутским, стр. 74.

НА СЛУЖБЕ СДКПиЛ. РЕВОЛЮЦИЯ ГРЯДЕТ ИЗ РОССИИ

В России рабочее движение набирало силу. В марте 1898 г. первый съезд РСДРП положил начало существованию марксистской партии. Сбывалось предсказание К. Маркса и Ф. Энгельса о перемещении центра революционного движения в Россию. Пророческими оказались слова Ф. Энгельса, сказанные в 1893 г.: «Россия,— это Франция нынешнего века. Ей законно и правомерно принадлежит революционная инициатива *нового* социального переустройства»[1]. Вместе с ростом рабочего движения развивалась, поднимаясь на более высокий уровень, социалистическая мысль. Ленинская «Искра» и «Заря» готовили завершение процесса создания партии на марксистских принципах.

Обосновавшись в Германии, Роза Люксембург продолжала внимательно и с большим интересом следить за развитием рабочего и социалистического движения в России. Узнав, что «Форвертс» неохотно печатает материалы о российском рабочем движении, сокращает их, она постаралась наладить их публикацию в «Лейпцигер фольксцайтунг». С неодобрением высказывалась она в письмах об «экономистах» и «легальных марксистах», намереваясь использовать предложения о сотрудничестве в «Рабочем листке», чтобы «назло написать им статейку о «слабых сторонах русс[кого] соц[иал]-д[емократического] движ[ения]» и элегантно отхлестать их «с классовой точки зрения»...»[2]. Понравилась ей и мысль выступить в русской печати с критикой бернштейнианства. И то и другое намерение, правда, реализовать в тот момент не удалось. Когда же русский экономист П. Струве выступил в защиту Э. Бернштейна, Роза Люксембург энергично включилась в борьбу против «легального марксизма». В письме Л. Иогихесу от 21 декабря 1899 г. она замечала: «Струве слопать очень даже

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 490; см. также т. 19, стр. 123, 124, 143, 146, 158, 305; т. 34, стр. 229, 230.

[2] *R. Luksemburg.* Listy, t. 1, s. 354; t. 2, s. 73—74, 189, 192.

стоит. ...По крайней мере так постараюсь его допечь, чтобы он из кожи выскочил»[1].

Последовательная революционно-марксистская позиция Розы Люксембург обусловила установление контактов с нею редакции социал-демократической «Зари», политический профиль которой ей был вполне ясен,— она с удовлетворением назвала его «русским антибернштейниановским журналом»[2].

Интерес к российской социалистической мысли побудил Розу Люксембург, знакомую с плехановской критикой народничества, с полным одобрением отнестись к замыслу Л. Иогихеса работать над темой «Марксизм и народничество» и торопить ее разработку[3].

Тем временем к концу 1899 — началу 1900 г. рабочее движение в Королевстве Польском при деятельном участии бежавшего из ссылки, а ранее работавшего среди польского пролетариата в Литве Феликса Дзержинского снова набирает силы. В августе 1900 г. на съезде в Отвоцке польская социал-демократия восстанавливается под руководством Ф. Дзержинского как Социал-демократия Королевства Польского и Литвы, прочно стоящая на позициях пролетарского интернационализма.

Партия вновь проверяет и уточняет свои программные установки. Свидетельство этому мы находим в конспектах Ф. Дзержинского и в написанном им реферате — агитационной брошюре, распространявшейся в рукописном виде в Варшаве в качестве идейной платформы социал-демократии и содержавшей «подробную популярную критику ППС»[4].

В записях Дзержинского существенное место занимают материалы «Справы роботничей», комплект которой он тщательно проработал вместе с брошюрой Р. Люксембург «Независимая Польша и рабочее

---

[1] *R. Luksemburg*. Listy, t. 1, s. 576, 583—584; t. 2, s. 7, 13, 22, 25, 30, 82, 359, 360, 484, 513.

[2] *R. Luksemburg*. Listy, t. 2, s. 82, 137. См. также подборку «Р. Люксембург и российское рабочее движение». — «Вопросы истории КПСС», 1971, № 3.

[3] *R. Luksemburg*. Listy, t. 1, s. 77, 88 etc.

[4] *См. Ф. Э. Дзержинский*. Избранные произведения, т. I. М., 1967, стр. 27.

дело», сопоставляя с материалами пепеэсовских «Роботника» и «Пшедсвита». Молодого руководителя социал-демократии волновали те же идейно-политические проблемы, которые решала Р. Люксембург, и прежде всего формулирование таких лозунгов, которые, полностью отвечая интересам пролетариата, в том числе задаче ликвидации национального гнета, не затемняли бы его классовое сознание. Анализируя позицию ППС, Ф. Дзержинский видит ее противоречивость, просчеты в оценке расстановки классовых сил. Он подчеркивает порочность подчинения классовых требований пролетариата национальным требованиям, возвращаясь к продумыванию проблемы независимости несколько раз и стараясь выяснить, при каких условиях рабочий класс может принять этот лозунг. Конспекты показывают, что внимание Ф. Дзержинского сосредоточивалось на осмыслении аргументации Р. Люксембург в защиту политической линии польской социал-демократии. В них неоднократно встречаются попытки конкретизировать положения ее работ с учетом тех или иных высказываний публицистов ППС.

В брошюре, написанной Ф. Дзержинским, весь материал подчинен доказательству ошибочности лозунга независимости «ввиду угрозы потери пролетариатом понимания своих классовых интересов», ибо такой лозунг способствует развитию в условиях царского режима «психологически понятных» антирусских настроений у малосознательных слоев пролетариата и затрудняет разъяснение его классовых интересов, в том числе пропаганду интернационализма. «Пока солнце взойдет, роса очи выест»[1], — записывает Ф. Дзержинский для себя.

Взвешивая аргументы противников Р. Люксембург, Ф. Дзержинский решительно подчеркивает, что он на ее стороне, за совместную с революционными силами России борьбу против царизма.

Таким образом, восстановление польской социал-демократии происходит на тех же самых идейно-политических основах, которые в 90-е годы XIX в. сформулировала Роза Люксембург, хотя она не вошла, как и раньше, в Главное правление партии.

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 5, л. 10—12, 39.

Программным требованием съезда в Отвоцке стало требование реализации русско-польского революционного союза. Съезд принял следующую резолюцию об отношении к РСДРП: «Учитывая: 1) что программа и тактика нашей партии в своих главных положениях одинаковы с программой и тактикой «Российской социал-демократической партии», 2) что ежедневная борьба пролетариата с точки зрения политических условий царизма, в которых она ведется, требует самого тесного объединения рабочих во всем русском государстве, съезд считает необходимым войти в самые близкие отношения с указанной партией»[1].

Последовательно интернационалистская позиция СДКПиЛ и ее идеолога Розы Люксембург повлекли за собой на Парижском конгрессе II Интернационала (1900 г.) резкий конфликт внутри польской делегации. Как писала 18 ноября 1902 г. участница конгресса Ц. Войнаровская, «папуасы [ППС. — *Авт.*] выступили с нисколько не маскируемым намерением фигурировать в качестве единственной в Польше «социалистической» партии, великая цель, ради достижения которой они признали возможным объявить на этом конгрессе потерявшими честь и совесть шпиками, фальсификаторами мандатов и т. д. не только Ад. Варшавского-Варского и Розу Люксембург, но и меня, и всех делегатов польской социал-демократии»[2].

Мандаты Р. Люксембург, полученные от польских рабочих прусского захвата — от пролетариата Верхней Силезии (округа Бытом — Тарновице) и Познани, были признаны пепеэсовским большинством на заседании польской делегации недействительными. Первый — потому, что якобы он был подписан немцами и «несколькими десятками рабочих с фамилиями, звучащими преимущественно по-польски, и с именами, написанными по-немецки» (Л. Василевский тут же добавил, что «фамилии, звучащие по-польски, могут в землях прусского захвата принадлежать и немцам...»), а также поскольку «на нем нет ни одной подписи известных товарищей»; опротестован был и второй мандат — от 360 рабочих Познани, на том основании, что сомнительными показались подпись и печать известного деятеля Матушевского, который «очень давно с ППС не контактируется», а печать Агитационной комиссии Познаньского округа признана недействительной по тем мотивам, что эта комиссия — «немецко-польская, с ППС никакого контакта не имеет и руководится немцами». В этой обстановке, разумеется, не помогли заверения Ст. Трусевича-Залевского, что у Розы Люксембург был еще мандат от организаций в Литве, которым она не воспользовалась, а в Варшаве в пользу ее кандидатуры собирались подписи[1]. Не были приняты во внимание и протесты других польских социал-демократов, подчеркивавших, что она — «теоретический глава политики СДКПиЛ», в том числе брата А. Варского Маурицию («Жарского»), заявившего: «Если как социал-демократ я верю в социализм, то единственно и только благодаря Р. Люксембург»[2]. Большинством голосов Роза Люксембург была исключена из состава польской делегации, при этом была даже принята шельмующая ее резолюция. Это произошло после того, как Л. Василевский, употребляя самые черные краски, призывал «всех честных людей раз и навсегда выкопать пропасть между ними и Розой, ибо позорные отношения с Розой всегда будут пятнать людей, поддерживающих эти отношения, и не позволят им встать на честный путь». Вторя ему, И. Дашиньский не остановился перед употреблением словечка «сволочь», призывая «разоблачать эту банду, отравляющую чернилами наше движение, и давать им пощечины»[3].

Однако исключить приобретшую уже большой авторитет в международном рабочем движении Розу Люксембург из числа делегатов конгресса не удалось. Более того, она внесла значительный вклад в работу

---

[1] «Przegląd robotniczy» (Zurych), 1901, N 2–3, s. 29.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 163, оп. 1, д. 44, л. 10 об. — 11.

[1] Приехавший с Парижского конгресса Ст. Трусевич-Залевский писал Ц. Войнаровской: «После возвращения я нашел здесь присланный из Варшавы и запоздавший мандат для Розы с 218 подписями, в их числе 27 подписей из Цитадели (т. е. от политзаключенных. — *Авт.*). Роза была очень растрогана...» («Socjaldemokracja Królestwa Polskiego i Litwy. Materiały i dokumenty», t. 1, cz. II. Warszawa, 1962, s. 61).
[2] Там же, стр. 273, 276.
[3] Там же, стр. 275.

Парижского конгресса. Те представители польской социал-демократии, которые вместе с пепеэсовским большинством квалифицировали как «предательство» дела польского социализма обращение Розы Люксембург к конгрессу за помощью по вопросу о признании ее мандатов, были исключены из СДКПиЛ. «Подпись под резолюцией враждебной нам партии и осуждение тов. Р. Л., которая, как бы там ни было, имеет большие заслуги перед польским социал-демократическим движением, должны считаться изменой по отношению к партии...»[1] — пояснял В. Ольшевский 24 ноября 1902 г. позицию Центрального правления Товарищества польских рабочих социал-демократов за границей.

Лучшим опровержением обвинения в непричастности Розы Люксембург к польскому революционному движению служило Обращение Главного правления СДКПиЛ, написанное ею и распространившееся в то время в Королевстве Польском. Яркое, призывное, оно гласило: «С горячей надеждой смотрит сейчас цивилизованный мир на будущее России. Наконец и в империи царей выступил на бой тот великан, перед мощной объединенной волей которого ничто не устоит: трудовой народ. Вздохом надежды и радости поднимается и наша грудь. Ведь русский рабочий — это наш брат, наш товарищ в недоле, наш товарищ в борьбе против общих врагов. Только вместе с ним, только при его энергичной помощи мы сможем свалить колосс царского самодержавия»[2].

В начале 900-х годов происходит идейно-политическое сближение польских социал-демократов с РСДРП. Г. В. Плеханов, который до лета 1896 г. поддерживал ППС, после Лондонского конгресса II Интернационала изменил свою позицию. Он убедился в том, что в этой партии преобладает отрицательное отношение к идее русско-польского революционного союза. Будучи последовательным противником угнетения Польши, готовым содействовать польским революционерам в борьбе с царизмом, он не мог принять необъективного, недружелюбного или прямо враждебного отношения представителей ППС к российскому рабочему движению.

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 165, оп. 1, д. 10, л. 2.
[2] «SDKPiL. Materialy i dokumenty», t. I, cz. II, s. 155—156.

И если Роза Люксембург в 1896 г. из-за контактов Г. В. Плеханова с руководством ППС выступила против его предложения, чтобы польские социал-демократы вошли на Лондонском конгрессе в общероссийскую делегацию, которую он возглавлял, то появление у него критических ноток в адрес ППС создавало условия для налаживания отношений. Г. В. Плеханов выступил в июле 1896 г. на страницах «Форвертс» со статьей, осуждавшей «несколько неверный тон, который мог бы оказаться в высшей степени вредным для развития социализма в самой Польше»[1]. Характер контактов Плеханова с лидерами ППС все более изменялся. Л. Василевский высказывал в письме 21 марта 1898 г. претензии, что в женевских «Работнике» и «Листке «Работника»» «как бы замалчивается» деятельность этой партии. Публикуя присланное вскоре сообщение о праздновании 1 Мая в Польше, Г. В. Плеханов в комментарии от издателей обращал внимание на то, что подход польских социалистов к развертыванию российского рабочего движения весьма специфичен — им «*не хочется* верить в успехи рабочего дела в России». Это явление, замечал он, связано с их особым психологическим настроением и отражает различия между «программой русских социалистов, с одной стороны, и ППС — с другой»[2].

На основе выяснения общности интернационалистских убеждений отношения Р. Люксембург и Г. В. Плеханова постепенно выравнялись настолько, что с началом борьбы против Бернштейна он просил Розу перевести на немецкий язык свою антибернштейнианскую статью. Хотя Роза и не взялась за перевод, она обещала всяческую помощь и в этом деле[3]. Но, изменив свое отношение к ППС, Г. В. Плеханов не сразу сблизился с польской социал-демократией. В октябре 1900 г. он в связи с вопросом об освещении в «Искре» польского рабочего движения писал из Же-

[1] «Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова», т. II. М., 1973, стр. 25.
[2] Там же, стр. 25, 208.
[3] «Литературное наследие Г. В. Плеханова». Сб. V. М., 1938, стр. 268—269.

невы В. И. Ленину: «...нам надо быть очень осторожными в польских делах. Поляки (P. P. S.) могут очень навредить нам в международных отношениях. Если бы так называемые социал-демократы польские были сильны, тогда — другое дело, но... сильны ли они?»[1]

Вскоре Г. В. Плеханов предпринимает конкретные шаги для налаживания более близких контактов с СДКПиЛ. 29 января 1901 г. он составляет обращение к польским социал-демократам, в котором четко формулирует то главное, что объединяет революционных социал-демократов России и Польши: «Не высказываясь о преимуществах различных программ, между которыми делятся революционные силы Польши, я твердо убежден, что польская социалистическая демократия много сделает для сближения социалистов Польши с русскими социалистами. Это сближение явится большой победой духа интернационализма над шовинистическими тенденциями обеих стран. Примите же от меня и от моих друзей выражение самой глубокой и самой искренней симпатии»[2]. Этот документ направлялся близкой Розе Люксембург представительнице СДКПиЛ в Международном социалистическом бюро Цезарине Ванде Войнаровской.

Польские социал-демократы со своей стороны шли навстречу этой инициативе.

«Искра» и «Заря» постоянно привлекают к себе внимание Розы Люксембург. Общее направление этих изданий она встретила одобрительно. 12 января 1902 г. она пишет Л. Иогихесу, которому систематически пересылает номера «Искры» и «Зари»: ««Зарю» читаю с большим интересом и попросту завидую русским. Вчера вечером на десерт прочитала «Элементы идеализма» Засулич, причем смеялась искренне: как она забавно пишет!» А еще через пять дней: «Чтение «Зари» действует на меня возбуждающе и вызывает во мне массу разных мыслей в отношении нашей работы, наших задач и планов на ближайшее будущее»[3]. Роза торопится выяснить редакторский и авторский состав «Зари» и «Искры». В ее письмах

[1] «Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова», т. I, стр. 105.
[2] «Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова», т. II, стр. 210, 388.
[3] *R. Luksemburg*. Listy, t. 2, s. 126, 148, 150, 153, 164, 169.

неоднократно в это время повторяется фамилия «Ульянов». Она отмечает его руководящую роль в «Искре»[1], начинает расшифровку псевдонимов авторов «Зари» именно с него. Налаживаются и ее личные контакты с издателями «Искры» и «Зари».

Несколько позже, 7 августа 1904 г., в письме к А. Н. Потресову она даст развернутую характеристику близкой ей духовно ленинской «Искры» и подчеркнет, что особенно дороги в ней были «та практическая неуступчивость и intrencigeance (непримиримость.— *Авт.*), по отношению ко всем не-марксистским и не социал-демократическим Konfusionsrat' ам (путаникам. — *Авт.*), та непреклонность, прямолинейность, которая доказывала в русской социал-демократии сознание своей силы и своего значения. Эта самая резкая неуступчивость на практике... сразу создала в год-два до съезда небывалый прежде престиж Вашей партии»[2].

Когда между немецкой газетой «Форвертс» и «Зарей» возник конфликт по поводу критической оценки последнего съезда германской социал-демократии в Любеке, Роза решительно встала на сторону российских социал-демократов и оказала им активную поддержку «советом и материалом». Она поставила перед руководством СДПГ вопрос о недопустимости пренебрежительного отношения к российскому рабочему движению, несмотря на то что это вызвало «великое охлаждение» к ней редакции «Форвертс»[3]. Зато «Искра» и «Заря» заявили о своей солидарности с политической линией Р. Люксембург[4].

Роза Люксембург постоянно поддерживает тесные связи с российской социал-демократией, получает ее печатавшуюся за границей литературу, в частности содержавшую критику экономистов. «Русские печатают новую брошюру... о внутренних спорах с «Рабочим делом»,— сообщает она 1 февраля 1902 г. Л. Иогихесу.— Я просмотрела вчера первый лист; написано типичным стилем плехановской группы [...].

[1] *R. Luksemburg*. Listy, t. 2, s. 122, 126, 158, 178 и др.
[2] «Вопросы истории КПСС», 1971, № 3, стр. 106.
[3] *R. Luksemburg*. Listy, t. 2, s. 139—140, 157, 161, 166—168, 171, 173, 180—181, 186—188, 207, 212—213 и др.
[4] См. «Ленин в борьбе за революционный Интернационал». М., 1970, стр. 47—48.

Книжка выйдет через 2 недели, и я ее тебе сразу пришлю»[1].

Проблемы единства общероссийского рабочего движения снова захватывают Розу Люксембург и занимают все больше места в ее публицистике. Когда Главное правление СДКПиЛ решило издавать теоретический журнал вроде «Зари» и обратилось к Розе через Дальского (А. Эттингера) с просьбой взять издание «в свои руки», она не смогла не принять горячего участия в судьбе этого журнала. С этим предложением столько «бодрости, охоты влилось в сердце», признавалась она, выражая надежду, что собирание сил польских социал-демократов, налаженное издание и установление связи со страной дадут возможность ей, А. Варскому и другим больше работать для СДКПиЛ. Свои планы в связи с этим изданием она конкретизировала в письме Л. Иогихесу от 22 января следующим образом: «Я намереваюсь написать статью о ППС, критически-историческое исследование об их программном развитии. [...] Чувствую как бы растроганность, снова беря в руки «Пшедсвит» и нашу старую польскую революцию. Куражу и желания у меня к этой работе столько, сколько давно уже не было. [...]

У меня будет изрядно работы... Но эта работа мне улыбается»[2]. Роза решает, что ее амплуа в этом новом польском теоретическом органе — «Пшегленде социалдемократычном» будет следующим: «ведение систематической борьбы с ППС и придание тем самым определенного тона изданию, формально не входя в редакцию». «Я чувствую, — пишет она 25 января, — что каждое мое слово по-польски будет теперь действовать мощно, и постараюсь написать что-нибудь с талантом и силой»[3]. В 1902—1903 гг. на страницах журнала появляются три крупные работы, в которых Роза полемизирует с социалистами из ППС по вопросу о соотношении классового и национального и отстаивает примат классового начала и пролетарский интернационализм[4]. Согласно заданному Р. Люксембург общему направлению, «Пшегленд социалдемократычны» в 1902—1904 гг. из номера в номер давал на своих страницах разнообразную информацию о рабочем движении в России, о различных формах борьбы пролетариата, об изданиях российских социал-демократов, и особенно об «Искре», откуда неоднократно перепечатывались различные, в том числе ленинские, материалы. Так, журнал опубликовал статьи В. И. Ленина «Революционный авантюризм», «Национальный вопрос в нашей программе» и другие, а также проект программы РСДРП[1]. Постановка российскими социал-демократами вопросов программы (в том числе национального) широко освещалась в «Пшегленде»[2].

В августе 1902 г. состоялась конференция СДКПиЛ. Вернувшийся из сибирской ссылки Ф. Дзержинский во время ее организации встречался с Р. Люксембург, которая, как он писал несколько позже, «хотя и не участвовала в конференции, но знала обо всех вопросах и одобрила резолюции...»[3]. При обсуждении первого пункта повестки дня, касавшегося издательской деятельности партии, конференция отметила важность издания теоретических, исторических, агитационных материалов и постановила издать программную брошюру, а также брошюры об истории социалистического движения в Польше, о клерикализме и др. Конференция поручила Р. Люксембург «написать научное произведение, обосновывающее теоретическую позицию СДКПиЛ»[4]. Одновременно конференция подчеркнула важность скорейшего издания популярной брошюры, разъясняющей программу-минимум[5].

Фактически на плечи Р. Люксембург легло решение не только непосредственно порученных ей идейно-теоретических задач, но и написание большинства перечисленных популярных работ.

Первым большим программным произведением, затронувшим ряд важных аспектов проблемы рево-

---

[1] *R. Luksemburg*. Listy, t. 2, s. 189—190.
[2] Там же, стр. 156, 172.
[3] Там же, стр. 176, 177.
[4] «Przegląd socjaldemokratyczny», 1902, N 3; 1903, N 1.

[1] «Przegląd socjaldemokratyczny», 1902, N 4—5; 1903, N 9. Подробно о материалах польской социал-демократической печати, посвященных России, см. *Н. Н. Пухлов*. Из истории Польской социал-демократической партии (1893—1904 гг.). М., 1968.
[2] «Przegląd socjaldemokratyczny», 1903, N 3, 4, 9.
[3] «SDKPiL», t. II, Warszawa, 1962, s. 120—121.
[4] Там же, стр. 105.
[5] «Przegląd socjaldemokratyczny», 1903, N 1, 2.

люционного единства польского пролетариата с пролетариатом других национальностей Российской империи, стала работа «Памяти «Пролетариата»», написанная к юбилею партии. Еще раз убедившись, насколько живучи в польском рабочем движении чуждые марксизму волюнтаристские концепции «Народной воли», поддерживаемые правым руководством ППС, прятавшимся за авторитет «Пролетариата», Роза считает необходимым доказать ненаучность подобных концепций и утвердить лучшие революционно-материалистические традиции «Пролетариата». Начав с исследования состояния польского и общероссийского движения в 80-е годы, она разбирает идейные и тактические установки «Народной воли» и «Пролетариата», а потом переходит к анализу концепций его эпигонов. Она подчеркивает, что террористическая тактика народников в значительной мере порождалась представлением, будто капиталистические отношения являются «произвольным продуктом политической власти» и поэтому-де заговор против царизма и террор приведут к решению социальных проблем. «Насколько теория «самобытного» исторического пути России была ошибочной, мы знаем уже на основании всесторонней оценки ее в изданиях русской группы «Освобождение труда»» [1], — пишет Роза Люксембург. Она еще раз указывает на объективные основы польско-русского социал-демократического сотрудничества и особенно подчеркивает необходимость научно-материалистического анализа состояния общества. Р. Люксембург специально выделяет принципиальный вопрос об исторической миссии пролетариата, о диктатуре пролетариата, одновременно указывая на то, что современный этап — это этап борьбы за свержение самодержавия [2].

Люксембург аргументированно доказывает, что именно социал-демократия является прямой и последовательной наследницей лучших программных установок «Пролетариата». Вместе с тем она раскрывает идейную слабость его эпигонов, в литературе которых «быстро воцаряется... вульгарная «революционная» фраза», их неумение определить степень зрелости

[1] *Р. Люксембург.* Памяти «Пролетариата», стр. 37, 55.
[2] Там же, стр. 15, 16, 45 и др.

противоречий капитализма, сочетающееся с их вступлением на путь бланкистской тактики вместо развития борьбы пролетарских масс [1]. Она сосредоточивает внимание на вопросе о закономерности социальной революции в общественном развитии как объективном процессе осознания людьми конфликта между новыми производительными силами и отжившими производственными отношениями, и на необходимости борьбы за разрешение этого противоречия. Что касается трактовки категории «революция» в плоскости преднамеренного действия [2], то она только подходила к рассмотрению революции как этапа сознательного и насильственного разрешения антагонистических общественных противоречий, к глубокому научному анализу роли субъективного фактора, функций пролетарской партии. Решительно выступая против терроризма польских социалистов, она старалась подчеркнуть сугубую вредоносность «искусственного «делания» революции», ненаучность представлений, отрывающих деятельность партии от классовой борьбы масс [3]. Но при этом она уделяла недостаточно внимания анализу роли и функций пролетарской партии. Эта односторонность трактовки закономерности социальной революции несколько позже дала свои отрицательные политические результаты. Вместе с тем, и это было важнейшим идейно-политическим достоинством данной работы, она выводила из лучших традиций «Пролетариата» курс социал-демократии на создание единой пролетарской партии всех национальностей Российской империи. Более того, Р. Люксембург указывала на единство программных установок и политического курса польского и общероссийского революционного рабочего движения, на общие тактические принципы, основывающиеся на признании необходимости массово-политической борьбы пролетариата.

Неоднократно приветствуя на страницах печати рост стачечной борьбы рабочих в России, Роза Люксембург в то же время внимательно следит за отношением русских революционеров к индивидуальному

[1] *Р. Люксембург.* Памяти «Пролетариата», стр. 58, 59.
[2] См. *М. А. Селезнев.* Социальная революция. М., 1971, стр. 234—235.
[3] *Р. Люксембург.* Памяти «Пролетариата», стр. 58, 61.

террору. Она осуждает тактику эсеров[1] и, когда «Форвертс» снабдил статью Г. В. Плеханова «Социал-демократия и терроризм» благосклонным примечанием о деятельности российских террористов, резко выступает против такого комментария, ибо он означал поддержку противников РСДРП, их тактики.

Для истинных марксистов имя Розы Люксембург становится лучшей гарантией подлинно революционного направления. Так, например, обращаясь к Ц. Войнаровской с просьбой заказать у П. Лафарга статью для «Пшеглянда социалдемократычного», А. Варский добавляет, что если потребуется подтвердить, что журнал этот «чисто марксистский», достаточно сослаться на сотрудничество в нем Розы Люксембург: «...доказательством для него будет, что Рузя — пишет»[2]. Закончив статью «Памяти «Пролетариата»», Роза Люксембург продолжает заниматься программными вопросами, приступает к брошюре для ленинской «Искры».

Это было очень напряженное время, так как в Германии снова началась предвыборная кампания. Каков был образ жизни Розы в ту пору, можно хорошо себе представить на основании письма А. Варского Ц. Войнаровской. «Рузя принялась за русскую брошюру для «Искры», и половина уже готова,— пишет он 18 мая 1903 г.— Как вы знаете, она работает очень быстро, но, к несчастью, у нее сейчас выборы, она сидит как в ссылке в Познани, до самого конца избирательной кампании.., агитирует, совершает агитационные «экскурсии» в провинцию и в В[ерхнюю] Силезию, агитирует в округах Ауэра (который болен и не может за себя агитировать) и Гериша (который должен сидеть в Берлине), редактирует «Газету людову» и старается ловить каждую свободную минуту, чтобы продолжать писать русскую брошюру. Но после выборов и небольшого отдыха (она уже едва дышит) брошюру быстро кончит, и я рассчитываю, что она в июле будет готова для печати, а остальное уже зависит от типографии «Искры»»[3]. Однако прогнозы

[1] *R. Luksemburg*. Gesammelte Werke, Bd. 1/2. S. 275—280.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 163, оп. 1, д. 58, л. 1.
[3] Там же, л. 6, 7; см. также *R. Luksemburg*. Listy, t. 2, s. 252.

А. Варского оказались излишне оптимистичными. Розу так поглотили польская и немецкая партийная публицистика и повседневная агитационная работа, что «русская брошюра» была пока отложена.

Исполняя партийные решения, а также постоянно повторяющиеся в письмах из Королевства Польского просьбы обеспечить партию необходимой агитационной литературой, особенно брошюрами, популяризирующими основы программы, Роза Люксембург вместе с Л. Иогихесом принялась готовить и выпустила в свет в 1903 г. в серии «Социалдемократическая библиотека» новое издание брошюры Ш. Дикштейна («Млота») «Кто чем живет?». Роза сделала в тексте вставку о законе стоимости, а Л. Иогихес написал комментарии и предисловие, в которое по совету Розы включил краткую биографию Ш. Дикштейна и характеристику состояния польского рабочего движения[1].

Об огромной роли Р. Люксембург в подготовке партийных изданий СДКПиЛ позволяет судить, в частности, такая фраза из письма Ф. Дзержинского к Ц. Войнаровской от 25 октября 1903 г.: «...так как число сотрудников невелико, а Роза и Леон отвлечены на познаньские дела, издательская деятельность остановилась, и мы ни на шаг не продвинулись вперед»[2]. К тому времени ее авторитет в СДКПиЛ был столь велик, что в переписке Главного правления ее именовали «патриархом»[3] — а ведь ей было чуть больше тридцати лет. Отмечая значение деятельности Розы Люксембург для партии, Ф. Дзержинский писал в июне 1903 г.: «Нет людей, которые собирали бы средства, писали бы, сотрудничали бы, Роза [Люксембург] — только она — я действительно преклоняюсь перед ее энергией и творчеством — работает для нас»[4]. Р. Люксембург не только писала статьи по волновавшим ее программным вопросам польского революционного движения, она занималась в это время еще и поисками путей переброски нелегальной литературы в Королевство Польское[5].

[1] *R. Luksemburg*. Listy, t. 2, s. 281.
[2] «SDKPiL», t. II, s. 443.
[3] ЦПА ИМЛ, ф. 163, оп. 1, д. 65, л. 34.
[4] «SDKPiL», t. II, s. 326.
[5] *R. Luksemburg*. Listy, t. 2, s. 261—263, 265—267. Именно в связи с этим, давая 25 мая 1903 г. Л. Иогихесу познаньский

Весьма существенную роль сыграла Роза Люксембург и в событиях, связанных с участием польской делегации в работе II съезда РСДРП.

К лету 1903 г. для СДКПиЛ было очевидно, что в идейно-политическом отношении позиции польских и российских социал-демократов весьма близки[1]. Напечатанный в «Пшегленде социалдемократычном», без сомнения с ведома и одобрения Розы Люксембург, комментарий Л. Иогихеса «Несколько замечаний о программе российской социал-демократии» показывал, что СДКПиЛ правильно понимала революционно-марксистский характер этого документа, антиревизионистскую направленность, являвшуюся «большой заслугой программы «Искры»». Полностью одобряя основные положения проекта программы РСДРП, Л. Иогихес предлагает несколько детализировать программу-минимум и уточнить аграрную программу[2].

Польские социал-демократы в области аграрного вопроса исходили в то время из решений Цюрихского конгресса II Интернационала, которые ограничивались признанием необходимости превращения земли в собственность всего общества и агитации в пользу программы пролетарской партии среди сельского пролетариата, малоземельного крестьянства, мелких арендаторов и т. д. Они недостаточно понимали громадную важность «аграрного и специального крестьянского вопроса в России»[3]. Правда, они заметили во время спора русских марксистов с народниками его особую остроту, но, так как капитализм в сельском хозяйстве Польши был более развит, а противоречия в деревне не столь остры, они (за исключением Ю. Мархлевского) ограничивались чисто теоретической трактовкой аграрного вопроса, не понимая всего политического значения разработки ленинской аграрной программы.

Р. Люксембург начала изучать аграрный вопрос

адрес М. Каспшака, Р. Люксембург предлагает ему псевдоним «Тышка» («...подпишись, ну, скажем, Тышка. Я его предупрежу»), к которому добавляется и имя — Ян.

[1] Серьезное беспокойство у польских социал-демократов вызывал только отраженный в переписке Р. Люксембург с Л. Иогихесом (сообщенный Д. Рязановым как достоверный) факт, «что искровцы на свой всероссийский съезд пригласят кроме нас ППС» (*R. Luksemburg*. Listy, t. 2, s. 246).

[2] «Przegląd socjaldemokratyczny», 1902, N 4—5.

[3] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 241.

в связи с выходом в свет в 1899 г. работы «Аграрный вопрос» К. Каутского, выступившего с критикой ревизиониста Э. Давида. Главный редактор «Лейпцигер фолькцайтунг» Бруно Шёнланк обратился к ней с просьбой написать рецензию. Понимая, что «это не простая рецензия, а формулирование позиций», что «это вопрос направления, программы», она принялась штудировать работы Энгельса, программные документы французского и немецкого социалистического движения и дискуссии в прессе[1]. Сразу же столкнувшись с попытками ревизии учения Маркса в области аграрного вопроса, в числе которых весьма существенное место занимала попытка доказать, что концентрация производства, вытеснение мелкого производства крупным не касаются сельского хозяйства, что в деревне нет классового расслоения, отсутствует классовая борьба, она писала Л. Иогихесу: «...хочется дать по лапам Давиду за его «Bäuerliche Barbaren» в последнем номере [Sozialistische] Monatsh [efte], где опять вылезает аграрный оппортунизм...»[2] В аргументации Э. Давида, ориентировавшего на крупное крестьянское хозяйство, отправным пунктом была постепенность процесса вымывания крестьянства. Роза Люксембург доказывала, что при капитализме тенденции развития сельского хозяйства те же, что и в промышленности. Таким образом, не занимаясь специально экономическими проблемами развития капитализма в сельском хозяйстве, Р. Люксембург там, где она их касалась, стояла на позициях К. Маркса, отвергая все попытки ревизовать его учение.

Переговоры об участии СДКПиЛ во II съезде РСДРП вел от имени Заграничного комитета СДКПиЛ А. Варский. 30 марта 1903 г. он написал в редакцию «Искры», что идейно-теоретические основы СДКПиЛ аналогичны принципам Манифеста Российской социал-демократической рабочей партии (1898 г.), идея союза российского и польского пролетариата для борьбы за свержение царизма является основным пунктом политической программы польской социал-демократии, начиная с ее I съезда, а выработанная этим съездом программа-минимум в основном соот-

[1] *R. Luksemburg*. Listy, t. 1, s. 341—342.

[2] См. там же, стр. 396—397; «Sozialistische Monatshefte», 1899, N 2.

ветствует проекту программы РСДРП[1]. Так, авангард польского рабочего движения — марксистская, интернационалистическая социал-демократия перешла к осуществлению конкретных мер по организационному объединению с РСДРП, начатому по инициативе В. И. Ленина.

IV съезд СДКПиЛ, состоявшийся в июле 1903 г. в Берлине, признал объединение СДКПиЛ с РСДРП делом принципиальной важности, но высказался за уточнение проекта программы РСДРП в национальном вопросе. Предложения сводились к включению в программу РСДРП требования автономии для польских и литовских земель, принятию осуждающей ППС резолюции «в духе СДКПиЛ» и замене § 7 программы РСДРП «формулировкой точной и исключающей интерпретацию в националистическом духе»[2]. В ходе идейно-политической борьбы в польском рабочем движении требование независимости приобрело для СДКПиЛ однозный характер, полностью ассоциировалось с национализмом. Польским социал-демократам казался неприемлемым не исключающий лозунга независимости принцип права наций на самоопределение. Сформулированные IV съездом СДКПиЛ условия не носили обязательного характера для ее делегатов на II съезд РСДРП.

В связи с решением съезда оставить вопрос об организационных формах объединения открытым, А. Варский направил Организационному комитету II съезда РСДРП письмо, в котором сообщал, что съезд польской социал-демократии признал объединение «делом первостепенной важности, которому подчинены другие вопросы», а вопрос о форме объединения, «как второстепенный, должен разрешиться не только с точки зрения интересов польской, но и всей социал-демократии в России»[3].

Линия на объединение с РСДРП, принятая IV съездом СДКПиЛ, нашла яркое отражение в партийной печати СДКПиЛ. Орган партии «Червоны штандар» писал в июле 1903 г. в передовой статье о мощном размахе рабочего движения в России, об организующей

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 163, оп. 1, д. 55, л. 5—6.
[2] «SDKPiL», t. II, s. 353—354, 362.
[3] «Второй съезд РСДРП. Июль — август 1903 года. Протоколы». М., 1959, стр. 702.

роли «Искры» в развитии социал-демократического движения, о важности создания монолитной объединенной партии всех пролетариев Российской империи[1].

Разъясняя на страницах «Пшегленда социалдемократычного» решения IV съезда как продолжение линии на совместную борьбу пролетариата России и польских земель против царизма, Роза Люксембург особенно подчеркивала важность организационного объединения социал-демократии, рассматривая его как «жгучую политическую потребность», как необходимую «явную реализацию основной политической идеи СДКПиЛ». Отмечая допустимость существования небольших, несущественных расхождений в формулировании положений программы партии, она подчеркивала, что обязательным условием объединения является «принципиальная гармония взглядов по кардинальным пунктам деятельности: общим принципам рабочего движения и основным ближайшим целям борьбы, характеру тактики, а прежде всего воззрений по национальному вопросу, который имеет для нас особое значение»[2].

Придавая первостепенное значение программным установкам и лозунгам именно по национальному вопросу, СДКПиЛ выносила на рассмотрение II съезда РСДРП требование автономии польских и литовских земель специально как напоминание и обязательную оговорку, хотя ей и было ясно, что в программе РСДРП «не могут быть перечислены требования для каждой отдельной народности», что съезд «может дать только общую формулу»[3].

Итак, СДКПиЛ шла на объединение, убежденная в правильности и важности этого шага. Она еще не имела полной ясности в организационном вопросе. Одновременно на стадии идейно-политического оформления и организационного закрепления объединения авангарда российского и польского пролетариата начали выясняться расхождения в трактовке требований по национальному вопросу, проистекавшие от разного подхода к нему.

Для В. И. Ленина сильнейшим политическим оружием в борьбе против царизма была такая программа,

[1] «Czerwony sztandar», 1903, N 4.
[2] «SDKPiL», t. II, s. 391, 395, 397.
[3] Там же, стр. 399.

которая была способна обеспечить взаимное доверие между нациями, населявшими Российскую империю, и привлечь трудящихся всех этих наций на сторону революционного пролетариата страны. Принцип права наций на самоопределение, принятый Лондонским конгрессом II Интернационала в 1896 г., органической составной частью вошел в ленинскую национальную программу. В проекте программы РСДРП было сформулировано требование республики с демократической конституцией, гарантирующей, в частности (§ 7), «право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства» [1].

В. И. Ленин обстоятельно разъяснял этот принцип в опубликованной накануне II съезда РСДРП в «Искре» работе «Национальный вопрос в нашей программе». Он проанализировал в ней закономерности развития национально-освободительного движения в многонациональной Российской империи и сформулировал задачи социал-демократии по отношению к этому движению, которое рассматривалось как союзник пролетариата в его классовой борьбе. В. И. Ленин выяснил соотношение между классовой борьбой и национально-освободительным движением, подчеркивая первостепенность классовых интересов пролетариата и развивая тезис о дифференцированном отношении к национальным движениям. С одной стороны, он обосновал политику пролетарского интернационализма, а с другой — показал прогрессивное содержание борьбы против национального угнетения.

Таким образом, для ленинской постановки национального вопроса определяющими были четкое требование равноправия всех народов Российской империи, основанное на праве наций на самоопределение, поддержка угнетенных наций и народностей в их борьбе против национального гнета, признание национально-освободительных движений союзниками пролетариата в борьбе с царизмом. Это обеспечивало правильное сочетание борьбы масс против национального угнетения с революционной борьбой пролетариата. В. И. Ленин придавал особо важное значение последовательно научной выработке политиче-

[1] «Второй съезд РСДРП. Июль — август 1903 года. Протоколы», стр. 719. В принятом съездом тексте программы этот параграф носил иной номер — § 9 (там же, стр. 418).

ской линии в национальном вопросе, позволяющей при помощи тщательно продуманных, гибких, отвечающих стремлениям широких масс лозунгов по национальному вопросу достичь реализации идеи революционного союза различных наций Российской империи.

В. И. Ленин специально анализировал в это время и польский вопрос. Уровень рабочего движения в развитых в промышленном отношении польских землях, острота идейно-политической полемики по национальному вопросу, и, в частности резкое выступление органа ППС «Пшедсвит» против § 7 с требованием включить в программу лозунг безусловного отделения Польши, выдвигали во время разработки программы РСДРП по национальному вопросу польский вопрос и проблему российско-польского революционного союза на одно из первых мест.

Исследуя постановку польского вопроса Марксом и Энгельсом, Каутским и Мерингом, В. И. Ленин указывал на иную конкретную ситуацию, сложившуюся в начале XX в., — позднее он определит ее существо как переход капитализма в высшую стадию, империализм — и на вызванную ею необходимость иной постановки польского вопроса. Польша перестала быть революционной в целом, имущие классы угнетаемой и угнетающей нации объединились и «классовый антагонизм далеко отодвинул теперь на задний план национальные вопросы...» [1]. Перед лицом этих качественно новых процессов пролетариат должен стремиться «к *самому тесному* соединению» [2] своих сил. В этих условиях В. И. Ленин считал глубоко ошибочным пепеэсовское требование безусловного отторжения Польши — как равнозначное отказу от совместной политической борьбы, как забвение классовой точки зрения. «... Мы всегда будем говорить польскому рабочему: только самый полный и самый тесный союз с русским пролетариатом способен удовлетворить требованиям текущей, данной политической борьбы против самодержавия, только такой союз

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 239.

[2] Там же, стр. 233. Подробно *см. И. С. Яжборовская.* Проблема русско-польского революционного союза у В. И. Ленина и польских социал-демократов. — «Советское славяноведение», 1970, № 2.

даст гарантию полного политического и экономического освобождения»[1], — указывал В. И. Ленин. Но Ленин не ограничился этим важным принципиальным положением, которое разделяли и польские марксисты.

Как глубочайший диалектик, он, с одной стороны, предвидел возможные изменения международной обстановки и положения Польши, в частности, не исключая воссоздания польского государства. А, с другой стороны, будучи проницательным политиком, он со всей определенностью указывал на те трудности, которые предстояло преодолеть рабочему движению, — на «громадную *отчужденность* рабочих классов разных народностей», порожденную политикой национального угнетения, которую проводили господствующие классы разделивших Польшу государств. Программа РСДРП включила признание права наций на самоопределение, нисколько не исключая, как подчеркивал В. И. Ленин, «того, чтобы польский пролетариат ставил своим лозунгом свободную и независимую республику польскую, хотя бы даже вероятность осуществимости этого до социализма была совершенно ничтожна». Необходимо лишь выполнение обязательного условия — не развращать пролетарское сознание, не затемнять классовую борьбу, не обольщать рабочий класс буржуазно-демократическими фразами, не нарушать интернациональное единство пролетариата[2].

Польские социал-демократы не поняли диалектику ленинской постановки национального вопроса и встретили в штыки его мысль о теоретической возможности выдвижения польским пролетариатом лозунга независимой польской республики. Ознакомившись со статьей «Национальный вопрос в нашей программе», опубликованной в «Искре» за несколько дней до II съезда, Р. Люксембург именно в позиции РСДРП по национальному вопросу увидела ту самую опасность для пролетарского самосознания, о которой говорил В. И. Ленин. Вслед за этим польская делегация на II съезде РСДРП в ответ на свой запрос, какие резолюции предложить, получила от Р. Люксембург и Л. Иогихеса телеграмму, содержавшую текст § 7 в такой редакции, которая гарантировала бы «польским землям автономию» и одновременно подчеркивала, что требование независимости «только отдалит польский пролетариат от достижения как его ближайших, так и конечных целей борьбы»[1]. Это предложение было направлено против принципа права наций на самоопределение, не исключающего выдвижение лозунга независимости Польши.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 242.
[2] Там же, стр. 239, 240, 242.

Р. Люксембург считала, что «Искра», опубликовавшая ленинскую статью, поставила вопрос «на острие ножа» и после этой публикации в вопросе о пересмотре § 7 отступать нельзя, ибо «статья «Искры» демонстрирует принципиальное расхождение во взглядах»[2]. Основываясь на негативном опыте отношений ППС прусского захвата с Социал-демократической партией Германии, она писала в начале августа в инструкции члену делегации А. Варскому: «При такой интерпретации, какую «Искра» дает теперь § 7 программы, мы, как часть партии, признающая эту же программу, не имели бы права отказать в приеме к нам всяких националистов, если бы только они согласились признать борьбу с царизмом, а именно это мы считаем самой вреднейшей эклектикой...»[3]

А. Варский в конце октября 1903 г. приводил ту же аргументацию, когда сообщал членам Заграничного комитета СДКПиЛ, что «в наиважнейшем для нашей партии вопросе не было согласия». В. И. Ленин твердо стоял на съезде на позициях статьи «Национальный вопрос в нашей программе», предоставляя польским социал-демократам говорить и писать по польскому вопросу все, что они хотели. Не понимая глубокой логики и диалектичности ленинской позиции, А. Варский доказывал, что «новое значение» § 7 ставит под удар «главные принципы» СДКПиЛ в ее борьбе с националистами[4]. Ленинскую трактовку национального вопроса польские социал-демократы рассматривали как ослабление их позиций в идеологической борьбе с ППС.

Польская социал-демократия требовала, чтобы РСДРП в особой резолюции подтвердила, что она относится к ППС так же, как и СДКПиЛ. Она стре-

[1] «SDKPiL», t. II, s. 374—375.
[2] Там же, стр. 368, 373.
[3] Там же, стр. 373.
[4] Там же, стр. 453, 455, 456.

милась к тому, чтобы § 7 полностью исключал требование независимости Польши, навязываемое «Пшедсвитом», или хотя бы была принята резолюция, отрицающая лозунг независимости Польши. Этим она рассчитывала как бы «гарантировать» РСДРП от влияния польского национализма, а СДКПиЛ — от «размягчения» ее линии борьбы с националистами. Польские социал-демократы смотрели на национальную программу РСДРП с узкого «краковского горизонта», не сумев оценить всей широты постановки национального вопроса в программе РСДРП. Это подтверждается тем, что в возражениях против ленинской трактовки национальной программы РСДРП польские социал-демократы всюду говорили не о пролетариате вообще, а только о польском пролетариате.

Польские социал-демократы не смогли подняться до уровня ленинского понимания необходимости практического сплочения революционных социал-демократов. Роза Люксембург толковала вопрос значительно у́же. «...Для нас, — писала она, — все объединение имеет главным образом не практическое, а моральное значение, как постоянная демонстрация против национализма», как «средство против ППС»[1].

В ленинских работах мы находим точное определение как сильных, так и слабых сторон СДКПиЛ, которая на II съезде не вошла в РСДРП, несмотря на общность теоретических и идейно-политических взглядов, прежде всего из-за расхождений в трактовке лозунгов по национальному вопросу[2]. «...Совершенно правы были польские социал-демократы, — указывал В. И. Ленин, — когда они выступили против националистических увлечений польской мелкой буржуазии, показали второстепенное значение национального вопроса для польских рабочих, создали впервые чисто пролетарскую партию в Польше, провозгласили величайшей важности принцип теснейшего союза польского и русского рабочего в их классовой борьбе»[3]. Однако они не поняли значения

[1] «SDKPiL», t. II, s. 369, 373.
[2] Декларацию польской делегации, покинувшей II съезд РСДРП и не принимавшей участия в его работе после переезда в Лондон, см. «Второй съезд РСДРП. Июль — август 1903 г. Протоколы», стр. 713—715.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 298.

права наций на самоопределение — а это «у польской социал-демократки (Розы Люксембург. — *Авт.*) было только неправильным теоретическим обобщением *особых* условий движения в Польше...»[1]. «Для польских с.-д., — указывал В. И. Ленин, — «право самоопределения», конечно, не имеет такого важного значения, как для русских. [...] Ни один российский марксист никогда и не думал ставить в вину польским с.-д., что они против отделения Польши. Ошибку делают эти с.-д. лишь тогда, когда пробуют... отрицать необходимость признания права на самоопределение в программе *российских* марксистов»[2].

Несмотря на то что объединение СДКПиЛ и РСДРП из-за ошибочной позиции делегации СДКПиЛ в национальном вопросе не состоялось, ее линия на польско-российский революционный союз не изменилась.

После того как программная комиссия II съезда не приняла польские ультимативные предложения, А. Варский и Я. Ганецкий покинули съезд[3]. В СДКПиЛ развернулась длительная дискуссия. Ю. Мархлевский, Вл. Ольшевский и Ц. Войнаровская выступили в поддержку ленинской национальной программы и принципа права наций на самоопределение, не высказывая никаких претензий к трактовке большевиками национального вопроса. Ц. Войнаровская, например, не сомневалась, что РСДРП, выдвигая такую программу, последовательно борется с шовинизмом, что РСДРП не отрицает выставляемого СДКПиЛ требования автономии, споры же по частным формулировкам «недостаточно важны, чтобы стать препятствием для объединения». Она высказывалась за то, чтобы еще раз критически проанализировать теорию «органического врастания», исключающую возможность воссоздания польского государства, и чтобы Роза Люксембург «сдержала старое обещание написать брошюру об истории польско-русских отношений», задуманную как ответ на клеветническую брошюру Л. Василевского («Плохоцкого») «Взаимные отношения польских и русских социалистов»

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 57.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 294.
[3] См. *Н. Н. Пухлов.* Указ. соч., стр. 173—198.

(Лондон, 1902)[1]. Вероятно, именно эту брошюру Роза начала писать для «Искры», но не закончила ее и отложила.

Хотя СДКПиЛ не смогла разрешить противоречие, связанное с трактовкой национального вопроса, и руководство ее не признало срыв объединения с РСДРП ошибкой, в партии крепло убеждение в необходимости объединения с российской социал-демократией в самом ближайшем будущем. И сама Роза Люксембург вскоре изменила свое отношение к национальной программе РСДРП. Немалую роль в этом сыграло то, что вопреки ее опасениям лидеры правой ППС не встретили статью В. И. Ленина «Национальный вопрос в нашей программе» ликованием. Наоборот, в статьях Л. Василевского звучала неприкрытая враждебность к самому существу проблемы — к решению вопроса о взаимоотношении классового и национального в пользу классового начала, к глубокому и последовательному интернационализму ленинской работы[2].

В сентябре 1903 г. ленинская работа «Национальный вопрос в нашей программе» была опубликована в «Пшегленде социалдемократычном» (с комментариями Р. Люксембург), а в 1905 г. напечатана в сборнике «Польский вопрос и социалистическое движение»[3]. Польские социал-демократы высоко оценили глубокий критический анализ националистической позиции ППС, проделанный В. И. Лениным. В статье «Национализм и русская и польская социал-демократия» Роза Люксембург констатировала, что ленинская статья встречена в ППС резко негативно. Она подчеркивала интернационализм «Искры», ее борьбу за союз российского и польского пролетариата, осуждение ею раскола в польском рабочем движении, защищала «Искру» от пепеэсовских обвинений в шовинизме. Рассматривая принцип права наций на самоопределение, Р. Люксембург подчеркивала как положительный момент его подчиненность интересам классовой борьбы. Самым же важным для нее было доказать, что революционный процесс в России, замеченный наконец лидерами ППС, должен стать кровным делом и для польского рабочего[1]. Не упоминая больше о ленинской трактовке требования независимости Польши, Роза Люксембург ограничилась выражением негативного отношения к этому лозунгу. Ее внимание было сосредоточено на доказательстве того, что пепеэсовцы не только ослабляют силу напора на царизм, раскалывая пролетариат, но прямо парализуют целый его отряд, практически выводят его из боя.

Вскоре Р. Люксембург принялась писать программную работу «Чего мы хотим?», публиковавшуюся по частям и завершенную уже в дни революции 1905—1907 гг.[2] В публицистике Розы Люксембург 1904 г. существенное место занимают русско-японская война и назревание революционного кризиса в России — по этим вопросам она периодически выступает на страницах как «Червоного штандара», органа СДКПиЛ, так и познаньской «Газеты людовой»[3], прекратившей свое существование в июне 1904 г. после ареста Розы. Одновременно она активно работает в Международном социалистическом бюро (МСБ) — органе II Интернационала, где она в начале 1904 г. заменила прежнюю представительницу СДКПиЛ Ц. Войнаровскую[4].

Роза Люксембург и до этого интересовалась работой МСБ, считая необходимым использовать его трибуну для ослабления позиции ППС (в состав Бюро входили два польских представителя — от СДКПиЛ и от ППС)[5]. Еще в 1901 г. на заседании МСБ 30 декабря П. Зингер и К. Каутский предложили написанную Розой Люксембург от имени СДПГ резолюцию протеста против преследования поляков в землях прусского захвата. Сообщая об этом Ц. Войнаровской за несколько дней до заседания, Роза писала, что договорилась с германскими делегатами в целях противодействия возможному националистическому выступлению ППС, «чтобы они выловили рыбу перед нево-

[1] «SDKPiL», t. II, s. 372, 379, 427.
[2] «Przedświt», 1903, N 9.
[3] «Przegląd socjaldemokratyczny», 1903, N 9; «Kwestia polska a ruch socjalistyczny». Kraków, 1905.

[1] «Przegląd socjaldemokratyczny», 1903, N 10.
[2] «Przegląd robotniczy», 1904, N 5; 1905, N 6.
[3] *J. Kaczanowska, F. Tych.* Bibliografia pierwodruków R. Luksemburg. — «Z pola walki», 1962, N 3, s. 197—199.
[4] Пометки членов Главного правления с одобрением соответствующего предложения Ф. Дзержинского (см. ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. I, д. 65, листы не нумерованы).
[5] «Z pola walki», 1971, N 1, s. 207, 215, 221.

дом и выставили со своей стороны предложение против германизации, разумеется в нашем духе. Поддерживайте же это предложение, как только его Зингер выставит. Для нас, для агитации в Познаньском лучше, чтобы сами немцы — «господствующая нация» протестовала против своего правительства»[1]. Это письмо показывает, что там, где она могла влиять на политические позиции социал-демократии угнетающей нации по отношению к нации угнетенной, она была близка к пониманию необходимости различий в линии социал-демократов той и другой нации в их национальной политике. Резолюция была принята на заседании МСБ единогласно. На том же заседании по предложению Ц. Войнаровской Роза была утверждена в качестве члена-корреспондента Бюро.

Активно подключившись к работе МСБ уже в качестве полномочного представителя СДКПиЛ, Роза Люксембург действовала в нем солидарно с российскими социал-демократами. На заседании 7 февраля 1904 г. она подписала резолюции протеста против преследования русских революционеров в Германии, а также против политики царизма и готовящейся русско-японской войны. На Амстердамском конгрессе Р. Люксембург была в числе тех членов МСБ, которые приняли резолюцию, вынуждавшую меньшевиков признать большевиков полноправными членами российской делегации[2].

Однако вскоре Р. Люксембург выступила в печати со статьей «Организационные вопросы русской социал-демократии», пытаясь доказать ошибочность подхода большевиков к вопросам партийного строительства. Некоторые авторы склонны объяснять эти разногласия тем, что меньшевики-де ввели Р. Люксембург в заблуждение, информируя ее предвзято, и она, будучи заведомо предубежденной, «не разобравшись в сути разногласий... заняла ошибочную позицию», «оказалась жертвой дезинформации и собственной доверчивости, ее имя было использовано для борьбы против большевизма»[3]. Только ли в этом дело?

[1] «Z pola walki», 1971, N 1, s. 215—216.
[2] См. «Ленин в борьбе за революционный Интернационал», стр. 65—66.
[3] «Ленин и международное рабочее движение». М., 1971, стр. 51, 52, 58—59.

Представляется, что дело было не только и не столько в политической наивности или доверчивости, хотя меньшевики действительно предпринимали любые меры, чтобы заручиться ее поддержкой. В. И. Ленин указывал: «...нельзя вполне уяснить себе никакой ошибки, в том числе и политической, если не доискаться теоретических корней ошибки у того, кто ее делает, исходя из определенных, сознательно принимаемых им, положений»[1]. Это в полной мере касается ошибок Р. Люксембург в организационном вопросе.

В. И. Ленин и его соратники создавали последовательно революционную партию рабочего класса, партию нового типа, вооруженную революционной теорией, непримиримую к оппортунизму, хорошо организованную и сплоченную. В этой партии сила идей подкреплялась и умножалась силой организации, способностью руководить всеми проявлениями классовой борьбы пролетариата за его освобождение. Только такая партия могла привести рабочий класс к победе. Ленинское учение о партии нового типа стало ценнейшим вкладом в теорию и практику международного рабочего движения. Создание ленинской партии нового типа положило начало «новому этапу в развитии российского и мирового рабочего движения, начало коренному повороту от старых социал-демократических партий к пролетарской партии нового типа в международном масштабе»[2].

Роза Люксембург, как мы уже видели при знакомстве с работой «Памяти «Пролетариата»», подходила к проблемам закономерности социальной революции односторонне. Такой подход исключал глубокое понимание организационных принципов пролетарской партии, приводил к недооценке значения разногласий в РСДРП по организационным вопросам. В предисловии к статье «Организационные вопросы русской социал-демократии» Роза Люксембург подчеркивала, что и опытным, заслуженным партиям есть чему поучиться у молодых партий, что осмысление их опыта расширяет кругозор социал-демократического движения, в то время как ход мысли оппортуниста всегда

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, стр. 286.
[2] *М. А. Суслов.* Второй съезд РСДРП и его всемирно-историческое значение. — «Коммунист», 1973, № 11, стр. 14.

заканчивается национальным обособлением. Однако сама статья была неудачной попыткой вмешательства в дела РСДРП, спровоцированной меньшевиками. Статья прозвучала резким диссонансом ленинской работе «Шаг вперед, два шага назад» и поставила Розу Люксембург в число «сторонников меньшинства» в политической борьбе большевиков с меньшевиками.

Роза Люксембург не разглядела оппортунизма меньшевиков в организационном вопросе прежде всего потому, что избрала весьма специфический, определяющийся идеологическими спорами в польском рабочем движении угол зрения на этот вопрос. В. И. Ленин с недоумением писал, что «статья Розы Люксембург в «Neue Zeit» знакомит читателей не с моей книгой, а с чем-то иным». Он указывал на многочисленные фактические неточности, на прямое непонимание своей позиции, на то, что из поля зрения Р. Люксембург выпала основная проблема — «выпал целиком фактический анализ различных направлений нашей партии», что она «величественно игнорирует конкретные факты нашей партийной борьбы и великодушно занимается декламацией о вопросах, которые невозможно серьезно обсуждать» [1].

В. И. Ленину, решавшему принципиальные, жизненно важные вопросы создания партии и конкретные проблемы организационной политики РСДРП, было ясно, что в этой плоскости неуместны теоретизирование о рабочем движении «вообще», «общие места», «абсолютные истины» и т. д. [2]

Роза Люксембург не сумела постичь ленинское учение о партии нового типа; ей казалось, что В. И. Ленин, придавая такое значение организационным проблемам, недооценивает проблему объективной зрелости революционного процесса, которая ей представлялась самой актуальной. Отсюда перед ней вставала — на деле надуманная — проблема преодоления якобы субъективистской, бланкистской линии большевиков. Именно поэтому она специально указывала, что в подготовке предпосылок революции «инициатива и сознательное руководство социал-демократических организаций играет крайне малую роль» [1]. Она старалась подчеркнуть, что организация, классовое просвещение и борьба пролетариата являются не изолированными, механическими и разорванными во времени факторами. Особо выделялся ею тезис о том, что в социал-демократическом движении в отличие от действий утопических социалистов организация является не искусственным продуктом пропаганды, а историческим продуктом классовой борьбы.

Роза Люксембург, постоянно выступавшая против волюнтаристских концепций в польском рабочем движении, после коварного напоминания ей Потресовым, что она «ославлена западноевропейскими ревизионистами как бланкистка» [2], немедленно, не выяснив, как указывал В. И. Ленин, «действительной основы спора» [3], ринулась в бой в защиту массового движения, тактики массовой борьбы. Она не разобралась, что ленинские принципы строительства партии не только не противоречат этой тактике, более того, они ее предполагают и органически связаны с курсом на развертывание массового движения.

При этом Роза Люксембург исходила из того, что партия российского пролетариата должна быть на уровне задач приближающейся революции, что она должна быть проникнута «духом политической подвижности, сочетающимся с заостренным вниманием к идеологической стабильности движения и его монолитности». Недостаточно понимая состояние социал-демократического движения в России, опасаясь того, что ленинские организационные принципы якобы ограничат активность партии, но горячо веря в близкую революционную перспективу, она писала, что русская социал-демократия «находится накануне великих революционных боев за свержение абсолютизма, перед или скорее в периоде самой интенсивной творческой активности в области тактики и — что само собой понятно для революционных периодов — лихорадочного и внезапного расширения сферы своего влияния. Сковать инициативу партии и огородить колючей

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 9, стр. 39, 47, 41, 43.
[2] Там же, стр. 47, 49.

[1] «Die Neue Zeit», 1903—1904, Bd. II, s. 400.
[2] Цит. по: «Ленин и международное рабочее движение», стр. 50.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 9, стр. 47.

проволокой ее способность внезапно расширяться — значит сделать социал-демократию в значительной степени неспособной к выполнению великих задач данного момента»[1].

Таким образом, в области практически-политической Роза Люксембург, не придавая должного значения организационно-партийной деятельности партии, основывалась не на анализе положения в РСДРП, а на политическом опыте немецкого и польского рабочего движения. Перед ее глазами была деятельность Правления СДПГ, мало считающегося с тенденциями развития движения, с инициативой низов, деятельность, нацеленная только на парламентские успехи, превращающая партию в консервативный, тормозящий движение масс фактор. На примере этой партии Р. Люксембург видела, как растет опасность отрыва руководства партии от масс. Равным образом ей хорошо была известна и практика ППС — партии, в которой политическая линия правого руководства противоречила мнению и целям ее рядовых членов и деятелей левого крыла[2]. Подчеркивая значение проблемы «партия — массы», она стремилась предотвратить возможное, как ей казалось, сужение «ультрацентрализованной» партией размаха революционного движения, роста революционных настроений и политической активности масс, рекрутируемых в самом процессе революционной борьбы.

При этом характерно, что в тех случаях, когда она лучше знала положение, например в вопросе о деятельности ленинской «Искры», она полностью солидаризировалась с большевиками, отмечая, что подчеркивание идеи централизма было лейтмотивом «Искры» в ее «великолепной трехлетней подготовительной кампании к съезду», что эта идея охватила всю молодую гвардию социал-демократии в России. Более того, при наличии сильного, вышколенного ядра пролетариата, задающего тон в партии, она считала вполне целесообразным «даже самое суровое проведение идеи централизации в организационном уставе и самое суровое оформление партийной дисциплины в параграфах, как защитного вала против оппортуни-

[1] *R. Luksemburg.* Wybór pism, t. 1, s. 345, 346.
[2] «Z pola walki», 1972, N 2, s. 118.

стических течений». В этих условиях, подчеркивала она, устав «может служить, несомненно, опорой в борьбе с оппортунизмом». Но ошибка ее была в том, что она недооценивала зрелость РСДРП. Она считала, будто последняя использует устав лишь как «оружие для отпора оппортунистам», еще не являясь партией «революционно-пролетарского большинства»[1].

В. И. Ленин резко критиковал связанные с подобными взглядами политические просчеты[2].

Итак, выступление Р. Люксембург в печати по поводу ленинской работы «Шаг вперед, два шага назад», хотя и продиктованное искренней заботой о судьбах революции в России, в партийно-политическом смысле было ошибочным, льющим воду на мельницу меньшевизма. Однако довольно скоро Роза Люксембург увидела ослиные уши меньшевистского оппортунизма, в связи с чем в письме А. Н. Потресову от 7 августа 1904 г. она откровенно изложила свое мнение о послесъездовской «Искре», растерявшей свою боевитость.

Еще накануне II съезда РСДРП Р. Люксембург встала на правильные, принципиальные позиции в вопросе об объединении социал-демократических организаций, действовавших в России. Во введении к своей «русской» брошюре она подчеркивала, что вопрос об организационном единстве ставится марксистами совершенно иначе, чем оппортунистами, «объединительное любвеобилие» которых окупается отказом от идейно-теоретических принципов, в результате чего «оппортунизм есть в действительности настоящий рассадник социалистического разъединения». Для марксистов вопрос об объединении «есть не только вопрос *организации*, а также, или прежде всего, *программы*», что создает видимость нетерпимости, трудностей на пути сближения и объединения. «В действительности, — пишет Роза, — дело обстоит как раз наоборот» — необходимым и самым прочным является именно такое, и только такое, объединение[3].

После II съезда польские социал-демократы, преодолевая свою ошибочную позицию, приведшую к их

[1] *R. Luksemburg.* Wybór pism, t. 2, s. 334—335; см. также *Р. Люксембург.* Письма к Карау и Луизе Каутским, стр. 79.
[2] *См. В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 9, стр. 39—65, 166, 258, 266; т. 10, стр. 15—16 и др.
[3] «Archiwum ruchu robotniczego», t. 1. Warszawa, 1973, s. 32.

уходу со съезда, продолжали курс на объединение социал-демократических организаций различных национальностей Российской империи. Не разобравшись вначале в существе раскола в РСДРП, Роза Люксембург, как и другие польские социал-демократы, осенью — зимой 1904 г. уточняла свое отношение к нему. Это было связано в значительной степени с тем, что она узнала о попытках меньшевиков опорочить ленинскую «Искру», а также взять курс на созыв конференции самых различных, «разношерстных», как замечала Р. Люксембург, организаций, действовавших на территории Российской империи, — не только социал-демократических, но и радикально-мелкобуржуазных. Получив от меньшевиков приглашение для СДКПиЛ принять участие в такой конференции, она резко высказалась против их замысла. Со всей революционной прямотой она предупреждала, что если и воспользуется этим приглашением, то будет «там самым решительным образом выступать против такого рода затей», подчеркивая, что «такая тактика не только не представляет шага по пути к *объединению* социал-демократов в России, а, наоборот, является *освящением того* принципа федерализма, который мы отрицаем», что для Бунда, ППС и им подобных подобные мероприятия служат доказательством того порочного тезиса, что «можно прекрасно обойтись без единства организации и программы»[1].

Уместно добавить, что в самой СДКПиЛ имя Розы Люксембург было синонимом строгой дисциплины и самого последовательного централизма[2], а Главное правление СДКПиЛ в декабре 1904 г. предложило Совету РСДРП созвать конференцию социал-демократических организаций России для создания единой централизованной партии[3].

Забегая вперед, следует сказать, что в ходе революции 1905—1907 гг. Роза Люксембург и другие польские социал-демократы, как подчеркивал в октябре 1905 г. В. И. Ленин, подводя итоги спора по организационному вопросу, «под влиянием объективной логики революционных событий, пришли к той точке зрения, которую всегда отстаивало «большинство»»[1]. Так была решена проблема оценки течений внутри РСДРП. «...Революция, — указывал В. И. Ленин, — скоро обнаружила их (польских социал-демократов. — *Авт.*) ошибку, ясно доказав оппортунизм меньшевиков»[2].

[1] «Вопросы истории КПСС», 1971, № 3, стр. 106.
[2] «Z pola walki», 1972, N 2, s. 118, 195.
[3] «Z pola walki», 1931, N 11—12, s. 257; см. также *Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич.* Ленин и польское рабочее движение, стр. 85—88.

В ОГНЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ БОЕВ

Пламя революции, зажженное в Петербурге в кровавое воскресенье 9 (22) января 1905 г., быстро распространилось по всей Российской империи. Буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг., главной движущей силой и вождем которой стал пролетариат, разворачивалась в новую эпоху, соединяя борьбу с остатками феодализма с борьбой против империализма. Это придавало революции невиданный прежде размах. Полностью оправдывалось и ленинское предсказание об активной роли национальных окраин в общероссийском революционном процессе. Весной 1903 г. В. И. Ленин отмечал: «У нас целый ряд угнетенных царизмом народностей, поляки, финляндцы и т. д., делают натиск на самодержавие особенно энергичным»[3]. В дальнейшем он неоднократно указывал на особо напряженный и упорный характер выступлений пролетариата в Королевстве Польском[4].

Польский рабочий класс ответил на Кровавое воскресенье всеобщей стачкой 27 января. Начавшись в Варшаве и Лодзи, стачка распространилась на другие промышленные центры, охватила транспорт, торговлю. Началась школьная забастовка с требованием введения демократической польской школы. Повсюду происходили демонстрации, устраивались митинги, распространялись революционные воззвания. Весной в стачечную борьбу включились сельскохозяйственные рабочие сотен помещичьих имений. Участились выступления крестьянства с требованиями самоуправления, польской школы, права пользоваться

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 12, стр. 18.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 21, стр. 388.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 9, стр. 381.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 10, стр. 310—311; т. 11, стр. 313, 316, 351; т. 12, стр. 2 и др.

помещичьими и государственными лугами и лесами. В той или иной форме в борьбу с самодержавием в Королевстве Польском включились самые широкие народные массы.

Мощь солидарных выступлений польского пролетариата, в активизации которого все большую роль играла превращавшаяся в массовую партию СДКПиЛ, с российским пролетариатом ярко проявилась в период первомайских митингов и демонстраций. Сопровождавшие их стачки приняли особенно острый характер в крупнейшем промышленном центре Королевства Польского — в Лодзи. Лодзинские рабочие занимали фабрики, вывозили за пределы предприятий на тачках администрацию, препятствовали войскам, которых вызывали хозяева, появляться на фабриках. Многочисленные стычки с войсками и похороны убитых вылились 23 июня 1905 г. во всеобщую стачку и трехдневное восстание лодзинских рабочих. Улицы города покрыли баррикады. Их было более ста. Восстание безоружных рабочих было потоплено в крови.

Героизм лодзинского пролетариата вызвал волну стачек солидарности не только в Королевстве Польском, но и по всей России. В. И. Ленин назвал Лодзинское вооруженное восстание образцом революционного энтузиазма и геройства[1].

Осенью польский рабочий класс, демонстрируя глубоко интернациональный характер своей борьбы, принял активное участие во всероссийской октябрьской политической стачке. К нему присоединились студенческая молодежь, интеллигенция, школьники. Царский манифест 17 октября не остановил стачечной волны. В ходе мощных ноябрьских выступлений польский пролетариат показал новые яркие образцы революционной борьбы. Особую революционную активность проявили рабочие Домбровского бассейна, контролировавшие положение в этом районе. Полицейские были разоружены, войска должны были покинуть эту территорию. В течение десяти дней события в Домбровском бассейне развивались так, что можно было ожидать захвата власти пролетариатом. Однако жестокие репрессии помешали польскому рабочему классу, раскалываемому изнутри пепеэсовцами, проповедовавшими индивидуальный террор, подняться на массовую вооруженную борьбу и даже вести борьбу на том же уровне, что и в октябре — ноябре 1905 г. Тем не менее он продолжал сопротивляться.

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 10, стр. 310—311.

Польская социал-демократия, идейно-политическая линия которой, так же как и у РСДРП, была сориентирована на объединение сил пролетариата различных национальностей, населяющих территорию Российской империи, для атаки на самодержавие, с первого дня революции разрабатывала конкретную программу революционной борьбы. Для руководства этой борьбой партия срочно собирала свои силы. А. Варский выехал из Кракова в Варшаву, а его место по руководству партийными изданиями в Кракове занял в феврале 1905 г. Л. Иогихес (Тышка), редактировавший выходивший с января по октябрь новый орган партии «С поля вальки». Весной 1905 г. из Лейпцига в Краков было перенесено издание «Червоного штандара». «... Кто жив, поехал в страну»[1], — с завистью писала Роза Люксембург Ц. Войнаровской. Отговаривая в конце февраля 1905 г. больную Цезарину от поездки в Варшаву, Роза подчеркивала: «...заграница тоже колоссально важна, и оголить ее всю от наших людей и контактов было бы самой ошибочной политикой. Здесь мы тоже можем сделать для страны массу полезного», «нужно прямо-таки зубы стиснуть и сделать, что можем»[2]. Сама она смогла выехать в Варшаву только в декабре 1905 г., когда политический режим смягчился настолько, что руководство СДКПиЛ разрешило ей приезд в Королевство Польское.

Однако это отнюдь не означало, что в течение всего 1905 г. Роза Люксембург находилась в состоянии пассивного, хотя и нетерпеливого, выжидания, что она оставалась лишь горячим болельщиком, очень заинтересованным, но сторонним наблюдателем революционных событий. Эти события сразу стали ведущей темой ее публицистики. Уже через три дня после Кровавого воскресенья, 25 января, появилась ее первая статья[3]. За ней сразу последовали другие (вскоре

[1] «Z pola walki», 1971, N 1, s. 228.
[2] Там же, стр. 232.
[3] «Die Neue Zeit», 1904—1905, Bd. 1, s. 572—577; *R. Luxemburg.* Gesammelte Werke, Bd. 1/2, S. 477—484.

часть из них была издана на польском языке — в виде сборника «Революционный взрыв в царской империи»[1]). О творческом накале этих дней она позднее вспоминала, что была столь возбуждена, что «перо само летало «молнией»»[2]. Всего в 1905 г. из-под пера Р. Люксембург вышло более 60 брошюр, статей, заметок и воззваний — агитационных и программных, освещающих и анализирующих революционные события, уточняющих программу, стратегию и тактику СДКПиЛ или популяризующих опыт пролетариата Российской империи среди германских рабочих. Она неустанно требовала от членов Главного правления СДКПиЛ детальной информации и присылки вышедшей прессы и воззваний из России и Королевства Польского, регулярно публиковала на страницах германской социал-демократической печати построенные на этом материале статьи. В ее руках сосредоточивалась значительная часть руководства издательской деятельностью СДКПиЛ, часть партийной кассы, предназначенная для финансирования заграничной издательской работы партии и при помощи усилий Розы постоянно пополнявшаяся за счет средств, собираемых в рамках международного рабочего движения в пользу революции 1905—1907 гг. Через Розу переправлялась в Королевство Польское революционная литература, она налаживала ее транспортировку — обеспечивала людей, пути, адреса, энергично протестуя против попытки освободить ее от хлопотных организационных обязанностей[3]. Когда потребовалось прислать брошюры на немецком языке (в Лодзи работало много рабочих немецкой национальности), З. Ледер (В. Файнштейн) писал «Стефану» (К. Гердаве): «Роза вам укажет какие»[4]. В Краков она направляла для перевода брошюры СДПГ, предварительно их сократив и переработав для польского читателя[5].

Р. Люксембург по-прежнему оставалась ведущим публицистом и теоретиком СДКПиЛ. Прежде всего

[1] *R. Luksemburg*. Wybuch rewolucyjny w caracie. (Kraków), 1905.
[2] *R. Luksemburg*. Listy, t. 2, s. 474.
[3] Там же, стр. 352—353, 379.
[4] ЦПА ИМЛ, ф. 163, д. 117, л. 44.
[5] *R. Luksemburg*. Listy, t. 2, s. 425.

она стремилась обеспечить потребности партии в агитационно-пропагандистской литературе. В апреле 1905 г. вышло новое, переработанное и дополненное издание ее старой первомайской брошюры, затем она принялась готовить новые материалы, в том числе обращение к польской интеллигенции[1]. 22—23 июня 1905 г. из революционной Варшавы Ф. Дзержинский писал Главному правлению: «Талантом писать прокламации обладает только Роза и до известной степени Адольф (Варский. — *Авт.*), когда он в «ударе»»[2].

Через Краков шли заказы, назывались первоочередные темы — Роза предлагала свои. Она писала для «Червоного штандара», для нового журнала СДКПиЛ «С поля вальки», для «Пшегленда роботничего» и других изданий, отдавая предпочтение первому, со страниц которого, как она подчеркивала, нужно сказать «тысячу вещей», «вещей важных в политическом отношении, которые откладывать нельзя»[3]. Получая из Кракова корректуры, она правила их в соответствии с задачами каждого номера, внимательно следила за редакционно-издательской стороной дела, критиковала и советовала, подсказывала политические оценки событий. 20 мая 1905 г., перечисляя, что нужно немедленно издать, она писала: «Ситуация сейчас такова, что если мы не хотим потерять того перевеса, который мы сразу получили 1—4 мая, то мы должны теперь постоянно сыпать изданиями»[4].

Одновременно с текущей политической публицистикой Роза Люксембург занималась разработкой важнейших теоретических и идейно-политических вопросов. В апреле 1905 г. как приложение к «Червоному штандару» вышла брошюра «Что дальше?», освещающая узловые стратегические и тактические проблемы нового этапа революционного движения[5]. В начале мая Роза была озабочена написанием продолжения[6], а 14 мая у нее в руках находилась его

[1] «Do inteligencji polskiej» (Warszawa), 4. V. 1905.
[2] *Ф. Э. Дзержинский*. Избранные произведения, т. 1, стр. 86.
[3] *R. Luksemburg*. Listy, t. 2, s. 351.
[4] Там же, стр. 332, 346, 349.
[5] «Co dalej?» — «Czerwony sztandar», IV, 1905, N 25, dodatek.
[6] *R. Luksemburg*. Listy, t. 2, s. 321, 340.

корректура; едва успели отпечатать тираж[1], как она снова писала 25 мая Л. Иогихесу: «Ужасно то, что, как только я беру сейчас что-либо в руки, у меня тема вызывает столь богатые мысли, что сразу возникает желание сделать из этого обширную вещь вроде «Что дальше?». Как ты советуешь, стоит ли эту передовицу опять расширить в том же роде? Вероятно, нет! Наверное, нужно реагировать лаконичнее и более бегло, только бы побыстрей, да и несчастный «Червоны штандар» должен выйти и должен что-то давать»[2]. Однако, высылая в адрес газеты передовицу («Два лагеря»)[3], мучимая внутренними противоречиями, она писала: «А вообще-то я в заколдованном кругу. Эти постоянные текущие работы (для «Ч[ервоного] ш[тандара]» и т. д.) не дают мне взяться за более серьезную работу (об автономии, о ППС), и это не имеет конца»[4]. Через день, 27 мая, перед ней встает тот же вопрос: «...что из этого сделать: передовицу для будущего «[Червоного] шт[андара] или «Что дальше?» № 3?»[5] В письме от 9 июня она замечает: «...теперь спрос на «обстоятельность» и знание, так что не столь важна «легкость»». 29 июня она повторяет: «Задачей передовиц в «С п[оля] в[альки]», как я ее понимаю, является главным образом разъяснение ситуации, а не прокламационный пафос»[6]. Напрасно она волновалась, насколько выпуски «Что дальше?» отвечали потребностям данного этапа революции—именно они были положены в основу подготовки партийных пропагандистов[7].

В середине июня была закончена брошюра «Церковь и социализм», при написании которой Роза особое внимание обращала на стиль и тон изложения, чтобы не отпугнуть верующих рабочих[8]. Тогда же

[1] «Z doby rewolucyjnej. Co dalej?» Dodatek do N 26 «Czerwonego sztandaru».
[2] *R. Luksemburg*. Listy, t. 2, s. 357.
[3] «Czerwony sztandar», V, 1905, N 26.
[4] *R. Luksemburg*. Listy, t. 2, s. 359; см. также 404, 411, 481. «И когда я до всего этого доберусь! И не запоздает ли все это?» — писала она 13 октября 1905 г. (там же, стр. 481).
[5] Там же, стр. 364.
[6] Там же, стр. 364, 390, 408—409.
[7] Там же, стр. 375; ЦПА ИМЛ, ф. 163, оп. 1, д. 117, л. 1 об.
[8] *J. Chmura*. Kościół a socjalizm. Kraków, 1905; *R. Luksemburg*. Listy, t. 2, s. 397.

родился замысел новой брошюры, в которой на основе анализа июньских событий 1848 г. во Франции раскрывалась бы проблема остроты классовых боев. «Не бойся, — писала она 28 июня Л. Иогихесу, — это тоже будет «актуальная», а не только историческая брошюра»[1]. Эта тема была использована ею сначала в статье, а затем в брошюре[2]. Брошюра непосредственно связана с героической борьбой лодзинского пролетариата — ее идея дозрела в ходе написания ярких очерков о лодзинских событиях для «Форвертс», опубликованных в дни восстания[3], а также в связи с анализом Лодзинского вооруженного восстания в статье «Взрыв революции в Лодзи», напечатанной в краковском издании «С поля вальки». В конце августа Роза еще раз вернулась к этой теме и проанализировала влияние событий в Лодзи на развитие революции в польских землях и России[4].

Работая над брошюрами, Роза стремилась к тому, чтобы дать «людям немного свежего материала и знаний, кроме пары заезженных агитационных идей»[5]. Она писала голландской социалистке Генриетте Роланд-Гольст 3 июля 1905 г.: «... за работой чувствую себя отлично, потому что революция развивается по всем правилам, и очень большой радостью является то, что это можно видеть, понимать, содействовать этому. [...] В настоящее время у нас в массах появилось поистине громадное стремление к свету, к классовому сознанию, и я счастлива, что могу внести хоть какую-то крупицу своего труда для того, чтобы утолить эту жажду культуры. Жаль только, что все вы не можете непосредственно содействовать этому, писать для пролетариев России и Польши. Язык является еще проклятым препятствием для Интернационала. Я считаю, что энергичные силы всех стран, объединившись, должны сейчас работать для русской революции и посылать туда уйму хороших брошюр. *Тогда* бы события назревали быстрее! А вы

[1] *R. Luksemburg*. Listy, t. 2, s. 404—405, 407, 410.
[2] «Dni czerwcowe w roku 1848. Kartka z historii walki robotników o chleb i wolność». Warszawa, 1906.
[3] «Vorwärts», 24, 26. VI. 1905.
[4] «Z pola walki», 1905, N 10, 11.
[5] *R. Luksemburg*. Listy, t. 2, s. 414.

вынуждены расточать драгоценные силы на идиотские выборы в парламент. Это жалко!»[1]

С некоторой задержкой в начале августа 1905 г. вышел из печати сборник «Польский вопрос и социалистическое движение»[2], снабженный обширным предисловием Р. Люксембург, в котором помимо ее статей были помещены статьи В. И. Ленина («Национальный вопрос в нашей программе»), К. Каутского, Ф. Меринга, Парвуса и др. Изданию сборника она придавала большое значение, подчеркивая в предисловии, что «необходимо раздуть»[3] значение дискуссии 1896 г. с ППС, дабы не допустить торпедирования союза польского пролетариата с революционной Россией. Она обращала особое внимание на то, что рабочее движение в России, которому II Интернационал прежде не придавал значения и о бесперспективности которого постоянно твердили некоторые руководители ППС, становилось могучей силой.

Отстаивая русско-польское революционное единство, Р. Люксембург противопоставляла классовые задачи пролетариата национально-освободительным, допускала серьезный политический просчет — отрицание прогрессивного значения национально-освободительного движения. Вместе с тем предисловие еще раз убедительно доказывало отнюдь не нигилизм Розы Люксембург в области национального вопроса, а острое восприятие ею проблем национального угнетения и стремление нащупать наиболее действенные пути его ликвидации. В разворачивающейся революции 1905 г. она с полной определенностью видела «новые перспективы освобождения польской национальной культуры», исходя из того, что «особая историческая связь» между классовой борьбой и стремлением к национальному освобождению в Польше состоит в разрешении национального вопроса «в рамках, в духе классовой борьбы польского пролетариата». Указывая, что рабочему классу национальный вопрос не чужд и не может быть чужд, что «ему не может быть безразличен гнет, самый невыносимый в своем варварстве, ибо он направлен

[1] «Германское рабочее движение в новое время», стр. 396.
[2] «Kwestia polska a ruch socjalistyczny». Kraków, 1905.
[3] *R. Luksemburg*. Listy, t. 2, s. 328.

против духовной культуры общества», что рабочий класс борется за свое национальное достоинство, она подчеркивала, что «сегодня защита нашей национальности возможна не при помощи националистического сепаратизма, а только путем борьбы за свержение деспотизма...»[1]. Роза Люксембург делала вывод, что пролетариат, который «должен ощущать и ощущает национальный гнет как жгучую рану, как позор», не может выставлять лозунг независимости Польши. Он берет на себя дело освобождения нации путем выдвижения прежде всего классовых требований и утверждения пролетарского интернационализма, что является «самой лучшей в мире и вместе с тем единственной гарантией завоевания, вместе с политическими свободами, национально-культурной свободы, гражданского равенства и самоуправления для нашей страны». В этом она видела национальную миссию польского пролетариата, «фактор патриотический, национальный в самом лучшем, самом важном значении этого слова»[2]. С этих позиций она объявляла антинациональными любые постулаты, тормозящие классовую борьбу, в том числе лозунг независимости Польши как отвлекающий рабочий класс от борьбы с буржуазией. Эта концепция, обосновывавшая лозунги совместной русско-польской революционной борьбы и автономии для Польши, казалась ей вполне завершенной и убедительной, поэтому она не нашла возможным полностью учесть пожелания Л. Иогихеса (Тышки), который советовал ей писать так, «чтобы не вышло, что мы во что бы то ни стало нападаем на независимость»[3].

Р. Люксембург продолжала интенсивно трудиться над разработкой программы СДКПиЛ, начатой накануне революции. Вторая часть «Чего мы хотим?», являющаяся изложением программы-минимум СДКПиЛ, была начата в июне — июле 1905 г. как передовица для «Пшегленда роботничего». Просмотрев аналогичные издания других партий, Роза пришла к мысли, что чрезмерное упрощение текста в погоне за популярностью недопустимо[4]. Осенью она

[1] *R. Luksemburg*. Wybór pism, t. 1, s. 403, 406—407.
[2] Там же, стр. 406, 407.
[3] *R. Luksemburg*. Listy, t. 2, s. 329.
[4] Там же, стр. 416.

закончила работу и опубликовала ее сначала в журнале, а затем выпустила в виде брошюры [1].

Работа «Чего мы хотим?» содержала основные элементы марксистской программы — разъясняла противоречие между трудом и капиталом, общее направление революционного движения к установлению социалистического строя, давала краткую характеристику социализма. В работе четко формулировалась историческая миссия рабочего класса, подчеркивалась важность формирования его классового самосознания, убежденности в необходимости ведения политической борьбы и установления диктатуры пролетариата. Отношение же пролетариата к непролетарским слоям трудящихся не конкретизировалось.

В работе отмечалась специфика ближайших задач пролетариата Российской империи — первоочередность борьбы с царизмом и создания политических условий для дальнейшего развития классовой борьбы и получения всех полезных для трудящихся уступок (реформ), достижимых еще при господстве капитализма. Программа-минимум была детализирована с учетом положения в Королевстве Польском и включала требования республики, равноправия национальностей, населяющих российское государство, обеспечение им свободы культурного развития: национальной школы и пользования родным языком, краевого самоуправления для Польши (т. е. автономии); всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании, свободы слова и печати, союзов, свободы совести, ликвидации регулярной армии и введения народной милиции, обязательных и бесплатных народных школ, введения единого прогрессивного налога, предложения в области рабочего законодательства.

В брошюре нашли место и такие требования, как «городское и сельское гминное самоуправление», которые не были включены в статью во время ее публикации в «Пшегленде роботничем». Совершенно очевидно, что объективно эти требования, нацеливая

[1] «Przegląd robotniczy», 1905, N 6. *R. Luksemburg.* Czego chcemy? Komentarz do programu SDKPiL. Warszawa, 1906; *Р. Люксембург.* Чего мы хотим. СПб., 1906.

на всестороннюю демократизацию режима, отражали интересы не только пролетариата.

Занимаясь проблемами стратегии и тактики СДКПиЛ, Роза Люксембург постоянно делилась своими мыслями, наблюдениями и выводами с членами Главного правления [1]. Еще летом 1904 г., предсказывая близость революционных событий в России, она совершенно четко формулировала мысль, что предстоящая революция по своим целям «не пролетарская, а буржуазная» [2]. «... Непосредственные цели теперешнего восстания в России, — писала Р. Люксембург в январе 1905 г. в «Нойе цайт», — не идут дальше буржуазно-демократического конституционного строя, а конечный результат борьбы, которая может и, вероятно, будет еще продолжаться целые годы, с чередованием приливов и отливов, может даже в конце дать только жалкую конституцию. Однако, революция, которой история предназначила дать жизнь этому буржуазному уроду, является чисто пролетарской, как никакая из предыдущих» [3]. Имея в этом случае в виду расстановку классовых сил, она подчеркивала руководящую роль пролетариата в революции 1905—1907 гг., неоднократно обращала внимание на то обстоятельство, что после победы буржуазно-демократической революции в России для следующей фазы революционного процесса будет характерно большее обострение классовых противоречий, частые нарушения политического равновесия, которые неизбежно ускорят установление диктатуры пролетариата [4]. Русская революция — совершенно новый тип революции, соответствующий новой расстановке классовых сил и характеризующийся иными по сравнению с буржуазными революциями прошлого содержанием и формами классовой борьбы.

Таким образом, Р. Люксембург первой из западных теоретиков II Интернационала выявляет отличительные черты буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг., в которой руководящую роль играет пролетариат. Она оценивает этот факт как

[1] *R. Luksemburg.* Listy, t. 2, s. 332, 404, 405, 409.
[2] *R. Luksemburg.* Wybór pism, t. 1, s. 353.
[3] *R. Luxemburg,* Gesammelte Werke, Bd. 1/2, S. 479.
[4] «Trybuna Ludowa», 20. XII. 1905; *R. Luksemburg.* Wybór pism, t. 1, s. 426 и др.

свидетельство вступления мирового революционного процесса в новую стадию, неоднократно называя данную революцию переходной формой от буржуазных революций прошлого к пролетарским революциям будущего. Такую оценку революции 1905—1907 гг. она сохранила в течение всей жизни.

Задача данной революции, подчеркивает Люксембург в статье «Два лагеря», — «создание современного капиталистического общества с явным классовым господством буржуазии»; пролетариат сейчас не ставит своей целью осуществление социализма — он пока борется за создание условий для развития классовой борьбы в капиталистическом обществе[1]. Разумеется, «победа революции и свержение царизма не закончат для рабочих борьбы, а лишь откроют новую эпоху — эпоху борьбы с буржуазией»[2]. Такова ее общая оценка данного этапа революционного развития и его определяющего направления, в целом приближающаяся к ленинской, хотя ей не удалось подняться до ленинского учения о перерастании революции буржуазно-демократической в революцию социалистическую.

Следует согласиться с доводами советских историков В. В. Чистякова, Г. А. Алексеева и Б. А. Айзина о необоснованности попыток «подогнать» взгляды Р. Люксембург под троцкистские, меньшевистские или полуменьшевистские, приписать ей «теорию перманентной революции»[3]. Не всегда отточенные формулировки о переходном характере данной революции, содержащиеся в работах Р. Люксембург, взятые как единое целое, как цельная, хотя и не выкристаллизовавшаяся во всех деталях система взглядов, не являются достаточным основанием для вывода о том, что в ее представлении данная революция ста-

[1] *R. Luksemburg*. Wybór pism, t. 1, s. 423, 424; см. также «Z doby rewolucyjnej. Co dalej?» Dodatek do N 26 «Czerwonego sztandaru», s. 2—3.

[2] *R. Luksemburg*. Wybór pism, t. 1, s. 420.

[3] См. *В. В. Чистяков*. Советская историография германских левых социал-демократов. — «Проблемы истории рабочего и демократического движения в странах Западной Европы». Уфа, 1963, стр. 28; *Г. А. Алексеев*. Русский 1905 год и революционная концепция Р. Люксембург. — «Историческая наука и некоторые проблемы современности». М., 1969, стр. 99; *Б. А. Айзин*. Проблемы германского рабочего движения и современный антикоммунизм. — «Новая и новейшая история», 1974, № 4.

новится сразу, непосредственно революцией пролетарской. Все эти формулировки, как правило, относятся к новым общим тенденциям исторического развития, к изучению нового типа революций, т. е. логика ее исследования неуклонно остается логикой движения мысли от частного к общему. Завершая анализ, она делает величайшей важности вывод не только о международном значении опыта первой русской революции, но и о вступлении всего мирового революционного процесса в новую фазу: «Теперешняя революция реализует в особых условиях абсолютистской России общие результаты мирового капиталистического развития». «С русской революцией, — обобщает она, — мы входим в период, переходный между капиталистическим и социалистическим обществом»[1].

Стратегические установки польских социал-демократов были близки к большевистским в ряде определяющих моментов. Прежде всего это касалось оценки расстановки сил, остроты основного классового противоречия. Во всех работах Р. Люксембург четко указывалось, что буржуазия не может быть и не является гегемоном в революции 1905 г. В основе этого утверждения лежал анализ соотношения сил прежде всего в Королевстве Польском. Резкое социально-политическое размежевание в польских землях подчеркивал и В. И. Ленин, когда писал, что в польских землях «против революционного пролетариата стоит реакционный блок из крупной и мелкой буржуазии», что «в Польше революция вне пролетариата не имеет никакой прочной точки опоры»[2].

Таким образом, вопросы о характере революции и о классе-гегемоне решались в СДКПиЛ так же, как и большевиками-ленинцами. Несколько сложнее обстояло дело с выявлением революционных возможностей крестьянства в России и выработкой политической линии в этом вопросе — это требовало времени, лучшего знакомства с состоянием крестьянского движения в стране и со стратегией большевиков. СДКПиЛ и ее теоретик Роза Люксембург полностью разделяли курс на революционные методы борьбы,

[1] *R. Luksemburg*. Wybór pism, t. 1, s. 425, 565.

[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 46, 47.

выступая за применение в общедемократической борьбе чисто пролетарской тактики — всеобщей политической стачки, вооруженного восстания и т. д. И в этих вопросах по мере развития революционного процесса и более обстоятельного знакомства польских социал-демократов с тактикой большевиков происходило неуклонное сближение их позиций с позициями ленинцев [1].

Р. Люксембург последовательно боролась за совершенствование стратегической линии и тактики СДКПиЛ. Она резко осудила тактические ошибки части руководства СДКПиЛ, поддавшейся на провокационные действия полиции и войск и предпринимавшей плохо организованные и неудачные попытки вооруженных выступлений [2].

4 июня 1905 г. Роза советовала Л. Иогихесу (Тышке): «Вставь в статье по поводу воззвания ППС, в том месте, где я говорю, что уж они призовут массы, когда наступит «решающий момент», хотя бы одно предложение, что «это есть снова перенесение живьем на рабочее движение заговорщических, бланкистских понятий о роли в революциях массы, которую социалисты «призывают», — «когда нужно», в «решающий момент», как вызываются статисты на сцену в театре, насколько они нужны для дополнения игры актеров». Такие вещи необходимы для формирования н а ш и х» [3]. Р. Люксембург исходила из закономерности развертывания в условиях революции 1905—1907 гг. вооруженной борьбы и никогда не выступала принципиальной противницей вооруженного восстания, связывая его с определенным уровнем зрелости массового движения, но допускала серьезные политические просчеты, когда дело касалось вопроса об организующей роли партии.

В годы революции Роза Люксембург прочно стояла на позициях русско-польского революционного союза, предпринимая меры для сплочения революционных сил, действовавших на территории Российской империи. Она выступала за сближение с РСДРП,

[1] Подробно см. *Н. С. Яжборовская.* Идейное развитие польского революционного рабочего движения (конец XIX — первая четверть XX в.), гл. II.

[2] *R. Luksemburg.* Listy, t. 2, s. 332—335, 348.

[3] Там же, стр. 383.

за выработку единой стратегической и тактической линии. При этом для нее все более очевидной становилась порочность политики меньшевиков. Когда попытка Главного правления СДКПиЛ добиться от меньшевистского Совета РСДРП мер по сплочению российских социал-демократических организаций окончилась полной неудачей, Роза пишет в начале 1905 г. А. Варскому, что напрасно «потеряно время и чернила», что на меньшевиках, которым свойственно «шатание во все стороны», пора поставить крест [1]. Весной 1905 г. она заняла четкую отрицательную позицию в отношении меньшевистского лозунга «революционного самоуправления» и их линии на отказ от участия во временном революционном правительстве.

Р. Люксембург с большим интересом и вниманием следила за развитием идейно-политической линии большевиков в ходе революции и очень досадовала, что СДКПиЛ, как, впрочем, и другие национальные социал-демократические организации, не были приглашены на III съезд РСДРП. Однако вскоре к ней специально приехали для установления контактов два делегата съезда, разъяснившие ситуацию и познакомившие видную деятельницу международного рабочего движения с постановкой на съезде вопроса о внепарламентских формах борьбы — массовой политической стачке и вооруженном восстании [2]. По свидетельству Л. Б. Красина, Р. Люксембург осудила отказ меньшевиков участвовать в III съезде РСДРП [3].

Решительной критике Роза Люксембург подвергла и тактическую линию меньшевистской «Искры» по вопросу об участии в выборах в Булыгинскую думу. Будучи активной сторонницей бойкота, она 4 августа пишет в Краков, что надо немедленно в каком-либо издании «занять позицию» [4]. Вскоре в «Червоном штандаре» появилась принадлежащая ее перу статья «Конституция кнута», в которой она выступила с критикой меньшевиков по вопросу о Думе.

[1] Цит. по: *Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич.* Указ. соч., стр. 121—122.

[2] *R. Luksemburg.* Listy, t. 2, s. 326, 389.

[3] См. *Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич.* Указ. соч., стр. 114—115.

[4] *R. Luksemburg.* Listy, t. 2, s. 429, 433.

Статья была затем частично опубликована в большевистском «Пролетарии»[1].

В сентябре 1905 г. на общероссийской конференции социал-демократических организаций в Риге представители СДКПиЛ Л. Иогихес (Тышка) и А. Варский поддержали большевистскую тактику бойкота Булыгинской думы. Попытка меньшевика Дана заполучить поддержку Р. Люксембург по этому вопросу окончилась провалом. В письме от 9 октября она рассказывала об этом Л. Иогихесу (Тышке): «Представь себе, сегодня утром я получаю письмо от Дана, обширное, с вопросом, возможно ли, чтобы я не соглашалась с их тактикой в отношении Думы, как я это в Иене сказала Староверу, ведь не могу же я иначе оценить «российско-азиатской дикости»[2], которая заложена в лозунге бойкота, иначе, чем они!!! Как тебе понравится этакое самодовольство этих кретинов? [...] Естественно, я им отвечу. Сегодня и завтра я как раз должна писать для «Нойе цайт» статейку против Мартова ...». В то же время Р. Люксембург обрушилась на левацкие заскоки. В связи с приездом Парвуса она писала 14 октября: «... меня эта идиотская тактика в отношении Думы вывела из терпения. Хватит с меня этих «радикальных» штучек». После встречи с ним она сообщала: «... я выдала ему жуткую порцию... Я предупреждала, что он свернет шею и скомпрометирует идею социализма в России»[3].

После визита Парвуса Р. Люксембург сразу же принимается за статью «На борьбу против «конституции» кнута!», в которой обстоятельно аргументирует общую с большевиками тактику бойкота Думы. «Ты удивишься, что я столько насочиняла, но тебе только казалось, что можно три слова написать и хватит, — поясняла она Л. Иогихесу (Тышке). — Нам неприлично по такому вопросу столь слабо выступать. И так не лучшим образом мы проявили себя с этой Думой, и нужно было хотя бы теперь несколько более порядочную статью выдать»[4]. Узнав о позиции Л. Троцкого — «сторонника каких-то иных фиктивных

[1] «Пролетарий», 11(24) октября 1905 г.
[2] Слова в кавычках написаны Р. Люксембург по-русски.
[3] *R. Luksemburg*. Listy, t. 2, s. 469, 486, 493; см. также *Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич*. Указ. соч., стр. 117—118.
[4] *R. Luksemburg*. Listy, t. 2, s. 499.

выборов», она также без колебаний осудила ее[1]. В результате ее вмешательства вопрос о Думе занял первостепенное место в изданиях СДКПиЛ. Укрепляется через В. В. Воровского, приехавшего к ней по поручению В. И. Ленина, контакт с большевиками.

Немало сил по-прежнему требовала «польская работа» в Германии. 31 марта 1905 г. Роза Люксембург писала Ю. Брунсу в Катовице, извиняясь за невыполнение обещания: «Меня мучат страшные угрызения совести из-за ненаписанного воззвания, но я теперь ... целиком поглощена российской революцией. «Мой покой утерян, мое сердце — там»»[2]. В мае ей пришлось, однако, заняться польским рабочим движением в Германии вплотную, так как к ней обратились за поддержкой левые деятели ППС прусского захвата. «Бедняги спрашивают меня, что делать дальше, хотят, чтобы я им помогла», — пишет Роза 27 мая Л. Иогихесу (Тышке), и, пользуясь случаем, напоминает о необходимости посылать издания СДКПиЛ польским рабочим деятелям в Германии[3]. Поддерживая с ними тесную связь, она, как обычно в период подготовки очередного партийного съезда СДПГ, объехала с агитационными выступлениями ряд польских центров — Познань, Торунь, Быдгощь и др.[4]

В «немецкой работе» кроме подготовки материалов для печати, среди которых преобладали статьи о революции, а также большого труда для «Нойе цайт» о массовой стачке[5] существенное место занимали агитационные поездки по Германии. С докладами «Революция в России», «Русская революция и массовая стачка», «Политическая массовая стачка» Р. Люксембург выступала в этот период на партийных, профсоюзных, женских и молодежных собраниях в Лейпциге, Гамбурге, Берлине, Манхейме, округе Эссена[6]. На всех собраниях, как рассказывала

[1] *R. Luksemburg*. Listy, t. 2, s. 496.
[2] «Ruch robotniczy na Śląsku Opolskim», № 8, 1971, s. 101.
[3] *R. Luksemburg*. Listy, t. 2, s. 363—364.
[4] Там же, стр. 418, 427, 430, 440, 441.
[5] Готовясь к выступлению в Гамбурге, Р. Люксембург пришла к выводу, что лучше разработать тему обстоятельнее и выпустить брошюру (там же, стр. 428).
[6] *E. Herbig*. Einige Bemerkungen zur Tätigkeit Rosa Luxemburgs als Referentin. — «Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung», 1969, N 5, S. 281—282.

Р. Люксембург, рабочие требовали: «Говорите нам о русской революции»; было видно, что они считали интересы революции в России делом немецкого пролетариата [1].

Опыт революции в России левые германской социал-демократии стремились использовать для развития тактики рабочего движения в своей стране, которое ознаменовало начало 1905 г. стачкой 250 тыс. горняков Рура. Лидеры СДПГ делали все для того, чтобы избежать даже постановки такого вопроса. На Кельнском съезде профсоюзов (май 1905 г.) вопреки требованиям многих рабочих и целых профсоюзных организаций оппортунисты провели резолюцию, рекомендующую решительно противостоять пропаганде массовой политической стачки. Такое решение вызвало протест многих местных профсоюзных и партийных организаций.

В сентябре 1905 г. состоялся Иенский съезд СДПГ, который принял по докладу А. Бебеля резолюцию, признающую массовую стачку одним из самых действенных средств борьбы. Р. Люксембург, К. Либкнехт, К. Цеткин, А. Штадтгаген и другие левые решительно отстаивали на съезде использование революционного опыта России, рассматривали массовую стачку как форму революционной борьбы. К. Либкнехт отмечал, «что люди становятся восприимчивее к внепарламентским действиям ... идея всеобщей стачки привлекает все большее число сторонников ... этому содействовала и русская революция» [2]. Р. Люксембург, участвовавшая в дискуссии столь же активно, как и в годы борьбы с Бернштейном, призывала: «Поучитесь же у русской революции!» [3] На основе резолюции, предложенной А. Бебелем, хотя она и страдала некоторой ограниченностью, трактовала массовую стачку главным образом как оборонительное средство, левые вели на съезде борьбу против оппортунизма. «Фактически массовая забастовка обсуждалась ... как форма революционной борьбы масс, и революционный дух явно завладел

[1] См. «Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Апрель — май 1907 г. Протоколы», стр. 100—101.
[2] *К. Либкнехт.* Избранные речи, письма и статьи. М., 1961, стр. 83.
[3] *R. Luxemburg.* Gesammelte Werke, Bd. 1/2, S. 603.

всей дискуссией и съездом», — писала Р. Люксембург, подчеркивая, что левые сумели «придать резолюции революционный характер» [1]. Специальная резолюция съезда приветствовала революцию в России.

В. И. Ленин, отмечая влияние революции на ход Иенского съезда, подчеркивал значение его решений для всего международного движения «в смысле поддержки и укрепления революционного духа борющихся рабочих» [2].

После Иенского съезда Правление партии, учитывая настроения масс, вынуждено было изменить состав руководства центрального органа — газеты «Форвертс», которая поддерживала противников массовой стачки. По инициативе А. Бебеля, Р. Люксембург получила приглашение войти в редакцию газеты и давать еженедельно две передовицы. Было оговорено, что ее статьи не могли быть просто отвергнуты редакцией: в случае несогласия половины ее членов вопрос должен был рассматриваться Правлением партии и Комиссией по прессе [3]. В газете Р. Люксембург могла рассчитывать на поддержку Г. Кунова и Г. Штребеля [4]. Левые позиции занимали также и такие новые члены редакции, как А. Штадтгаген и Э. Мейер. Р. Люксембург отказалась войти в редакцию, а стала постоянным сотрудником «Форвертс» [5]. Экономические обзоры согласился писать Ю. Мархлевский [6].

С конца октября Р. Люксембург ежедневно с 4 до 9 часов вечера работала в «Форвертс». Она писала две передовые статьи в неделю, обрабатывала материалы о России для соответствующей рубрики, а с ноября ей пришлось вести и рубрику «Партийные известия». Хотя газета отнимала много сил и времени, эта работа приносила Розе удовлетворение. К ней относились очень внимательно, давали на прочтение статьи, прислушивались к ее советам [7]. Кроме политической цели — борьбы с оппортунизмом сотруд-

[1] «Германское рабочее движение в новое время», стр. 397.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 11, стр. 323.
[3] *A. Laschitza, G. Radczun.* Op. cit., s. 156—157.
[4] *R. Luksemburg.* Listy, t. 2, s. 462—463.
[5] См. там же, стр. 527.
[6] Этому помешал его отъезд в Польшу (*R. Luksemburg.* Listy, t. 2, s. 527, 529).
[7] См. там же, стр. 543.

ничество в «Форвертс» давало и постоянный заработок — 550 марок в месяц, который позволил бы расплатиться с долгами и обзавестись необходимой мебелью [1].

На страницах центрального органа СДПГ Р. Люксембург систематически пропагандировала опыт российской революции. В октябре — декабре 1905 г. ею было опубликовано более 30 статей, освещающих события в России, преломляющих российский революционный опыт сообразно с германскими условиями. В. И. Ленин впоследствии отмечал, что такие выдающиеся деятели международного революционного движения, как Роза Люксембург, сумели сразу же понять и оценить значение революционного опыта российского пролетариата и широко пропагандировали его на страницах зарубежной партийной печати [2]. Однако борьба с оппортунизмом становилась день ото дня все сложнее, так как опытных журналистских кадров газете явно не хватало. Ощущение, что дело не идет так, как хотелось бы, большая усталость вызывали подчас у Р. Люксембург чувство неудовлетворенности [3]. Тем не менее вплоть до отъезда в революционную Россию она продолжала активное сотрудничество в газете. И, даже уехав в Варшаву, она стремилась «...писать для «V» и этим ему немного помочь» [4].

В последние месяцы 1905 г. Роза Люксембург особенно остро переживает невозможность разделаться с «долгами» «в польской работе»; ее расстраивает не новая огромная нагрузка, а «запущенная польская работа». Она просит «сдирать» с нее «что только можно, чтобы как-нибудь залатать долги», не ограничивать заказов, информировать о всех событиях партийной жизни и т. д. «Это у меня вошло в кровь и нервы как заноза в палец, и нельзя вырвать, — признается она. — Прямо-таки болезнь» [5].

С восторгом приветствует Р. Люксембург растущую активность СДКПиЛ — прокламации с призывом к всеобщей стачке солидарности с октябрьской

[1] *R. Luksemburg*. Listy, t. 2, s. 510, 544.
[2] *См. В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 371.
[3] *R. Luksemburg*. Listy, t. 2, s. 533—534.
[4] *Р. Люксембург*. Письма к Карлу и Лунзе Каутским, стр. 92; «V» — «Форвертс».
[5] *R. Luksemburg*. Listy, t. 2, s. 498, 505, 507.

стачкой в Москве и Петербурге; ее письма этого периода дышат глубоким оптимизмом. Все болезненнее чувствует она свой отрыв от повседневной работы партии, невозможность тщательно учитывать малейшие изменения обстановки, реагировать на политику различных партий. В конце октября она сетует в письме Л. Иогихесу: «Вообще я сегодня живо почувствовала всю ненормальность моего метода польской работы. Я получаю заказ: «Пиши передовицу об автономии» (или об «Учредительном собрании»)! Хорошо. Но, черт возьми, для этого нужно почитывать польскую и русскую прессу, быть в курсе того, что происходит в обществе, быть в контакте с партийными делами. Ведь иначе из-под пера могут выходить только какие-то бледные отрепья штампов, и я не могу «попасть в десятку». А сейчас уже не те времена, когда можно было только излагать позитивные взгляды партии в агитационной форме. Теперь каждый вопрос уже является предметом партийной борьбы. И эту борьбу ограничивать по старому обычаю только ППС — анахронизм. Теперь при работе над статьей об автономии нужно учитывать не только ППС, но в равной мере и эндеков, и педеков, а также угодовцев! Каждое их движение необходимо принять в расчет. А как я это сделаю, в глаза не видя польских газет ... Раньше (летом) я еще получала иногда вырезки по какому-нибудь вопросу. Теперь, когда идут самые живые дискуссии, я в течение 2—3 месяцев и в глаза не видела польских газет» [1].

Нарастание революционного движения понуждает Розу заняться статьей «вроде февральских и мартовских — задуманных широко, с перспективой, не полемических, но указывающих путь». Ее охватывает беспокойство, справляется ли СДКПиЛ с задачами момента. «Что там наши делают в отношении этой революции, которая в настоящее время развивается основательнее, чем в феврале — марте. Что-то мне кажется, что СДКПиЛ на этот раз не сыграет такой роли, как в первой фазе, — сомневается она. — Задачи (литературные) теперь труднее, а на месте нет Юзефа (Дзержинского. — *Авт.*)» [2].

[1] *R. Luksemburg*. Listy, t. 2, s. 518—519.
[2] Там же, стр. 521, 524. Ф. Дзержинский 30 июня 1905 г. был арестован.

Нетерпение ее достигает предела, получаемая из Королевства Польского информация не удовлетворяет, политика партии кажется недостаточно продуманной, несмотря на то что практически все видные деятели партии (Ю. Мархлевский, А. Варский и др.) уже находились в Королевстве Польском. 29 октября она пишет Л. Иогихесу (Тышке): «О событиях в крае ты пишешь, по-моему, слишком легко, если думаешь, что стачка железнодорожников через несколько дней утихнет. Мы здесь считаем это уже революцией всерьез, и я думаю, что это еще будет продолжаться неделями». 4 ноября, сообщая о готовящемся отъезде русских социал-демократов в Петербург, она замечает: «... это на меня так подействовало, такая тоска за сердце взяла, что я готова отсюда, от этого убожества и дребедени в «Форвертс», сбежать куда угодно». Она настаивает на немедленном издании легального социал-демократического органа в Варшаве и ищет возможности перебраться туда, снова и снова повторяя в письмах: «... меня больше всего угнетает то, что я не успеваю с работой для вас...»[1]

Член Главного правления СДКПиЛ Я. Ганецкий вспоминает: «Она так настойчиво добивалась этого переезда, что трудно было ей в этом отказать. Несмотря на угрожающую ей опасность провала и весьма чувствительный ущерб для партии в случае ареста ее, мы, польские, а также и немецкие социал-демократы, согласились в конечном счете на то, чтобы Роза Люксембург на «короткий срок» переехала в Польшу»[2]. В начале декабря 1905 г. была проведена организационная подготовка переезда — 8 декабря берлинский полицай-президент выдал германской социал-демократке Анне Матшке (1873 г. рождения) заграничный паспорт, на котором в тот же день, 25 ноября (8 декабря), была поставлена виза российского генерального консульства на въезд в Россию. С этим паспортом в качестве корреспондента «Форвертс» Роза Люксембург должна была пересечь границу. 15(28) декабря семейство Каутских проводило ее на вокзал.

---

[1] *R. Luksemburg*. Listy, t. 2, s. 528, 536, 537, 548.
[2] *Я. Ганецкий*. Арест Розы Люксембург (Варшава, 1906 г.).— «Красная новь», 1929, № 2, стр. 124.

Кружным путем, с немалыми трудностями, в нетопленом и неосвещенном воинском эшелоне она добралась до Варшавы. В паспорте Анны Матшке появились две отметки о пересечении границы с одной и той же датой — 16 декабря. После отметки «Александров» была проставлена отметка «Млава». 18(31) декабря паспорт был зарегистрирован в Варшаве в пансионе графини Валевской, ул. Ясная, д. 1[1]. В тот день Роза Люксембург написала Каутским: «Вчера я благополучно прибыла [...]. Работа идет хорошо, сегодня приступаю к ней»[2]. Вместе с перебравшимся в тот же пансионат Л. Иогихесом (Тышкой), уже в пятый раз приезжавшим в революционную Варшаву[3], Роза засела за срочную подготовку материалов для «Червоного штандара», чтобы обеспечить превращение его в ежедневную газету. Несмотря на большие трудности с типографиями, эта задача была решена. Одновременно, выписав из Берлина свои рабочие материалы, Р. Люксембург продолжала подготовку брошюр: была написана и сдана в типографию брошюра «об общем положении и задачах»[4] — видимо, третий выпуск «Что дальше?»[5]. В декабре Р. Люксембург сделала попытку издавать легальную газету «Трибуна людова» и написала для нее несколько статей. Однако через пять дней газета была закрыта. Ожидая со дня на день отмены военного положения, она готовилась к выступлениям на митингах — «...тогда вы услышите обо мне»[6], едва сдерживая нетерпение, писала она 20 декабря (2 января) Каутским.

Однако обстановка не благоприятствовала ее деятельности. «Мы сами устроили «негласный надзор» над Розой Люксембург и сильно ограничили ее действия, — пишет Я. Ганецкий. — Мы запретили ей выступать. Она принимала участие лишь в заседаниях

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. ДП, VII д-во, 1906 г., д. 4230, л. 10—11.
[2] *Р. Люксембург*. Письма к Карлу и Луизе Каутским, стр. 86.
[3] *F. Tych*. Ostatni pobyt Róży Luksemburg w Warszawie.— «Warszawa popowstaniowa 1864—1918», zesz. 1. Warszawa, 1968, s. 235.
[4] См. *Р. Люксембург*. Письма к Карлу и Луизе Каутским, стр. 91.
[5] *R. Luksemburg*. Z doby rewolucyjnej. Co dalej? N 3. Warszawa, 1906.
[6] *Р. Люксембург*. Письма к Карлу и Луизе Каутским, стр. 88.

Центрального комитета и редакции центрального органа. С отдельными товарищами она могла встречаться только с особого согласия и на специально приспособленной для этого конспиративной квартире. Мы запретили ей ходить в театр, на концерты, вообще без особо уважительной причины уходить из квартиры... По временам лишь в «педагогических целях» мы решались сходиться на частные чаепития в особо надежных квартирах, куда приглашали узкий круг товарищей, человек 10—12. На этих собраниях Роза [Люксембург], почуяв свободу, оживлялась, возбуждалась, много говорила, расспрашивала. Товарищи, которые впервые имели возможность встретиться с ней «вне официальной обстановки», восхищались ее редким остроумием, глубокими познаниями в разных областях. ...Вспоминаю, с какими осторожностями обставляли мы партийную конференцию, на которой должна была участвовать Роза... Были детально обследованы намеченные для конференции квартиры... Как ни курьезно, мы выбрали дом, находящийся в нескольких стах шагов от охранки. Квартира принадлежала вполне «благонадежным» людям, никогда не возбуждавшим никаких подозрений охранки... Было решено, что в случае провала Роза не выходит из дому; на всякий случай для нее в том же доме была приготовлена вполне надежная квартира. ...Конференция благополучно провела свою работу»[1].

«Среди бурь и волнений», как определила обстановку в революционной Варшаве Роза Люксембург, она напряженно обдумывала важнейшие вопросы революции, с удовлетворением констатировала руководящую роль социал-демократов в Московском вооруженном восстании, которое высоко оценила («в Москве скорее одержана победа, чем понесено поражение»)[2]. В письмах она постоянно возвращается к тому, что считала важным и необходимым, первоочередным, — к поездке в Петербург. Сначала эта поездка приурочивалась к IV съезду РСДРП, на котором Роза Люксембург должна была представлять СДКПиЛ и СДПГ. «... Это важно и по общим соображениям, так как я о многом хотела бы там поругаться», — писала она Каутским в январе 1906 г. И хотя съезд перенесли, она не теряла надежды вырваться в Петербург хотя бы «на короткое время» для установления более близких контактов с большевиками[1].

[1] «Красная новь», 1929, № 2, стр. 124—125.

[2] *Р. Люксембург.* Письма к Карлу и Луизе Каутским, стр. 89, 90.

Из-за рубежа шли теплые слова привета и поддержки в ее начинаниях от левых деятелей международного рабочего движения. В одном из писем Луизы Каутской из Берлина сделал приписку Г. Гортер, будущий голландский трибунист. «... Жаль, что я Вас не застаю здесь, но как чудесно для Вас, что Вы можете быть там, — писал Г. Гортер. — Совсем иным должен Вам теперь показаться Ваш город! Когда Россия и Польша будут свободные, мы приедем к Вам»[2]. Далее следовали приветы от Гольстов и Паннекука. Писал Розе в Варшаву и ее старый друг Франц Меринг. Выражая благодарность за полученное письмо, он признавался: «... я скажу Вам откровенно, что расставание с Вами было мне очень тяжело. Хотя мы и не часто виделись, я каждый раз духовно возрождался, когда мы бывали вместе, и мысль, что находишься в Вашей близости, давала мне чувство уверенности, которого у меня теперь больше уже нет. Это ужасно, как бедна наша партия авторскими силами и что она потеряла с Вашим уходом...» К. Каутский, с которым у нее сохранялись очень теплые отношения, замечал в письме: «У нас теперь довольно-таки скучно и пусто с тех пор, как тебя нет»[3].

19 февраля (4 марта) 1906 г. Роза Люксембург была арестована и доставлена городовыми и солдатами в отделение предварительного следствия при ратуше на Театральной площади. Затем она была переведена в X павильон Варшавской цитадели. Вместе с нею был схвачен пришедший в пансион уже во время обыска Л. Иогихес (Тышка). Он пытался уничтожить компрометирующие бумаги и пробовал откупиться от городовых, но безуспешно. Судя по материалам обвинительного акта, оба они были арестованы

[1] См. *Р. Люксембург.* Письма к Карлу и Луизе Каутским, стр. 91—94, 95.

[2] Архив Государственного музея Великой Октябрьской социалистической революции. Ленинград (далее — Архив ГМ ВОСР), ф. 2, д. 4748/1, л. 135.

[3] Там же, л. 134 об., 141 об.

по требованию охранного отделения. Собственно, околоточный надзиратель получил наряд на обыск и арест «Матшке» и «неизвестного мужчины, который ее часто посещал». Судя по показаниям околоточного, о Л. Иогихесе как о человеке, связанном с нею, он узнал уже в пансионе, и когда тот зашел к концу обыска в комнату Р. Люксембург, то тут же был задержан. Таким образом, охранка охотилась прежде всего за Р. Люксембург.

Через несколько дней после провала Роза Люксембург писала Каутским: «... судьба настигла меня: я арестована. Я уже визировала свой паспорт для обратной поездки и была готова к отъезду. Но ничего не поделаешь. [...] Да здравствует ре..., со всем, что она несет! [...] Пока я не открыта, но это недолго продолжится, так как мне не верят»[1]. Действительно, вскоре ее личность была окончательно установлена. В донесении начальнику варшавского губернского жандармского управления сообщалось: «По агентурным данным, Розалия Люксембург прибыла в Россию для организации аграрных беспорядков, имея в виду, что последствием таковых будет насильственное ниспровержение существующего в России государственного строя и революция, а также поднять дух революционеров, значительно пришибленных декабрьскими событиями прошлого года»[2]. Ведший следствие ротмистр Сушков зафиксировал на основании материалов начальника варшавской охранки, будто Р. Люксембург и О. Энгельман (пользовавшийся документами на это имя Л. Иогихес был опознан значительно позже) являются прибывшими из Берлина представителями Заграничного комитета СДКПиЛ, «террористами» и «бунтовщиками».

На допросе Р. Люксембург заявила, что она не признает себя виновной «в участии в сообществе, именующем себя социал-демократической партией», зато принадлежит к СДПГ, поддерживая версию о том, что она является корреспондентом «Форвертс». Допросы родственников Р. Люксембург ничего существенного следствию не принесли, а Л. Иогихес давать какие-либо показания о ней отказался.

---

[1] *Р. Люксембург.* Письма к Карлу и Луизе Каутскии, стр. 97.
[2] Архив ГМ ВОСР, ф. 2, д. 4748/1, л. 14 и 159.

Перелом в ходе следствия вызвала берлинская газета «Ди пост», начавшая в марте 1906 г. травлю Розы Люксембург одновременно с выпадами в адрес «Форвертс». На страницах «Ди пост» появились перемежающиеся с бранью материалы о поездке Р. Люксембург в Россию, о ее деятельности и аресте. Роза Люксембург именовалась не иначе как «ужасно ядовитой дамой», «кровавой Розалией», «кровожадной героиней», «бешеной революционеркой Розалией». «Ди пост» злорадствовала по поводу предстоящей расправы над нею и с ехидством приводила высказывание ревизиониста Давида о том, что опыт революции в России не применим к германским условиям, а если Розе Люксембург в России «так нравится, то пусть она туда и отправляется». Захлебываясь от злобы, газета писала, что у имперского правительства недостаточно оснований пускать в Германию революционного агитатора, даже если эта опасная иностранка и стала при помощи брака германской подданной. «Мы в Германии, — писала «Ди пост», — можем радоваться, что отделались от нее столь удачным образом»[1]. Этот материал стал весьма важным элементом обвинения. Прокурор впоследствии заимствовал у «Ди пост» эпитеты вроде «кровожадная героиня» и использовал заявления этой газеты об удовлетворении, которое-де испытывает Германия, избавившись от нее.

В апреле дело пополнилось материалами допросов горничных и лакеев пансиона Валевской, однако они могли сообщить весьма немного — что постояльцы были хорошо знакомы между собой и бывали друг у друга в разное время, что всегда ночевали дома и более как на часа 2—3, в обеденное время, не отлучались, что к ним никто не приходил, а они никого из служащих с поручениями никуда не посылали. Тем временем обрабатывались и переводились многочисленные материалы, изъятые во время обыска. Это была значительная часть творческой «лаборатории» задержанных революционеров. У Розы Люксембург были изъяты корректуры, различные печатные материалы (пресса СДКПиЛ, РСДРП, ППС, буржуазные и мелкобуржуазные издания), воззвания разных партий, в том числе листовки СДКПиЛ (печатные и ру-

---

[1] «Die Post» (Berlin), 17, 19, 23, 24. III. 1906.

кописные), рукописи ряда работ, как принадлежавшие ее перу, так и переданные ей для прочтения или редактирования.

В числе материалов были «сто тридцать семь пронумерованных восьмушек листа белой писчей бумаги с рукописным на одной стороне текстом на русском языке», озаглавленные «Польский и русский социализм в их взаимном отношении»[1]. Это была недописанная в свое время брошюра по заказу «Искры». Из письма Розы Каутским нам известно, что уже на четвертый день пребывания в Варшаве она просила их прислать из дома ряд необходимых для работы материалов, особенно подробно описывая местонахождение одного из них. «На письменном столе, рядом с бюстом Вольтера, — уточняла она, — в куче бумаг лежит длинноватый конверт с моей русской рукописью, приблизительно 116 занумерованных и исписанных страничек. [...] ...Вышли ее мне немедленно в закрытом заказном письме по адресу Новый Свет, для меня. Если это будет для почты слишком тяжело, перешли рукопись в двух письмах»[2]. Из последовавшей переписки следует, что просьба была выполнена. Судя по изменившейся нумерации рукописи, Роза продолжала над ней работать в Варшаве. Польский историк Ф. Тых вполне убедительно связывает это с особой актуальностью проблемы ввиду близившегося съезда — IV (Объединительного) съезда РСДРП[3].

Вводная, постановочная часть брошюры нацеливала на организационное объединение польской и российской социал-демократии, подчеркивала важность идейного единства, его интернационалистские основы. Роза Люксембург рассматривала в брошюре историю формирования и развития программных установок польских пролетарских революционеров начиная с 70-х годов. Она показывала объективную основу единства целей пролетарского движения в Королевстве Польском и России, четко осознававшуюся уже первыми польскими социалистами. Обстоятельно разбирая брошюру лидера ППС Л. Василевского («Плохоцкого») «Взаимные отношения польских и русских социалистов»[1], Роза опровергала его утверждение, будто совместные действия подчиняют польское революционное движение русскому и наносят ему только вред. Она обстоятельно доказывала, что интернационализм «составляет постоянный, основной элемент польского движения»[2], убедительно разоблачала националистическую политику руководства ППС, направленную на срыв русско-польского революционного союза, единой линии пролетариата в борьбе против самодержавия. Однако рукопись не была доведена до конца и обрывалась на событиях 1902 г. Лишь цитируемая здесь часть ее сохранилась среди вещественных доказательств и увидела свет только в 1973 г.

В следственном деле Р. Люксембург содержится довольно подробная информация о нескольких листках черновых заметок на русском, польском и немецком языках в виде плана, имеющих, как представляется, прямое отношение к рукописи. Отдельные пункты плана касаются рабочего движения в России, отношения к нему польских революционеров, программы и деятельности ППС, оценки ею партии «Пролетариат», отмечают постановку польского вопроса русскими революционерами (отношение Герцена, Бакунина и Чернышевского к независимости Польши) и т. д. В плане есть и такие пункты, которые непосредственно связаны с замыслом брошюры, но не получили в ней развернутого освещения, например указание на то, что с развитием социал-демократического движения в России и Польше дело революционного союза «на новое основание поставлено было»; формулирование в числе «теперешних задач» задачи объединения социал-демократии всей России, обоснования требования автономии для Польши и централизма в организационно-партийном вопросе[3].

Таким образом, Роза не успела реализовать свой замысел. В «Червоном штандаре» была опубликована только ее статья, посвященная теме русско-польского революционного союза и обосновывавшая политиче-

[1] Архив ГМ ВОСР, ф. 2, д. 4748/1, л. 106.
[2] *Р. Люксембург.* Письма к Карлу и Луизе Каутским, стр. 87, 88.
[3] См. там же, стр. 87, 88; «Archiwum ruchu robotniczego», t. 1. Warszawa, 1973, s. 28.

[1] *Л. Плохоцкий.* Взаимные отношения польских и русских социалистов. Лондон, 1902.
[2] «Archiwum ruchu robotniczego», t. 1, str. 48.
[3] Архив ГМ ВОСР, ф. 2, д. 4748/1, л. 105.

скую линию и методы борьбы революционных сил[1]. Написана она была в ответ на «Открытое письмо Центральному рабочему комитету ППС» социалиста И. Дашиньского.

Ряд рукописей Р. Люксембург погибли безвозвратно: в ходе следствия выяснилось, что пристав во время обыска взял лишь часть бумаг, большинство же их было просто выброшено[2]. Поскольку на допросе по поводу вещественных доказательств от Розы Люксембург практически ничего не удалось добиться, к следствию были привлечены графологи, выяснявшие, какие из рукописей принадлежат лично ей.

После ареста руководство СКДПиЛ, друзья Р. Люксембург в Германии и родные Розы начали борьбу за ее освобождение. Одновременно они стремились обеспечить ей возможность продолжать работу для дела революции. Вскоре после ареста Я. Ганецкий добился свидания с нею и сообщил о планах организации побега, которые, однако, реализовать не удалось. Он же доставил ей, к ее великой радости, необходимые для работы книги, газеты и другие материалы, назвал очередные темы, которые желательно было немедленно осветить в партийной печати. Во время свиданий обсуждались важнейшие вопросы участия польской делегации в работе приближающегося съезда РСДРП. «Мы восхищались получаемыми от нее статьями, — вспоминает Я. Ганецкий. — Ее статьи, писанные в тюрьме, принадлежат к ее лучшим произведениям [...] Она хвалила или критиковала статьи в нашей прессе, говорила о прессе противника и указывала, как, по ее мнению, следует реагировать на ее выступления. Мы обдумывали план работ нашего Центрального комитета и центрального органа. В это время мы готовились к «объединенному» съезду Российской социал-демократии. Шли оживленные обсуждения, горячие споры о том, какие требования предъявить, какие условия выставить... Были выработаны декларация и условия объединения. Обо всем этом я вел длительные разговоры с Розой... Несколько раз менялись и учитывались ее поправки. Их окончательная редакция была с нею согласована и ею одобрена»[3].

[1] «Czerwony sztandar», 16, 27. I. 1906.
[2] Архив ГМ ВОСР, ф. 4748/1, л. 186.
[3] «Красная новь», 1929, № 2, стр. 136—138.

Р. Люксембург мечтала обрушить «громы и молнии» на меньшевиков, чтобы всеми силами содействовать преодолению слабости социал-демократии, пресечению «величайшей сумятицы», всей ужасающей «путаницы и колебаний», вносимых ими в партию. Поведение меньшевиков порождало у нее страстное желание «перевернуть там все вверх дном». Она с удовлетворением подчеркивала, что рабочий класс России в своей массе бойкотировал выборы в Думу — «вопреки указаниям половины с.-д. Масса еще раз оказалась более зрелой, чем ее (меньшевистские. — *Авт.*) «вожди»». О позиции Плеханова она писала: «Рыцарь печального образа «Георгий» с своей стороны достаточно поработал для опозорения партии»[1].

Увы, Розе Люксембург пришлось отказаться от мысли об участии в работе IV (Объединительного) съезда РСДРП, созыва которого польские социал-демократы ждали с огромным нетерпением, связывая с ним долгожданное организационное объединение. На этом съезде СДКПиЛ стала составной частью РСДРП в качестве ее автономной территориальной организации, прочно скрепив революционный союз авангарда польского и российского пролетариата. В. И. Ленин подчеркивал, что вхождение в РСДРП национальных социал-демократических организаций «в громадной степени усилит мощь пролетариата всех народов России»[2].

Польские социал-демократы (А. Варский, Ф. Дзержинский, Я. Ганецкий) поддерживали на съезде большевиков по всем важнейшим вопросам — о характере революции, о курсе на свержение самодержавия (а не на «революционное самоуправление» без взятия власти в центре), о руководящей роли пролетариата в данной революции, о думской тактике и т. д.

Находясь в тюремной камере, Роза Люксембург много размышляла над различными важнейшими аспектами революционного процесса, теоретически осмысливала их, продумывала решение основных идейно-политических вопросов, а также подготовила ряд

[1] *Р. Люксембург.* Письма к Карлу и Луизе Каутским, стр. 101—104.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 13, стр. 60.

агитационных брошюр и статей. В них она освещала политическую линию СДКПиЛ, критиковала порочность тактики ППС, ослабляющей активность рабочего класса. Немецкому читателю была адресована готовившаяся брошюра «Массовая стачка, партия и профсоюзы»[1].

Ведущей научно-теоретической проблемой, занимавшей Р. Люксембург во время революции, была проблема народных масс как решающего фактора истории, т. е. одно из основных теоретических положений марксизма. Р. Люксембург хорошо изучила формы политической работы социал-демократии и понимала, что в условиях относительно мирного развития капитализма в Германии социал-демократы не могут обеспечить перехода к революционному этапу борьбы рабочего класса. С первых дней революции она неотступно концентрирует внимание на выяснении логики и путей развития массового рабочего движения, на социально-психологическом сдвиге, на быстром росте политизации пролетариата в ходе революционных боев и маневров царизма. Она специально занимается этими вопросами в польском цикле брошюр «Что дальше?».

Знакомство со всем многообразием содержания и форм революционного процесса помогает Розе Люксембург исследовать важные аспекты проблемы развития массового революционно-демократического сознания. Она рассматривает истоки и формы инициативы масс, устанавливает связь между сдвигами в экономическом положении трудящихся и изменением их настроений, изучает сочетание и взаимодействие экономической и политической борьбы, механизм взаимодействия масс и партии.

Роза Люксембург вносит существенный вклад в разработку проблем общественного сознания, социальной психологии и путей роста классового самосознания пролетариата в особенности. Она неоднократно проводит разделение между «чувством классовой принадлежности» и «классовым самосознанием», между социально-психологическим сдвигом и политизацией масс как следующим этапом в их развитии. В условиях революционной ситуации, как отмечает Р. Люксембург, «масса сама появляется на политической арене, классовое самосознание делается практическим, активным», т. е. происходит политизация масс, классовое чутье (эту социально-психологическую категорию Р. Люксембург применяет очень часто) превращается в идейно-политическую зрелость, сопряженную с активным действием. Отсутствие в Германии революционной ситуации задерживает целые слои и группы пролетариата в состоянии «политического безмыслия», классовое самосознание, привитое прогрессивному немецкому рабочему социал-демократией, — «чисто теоретическое, скрытое», и не проявляется «как непосредственное массовое действие». Из этого Р. Люксембург делает вывод об огромной роли социально-психологического сдвига в период революционного взрыва: 30 лет парламентской и профсоюзной деятельности дали немецкому пролетариату меньше, чем год участникам революции 1905 г.[1]

Одним из основных ее положений был тезис о том, что классовое самосознание пролетариата и его организованность динамично развиваются в ходе революционной борьбы и что партия должна участвовать активно в этом процессе, постоянно анализировать все повороты движения, вызванные часто внешне, казалось бы, несущественными поводами. Настроениям масс социал-демократия обязана дать политический выход, подчеркивала она, и «эту задачу она может выполнить только методом, соответствующим самому существу социал-демократической агитации: путем внесения политического сознания в это стихийное настроение»[2].

Свое кредо Роза Люксембург чрезвычайно ярко выразила в мае 1905 г. в следующих словах: «Социал-демократию не менее часто, чем в «догматизме», обвиняют в «доктринерстве», т. е. в духовной узости, пытающейся впихнуть широкий и бесконечно

---

[1] *R. Luxemburg.* Massenstreik, Partei und Gewerkschaften. Hamburg, 1906; *Р. Люксембург.* Всеобщая забастовка и немецкая социал-демократия. Киев, 1906.

[1] См. *Р. Люксембург.* Всеобщая забастовка и немецкая социал-демократия. Пг., 1919, стр. 57, 58.

[2] «Z doby rewolucyjnej. Co dalej?» Dodatek do N 26 «Czerwonego sztandaru», s. 4, 9.

разнообразный мир социальных явлений в жесткие рамки схемы, не знающей ничего, кроме «материальных интересов», глухой и слепой по отношению к психическим явлениям высшего порядка, как, например, к национальным чувствам. [...]

В узкую, душную, сковывающую дух доктрину превращают мировоззрение социал-демократии как раз те, которые поносят ее «доктринерство». Марксизм же по своей сущности является самой универсальной, наиболее оплодотворяющей мысль, окрыляющей дух теорией, широкой, как мир, гибкой и богатой по своим цветам и тонам, как сама природа, толкающей к действию, пульсирующей жизнью, как сама молодость. И только эта теория позволяет понять загадки минувшей истории, отгадывать пути дальнейшего развития общества и тем самым, «ударяя левым крылом о прошлое, а правым о будущее», находить в себе сегодня силы на действие результативное, поистине революционное.

Ибо осознание тех реальных направлений, по которым идет историческое развитие, отнюдь не освобождает нас от активного вмешательства в историю своего общества, отнюдь не позволяет, фаталистически сложив руки на груди, ждать, как индийский факир, что принесет будущее. «Люди делают свою историю сами, но не делают ее произвольно» (aus freien Stücken), — говорит Маркс. С полным правом это предложение можно произнести наоборот: люди не делают своей истории произвольно, но делают ее сами. Необходимость считаться с направлением объективного исторического процесса не притупляет и отнюдь не парализует активной революционной энергии, но — определенно — стимулирует и закаливает волю и действие, указывая нам те верные пути, по которым мы можем успешно толкать вперед колесо социального прогресса...»[1].

Кардинальный вывод, к которому Р. Люксембург приходит в годы революции, состоял в том, что живая действительность не соответствует тем теоретическим схемам, к которым привыкли во II Интернационале; и прежде всего это относится к массовому движению, к представлениям о роли и возможностях

[1] *R. Luksemburg.* Wybór pism, t. 1, s. 403—404.

масс в классовой борьбе. Как известно, пересмотр этих схем глубоко и плодотворно осуществлен В. И. Лениным.

В. И. Ленин много внимания уделял как теоретическому, так и конкретному рассмотрению роли масс на различных этапах развития революционного процесса, придавая первостепенное значение анализу их психологии, формирования, развития и претворения в действие способности к самостоятельному революционному творчеству. Еще в работе «Что делать?» В. И. Ленин указывал, что революционеры могут достичь своей цели постольку, поскольку их пропаганда «встречает отклик в стихийно пробуждающейся массе, поскольку их кипучая энергия подхватывается и поддерживается энергией революционного класса»[1]. Он подчеркивал необходимость преодоления субъективистских тенденций в оценке реальной ситуации, левацких склонностей к искусственному подталкиванию революции, обязательности правильного учета состояния самих масс, уровня их революционной активности и готовности к действию. Рост активности масс он считал одним из главных симптомов революционной ситуации и на основе научного анализа состояния масс разрабатывал тактическую линию партии. Особую важность такого анализа В. И. Ленин отмечал в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»[2]. На III и IV конгрессах Коминтерна он вновь подчеркнул, что партия должна действовать не как секта, а как партия класса и масс, что она должна трезво оценивать действительное состояние зрелости масс, подготовку целого класса, а не только его авангарда, степень готовности всех трудящихся. Ленинское учение о партии органически сочеталось с философским осмыслиянием хода мирового революционного процесса, с тщательным анализом его закономерностей.

Современная социал-демократическая трактовка взглядов В. И. Ленина при сопоставлении последних со взглядами Р. Люксембург есть на деле их измельчение, сведение к чисто политической проблематике, затушевывание всей теоретической глубины лениниз-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 106.
[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 42.

ма. К воззрениям Р. Люксембург прилагается такая же упрощающая, а часто прямо искажающая ее концепции мерка [1].

В новейшей марксистской литературе четко указывается, что взгляды Р. Люксембург нельзя рассматривать как увлечение стихийностью в ущерб сознательности, подобно тому как это имело место, скажем, у «экономистов» [2]. Польское рабочее движение прошло через эту болезнь в самом начале 90-х годов. Р. Люксембург хорошо знала ее симптомы и относилась к ним резко отрицательно, как это уже было показано выше. В период революции 1905—1907 гг. она еще раз возвращается к этому вопросу, подчеркивая значение политической борьбы [3]. Р. Люксембург всегда основывалась на Марксовом тезисе о движении к социализму через внесение в пролетарские массы идеи борьбы за завоевание власти. Она была далека от фетишизации массового движения, от «упоения стихийностью». Хотя основополагающим в ее концепции был тезис о том, что обязательным условием революции является пробуждение масс, она трактовала его в духе марксизма, согласно которому революцию нельзя «сделать», т. е. вызвать искусственно. Рассматривая проблему руководства массовым революционным движением, Р. Люксембург исходила прежде всего из наличия революционной ситуации как обязательного условия, из необходимости тщательного учета настроений масс [4]. «Только такие партии, — с иронией писала она, — как ППС,

[1] Подробно см. *И. С. Яжборовская*. Роза Люксембург и современные противники ленинизма. — «Рабочий класс и современный мир», 1971, № 1; *Б. А. Богорад*. О теоретическом наследии Розы Люксембург. — «Рабочий класс и современный мир», 1974, № 2; *Б. А. Айзин*. Проблемы германского рабочего движения и современный антикоммунизм. — «Новая и новейшая история», 1974, № 4; «Spory ideologiczne wokół Róży Luksemburg (Stenogram dyskusji zorganizowanej przez redakcje «Z pola walki» 19 października 1970). — «Z pola walki», 1974, № 1.

[2] *В. А. Богорад*. Указ. соч. — «Рабочий класс и современный мир», 1974, № 2, стр. 153, 157—158; *F. Tych*. Myśl i czyn rewolucji. — «Nowe drogi» (Warszawa), 1971, N 3; *J. Wojnar-Sujecka*. Świadomość społeczna a proces historyczny w pisarstwie Róży Luksemburg. — «Studia filozoficzne» (Warszawa), 1970, N 3.

[3] См. *Р. Люксембург*. Всеобщая забастовка и немецкая социал-демократия, цикл «Что дальше?» и др.

[4] *R. Luksemburg*. Wybór pism, t. 1, s. 365, 515, 541, 556.

могут утверждать с гордой миной в любой момент, что у них в кармане всегда готов план, на основании которого можно «приказать» рабочему классу, что и как он должен делать» [1].

Если анализ динамики развития общественного сознания был сильной стороной концепций Р. Люксембург, то в области партийно-организационной у нее по-прежнему были существенные промахи, связанные с тем, что она еще не поднялась до ленинского учения о партии нового типа. Однако, по мнению Р. Люксембург, пролетарская партия отнюдь не должна плестись в хвосте стихийного движения, как пытаются интерпретировать ее взгляды, например, эмигрировавший в Лондон деятель правого крыла ППС А. Челкош и другие реформисты [2]. Р. Люксембург призывала к проведению «последовательной, решительной, авангардной тактики», к тому, чтобы партия исполняла роль «руководителя в ходе революции», овладела «потоком, стоя в самом потоке», постоянно вносила в массы политическое сознание и т. д. [3] Вместе с тем, писала она, социал-демократия «не может, непозволительно ей, сложив руки, автоматически ожидать прихода «революционной ситуации», пока стихийное народное движение не явится ей с неба. Наоборот, она должна всегда обгонять развитие событий, стараться его ускорить», уметь точно определить цели и методы борьбы масс [4].

Методы и формы руководства движением Р. Люксембург, базирующаяся на политическом опыте польского и германского рабочего движения, выясняла для себя в творческом поиске, не лишенном просчетов. Было бы антиисторичным утверждать, будто Р. Люксембург вообще отрицала ленинское учение об организующей роли партии, но лишь революция 1905 г.

[1] «Z doby rewolucyjnej. Co dalej?» Dodatek do N 26 «Czerwonego sztandaru», s. 1.

[2] *A. Ciołkosz*. Róża Luksemburg a rewolucja rosyjska. Paris, 1961 и др.

[3] «Z doby rewolucyjnej. Co dalej?» Dodatek..., s. 4; *R. Luxemburg*. Gesammelte Werke, Bd. 1/2, S. 500.

[4] *R. Luksemburg*. Wybór pism, t. 1, s. 560; «Z doby rewolucyjnej. Co dalej?» Dodatek do N 26 «Czerwonego sztandaru», s. 10—11.

и анализ деятельности ленинской партии помогли ей четко осознать различие между этой партией и германской социал-демократией. Именно такой анализ помог ей преодолеть опасение, что партийное руководство РСДРП будет сковывать движение, сужать его, искусственно регламентировать. Р. Люксембург поняла, что она имеет в данном случае перед глазами партию другого типа, что сомнения в политической активности и подвижности партии, столь естественные в отношении СДПГ, излишни, когда речь идет о большевиках. Ее взгляды отражали постепенное, но неуклонное приближение к ленинизму, к более глубокому пониманию руководящей и организующей роли пролетарской партии.

Осмысление Розой Люксембург методов руководства массами происходило и под влиянием опыта польского рабочего движения: ППС делала ставку не на массовое движение, а на так называемую техническую подготовку — создание и вооружение боевых отрядов, а затем на захват власти путем заговорщического переворота. В противовес, противоборствуя ППС, Р. Люксембург все время подчеркивала, что «дело не во внешней, технической форме действий, но в его политическом содержании», в готовности к борьбе широких масс[1].

В основе анализа стачечного движения, проделанного Р. Люксембург в брошюре «Массовая стачка, партия и профсоюзы», также лежало представление о революции как о процессе неустанного творчества масс. Р. Люксембург показывала порочность анархистской трактовки всеобщей стачки, отрицающей политическую борьбу пролетариата. Она выступала за активное руководство его борьбой, но не такое, какое было принято в германской социал-демократии и какое сковывало инициативу масс, а за руководство, ориентирующее на максимальный подъем массового революционного движения. Она нацеливала партию на проведение «последовательной, решительной, авангардной тактики», способной вызывать в массах «чувство уверенности в себе, веру в собственные силы и жажду борьбы»[1].

Таковы были взгляды Р. Люксембург на развитие революционного процесса. Они отражали постепенное, но неуклонное приближение ее к ленинизму, к пониманию руководящей и организующей роли пролетарской партии.

В предисловии к русскому изданию книги «Массовая стачка, партия и профсоюзы» Р. Люксембург писала: «Проблема всеобщей забастовки стала мало-помалу в центре всей умственной жизни и умственного интереса германской социал-демократии... В ней, как в фокусе, перекрещиваются все спорные вопросы рабочего движения в Германии: вопрос о парламентаризме и о непосредственной роли массы, о политической и об экономической борьбе пролетариата, о значении и роли организации, о планомерности и стихийности рабочего движения, о мирной тактике и о столкновениях с вооруженной силой господствующих классов, о медленном «врастании» в социал-демократический строй и о революционных «скачках» в развитии классовой борьбы. И наконец ... то или иное отношение к борьбе российского пролетариата ... Вопрос о всеобщей забастовке стал, одним словом, символом целого миросозерцания в рабочем движении в Германии»[2].

В этой работе Р. Люксембург продолжила рассмотрение проблемы диалектической взаимосвязи реформы и революции, вопроса о конкретных путях завоевания политической власти пролетариатом. С учетом особенностей обстановки в Германии и других странах Западной Европы она проанализировала массовую стачку, указала на необходимость вооруженного восстания[3]. В. И. Ленин давал высокую оценку этому произведению Р. Люксембург — как лучшей на немецком языке характеристике массовой стачки

---

[1] См. *Р. Люксембург.* Кризис социал-демократии. М., 1923, стр. 91—93.

[1] *R. Luxemburg.* Gesammelte Werke. Bd. 2. Berlin, 1972, S. 133—134.

[2] *Р. Люксембург.* Всеобщая забастовка и немецкая социал-демократия, стр. VIII—IX.

[3] См. *В. В. Чистяков.* Роза Люксембург о тактике германского пролетариата (1898—1907 гг.). — «Империализм и борьба рабочего класса», М., 1960, стр. 254—256; *A. Laschitza, G. Radczun.* Op. cit., S. 167—169.

в связи с особенностями развития движения в Западной Европе [1].

Весной 1906 г. следствие по делу Р. Люксембург приняло серьезный оборот: ей грозил военно-полевой суд. Сначала предполагалось воспользоваться ее германским подданством и добиться освобождения путем официального протеста. «Мои друзья, — пишет она 2 (15) марта Каутским, — настоятельно требуют, чтобы я телеграфировала Витте и написала здесь германскому консулу. И не подумаю об этом! Эти господа могут долго ждать, прежде чем социал-демократка попросит у них защиты...» Столь же решительно она протестовала против планов деятелей СДПГ обратиться за помощью к канцлеру Бюлову [2]. Революционерка избрала другое оружие — голодовку, о чем позднее вспоминала в письме Софье Либкнехт. Находясь в то время в тюрьме во Вронках, она утешала жену Карла Либкнехта, удрученную обстановкой, в которой проходило ее свидание с мужем. «Это мне... — писала Роза, — напомнило живо мое первое свидание с братьями и сестрами в Варшавской цитадели 10 лет тому назад, там тебя выводят в настоящую двойную клетку, сплетенную из проволоки, т. е. меньшая клетка свободно стоит в большей и разговаривать приходится через двойное металлическое сплетение, от которого рябит в глазах. Так как дело было сразу после 6-тидневной голодовки, я была так слаба, что ротмистр (наш крепостной комендант) должен был почти внести меня в комнату свиданий, и в клетке я обеими руками держалась за проволоку, что, вероятно, еще усиливало впечатление дикого зверя в зоологическом саду. Клетка стояла в довольно темном углу комнаты, и мой брат тесно прижался лицом к проволоке. Он все время спрашивал «где ты» и вытирал с пенсне слезы, которые затемняли ему зрение» [3].

Родные Розы со своей стороны просили помощи у деятелей СДПГ. По данным Я. Ганецкого, А. Бебель принял самое деятельное участие в судьбе Розы

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 54, стр. 481; см. также т. 41, стр. 370—371; Ленинский сборник XXVI, стр. 155.
[2] *Р. Люксембург.* Письма к Карлу и Луизе Каутским, стр. 99, 193.
[3] «Письма Розы Люксембург из тюрьмы», стр. 11.

Люксембург. Он засыпал Главное правление СДКПиЛ советами и просьбами принять меры к ее освобождению. Польские социал-демократы действовали весьма энергично, и 2(15) мая А. Варский сообщил К. Каутскому для передачи руководству СДПГ, что кое-что уже удалось сделать: «Мы решили форсировать это при помощи денег. Во-первых, нужно было пересмотреть параграфы обвинения. Это удалось, официальное обвинение звучит теперь иначе ... Быть может, уже завтра-послезавтра мы сможем вам передать дальнейшие добрые известия» [1].

Действительно, 27 мая (9 июня) 1906 г. удалось организовать медицинское освидетельствование Розы Люксембург. Свидетельство содержало констатацию у обвиняемой целого ряда серьезных болезней — «выдающегося малокровия», расстройства зрения, повышенной реактивности правой части головы, лица и груди, болей в области сердца, сердцебиения, бессонницы, катара желудочно-кишечного тракта и увеличенной печени. Заключение звучало необычным для тюремных чиновников образом: «Ввиду этого необходимо лечение минеральными водами, ваннами при условии соответствующей гигиенической и диетической обстановки. Желательно, чтобы лечение могло быть предпринято в скором времени» [2].

Дальнейший ход этому свидетельству был дан с редкостной быстротой. Под документами, от которых зависела теперь судьба Р. Люксембург, стояла одна и та же подпись: «за прокурора А. Чеховский».

Уже 29 мая (11 июня) он предложил начальнику варшавского губернского жандармского управления «ввиду болезненного состояния обвиняемой Розы Люксембург войти в ближайшее обсуждение вопроса о возможности по обстоятельствам дела принять против нее меру пресечения, не сопряженную с лишением ее свободы» [3], с указанием ответить срочно. Вслед за этим Юзеф Люксембург адресовал прокурору прошение об освобождении сестры под залог до окончания следствия. Вскоре получивший изрядную взятку — 2 тысячи рублей — ротмистр Сушков на основании пе-

[1] Цит. по: *F. Tych.* Ostatni pobyt... s. 245.
[2] Архив ГМ ВОСР, ф. 2, д. 4748/1, л. 45.
[3] Там же, л. 43 об. — 44.

переписки с товарищем прокурора варшавского окружного суда А. Чеховским оформил постановление, в котором указывалось, что ввиду плохого состояния здоровья Р. Люксембург будет освобождена под залог в сумме 3 тысяч рублей. Специальной припиской она обязывалась жить безвыездно в Варшаве. В следующем постановлении от 15(28) июня указывалось, что Максимилиан Люксембург представил требуемую сумму[1] и Р. Люксембург освобождается из-под стражи. В тот же день об этом было сообщено исполнившему постановление заведующему X павильоном Варшавской цитадели[2].

Попытка освободить из тюрьмы таким же образом Л. Иогихеса ничего не дала, ибо после того, как «Ди пост» занялась личными делами Р. Люксембург и тем самым выдала его, были подняты старые материалы, найден прежний приговор, установлен факт его дезертирства, и суда избежать уже не удалось. Он получил 8 лет каторги, но вскоре сумел бежать.

Итак, Роза Люксембург на свободе. Шестимесячное пребывание в тюрьме не сломило ее воли к борьбе. Детальное знакомство с состоянием революционного движения позволило ей очень точно оценить

[1] Необходимая сумма, как следует из писем Р. Люксембург в Германию, была внесена руководством СДКПиЛ сначала путем частных займов, погашенных по получении средств из партийной кассы СДКПиЛ, переданной Розой Люксембург на хранение в СДПГ (см. *Р. Люксембург*. Письма к Карлу и Луизе Каутским, стр. 96, 108). На то, что средства на ее освобождение были взяты из кассы СДКПиЛ, указывает и Я. Ганецкий (см. *Я. Ганецкий*. Указ. соч., стр. 141). Л. М. Михайлов, свидетельство которого о хлопотах К. Каутского и Ю. Мархлевского о 10 тысячах «не то рублей, не то марок» «для спасения Розы» приводит Г. М. Деренковский, столкнулся с решением вопроса о дополнительной субсидии для СДКПиЛ, а не для Р. Люксембург лично (см. *Г. М. Деренковский*. Роза Люксембург в России во время первой революции. — «История СССР», 1968, № 1, стр. 63). В письмах Р. Люксембург есть на это достаточно ясные указания: она доверяет Каутским распоряжаться частью партийных средств, указывает, что с партийного счета деньги могут быть выданы только Ю. Мархлевскому («Карскому»); поручает К. Каутскому вытребовать причитавшуюся СДКПиЛ вторую часть из средств, предназначенных для революционных организаций Российской империи (10 тыс. марок), и положить эту сумму для безопасности пока в банк; партийный же бюджет СДКПиЛ временно будет покрываться за счет займов (*Р. Люксембург*. Письма к Карлу и Луизе Каутским, стр. 98, 103, 110).

[2] Архив ГМ ВОСР, ф. 2, д. 4748/1, л. 60—60 об.

обстановку: «Общее положение великолепно: единственные путаники — наши друзья Георгий и К°, и у меня чешутся руки от желания хорошенько с ними посчитаться»[1]. Столь же решительны ее оценки событий и планы в других письмах того же периода. «Настоящее великолепно, — писала она 5(8) июля Эммануилу и Матильде Вурмам, — то есть я называю великолепным такое время, которое выдвигает массу проблем, и при этом огромных проблем, стимулирует мысль, вызывает страсти, а прежде всего — является плодотворным, все время чем-то чреватым, все время что-то производящим на свет и после каждых родов еще более «беременным», и при этом родит оно не дохлых мышей или же дохлых комаров, как в Берлине, а настоящих гигантов, как, например: гигантские преступления (vide правительство), гигантские конфузы (vide Дума), гигантские глупости (vide Плеханов и К°) и т. д.»[2]

Роза Люксембург с нетерпением ждала возможности вступить в непосредственный контакт с большевиками. Отъезд ее из Варшавы был весьма затруднен обязательством о невыезде. Немецкие соратники (К. Цеткин, Э. Вурм и др.) в свою очередь торопили ее перебраться в Германию, где ее ждали с нетерпением и где она должна была принять участие в работе очередного, Мангеймского партийного съезда, включившись в дебаты о массовой стачке, к которым она усиленно готовилась. 25 июня (8 июля) она сообщила Каутским, что переезд очень сложно оформить. «Я получила письмо от Августа с советом посетить нас, — писала Роза эзоповским языком. — Сейчас я пишу ему, что выполнение этого совета встречает некоторые препятствия, и что только на ближайших днях я узнаю, смогу ли я предпринять лечебную поездку или нет. [...] Как только я раздобуду более прочный, чем сейчас, кров над моей (теперь сильно поседелой) головой, я немедленно же начну работать, неистово работать и, прежде всего, наводню «Нойе цайт»». В ее планы входило также посещение перед съездом Познани и Быдгощи[3].

[1] *Р. Люксембург*. Письма к Карлу и Луизе Каутским, стр. 104.

[2] *Rosa Luxemburg*. Briefe an Freunde. Hamburg, 1950, S. 43.

[3] *Р. Люксембург*. Письма к Карлу и Луизе Каутским, стр. 104, 108.

Положение Р. Люксембург в царской России было действительно весьма неустойчивым. Следствие продолжалось, продолжались и допросы, переводились и реферировались все новые материалы из числа «вещественных доказательств». Число статей, по которым обвинялась Роза Люксембург, увеличивалось. Все новые материалы добавляла охранка, и, несмотря на то что президент полиции из Берлина подтвердил, что Р. Люксембург получила прусское гражданство, выйдя замуж за Г. Любека, генеральный консул из Берлина высказывал мнение, что по российскому законодательству гражданский брак не дает изменения подданства, да вдобавок она никогда и не жила со своим мужем. Ротмистр Сушков направил 15 (28) июня соответствующий запрос в общий отдел МВД (на который, кстати, только 2 (15) сентября пришел ответ, подтверждавший мнение консула). А пока на запрос варшавского губернского жандармского управления, не обратиться ли в Особое совещание «на предмет высылки Люксенбург в Восточную Сибирь под надзор полиции», департамент полиции из Петербурга ответил, что как германская подданная она может быть выслана властью генерал-губернатора за границу — в Пруссию[1].

Наконец, 5(18) июля 1906 г. на прошении Р. Люксембург о выезде на лечение на Карлсбадские воды, подкрепленном еще одним медицинским освидетельствованием, была написана резолюция Сушкова и Чеховского: «Со стороны дознания препятствий на выезд Розы Люксенбург за границу не имеется»[2]. В последний раз повторив 18 (31) июля на допросе, что она никаких показаний давать не будет, Роза Люксембург на следующий день выехала в Петербург, раздобыв предварительно документы на имя Фелиции Будзилович[3]. Еще через несколько дней она поселилась в Куоккала, дачном месте недалеко от Питера.

В Петербурге в это время находился избранный в ЦК РСДРП Ф. Дзержинский, через которого она

[1] См. *Г. М. Деренковский.* Р. Люксембург в Петербурге и Куоккала (1906 г.). — «Вопросы истории», 1973, № 3, стр. 130.
[2] Архив ГМ ВОСР, ф. 2, л. 4748/1, л. 76.
[3] *F. Tych.* Ostatni pobyt.., s. 252.

продолжала поддерживать связи с польскими социал-демократами[1]. Как установил на основе исследования личного архива художницы Е. С. Зарудной-Кавос и материалов, принадлежащих ее сестре З. С. Зарудной, советский историк Г. М. Деренковский, Р. Люксембург, находясь по 28 июля (10 августа) в Петербурге, жила в доме Е. С. Зарудной-Кавос на Каменноостровском (Кировском) проспекте в доме № 24-а. В Петербурге Р. Люксембург собирала данные о деятельности Петербургского Совета рабочих и солдатских депутатов. Через брата сестер Зарудных А. С. Зарудного, видного адвоката, ведшего дела революционеров, и в частности депутатов Петербургского Совета, было устроено свидание Р. Люксембург с находившимися в тюрьме обвиняемыми по делу Совета. Есть сведения, что в этих контактах принимал участие книгоиздатель Н. М. Глаголев, готовивший в тот период к выпуску в свет сборник статей под названием «История Совета рабочих депутатов г. С.-Петербурга»[2].

Собранный материал Роза использовала в работе над брошюрой «Массовая стачка, партия и профсоюзы», к которой приступила после переезда 28 июля (10 августа) в Куоккала на дачу Черниго, снятую Е. С. Зарудной-Кавос[3].

Проведенные в Петербурге и Куоккала три с лишним недели позволили Розе сделать то, к чему она так рвалась, — войти в непосредственный контакт с деятелями РСДРП, и прежде всего с В. И. Лениным. Н. К. Крупская впоследствии вспоминала об этих событиях: «...Приезжала в Питер только что освободившаяся из варшавской тюрьмы Роза Люксембург. С ней виделись тогда Владимир Ильич и наша большевистская руководящая публика [...] На этом совещании говорили о создавшемся положении, о той тактике, которой надо было держаться»[4]. Найдены сведения об участии Р. Люксембург в еще одном пар-

[1] Ср. *Ф. Э. Дзержинский.* Избранные произведения, т. 1, стр. 120.
[2] *Г. М. Деренковский.* Указ. соч., — «Вопросы истории», 1973, № 3, стр. 132—134.
[3] Там же, стр. 134.
[4] *Н. К. Крупская.* Воспоминания о Ленине. — «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 1, 1968, стр. 317.

тийном совещании — на квартире у А. С. Зарудного. В Куоккала в 20-х числах августа она снова встречалась с В. И. Лениным, поселившимся в те дни на даче Ваала[1]. «Мое пребывание здесь для меня очень полезно: в общении с людьми я знакомлюсь с движением так, как этого нельзя сделать, пользуясь одной только литературой. В таком общении многого можно также достигнуть»[2], — делилась Роза с Каутскими итогами этих встреч. Представляется весьма убедительным тезис Г. М. Деренковского, что позднее, упоминая в заметке «К истории вопроса о диктатуре» о Р. Люксембург, В. И. Ленин имел в виду как раз свои беседы с нею в тот период[3]. Напомним, что в этой работе В. И. Ленин резко противопоставляет глубокое понимание Розой Люксембург проблем революции 1905 г. и ее международного значения оппортунистической позиции реформистов и будущих центристов по этим вопросам. «Если такие выдающиеся представители революционного пролетариата и нефальсифицированного марксизма, как Роза Люксембург, — писал Ленин, — сразу оценили значение этого практического опыта и выступили на собраниях и в печати с критическим анализом его, то громадное большинство официальных представителей официальных социал-демократических и социалистических партий, в том числе и реформисты и люди типа будущих «каутскианцев», «лонгетистов», сторонников Хилквита в Америке и т. п., проявили полную неспособность понять значение этого опыта и выполнить свой долг *революционеров*, т. е. приняться за изучение и пропаганду уроков этого опыта»[4]. Резко скептически относясь к стратегической и тактической линии меньшевиков, Р. Люксембург с одобрением встретила новую большевистскую тактику в отношении II Думы. В тот момент В. И. Ленин выступил за пересмотр думской тактики, за отказ от бойкота Думы и завоевал Розу Люксембург на свою сторону. Надо полагать, результатом согласования позиций и была поддержка ленинцев делегацией СДКПиЛ на второй конференции РСДРП (I Всероссийской) в Таммерфорсе.

[1] *Г. М. Деренковский.* Указ. соч. — «Вопросы истории», 1973, № 3, стр. 134.
[2] *Р. Люксембург.* Письма к Карлу и Луизе Каутским, стр. 113.
[3] *См. Г. М. Деренковский.* Указ. соч. — «Вопросы истории», 1973, № 3, стр. 134—135.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 371.

Пребывание Розы Люксембург в России подходило к концу. Однако выезд в Германию осложнялся тем, что она не была уверена, что ждет ее после пересечения границы, ибо за выступление на Иенском партийном съезде ей также грозил судебный процесс. «Я, конечно, не думаю избегать встречи с «Веймарским дядюшкой», чем бы он мне ни угрожал, — писала она с юмором Каутским, — если только, как это обычно бывает, он оставит меня на некоторое время в покое и отсрочит финал. Но так просто попасть в его дружеские объятия, — для этого у меня слишком мало времени, к тому же есть занятие и поважнее»[1]. Основания торопиться были, ибо дознание продолжалось, в частности было установлено ее авторство в отношении брошюры «Что дальше?», найденной во время обыска на складе ППС. После заключения общего отдела МВД, признавшего ее российской подданной, рассчитывать на послабления не приходилось. Действительно, 13(28) сентября 1906 г. она через залогодателя — брата Максимилиана была снова срочно вызвана на допрос. На счастье, Роза Люксембург уже была в Германии, где, как выяснилось, ей непосредственно ничто не угрожало.

В связи с неявкой Розы Люксембург варшавский военно-окружной суд, куда было передано ее дело, принял решение о конфискации внесенного залога и розыске обвиняемой. Это вызвало необходимость описать приметы разыскиваемой. 23 января (5 февраля) 1907 г. варшавский обер-полицмейстер сообщил, что, «по сведениям, относящимся к июлю месяцу 1906 г., приметы Розалии Эдуардовой Любек-Люксенбург следующие: рост средний, волосы черные, глаза карие, нос и рот умеренные, лицо продолговатое, на правой щеке у рта родинка». Через неделю это сообщение было дополнено новым: «... малого роста, брюнетка, 30 лет, средней полноты, походка очень тихая»[2]. Эти приметы и легли в основу распоряжения о сыске, опубликованного «Московскими ведомостями»[3].

[1] *Р. Люксембург.* Письма к Карлу и Луизе Каутским, стр. 101.
[2] Архив ГМ ВОСР, ф. 2, д. 4748/1, л. 100, 100 об., 103 об.
[3] «Московские ведомости», 4(17), 6(19), 7(20) февраля 1907 г.

Кроме перечня примет, составленного царскими чиновниками, к этому же времени относится еще одно описание облика Розы Люксембург, принадлежащее встретившейся с нею вскоре после ее возвращения в Германию Наталье Семковской. «Лицо Розы Люксембург, — пишет она, — было из тех, о которых снимки дают, так сказать, лишь формальное представление. Его надо было видеть в движении, во время беседы, в речи, наблюдать, как она слушала. Все в нем получало тогда какое-то особенное выражение: и ее открытый лоб с окаймлявшими его волосами, и красиво очерченный рот, такой же выразительный, как и глаза, живые, наблюдательно-проницательные, умные и в то же время вдумчиво-мягкие. Но мягкость этих глаз исчезала, они становились презрительно-холодными, полными гнева и сарказма, когда ей приходилось сталкиваться с врагами рабочего класса» [1].

Сразу же по возвращении в Германию Р. Люксембург активно включилась в борьбу против поднявших голову оппортунистов. Против них была направлена уже упоминавшаяся брошюра «Массовая стачка, партия и профсоюзы». В сентябре 1906 г. Р. Люксембург участвовала в работе Мангеймского съезда СДПГ. С его трибуны она разоблачала попытки реформистов доказать, что в Германии массовая стачка невозможна. К. Либкнехт, Р. Люксембург и другие ораторы с огорчением отмечали, что речь А. Бебеля в Мангейме звучала как сигнал к отступлению от решений Иенского съезда (1905 г.). Левые отстаивали интернационалистские позиции взаимопомощи и взаимообогащения российского и германского рабочего движения [2]. Однако резолюция, принятая съездом, обеляла оппортунистическое решение Кельнского съезда профсоюзов (1905 г.), которое ставило проведение массовой стачки в зависимость от согласия оппортунистов из профсоюзного руководства [3]. Тенденции к соглашению с оппортунистами, проявлявшаяся в руководстве СДПГ, очень беспокоила Р. Люксембург. Она понимала необходимость и в Германии готовиться к таким битвам, в которых массы будут иметь решающее значение, доказывала, что русская революция является великим учителем германского пролетариата [1].

[1] *Н. Семковская* (Ирена Изольская). Роза Люксембург, стр. 10.

[2] См. *К. Либкнехт*. Избранные речи, письма и статьи, стр. 93—94; *R. Luxemburg*. Gesammelte Werke, Bd. 2, S. 175.

[3] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 2. Berlin, 1966, S. 107.

Весной 1907 г. Роза Люксембург снова встретилась с В. И. Лениным, когда он на несколько дней заезжал в Берлин по пути на V (Лондонский) съезд РСДРП. Она еще раз продумала и уточнила свои позиции, утвердилась в выводах о правильности идейно-политической линии большевиков. За период между IV и V съездами РСДРП в позициях польских социал-демократов, и в том числе Розы Люксембург, произошли важные изменения, полнее выявилась их «солидарность ... против меньшевиков во всем основном», которую подчеркивал В. И. Ленин в 1909 г. [2] На V Лондонском съезде Роза Люксембург продемонстрировала близкое к большевистскому понимание задач революции и аналогичную ленинской оценку момента, поддержала ленинскую стратегическую и тактическую линию в борьбе с меньшевиками.

На V съезд РСДРП Роза Люксембург приехала с мандатом лодзинской организации СДКПиЛ, будучи одновременно и представительницей СДПГ. До последнего момента у руководства СДКПиЛ были сомнения, следует ли ей в связи с судебным приговором принимать участие в работе съезда. Встреча с В. И. Лениным и понимание необходимости принять активное участие в борьбе с меньшевиками решили, вероятно, вопрос о ее поездке [3].

С первого дня работы съезда Роза Люксембург, Ю. Мархлевский, Л. Иогихес (Тышка), Ю. Уншлихт и другие польские делегаты активно сотрудничали с В. И. Лениным и большевиками. Большевики приглашали их на некоторые заседания своей фракции, постоянно обменивались с ними мнениями, вырабатывали общую во всех принципиальных вопросах линию на съезде. За время работы съезда состоялось несколько частных встреч В. И. Ленина с Розой, иногда вместе

[1] *R. Luxemburg*. Gesammelte Werke, Bd. 2, S. 180—181.

[2] См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 381.

[3] См. *Я. Собчак*. Революционное сотрудничество польских социал-демократов с В. И. Лениным и большевиками на V (Лондонском) съезде РСДРП. — «Ленин и Польша». Проблемы, контакты, отклики. М., 1970, стр. 142.

с некоторыми другими польскими делегатами — В. Штейном-Краевским, Л. Иогихесом (Тышкой) и др.[1] Сбылась мечта Розы — с огромным воодушевлением отстаивала она вместе с В. И. Лениным позиции революционной социал-демократии в партии, представляющей интересы пролетариата всей Российской империи.

Энергично содействуя большевикам в деле включения в повестку дня вопроса об отношении к буржуазии, буржуазным партиям, т. е. кардинального вопроса стратегической линии партии, и выступая одним из докладчиков по этому пункту повестки дня, Р. Люксембург последовательно оценивала революцию 1905—1907 гг. как буржуазно-демократическую. Она отстаивала тезис о гегемонии пролетариата в ней и полностью отвергала меньшевистские рассуждения о необходимости «пока» уступить руководство революцией либеральной буржуазии. Меньшевики отождествляли понятия «гегемония пролетариата» и «социалистическая революция» и на этом основании приписывали Р. Люксембург курс непосредственно на пролетарскую революцию. Предельно ясно изложил оценку польской социал-демократией характера революции Л. Иогихес (Тышка): «Никто из польских с.-д. не «верит», как это приписывают нам, очевидно, меньшевики, что русский пролетариат может в нынешней революции «завоевать социалистическую диктатуру», и никто никогда не утверждал, а тем менее оратор польской делегации (т. е. Р. Люксембург.— *Авт.*), что революция в России может повести к социалистическому перевороту. Во всей нашей литературе и агитации нельзя найти ни одной строчки и ни одного слова в этом духе...»[2] Эти же позиции отражает написанная Р. Люксембург в тюрьме и опубликованная 27 июня 1906 г. статья «Бланкизм и социал-демократия», в которой она, отказавшись от своих прежних ошибочных обобщений, стремилась защитить линию большевиков от нападок лидеров меньшевизма.

Как отмечается в многотомной «Истории Коммунистической партии Советского Союза», на V съезде «Роза Люксембург, несмотря на отдельные оговорки,

[1] *Я. Собчак.* Указ. соч. — «Ленин и Польша...», стр. 148—151.
[2] «Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы». М., 1963, стр. 410.

солидаризировалась с позицией большевиков. С едким сарказмом бичевала она догматическое восприятие марксизма меньшевиками...»[1] Выступление Розы Люксембург, которая по словам А. М. Горького, говорила «красиво, страстно и резко»[2], произвело большое впечатление на делегатов съезда.

Р. Люксембург, как и вся польская социал-демократия, сходилась с В. И. Лениным «на том, что во имя социалистических задач пролетариата безусловно необходимо его классовое обособление по отношению ко всем остальным, буржуазным партиям, как бы революционны они ни были, какую бы демократическую республику ни защищали»[3], что, направляя главный удар против царя и помещиков, необходимо изолировать либеральную буржуазию и не допускать с нею никаких блоков. В связи с этим В. И. Ленин в заключительном слове по докладу об отношении к буржуазным партиям подчеркивал, что большевиков «объединяет с поляками действительная солидарность по основным пунктам вопроса об отношении к буржуазным партиям», что «мы сходимся на том, что признаем право и обязанность рабочей партии вести за собой на борьбу не только против самодержавия, но и против предательской либеральной буржуазии мелкобуржуазные демократические партии, крестьянские в том числе». В. И. Ленин специально отмечал, что и большевики, и польские социал-демократы признают «руководство со стороны пролетариата борьбой всей революционной демократии в данной революции»[4].

Роза Люксембург решительно поддержала ленинскую оценку революционных возможностей крестьянства в России[5], хотя в польских землях крестьянское движение развивалось значительно медленнее, собственный опыт польского рабочего движения несколько запаздывал, и СДКПиЛ еще только искала пути решения аграрного вопроса (основные заслуги в этой

[1] «Истории Коммунистической партии Советского Союза», т. 2. М., 1966, стр. 223.
[2] *М. Горький.* В. И. Ленин. М., 1966, стр. 13.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 15, стр. 344.
[4] Там же, стр. 344, 345.
[5] *См. И. С. Ржборовская.* Идейное развитие польского революционного рабочего движения, стр. 185—187, 189—191 и др.

области принадлежат Ю. Мархлевскому[1]). В ходе революции Р. Люксембург пришла к убеждению, что «однажды пробужденный от летаргического сна и включенный в движение сельский люд не вернется в состояние пассивности, пока кругом рабочая революция бросает все новые горящие головешки в накопленные за века стога крестьянских обид и недоли», что «...революция вызвала крестьянскую войну...»[2].

Наиболее обстоятельно весь комплекс проблем, связанных с ролью крестьянства в данной революции, представлен в заключительном слове Розы Люксембург на V (Лондонском) съезде РСДРП. Р. Люксембург поняла роль и возможности крестьянства в период буржуазно-демократической революции, правильно уяснила существо политики большевиков в отношении крестьянства. Она оценила крестьянское движение в России в данный момент с позиций В. И. Ленина, увидела его революционность и считала руководство им естественной исторической задачей пролетариата. Р. Люксембург подчеркнула в заключительном слове, что в «массе русского крестьянства, которое приведено настоящей революцией в движение, находятся значительные слои не только наших временных политических союзников, но и наших будущих естественных товарищей». Отказываться от руководства ими, от подчинения их своему влиянию «было бы именно сектантством, непростительным для передового отряда революции»[3].

Поддерживая большевиков в вопросе использования революционных методов борьбы и жестоко высмеяв попытку меньшевиков ориентировать рабочий класс исключительно на парламентскую деятельность, Р. Люксембург на V (Лондонском) съезде РСДРП выражала глубокую убежденность в правильности курса на вооруженное восстание. Но в ее недостаточно зрелой в теоретическом отношении концепции отражалась польская специфика. Она вытекала из того, что СДКПиЛ более десятилетия не прекращала напряженной борьбы с ППС, ориентирующей на тер-

[1] *F. Tych.* Kwestia rolna w programie SDKPiL. — «Lenin a kwestia agrarna». Warszawa, 1957.

[2] *R. Luksemburg.* Z doby rewolucyjnej. Co dalej? N 3; *R. Luksemburg.* Wybór pism, t. 1, s. 468—469, 475.

[3] См. «Пятый (Лондонский) съезд РСДРП...», стр. 433—434.

рор, на верхушечный путч, не связанный с основательной подготовкой революционного класса, а реализуемый путем создания нескольких боевых дружин. В брошюре «Что дальше?» (№ 3), обобщающей взгляды Р. Люксембург по вопросу о вооруженном восстании, она писала: «Начинающаяся фаза открытых революционных боев накладывает на социал-демократию обязанность по возможности вооружить авангард борющихся, обдумать план и условия уличной борьбы, использовать прежде всего опыт и уроки вооруженного восстания в Москве. Но не в технических приготовлениях к вооруженным восстаниям, хотя они важны и необходимы, не в них главная гарантия победы народа в открытом столкновении с войсками. Решающим в конце концов будет не организованное в боевые дружины незначительное меньшинство рабочего класса [...] Рабочие массы можно организовать только на почве постоянной и повседневной классовой борьбы, экономической и политической». И она формулирует задачу: создать в массах боевое настроение и готовность к революционным столкновениям и «одновременно руководить массами в этих столкновениях»[1]. Таким образом, в аргументации Р. Люксембург содержатся два из трех ленинских условий успеха восстания: опора «не на заговор, не на партию, а на передовой класс», а также «на *революционный подъем народа*»[2].

Ряд важнейших вопросов тактики, связанных с проведением вооруженного восстания (вопрос об определении момента восстания, его места, о создании центра, штаба по руководству восстанием), оставались, за небольшими исключениями, вне поля зрения СДКПиЛ, и Р. Люксембург в том числе. К этому следует добавить, что польские социал-демократы последовательно выступали за подготовку масс к восстанию как подготовку политическую, но не считали, что восстание польского пролетариата может привести к свержению самодержавия. Его усилия они рассматривали лишь как часть борьбы пролетариата России против самодержавия. Это также накладывало отпечаток на отношение СДКПиЛ к вооруженному

[1] *R. Luksemburg.* Wybór pism, t. 1, s. 482, 483.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, стр. 242.

восстанию, к вопросу о его организационной подготовке и проведении. Уместно подчеркнуть при этом, что, когда В. И. Ленин обращается к изучению польского рабочего движения, он с полным пониманием выделяет как раз те его черты, которые предопределили специфику взглядов СДКПиЛ. Констатируя отсутствие массовой вооруженной борьбы в Польше в декабре 1905 г., он нащупывает больное место польского рабочего движения, где ППС своими террористическими выступлениями сорвала дальнейший его подъем, «делая» революцию и не дав развиться «массовой вооруженной борьбе»[1]. Таким образом, Ленин выделяет как раз те обстоятельства, которые определили угол зрения польской социал-демократии в подходе к проблеме вооруженного восстания.

Необходимость критиковать линию ППС заставляла Р. Люксембург еще и еще раз оговаривать важность идейно-политической подготовки масс, высказывать опасения по поводу увлечения чисто технической подготовкой восстания. Это повлияло и на трактовку проблемы в ее выступлении на V (Лондонском) съезде. Когда она говорила, что восстание нельзя просто назначить и технически реализовать (что вполне устраивало одобрившего репликой этот тезис Г. В. Плеханова), то, как она сама тут же пояснила, речь шла о том, что «следует избегать механического взгляда на революцию», что восстание нельзя организовывать на пустом месте, без определенного состояния масс, поэтому задача партии заключается прежде всего в содействии подготовке этого необходимого состояния[2]. Вместе с тем она повторяла типично польскую аргументацию (что специально и оговаривала): в польских землях уже в начальный период революции возникла тенденция вместо массовой борьбы выбрать путь террора и «заговорщической спекуляции», поэтому необходимо противопоставить чисто технической подготовке восстания-путча революционную борьбу широких масс, их политическую подготовку также к восстанию, но восстанию иного качества, на иной базе, которое есть «единственный исход революционной борьбы, могущий гарантировать ее победу...»[1].

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, стр. 49.
[2] См. «Пятый (Лондонский) съезд РСДРП...», стр. 390.

В. И. Ленин, как писал в своих воспоминаниях делегат съезда Н. Н. Накоряков, «после речи Розы Люксембург ..., с радостью потирая руки, поздравлял нас на фракции и оценивал ее речь как особо ценное событие в жизни нашей партии»[2]. Читая же работу Р. Люксембург «Массовая стачка, партия и профсоюзы», В. И. Ленин подмечал те места, где, стараясь привлечь внимание немецкого читателя к задаче подготовки масс к революционным действиям и противопоставляя эту подготовку декретированию революционных действий бюрократическим руководством, она перебирала меру и давала односторонние обобщения[3].

Таким образом, в организационно-политических вопросах Р. Люксембург, как и СДКПиЛ в целом, отставала от большевиков. Ее трактовка проблемы подготовки восстания была тесно связана с определенным недопониманием организующей роли революционной партии. Она не смогла подняться до всестороннего понимания ленинского учения о партии нового типа, всех закономерностей социальной революции как сознательного и насильственного разрешения противоречий общества. Из этого не следует, что Р. Люксембург была вообще противницей организации восстания и руководства им со стороны партии. А именно такой концепции придерживается французский философ Ж.-П. Сартр, приписывающий Р. Люксембург трактовку восстания как только стихийного выступления масс, не связанных с партиями, выделяющих из своей среды новых вождей на каждом этапе движения, а затем их поглощающих[4]. Она никогда не была и сторонницей «революционных» рецептов вроде анархистского лозунга «всеобщей стачки», последовательно выступала за пролетарские методы борьбы. Это наглядно продемонстрировал Штутгартский конгресс II Интернационала (1907 г.).

[1] «Пятый (Лондонский) съезд РСДРП...», стр. 390.
[2] «О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900—1922 годы». М., 1963, стр. 70.
[3] «Ленин в борьбе за революционный Интернационал», стр. 120.
[4] «Nouvel observateur» (Paris), 19—25. VI. 1968, p. 27.

Р. Люксембург попала на конгресс сразу же после двухмесячного пребывания в берлинской тюрьме. Германская делегация постаралась сделать все, чтобы лишить пламенную революционерку возможности активно участвовать в его работе. Мандат, который социал-демократическая женская организация Лейпцига предоставила Р. Люксембург, был объявлен недействительным, несмотря даже на поддержку, оказанную ей А. Бебелем [1].

Позиция Р. Люксембург на конгрессе оправдала худшие опасения оппортунистов. Она прямо заявила, что борцы, жертвы российской революции, требуют прежде всего, чтобы у них учились, а не просто их почитали [2]. Под этим углом зрения проходила на конгрессе вся деятельность Р. Люксембург, выступавшей в контакте с В. И. Лениным, большевиками. Она боролась и против оппортунистических попыток примириться с милитаризмом, и против авантюристических, полуанархистских призывов ответить на войну всеобщей стачкой.

Р. Люксембург на Штутгартском конгрессе активно участвовала в той большой работе, которую проводил В. И. Ленин по сплочению левых сил в борьбе за последовательно революционную политическую линию социал-демократии, особенно в вопросе о войне. Она была участницей совещания левых социал-демократов, организованного В. И. Лениным [3].

В. И. Ленин предложил Р. Люксембург одно из мест в подкомиссии по выработке резолюции о борьбе против милитаризма и военных конфликтов, выделенных для российских социал-демократов. Именно в подкомиссии шла главная подготовительная работа, которая должна была обеспечить закрепление революционной марксистской антивоенной линии международного рабочего движения. Ни один из проектов резолюций, предложенных конгрессу, не мог служить программой действий революционного пролетариата [4].

---

[1] «Leipziger Volkszeitung», 20. VIII. 1907.

[2] «Internationaler Sozialisten-Kongress zu Stuttgart, 18 bis 24 August 1907». Berlin, 1907, S. 97.

[3] См. «Ленин в борьбе за революционный Интернационал», стр. 142.

[4] См. «История II Интернационала», т. II, стр. 209—210.

Если проект Жореса — Вайяна отрывал антимилитаризм от общей революционной борьбы за свержение капитализма, проект Геда, исходивший из невозможности уничтожить милитаризм при капитализме, отвергал специальную антимилитаристскую борьбу, сводил все к необходимости международной социалистической организации рабочего класса. Проект Эрве требовал на всякое объявление войны ответить всеобщей забастовкой и восстанием, тем самым заранее предписывая рецепт, не учитывающий конкретной ситуации, грозивший обречь рабочий класс на поражение. Проект Бебеля обходил принципиальные вопросы о роли милитаризма в поддержании капиталистического господства, антимилитаристском воспитании молодежи, работе в армии. Содержавшиеся в нем марксистские положения о значении борьбы с капитализмом и милитаризмом не доводились до призыва к революционной борьбе, игнорировался опыт революционной борьбы российского пролетариата.

Резолюцию Бебеля можно было трактовать оппортунистически, но при всех ее недостатках легче было и исправить. Поэтому В. И. Ленин предложил сделать к ней поправки, которые должны были изменить проект коренным образом [1].

Вместе с Лениным Р. Люксембург работала над поправками к проекту резолюции Бебеля о милитаризме. Хотя основным автором поправок был Ленин, с обоснованием поправок по его предложению выступила Р. Люксембург, используя ленинские материалы [2]. В результате конгресс принял резолюцию, в которой «строгость ортодоксального, т. е. единственно научного марксистского анализа соединилась с рекомендацией рабочим партиям самых решительных и революционных мер борьбы» [3]. Резолюция обстоятельно устанавливала связь между милитаризмом и капитализмом. В ней подчеркивалось стремление господствующих классов отвлечь пролетарские массы от их классовых задач, заставить забыть долг международной классовой солидарности. В резолюцию

---

[1] См. «Ленин в борьбе за революционный Интернационал», стр. 141.

[2] См. там же, стр. 142—144.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, стр. 73.

вошли, правда в смягченной форме, поправки, требующие социалистического воспитания молодежи, и поправка, предлагающая в случае угрозы войны рабочему классу, рабочим представителям в парламенте соответствующих стран сделать все возможное, чтобы воспрепятствовать войне[1]. Особое значение имела заключительная поправка к резолюции, требующая использовать вызванный войной экономический и политический кризис для возбуждения народных масс и ускорения падения капиталистического господства[2]. В рекомендации методов борьбы пролетариата Штутгартская резолюция ссылалась на опыт революции 1905—1907 гг. в России[3].

Совместная работа с В. И. Лениным на Штутгартском конгрессе была важной вехой в развитии взглядов Р. Люксембург, ее позиций во II Интернационале. Как отмечала впоследствии Н. К. Крупская, Штутгартский конгресс очень сблизил В. И. Ленина и Р. Люксембург[4]. Свою работу «Материализм и эмпириокритицизм» сразу после ее выхода в свет в 1908 г. В. И. Ленин направил Р. Люксембург с надписью: «...на память о нашей беседе по поводу Маха при последнем нашем свидании»[5]. Люксембург просила Каутского поместить сообщение о выходе ленинской работы, очень внимательно старалась подобрать автора, способного дать на нее рецензию[6].

Идейно-политическое сотрудничество Розы Люксембург с В. И. Лениным касалось также важнейших вопросов российского и польского рабочего движения, в том числе борьбы против оппортунизма, ликвидаторства и отзовизма. После их встречи в Берлине 4 января 1908 г. Роза последовательно вела линию на поддержку большевиков, считая, что «раскол между нами и беками ввергнет партию в хаос и будет только к выгоде мекам»[7].

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, стр. 75—76.
[2] См. там же, стр. 514.
[3] См. там же, стр. 73.
[4] См. *Н. К. Крупская.* Воспоминания о Ленине. М., 1968, стр. 325.
[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 47, стр. 180.
[6] См. *Р. Люксембург.* Письма к Карлу и Лунзе Каутским, стр. 131—132.
[7] Цит. по: *Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич.* Указ. соч., стр. 184.

Редакция большевистского «Пролетария», издаваемого с начала 1908 г. в Женеве, неоднократно напоминала Розе о своем желании получать от нее материалы. На страницах газеты был опубликован сокращенный перевод ее статьи «Ликвидация», содержавшей резкую критику теоретических и идейно-политических позиций ППС, а также заостренный против опасности национализма разбор установок ППС-левицы[1]. 23 марта 1909 г. в письме на имя Л. Иогихеса (Тышки) редакция подчеркивала: «Можете быть уверены, что мы не стали бы беспокоить Розу Люксембург, если бы ее выступление — как вождя революционного крыла марксизма и вождя, не участвующего непосредственно во фракционной и тем более внутрифракционной борьбе, — не было бы так необходимо»[2]. 1 апреля 1909 г. редакция получила статью Р. Люксембург «Революционное похмелье», направленную в защиту революционного опыта российского пролетариата, против отзовистов. В. И. Ленин взял на себя ее редактирование, и спустя несколько дней она была опубликована[3]. 18 мая В. И. Ленин писал Р. Люксембург: «Ваша статья против отзовистов и ультиматистов всем очень нравится; жаль только, что Вы *так редко* выступаете по-русски...»[4] Меньшевики Мартов и Мартынов пытались поссорить Розу с В. И. Лениным, но это им не удалось. На совещании расширенной редакции «Пролетария» в июне 1909 г. позиция Р. Люксембург была веским аргументом против отзовистов, ультиматистов и богостроителей, и В. И. Ленин решительно пресек попытку А. Богданова принизить политическое значение статьи Розы ссылкой на поддержку ею ранее меньшевиков и утверждением о ее якобы неустойчивой линии[5]. Выступая в связи с этим на страницах приложения к «Пролетарию», В. И. Ленин счел нужным еще раз подчеркнуть, что Роза Люксембург завоевана в идейном отношении большевиками[6].

---

[1] «Пролетарий», 2 (15) апреля, 2 (15) июля 1908 г.
[2] Цит. по: *Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич.* Указ. соч., стр. 211.
[3] «Пролетарий», 8 (21) апреля 1909 г.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 47, стр. 181.
[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 19, стр. 16.
[6] См. там же, стр. 105.

Правда, когда она узнала о совещании, то не сумела сразу оценить значение его решений[1].

В 1910 г. Р. Люксембург поддерживала большевиков в центральном органе РСДРП «Социал-демократ». Она выступила на его страницах со статьей «Август Бебель», которую перевела Н. К. Крупская, а отредактировал В. И. Ленин[2]. Ее статьи «Споры о массовой стачке в германской социал-демократии» и «Два мира» были направлены в едином русле с большевистской линией против оппортунизма и центризма[3].

Роза Люксембург по-прежнему активно сотрудничала с В. И. Лениным в международном рабочем движении. В течение ряда лет после революции в России между В. И. Лениным и Р. Люксембург поддерживались превосходные отношения[4]. Когда А. Варский должен был заменить ее на заседании МСБ 7 ноября 1909 г., она рекомендовала ему ориентироваться на В. И. Ленина. На Копенгагенском конгрессе II Интернационала Роза участвовала в организованном В. И. Лениным совещании левых; известно, что после конгресса она переписывалась с вождем большевиков. В. И. Ленина весьма интересовала борьба в СДПГ, и он специально касался позиции Розы Люксембург в письме Ю. Мархлевскому 7 октября 1910 г.[5] Теоретическая дискуссия развернулась между В. И. Лениным и Р. Люксембург накануне и в период первой мировой войны в связи с дальнейшей разработкой национального вопроса. В июне 1906 г. V съезд СДКПиЛ поручил Розе Люксембург анализ проблемы автономии. Ее цикл статей «Национальный вопрос и автономия»[6] суммировал взгляды польской социал-демократии. Из ведущей роли пролетариата в революции Р. Люксембург, как

---

[1] См. *Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич.* Указ. соч., стр. 221—225.

[2] «Социал-демократ», 26 (13) февраля 1910 г.

[3] «Социал-демократ», 22 июня (5 июля), 16 (29) ноября 1910 г.

[4] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 47, стр. 272—274.

[5] См. «Ленин в борьбе за революционный Интернационал», стр. 158.

[6] «Przegląd socjaldemokratyczny», 1908, N 6, 7, 8—9, 10; 1909, N 12, 14—15; *R. Luksemburg.* Wybór pism, t. 2, s. 114—166.

и вся партия, сделала вывод, что только рабочий класс оказал значительный натиск на царизм и его борьба открывала перспективу освобождения польского народа, поэтому самоопределение пролетариата является первоочередной задачей. Подход же к национальному вопросу в работе Розы Люксембург остался прежним. Правда, новым элементом было указание на колониальную политику империалистических держав как на закономерное явление нового исторического периода. Р. Люксембург снова констатировала у польской буржуазии отсутствие интереса к восстановлению независимого государства, правильно связывая это со сплочением всех эксплуататоров перед лицом растущего революционного движения пролетариата. Но не только с этим — она не предприняла попыток проверить на новом историческом этапе свои выводы об органическом врастании экономики Королевства Польского в хозяйственный организм Российской империи, учесть иные тенденции.

Соединив вместе эти посылки, Р. Люксембург пришла к заключению, что современному обществу свойственна тенденция создания многонациональных государств, поглощения малых национальностей. Она распространяла это положение как на колониальные державы вроде Англии, так и на многонациональные государства Европы. И если В. И. Ленин считал, что нельзя исключать возможности воссоздания независимого польского государства, хотя бы вероятность этого была крайне мала, то Р. Люксембург снова утверждала, что в существующих условиях эта возможность вообще исключена, что социальная революция уже не включит в свое русло национально-освободительного потока, за войной же может последовать только передел захваченных территорий. Поэтому всякую мысль о воссоздании польского государства она считала идеологически и политически вредной.

Следует отметить, что ряд существенных процессов того периода не был подвергнут ею обстоятельному анализу и даже вообще практически не был замечен. В их числе были специфика исторического развития разделивших Польшу государств, динамика расстановки классовых сил в польских землях, социально-политическая эволюция непролетарских сло-

ев трудящихся города, крестьянства и мелкой буржуазии в польских землях и т. д. Вместе с тем, стремясь к максимальной определенности лозунгов партии в борьбе с буржуазным национализмом, Р. Люксембург продолжала беспощадно выступать против всего, что, по ее мнению, оставляло лазейку для его проникновения в рабочее движение, и прежде всего против возможности выдвижения лозунга независимости Польши. Поэтому она собрала разнообразные аргументы и против принципа права наций на самоопределение, как якобы не соответствующего закономерностям современной эпохи. Главный порок ее системы доказательств состоял в том, что она не смогла достаточно верно и глубоко разобраться в закономерностях национально-освободительных движений в эпоху империализма. Подчеркивание идеологических барьеров, отделяющих пролетариат от буржуазии, превращалось в абсолютизацию одних объективных процессов в ущерб другим. Над революционным творчеством Р. Люксембург, над всей польской социал-демократией довлела специфическая острота национального вопроса, опасность постоянного роста влияния буржуазно-националистической идеологии в среде пролетариата.

В работе В. И. Ленина «О национальной программе РСДРП», суммировавшей накопленные партией за десять лет опыт и являвшейся теоретическим обоснованием решения Пороминского совещания по национальному вопросу, содержится важное замечание о том, что концепция СДКПиЛ глубоко связана с «обективными условиями национального вопроса в России»[1]. В январе 1914 г. В. И. Ленин, характеризуя в подготовительных тезисах позицию СДКПиЛ по национальному вопросу, отмечал: *«Не по той линии»*[2].

В целом цикл статей «Национальный вопрос и автономия» явился попыткой обосновать универсальность лозунга автономии применительно к польским условиям. Направленный по-прежнему против принципа права наций на самоопределение, он стал объектом, с одной стороны, различных спекуляций оп-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, стр. 224, 225.
[2] Там же, стр. 391.

портунистов, а с другой — предметом обстоятельного разбора и критики В. И. Лениным, много работавшим накануне и в период первой мировой войны над национальным вопросом[1].

«СТРАТЕГИЯ ИЗМОРА» ИЛИ ПОДГОТОВКА РЕВОЛЮЦИИ?

Развитие событий после российской революции 1905—1907 гг. делало, по словам В. И. Ленина, «общую международную обстановку все более революционной»[2]. Назревание революционного брожения масс обозначилось и в Германии. Забастовочные бои, в ходе которых экономические требования уже перерастали в политические, сочетались с борьбой за реформу избирательного права в Пруссии. Однако руководство СДПГ ориентировалось лишь на парламентаризм, партия оказалась неспособной устоять перед националистической «патриотической» кампанией во время выборов в рейхстаг в 1907 г. Давление на массы верхнего слоя «оппортунистических редакторов, депутатов и профсоюзных вождей» вызывало у Розы Люксембург «резкое и болезненное» чувство[3].

Комплекс проблем, поднятых революцией 1905—1907 гг. в России, вел к дальнейшей дифференциации в рядах международного рабочего движения и его авторитетного отряда — СДПГ. Все отчетливее складывалось левое идейно-политическое течение. Ведущую роль в формировании группы левых германских социал-демократов играла Р. Люксембург. Видными представителями левых стали К. Либкнехт, Ф. Меринг, К. Цеткин. В то же время в связи со стремлением уйти от вопроса подготовки масс к революции оформлялось новое, скрытооппортунистическое, центристское течение. Через несколько лет его сущность проявилась весьма отчетливо.

[1] См. *И. С. Яжборовская.* Разработка В. И. Лениным права наций на самоопределение и отношение к нему СДКПиЛ (дофевральский период). — «Ленин и Польша». М., 1970.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, стр. 327.
[3] См. *Б. А. Айзин.* Выборы в рейхстаг 1907 г. и германская социал-демократия. — «Ежегодник германской истории. 1970». М., 1971, стр. 82—83.

В январе 1909 г. вышла работа Каутского «Путь к власти. Политические размышления относительно врастания в революцию», в которой автор писал о необходимости решающих боев за власть в «наступающей революционной эре», о том, что «революция становится... реальной возможностью в ближайшее время». Это было, по словам В. И. Ленина, последнее и лучшее произведение Каутского против оппортунистов [1].

Однако уже в работе «Путь к власти» Каутский пошел на уступки Правлению партии, которое не устраивали идеи о приближающейся революции. К. Цеткин с возмущением писала Каутскому, что он нанес удар в спину тем, кто хотел использовать создавшееся положение в интересах всей партии [2].

Для Р. Люксембург отступление Каутского вряд ли было неожиданностью. Уже весной 1907 г. во время повседневных бесед с ним на отдыхе в Швейцарии она обнаружила, каким «холодным, педантичным, доктринерским» было его мышление, как сильно он «стремится к покою...» [3]. Все это проявилось с особой силой, как только жизнь показала необходимость готовиться к переходу от левых фраз к делу.

1910 г. характеризовался назреванием политического кризиса в Германии. С начала года развернулась борьба за реформу избирательной системы в Пруссии, являвшаяся по своему характеру массовым демократическим движением. Вскоре она получила поддержку в других германских государствах, стала коренным вопросом политической жизни страны. Новой волной поднялось забастовочное движение, его кульминационным пунктом были уличные сражения рабочих с полицией, происходившие в Моабите и Веддинге (Берлин) в конце года. В. И. Ленин отмечал, что «...в Германии явно для всех *надвигается* великая революционная буря...» [4]. Он подчеркивал, что полувековая полоса германской истории, в течение которой германская социал-демократия образ-

[1] См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 110.
[2] «International Review of Social History», 1967, pt. 3, p. 476.
[3] См. *Б. А. Айзин*. Выборы в рейхстаг 1907 г. и германская социал-демократия — «Ежегодник германской истории. 1970», стр. 83.
[4] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 10.

ново использовала буржуазную законность для создания пролетарских организаций, печати, подъема уровня сознательности и сплоченности социал-демократии, в силу объективных причин сменяется новой полосой. Наступает эпоха «...величайших революционных битв...» [1].

Нарастание революционного движения в стране усилило внутрипартийную борьбу в СДПГ. Оппортунисты из руководства партии и профсоюзов всячески сдерживали активизацию масс. Иную линию вели революционные элементы. К. Либкнехт в январе 1910 г. на съезде партийной организации Пруссии активно поддерживал требования ряда местных организаций о применении массовой стачки для того, чтобы уничтожить трехклассную избирательную систему; в написанных им тезисах «К реформе управления в Пруссии» [2] обосновывалась необходимость борьбы против существующего государственного порядка. Выступая в прусском ландтаге 23 февраля 1910 г., К. Либкнехт предупреждал, что попытки стать на пути народного движения сделают «натиск масс... все более энергичным и все более опасным... для всего прусского правления» [3].

Р. Люксембург считала необходимым усилить использование внепарламентских методов борьбы, преодолеть сопротивление партийных верхов, уклоняющихся от обсуждения этого вопроса. Она требовала «вынести дискуссию в широчайшие партийные массы. Сами массы должны решать. Но наша задача предоставить им аргументацию за и против» [4].

Свои аргументы Р. Люксембург попыталась распространить через центральную партийную печать. Но ни «Форвертс», ни «Нойе цайт» не согласились опубликовать ее статью. Каутский «ужасно перепугался... — сообщала она в начале марта К. Цеткин, — и умолял меня прежде всего вычеркнуть главу о республике», заявил, что «я не имею права ввергать партию в непредвиденную опасность и т. д.» [5].

[1] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 16.
[2] *K. Liebknecht*. Gesammelte Reden und Schriften, Bd. II. Berlin, 1960, S. 342—424.
[3] *К. Либкнехт*. Избранные речи, письма и статьи, стр. 148.
[4] *R. Luxemburg*. Briefe an Freunde. Hamburg, 1950, S. 26.
[5] «Германское рабочее движение в новое время», стр. 399.

Статья Р. Люксембург была опубликована двумя частями: в «Дортмундер арбайтерцайтунг» и в бреславльской (вроцлавской) «Фольксвахт». Уже к концу марта 1910 г. их перепечатали 14 местных газет, за что редакторы получили нахлобучку от Правления партии. Каутский сразу же вступил в полемику против Р. Люксембург. Но она не ограничилась опубликованием статьи, выступала с изложением своих взглядов на массовых собраниях. «Все идет хорошо, восемь собраний уже прошли, предстоят еще шесть. Везде я встречаю безусловное и восторженное одобрение товарищей, статья Карла вызывает недоумение, в особенности я видела это в Киле, Бремене, Дортмунде, Золингене...», — писала Р. Люксембург Л. Каутской и добавляла по поводу ухищрений ее мужа: «Передай ему, что... он своим смелым ударом мне в спину попал впросак»[1].

Каутский всячески затягивал публикацию возражений Розы, в результате чего ее ответная статья «Измор или борьба» была опубликована лишь в конце мая в «Нойе цайт». В этой статье она раскрыла самую суть полемики. Каутскианской «стратегии измора», постепенного истощения противника парламентскими методами, расчетов, что ближайшие выборы 1911 г. потрясут «существующую систему в ее основе», Р. Люксембург противопоставила борьбу с использованием внепарламентских методов, «стратегию ниспровержения», как ее окрестил Каутский.

В. И. Ленин очень внимательно следил за развернувшейся полемикой. Уже в марте Л. Иогихес послал ему некоторые материалы. В июне пришла просьба: «Пришлите немедленно по адресу Ильича *все*, что сможете собрать о споре Карла Каутского с Розой Люксембург... *Ильич будет писать об этом статью*»[2]. Р. Люксембург сделала на письме пометку, что материалы ей сейчас нужны самой: «Пусть Ильич подождет, пока я отвечу Каутскому»[3]. Для Ленина и его соратников, имевших за плечами опыт революционной борьбы в России, были очевидны порочность и особая опасность как «стратегии измора», так и того, что ее провозглашал именно Каутский. Это означало, что Каутский из противника оппортунистов, каким он был до 1909 г., превращался (на радость ревизионистам) в их защитника. В 1910 г., когда поворот этот лишь совершался, еще оставались, по-видимому, надежды, что речь идет об очередном колебании Каутского, что в борьбе против оппортунизма он не будет противостоять революционной социал-демократии. На это, очевидно, надеялась и Р. Люксембург, готовя в защиту массовой политической стачки статью «Теория и практика», направленную против Каутского. «Чего я боюсь, это убийственного для К[арла] К[аутского] впечатления от статьи в целом»[1], — писала она Л. Иогихесу. Даже некоторое время спустя, когда сомнений уже почти не осталось, Р. Люксембург писала: «Бить его пока что ударами дубины было бы в высокой степени непрактично... Тем более что уничтожение К[арла] К[аутского] не представляет удовольствия ни партии в целом, ни радикализму»[2].

Оценивая расстановку сил в СДПГ, Каутский заявил в статье «Между Баденом и Люксембургом»: «Расположение на географической карте является сегодня символом положения германской социал-демократии»[3]. Аналогия сводилась к тому, что слева — Люксембург, справа, как и в СДПГ, — ревизионисты-баденцы, а в центре — Трир, родина Маркса; здесь применительно к партии, утверждал Каутский, находится он — на позиции «марксистского центра»[4].

В действительности же это была позиция сохранения верности марксизму на словах при отказе от него на практике. Как отмечал впоследствии В. И. Ленин, Каутский признает в марксизме «*все, кроме* революционных средств борьбы, проповеди и подготовки их, воспитания масс именно в этом направлении»[5]. Каутский становился на путь оппортунизма, на путь примирения пролетариата с буржуазией. Из идеолога марксизма он превращался в идеолога центризма

---

[1] *Р. Люксембург.* Письма к Карлу и Луизе Каутским, стр. 133, 134.
[2] Цит. по: «Ленин в борьбе за революционный Интернационал», стр. 166.
[3] Там же.

[1] «Пролетарская революция», 1931, № 2—3, стр. 129.
[2] Там же, стр. 133.
[3] «Die Neue Zeit», 1909/1910, Bd. 2, S. 667.
[4] Там же.
[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 324.

(каутскианства). Р. Люксембург уже в 1910 г. отмечала, что ссылками на К. Маркса и Ф. Энгельса Каутский создает ширму для тех элементов в партии и профсоюзах[1], которым не по нутру дальнейшее развертывание массового движения, и одновременно указывает средство к срыву этого движения[2]. Она прямо заявляла: «В качестве тормоза Вы не нужны нам, товарищ Каутский»[3].

Р. Люксембург отлично понимала, что для начала массовой стачки необходимы определенные условия, но считала обязательной подготовку пролетариата к борьбе. «Мы должны неутомимо освещать широчайшим слоям пролетариата действительное положение вещей, пробуждать в массах сознание собственной силы, укреплять боевую энергию...»[4] — говорила она 17 апреля 1910 г. на собрании в цирке Шуман во Франкфурте-на-Майне. Ее позиция была революционной в отличие от позиции Каутского, который в 1910 г. как бы спорил только о сроке перехода к массовым внепарламентским действиям, заявляя, что согласен с докладом Р. Люксембург во Франкфурте. На деле он тормозил подготовку масс к внепарламентской революционной борьбе. «Революционер — тот, кто *учит массы* бороться революционно...»[5], — указывал Ленин.

В этот же период Р. Люксембург горячо отстаивала требование республики. Она писала, что наряду с лозунгом массовой стачки, получающим всюду бурное одобрение, «еще только один лозунг вызывает сейчас в партийных массах в Германии... столь же бурное одобрение; это твердое акцентирование нашей республиканской позиции...»[6]. Р. Люксембург выдвигала лозунг республики в широком плане как «практический боевой клич против милитаризма, маринизма, колониальной политики, мировой политики, юнкерского господства, опруссачивания Германии», как «выразительное обобщение нашей повседневной борьбы против всех частных проявлений господствующей реакции»[1]. Тем самым она использовала демократические традиции борьбы германского народа против монархии и юнкерства, против господства прусской сабли и полицейщины, конкретизируя их сообразно с условиями империалистического развития Германии.

Выдвигая требование демократической республики, Р. Люксембург продолжала лучшие традиции германского рабочего движения, которые стали предавать забвению в СДПГ, творчески развивала программные положения партии. Нам представляется справедливым, что в своих работах о германских левых А. Лашица расценивает республиканские лозунги Р. Люксембург как конкретизацию пути рабочего класса к завоеванию политической власти[2]. Хотя у руководителей германских левых еще не было достаточно ясного представления о конкретном пути к овладению рабочим классом политической властью, «революционная борьба германских левых за демократическую республику содействовала тому, чтобы подготовить рабочий класс к достижению победы над монополистической буржуазией и втянуть в борьбу широкие круги германского народа»[3]. Таким образом, выступление левых в 1910 г. с лозунгами массовой стачки и демократической республики было важным шагом в становлении особого идейно-политического левого течения в СДПГ, противостоящего как правым оппортунистам, так и центристам.

В это же время были сделаны первые попытки организованной борьбы германских левых и других революционных социал-демократов против распространения оппортунизма в германской социал-демократии[4]. К ним относится создание Клуба Карла Маркса в ряде районов Бадена, особенно в Мангейме, члены

---

[1] Каутский очень заботился, чтобы профсоюзные лидеры не идентифицировали позицию его и Р. Люксембург (*A. Laschitza*. Deutsche Linke im Kampf für eine demokratische Republik, Berlin, 1969, S. 246).

[2] *R. Luxemburg*. Gesammelte Werke, Bd. 2. Berlin, 1972, S. 374.

[3] Там же, стр. 377.

[4] *Р. Люксембург*. Речи, стр. 70.

[5] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 309.

[6] *R. Luxemburg*. Gesammelte Werke, Bd. 2, S. 345.

[1] *R. Luxemburg*. Gesammelte Werke, Bd. 2, S. 303.

[2] *A. Laschitza*. Op. cit., S. 204—236; *A. Laschitza, G. Radczun*. Op. cit., S. 226—230.

[3] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 2, Berlin, 1966, S. 151—152.

[4] Подробно об этом см. *A. Laschitza*. Op. cit., S. 255—267.

клуба старались занимать четкую марксистскую позицию, отстаивать ее в борьбе против ревизионистов на партийных собраниях. Во время конгресса II Интернационала в Копенгагене и Магдебургского съезда СДПГ (1910 г.) В. Дитман вел работу по организации левых сил, стремясь противопоставить ревизионистскому блоку объединение левых. Для поддержания постоянных контактов и взаимопонимания между сторонниками революционной линии был создан так называемый комитет 7-ми, в связи с чем Дитман переписывался с Р. Люксембург.

Первые шаги к объединению были весьма робкими (правда, и материалы о них отрывочны). Среди объединявшихся социал-демократов были и такие, которые не проявили достаточной твердости и вскоре оказались в числе противников левого крыла. Однако А. Лашица справедливо обращает внимание на необходимость дальнейших исследований этих первых попыток создания самостоятельной организации революционных сил в германской социал-демократии[1]. Весьма важно, что определенные шаги в сплочении германских левых совершались в то время, когда В. И. Ленин вел настойчивую работу по консолидации революционных сил в международном рабочем движении.

Во время Копенгагенского конгресса II Интернационала В. И. Ленин сделал новую попытку международного объединения левых. В ходе работы конгресса он провел совещание, обсудившее вопрос об опасности оппортунизма и необходимости усиленной борьбы против него. Р. Люксембург отмечала на этом совещании, что на международных конгрессах СДПГ представляют главным образом партийные и профсоюзные функционеры, чья позиция не отражает подлинных настроений масс[2]. На эту сторону дела, обусловливающую неспособность СДПГ вести выдержанную, принципиальную линию на международных конгрессах, обращал внимание и В. И. Ленин. Оценивая то бессилие перед оппортунизмом, которое проявилось у германской делегации на Копенгагенском конгрессе, он делал вывод о «нарастании неизбежной решительной разверстки с оппортунистами»[1]. Недовольство деятельностью германской делегации, по-видимому, проявилось и в той общей неудовлетворенности работой конгресса, которую ощущала Р. Люксембург.

[1] *A. Laschitza*. Op. cit., S. 251.
[2] См. «История Второго Интернационала», т. II, стр. 332.

Последовавший за конгрессом Магдебургский съезд СДПГ демонстрировал, по словам В. И. Ленина, «два мира идей» в рядах СДПГ. Позиция ревизионистов, голосовавших за бюджет, подверглась осуждению. Бебель обрушил на них, по словам Ленина, «всю силу своего громадного таланта, своего опыта, своего авторитета...»[2]. Не только левое крыло, но и определившееся центристское направление осудило ревизионизм. Однако левые соединяли свое отрицательное отношение к ревизионизму со стремлением развить дальше тактику партии применительно к новым условиям, а центристы оставались на старых позициях и мешали двигаться вперед. Все это ярко проявилось при рассмотрении получившего поддержку более 60 делегатов предложения Р. Люксембург о массовой политической стачке[3]. Его первая часть, в которой отстаивалась необходимость применения в борьбе за избирательное право в Пруссии всех средств, включая массовую политическую стачку, была включена в резолюцию съезда. Вторую часть, указывавшую на необходимость вести разъяснение и пропаганду массовой стачки в партийной прессе и на собраниях, пришлось снять. При этом К. Цеткин от имени Р. Люксембург заявила, что принятие резолюции и происходившие прения уже разъяснили вопрос. Но это был, по-видимому, вынужденный шаг, дававший левым возможность в своей дальнейшей работе ссылаться на признание съездом необходимости массовой политической стачки. В то же время центристы, выступавшие против подготовительной работы к массовым внепарламентским выступлениям, готовы были подписаться под их признанием вообще.

Руководство СДПГ все откровеннее обнаруживало стремление подчинить массовые выступления

[1] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 352.
[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 17.
[3] «Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten in Magdeburg vom 18. bis 24. September 1910». Berlin, 1910, S. 181—182.

пролетариата исключительно задачам парламентской тактики. Во имя ожидаемых успехов на выборах оно готово было принести в жертву принципиальную линию борьбы. Меньше чем через год после Магдебурга это ярко проявилось в связи с событиями в Марокко.

Летом 1911 г. мир оказался перед лицом острого международного кризиса. 1 июля в марокканский порт Агадир вошла германская канонерская лодка «Пантера». За ней следовал легкий крейсер. Германская дипломатия начала вооруженную провокацию, надеясь добиться у своих французских соперников уступок при переделе африканских колоний. Развертывавшийся конфликт не мог оставить в стороне и английских империалистов. Обозначилась угроза войны.

Трудящиеся массы Германии, несмотря на шовинистический вой буржуазно-юнкерской прессы, выступили с требованиями сохранить мир. По всей стране проходили собрания, митинги. В Штутгарте 6 тыс. социал-демократов на собрании с участием К. Либкнехта заявили, что «на марокканскую авантюру не должно быть использовано ни одного гроша и ни одного человека»[1]. 16 июля К. Либкнехт выступил на международной встрече социалистов Германии, Италии, Австрии и Швейцарии, отвергшей всякую империалистическую политику.

Руководство СДПГ стремилось свернуть начавшееся в массах движение протеста. Когда 6 июля 1911 г. председатель МСБ К. Гюисманс предложил собрать представителей социалистических партий Германии, Франции, Англии и Испании для обсуждения создавшейся обстановки, Правление СДПГ отказалось принять участие. Его член Молькенбур ответил, что агитация по марокканскому вопросу, стремление вызвать противодействие правительственной авантюре нанесет ущерб «жизненным интересам» германской социал-демократии, ибо вопросы внутренней политики окажутся отодвинутыми на второй план[2]. На самом деле это было нежелание расплачиваться

[1] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 2, S. 169.
[2] «Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten in Jena vom 10. bis 16. September 1911». Berlin, 1911, S. 467.

за принципиальную антиимпериалистическую политику потерей некоторого числа голосов на предстоящих выборах.

Как только Р. Люксембург стало известно об отклонении инициативы МСБ, она выступила с критикой партийного руководства. На страницах «Лейпцигер фольксцайтунг» начали публиковаться ее статьи, разоблачавшие линию «верхов» партии, находившуюся в явном противоречии с настроениями ее рядовых членов[1]. Статья Р. Люксембург «Марокко» была опубликована и в редактировавшемся К. Цеткин журнале «Гляйххайт».

Значение выступлений Р. Люксембург усиливалось тем, что не только националистическая пропаганда, а и социал-демократические «разъяснения» всячески запутывали суть происходивших событий. «Социалистише монатсхефте», «Форвертс» и «Нойе цайт» пестрели выступлениями в защиту «равноправия» германской промышленности и торговли, рассуждениями о «праве народов» и морали, о «практичности» внешнеполитической линии социал-демократии. Вскоре сюда присоединились и злобные выпады против Р. Люксембург, осмелившейся не только раскрыть суть империалистической провокации, но и привлечь внимание масс к беспринципной линии руководства СДПГ. Только через пять недель после начала событий, после того как и германское правительство поняло необходимость поумерить свои притязания, Правление партии выступило с призывом к массовым собраниям против империалистической политики.

В статьях Р. Люксембург показывала, что позиция Правления партии, рассматривавшего все вопросы лишь с точки зрения избирательного бюллетеня, помогает ревизионизму, ибо означает поддержку требований «практичной» внешней политики. Отстаивая подлинные социал-демократические принципы в борьбе с империалистической «мировой политикой», Р. Люксембург стремилась помочь массам осознать, что они не должны идти на поводу и у буржуазных пацифистов. Она разъясняла необходимость в антимилитаристской борьбе отстаивать революционную

[1] «Leipziger Volkszeitung», 24, 31. VII, 5, 19, 26, 29, 30. VIII. 1911; *R. Luxemburg*. Gesammelte Werke, Bd. 3. Berlin, 1973, S. 5—44.

линию. «Кто искренне желает всеобщего мира и освобождения от страшного бремени вооружения, должен желать социализма»[1], — писала она еще накануне марокканского кризиса. Теперь в связи с развернувшимися событиями эта мысль получила конкретное преломление, сочеталась с призывом к массовой внепарламентской борьбе пролетариата. Р. Люксембург добивалась того, чтобы массы поняли ограниченность и недостаточность парламентского разоблачения подготовки войны. Она отстаивала антивоенную резолюцию Штутгартского конгресса II Интернационала (1907 г.), сформулировавшую задачи революционной борьбы против военной опасности.

Содержание выступлений Р. Люксембург, ее нежелание «верноподданнически» соглашаться с действиями руководства СДПГ вызвали озлобление. Каутский пытался представить дело так, что иностранцы в рядах германского рабочего движения побуждают его немедленно начать «решительный штурм»[2]. Ревизионисты угрожали Р. Люксембург исключением из партии. Даже Бебель оказался в числе ее противников; он не понял важности выступлений Р. Люксембург в связи с Марокко для развития революционной социал-демократии в условиях империализма. Оппоненты Р. Люксембург всячески уходили от критики ее выступлений по существу, сводили все к «резкости», «личным выпадам», нарушению лояльности по отношению к партии, ее руководству в условиях сложной международной и внутриполитической обстановки. С таких позиций они собирались дать бой левым на Иенском партийном съезде 1911 г.

Иенский съезд СДПГ проходил с 10 по 16 сентября 1911 г. Р. Люксембург и поддержавшие ее К. Либкнехт, К. Цеткин, Г. Ледебур, П. Ленч, В. Дитман, Г. Лауфенберг, А. Хенке, Г. Хох выступили за активную мирную политику рабочего класса, критиковали позицию партийного руководства в связи с марокканским кризисом. Однако принципиальной борьбы на съезде не получилось. С одной стороны, даже откровенные ревизионисты на словах отстаивали мир и

[1] *R. Luxemburg*. Gesammelte Werke, Bd. 2, S. 494.
[2] *A. Laschitza, G. Radczun*. Op. cit., S. 266.

необходимость бороться за его сохранение. С другой стороны, задачи антимилитаристской борьбы потонули в общих формулировках резолюции, предложенной Бебелем. Попытка левых дополнить ее положениями, которые, основываясь на штутгартских антивоенных решениях, ориентировали бы партию на организацию массовой борьбы против империалистических провокаций, против колониальных захватов и войн больших и малых[1], не увенчалась успехом. Сработала политика «единодушия»: дополнения были отвергнуты, резолюция А. Бебеля единогласно одобрена.

Вскоре после Иенского съезда события, связанные с марокканским конфликтом, рассматривались в МСБ. Р. Люксембург, получив 21 сентября сообщение, что заседание МСБ состоится в Цюрихе 23 сентября, тотчас написала Л. Иогихесу (Тышке): «Нужно телеграфно уведомить Ленина, чтобы он непременно был там»[2]. Она понимала, что в борьбе за революционную антивоенную линию, которая предстоит на международном уровне, В. И. Ленин ее поддержит. Так оно и было. На заседании МСБ В. И. Ленин выступил в защиту позиции Р. Люксембург против оппортунизма германских социал-демократов[3]. В конечном итоге принятая МСБ резолюция была выдержана в духе решений Штутгартского конгресса 1907 г. и, так же как отвергнутое в Иене дополнение Р. Люксембург и других левых, требовала выступать с протестом против «мирной» колониальной политики.

После Иенского съезда и заседания МСБ Р. Люксембург продолжала разъяснять уроки марокканского кризиса. На собраниях и в печати она выступала против колониальной политики и подготовки войны, за принципиальную массовую борьбу пролетариата. «...Когда я высказалась против фракции, за массовую забастовку и отказ от повиновения в случае войны, раздалась длившаяся минуту овация с

[1] «Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten in Jena vom 10. bis 16. September 1911», S. 162—163, 348—350.
[2] *R. Luksemburg*. Listy..., t. 3, S. 243.
[3] См. «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника», т. 2. М., 1971, стр. 264.

криками «Ура», так что я не могла говорить дальше»[1], — сообщала она о собрании в Берлине. «Голова раскалывается от усталости, но каждый вечер я бодра и выступаю по два часа»[2], — писала она из Дрездена. На собрании в Лейпциге Р. Люксембург говорила: «...мир и спокойствие миновали навсегда... Мы прекрасно понимаем, что, пока существует капитализм, мы не можем уничтожить войны. Но мы победим капитализм, если мы всеми силами поведем борьбу против империализма, против войны»[3]. И она призывала готовить к борьбе всех пролетариев, чтобы в решающий час, когда они будут вовлечены в войну, массы смогли заявить: «Мы не будем участвовать в войне». Она хотела «встряхнуть массы, дать им правильное представление о положении и внушить доверие к собственным силам». Отсюда и ее подход к избирательной кампании, в корне отличный от молькенбуровского. «Мы не охотимся за мандатами. Мы не хотим, чтобы за нами шли огромные толпы ни о чем не рассуждающих попутчиков... Мы должны воспользоваться этой избирательной борьбой, чтобы уяснить массам наши задачи»[4].

Широко разъясняя задачи социал-демократии, Р. Люксембург уделяла большое внимание популяризации экономического учения К. Маркса. Еще в 1907 г. ей довелось прочесть в Берлине курс лекций по политической экономии. Готовясь к лекциям, Р. Люксембург писала их в виде брошюр. В дальнейшем курс дорабатывался и перерабатывался в связи с тем, что с 1907 г. она преподавала политическую экономию и историю народного хозяйства в партийной школе германской социал-демократии[5]. Р. Люксембург разрабатывала курс на большом фактическом материале, но главное внимание уделяла теоретическому осмыслению фактов, так как считала, что необходимо знание теории, которая дает возможность «систематизировать материал и выковывать смер-

[1] «Германское рабочее движение в новое время», стр. 401.
[2] Там же, стр. 400.
[3] *Р. Люксембург.* Речи, стр. 77.
[4] Там же, стр. 78.
[5] Даже на отдыхе она интенсивно занималась этими вопросами (см. *Р. Люксембург.* Письма к Карлу и Луизе Каутским, стр. 126, 127).

тельное оружие против врагов»[1]. Марксистскую направленность преподавания она отстаивала в борьбе против ревизионистов, которые пытались отлучить левых от пропагандистской работы. В 1911 г. такие попытки особенно усилились. Все это побуждало Р. Люксембург как можно быстрее закончить подготовку к изданию своих лекций в качестве «Введения в политическую экономию»[2]. В ходе этой работы у нее возникли вопросы, связанные с пониманием совокупного процесса капиталистического воспроизводства.

Вместе с тем напряженная политическая борьба, отстаивание принципиальных пролетарских позиций в связи с марокканским кризисом требовали, по мнению Р. Люксембург, строго научного объяснения империализма и его противоречий[3]. Усиленно побуждал к этому и дальнейший ход событий 1911—1912 гг. — итало-турецкая война, балканские войны, подъем антивоенного движения масс. Тем более что обозначилась социал-пацифистская позиция центристов в вопросах войны и мира, извращавшая суть дела. С ее изложением уже весной 1911 г. выступил Каутский[4].

Р. Люксембург увязывала воедино проблемы империалистической политики, войны и революции. При этом многие годы ее, очевидно, занимал вопрос о форме, в которой капиталистический строй «сам по себе, в силу собственных противоречий, подготовит момент своего разрушения, когда существование его сделается просто невозможным»[5]. Распространенное в свое время у социал-демократов представление, что исходной точкой социалистического переворота должен явиться всеобщий уничтожающий кризис, она давно уже не разделяла[6].

Теперь Р. Люксембург пыталась «представить с достаточной ясностью совокупный процесс капитали-

[1] «Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Nürnberg vom 13. bis 19. September 1908». Berlin, 1908, S. 231.
[2] Большевики выражали готовность перевести эту работу на русский язык и издать ее легально. Редакцию перевода соглашался взять на себя В. И. Ленин (см. *Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич.* Указ. соч., стр. 242—243).
[3] *A. Laschitza, G. Radczun.* Op. cit., S. 280.
[4] «Die Neue Zeit», 1910/1911, Bd. 2, S. 97—107.
[5] *Р. Люксембург.* Социальная реформа или революция, стр. 17.
[6] Там же.

стического производства в его конкретных отношениях», «его объективные исторические границы» и в то же время решить проблему, которая «связана с практикой современной империалистической политики и ее экономическими корнями»[1]. Она считала, что при правильном решении поставленной проблемы ее «работа помимо чисто теоретического интереса... должна иметь и некоторое значение для нашей практической борьбы с империализмом»[2]. В результате к августу 1912 г. была написана книга «Накопление капитала (К вопросу об экономическом объяснении империализма)». Р. Люксембург интенсивно работала над ней более полугода, очень увлеченно, с большими раздумьями. В январе 1913 г. «Форвертс» сообщил о выходе книги из печати. Вскоре появились рецензии — хвалебные и уничтожающие. И по сей день «Накопление капитала» привлекает внимание не только историков, но и экономистов, марксистов-ленинцев и их идеологических противников.

Ко времени выхода книги Р. Люксембург в германской социал-демократии уже сложились устойчивые взгляды по проблемам империализма. В этой связи представляется важным отметить прежде всего книгу Р. Гильфердинга «Финансовый капитал. Исследование новейшей фазы в развитии капитализма» (1910 г.) и материалы Хемницкого съезда СДПГ (1912 г.). Последние воплотили пацифистские взгляды на преодоление захватнической политики и гонки вооружений, ранее распространявшиеся в партии ревизионистами и центристами. Призыв съезда энергично бороться против империализма до тех пор, пока он не будет низвергнут, оставался общей фразой, под которой могли подписаться представители всех противоборствующих в СДПГ течений.

Для Р. Люксембург в противоположность таким взглядам экономическое объяснение империализма, являющегося «политическим выражением процесса накопления капитала в его конкурентной борьбе за остатки некапиталистической мировой среды»[3], было связано с повседневной борьбой за революционное

[1] *Р. Люксембург.* Накопление капитала, т. I—II. М. — Л., 1934, стр. 3.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 320.

низвержение капитализма. Этому была подчинена и задача, которую она ставила перед собой, — «открыть в этом хаосе политического насилия и пробы сил строгие законы экономического процесса»[1]. В отличие от каутскианцев Р. Люксембург (при всем сходстве формулировок) не считала империализм просто и только политикой. Впоследствии Р. Люксембург специально подчеркивала, что цель центристской концепции — «представить фазу империализма не как историческую необходимость, не как фазу решающей борьбы за социализм, но как злой умысел кучки заинтересованных в этом лиц»[2]. Однако автор «Накопления капитала» не ставила перед собой подобно Гильфердингу задачу исследования новейшей фазы развития капитализма. Рассмотрение картелей и трестов «как специфического явления» этой фазы «на почве внутренней конкурентной борьбы» она полагала лежащим вне рамок своей работы[3]. Ее занимал иной ракурс проблемы: империализм как выражение объективно обусловленной конкурентной борьбы за внешние рынки[4]. Вопросом об империализме как особой стадии экономической эволюции капитализма одновременно с Р. Люксембург занимался Ю. Мархлевский[5].

[1] *Р. Люксембург.* Накопление капитала, стр. 326.

[2] Там же, стр. 461. Р. Люксембург с самого начала понимала, что ей предстоит борьба с представителями «господствующего у нас «марксизма» (т. е. центризма), особо важной считала полемику с Каутским и его единомышленниками (ЦПА ИМЛ, ф. 201, оп. 1, ед. хр. 859).

[3] *Р. Люксембург.* Накопление капитала, стр. 329, примечание. Однако уже в 1904 г. после Амстердамского конгресса, отметившего неизбежность развития трестов, она перечитывала литературу о картелях и писала, что «эта тема — твердый орешек» (*R. Luksemburg.* Listy.., t. 2, S. 305). Р. Люксембург отмечала такие «типичные проявления империалистического периода», связанные «с последней фазой капиталистического развития», как борьба капиталистических государств за колонии, за сферы влияния, за возможность приложения европейского капитала, международная система займов, милитаризм, высокие таможенные пошлины, господствующая роль в мировой политике банковского капитала и картельной промышленности (*Р. Люксембург.* Накопление капитала, стр. 388).

[4] В. И. Ленин формулировал одну из характерных черт обстановки в 1912 г. так: «...*империализм* держав, их бешеная конкуренция из-за рынков, их близость к войне» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 22, стр. 198).

[5] См. *Ю. Мархлевский.* Империализм или социализм? — В сб. того же автора «За что бороться?». М., 1959, стр. 57—82.

В трактовке Р. Люксембург империализм экономически обусловлен, обеспечивает существование капитализма и «в то же время служит вернейшим средством, чтобы... положить его существованию объективный предел»[1]. Доказательство «объективного предела» имело, по мысли Р. Люксембург, первостепенное значение, так как раскрывало объективную обусловленность, историческую необходимость социалистической революции[2]. Речь шла не об автоматическом крахе капитализма, хотя и говорилось, что он «держит курс на тот момент», когда дальнейшее накопление станет невозможным. Имея в виду теоретическое выяснение «тенденции развития», Р. Люксембург подчеркивала: «В то же самое время, по мере того как эта тенденция находит свое выражение», капитал «обостряет классовые противоречия, международную хозяйственную и политическую анархию настолько, что он должен вызвать восстание международного пролетариата против существования капиталистического господства задолго до осуществления крайнего результата экономического развития»[3].

Избранный Розой Люксембург аспект рассмотрения империализма правомерен и проникнут революционностью. Но ее подход содержал методологические просчеты и основывался на ошибочном теоретическом тезисе. Империализм как фаза развития капитализма и как политика у Р. Люксембург оказались в разрыве. Она не смогла подняться до уровня ленинского анализа империализма как системы производственных отношений высокоразвитого капитализма и на этой основе рассмотреть империалистическую политику, ее экономическую обусловленность.

«Совокупный процесс капиталистического производства в его конкретных отношениях» при империализме, «строгие законы экономического процесса», «объективные исторические границы» капиталистического производства Р. Люксембург пыталась раскрыть,

[1] *Р. Люксембург.* Накопление капитала, стр. 321.
[2] См. там же, стр. 226. Она исходила из марксистской концепции, когда доказывала: «Если капиталистический способ производства в состоянии гарантировать безграничное возрастание производительных сил и экономический прогресс, то он непреодолим» (там же).
[3] Там же, стр. 387—388; см. также стр. 337.

не исследуя господство монополий, производственные отношения при империализме, развитие всего комплекса обусловленных ими противоречий. Она строила свои доказательства, основываясь на проблеме реализации совокупного общественного продукта, прибавочной стоимости. Ей представлялось, что ключ к пониманию происходящего заключается в развитии и конкретизации Марксовых абстрактных схем капиталистического воспроизводства. При этом она пыталась дополнить Маркса, поскольку его схема реализации совокупного общественного продукта, по ее мысли, противоречила данному в «Капитале» «пониманию капиталистического производства, взятого в целом», и «действительному ходу капиталистического развития»[1]. Империалистическая экспансия конца XIX — начала XX в., как ей казалось, фактически подтверждала такой вывод.

Исходная теоретическая посылка, на которой построено «Накопление капитала», заключается в тезисе о невозможности реализации прибавочной стоимости, накопления капитала в «чистокапиталистическом» обществе, состоящем из рабочих и капиталистов. «...Капиталистическое накопление для своего движения нуждается в некапиталистических общественных формациях, как в окружающей его среде: оно прогрессирует в постоянном обмене веществ с этими формациями и может существовать лишь до тех пор, пока оно находит эту среду»[2], — утверждала Р. Люксембург. Справедливо отвергая «мелкобуржуазный скептицизм» Сисмонди, народников, считавших накопление невозможным, и ходкую у ревизионистов концепцию Туган-Барановского, доказывавшего, что капитализм может существовать вечно, Р. Люксембург делала ошибочный вывод, будто накопление капитала немыслимо без некапиталистической среды.

В. И. Ленин специально отметил это место в ее книге, акцентируя внимание на слове «немыслимо». В рассуждениях Р. Люксембург о роли некапиталистических форм производства при капитализме он вскрывал «корень» ошибки[3]. Внимательно проанали-

[1] *Р. Люксембург.* Накопление капитала, стр. 239.
[2] Там же, стр. 258.
[3] Ленинский сборник XXII. М., 1933, стр. 381.

зировав ход мысли автора «Накопления капитала» вскоре после выхода книги, В. И. Ленин сделал многочисленные замечания, к сожалению не полностью сохранившиеся, которые, очевидно, должны были лечь в основу его статьи «Неудачное дополнение теории Маркса Розой Люксембург». В противовес Р. Люксембург В. И. Ленин подчеркивал: «Развитие кап[итали]зма идет то вширь (др[угие] стр[аны]) то вглубь»[1]. Р. Люксембург отмечала в «Накоплении капитала» такие факторы экономического роста, как технический прогресс, милитаризм, роль государства, но оставляла их, как правило, за рамками своей схемы, подчиненной рассмотрению империалистической экспансии. Идя по такому пути, она дала яркое, разоблачительное описание колониального грабежа и разрушения традиционных структур в колониальных и зависимых странах, на что специально обратил внимание В. И. Ленин в своих заметках. Рассмотрение Розой Люксембург внутренних процессов, происходящих в колониальных странах, их взаимосвязи с империалистическим, захватническим «проникновением» в эти страны привлекает внимание современных исследователей экономики развивающихся стран[2].

Боевая, революционная направленность работы «Накопление капитала» играла важную роль, особенно в условиях «мировой политики» германского империализма того времени, шедшего по пути усиления милитаризма, подготовки империалистической войны. Однако историчность империализма — кануна социалистической революции — не получила в работе Розы Люксембург научного раскрытия.

Теоретическая разработка вопросов империализма переплеталась с практической борьбой Р. Люксембург против империализма и угрозы войны, за подготовку масс к социалистической революции. На совещании МСБ в Брюсселе 28—29 октября 1912 г. она требовала по мере усиления военной опасности развивать массовые выступления пролетариата, которые в случае особой угрозы войны выльются в решительное революционное массовое действие. Р. Люксембург добивалась осознания организациями рабочего класса того, что с развитием империализма и капиталистической экспансии наступает новый период классовой борьбы, с которым связаны новые средства борьбы, новые обязанности пролетариата и открываются громадные возможности для его успеха[1]. Меньше чем через месяц Р. Люксембург участвовала в работе Базельского конгресса Интернационала. От имени германских левых на конгрессе выступала К. Цеткин, призывавшая к тому, чтобы в войне против войны, в ходе могучих массовых выступлений международного пролетариата были применены все имеющиеся средства, мобилизованы все силы. Принятый конгрессом манифест закреплял в международном масштабе «тактику пролетарской революции» в условиях империалистической войны[2]. Р. Люксембург стремилась сделать Базельский манифест предметом агитации в Германии. Она резко критиковала партийное руководство СДПГ, которое уклонялось от использования манифеста для борьбы против подготовки германских империалистов к войне[3].

Борьба в рядах германской социал-демократии переплеталась с работой для польского рабочего движения. Едва закончив издательские дела по «Накоплению капитала», Роза писала в январе 1913 г.: «Я отдыхаю сейчас после моей книги, занимаясь польскими работами (вчера, например, до полуночи). Я действительно измоталась, так как многочисленные корректуры и, сверх того, занятия в партийной школе очень подорвали мои силы. Но мои поляки не знают пардона, и я должна теперь ринуться в отечественные дела»[4]. В нелегальной СДКПиЛ, где Розу считали «нашей политической руководительницей», умеющей «революционно, объективно и по-марксистски дать ответ на вопрос «что дальше»»[5], в ее помощи очень нуждались.

---

[1] Ленинский сборник XXII, стр. 346.

[2] См. *Н. С. Яжборовская.* Роза Люксембург и колониальный вопрос. — «Народы Азии и Африки», 1971, № 2, стр. 60—62.

[1] *R. Luxemburg.* Gesammelte Werke, Bd. 3, S. 177.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 319.

[3] «Германское рабочее движение в новое время», стр. 401—402; *R. Luxemburg.* Gesammelte Werke, Bd. 3, S. 227.

[4] *Р. Люксембург.* Письма к Карлу и Луизе Каутским, стр. 142.

[5] *Ф. Э. Дзержинский.* Избранные произведения, стр. 222, 224.

Предвоенные 1913—1914 годы были временем, когда в Германии продолжала складываться «предреволюционная ситуация»[1]. В непосредственной связи с этим усиливались милитаризм и полицейский произвол, буржуазная законность стала «поперек дороги тем, кто ввел эту законность»[2]. В руководстве СДПГ, особенно после смерти А. Бебеля в 1913 г., сложился и укрепился своеобразный блок откровенных оппортунистов и центристов. Вопросы милитаризма и войны, внепарламентской массовой борьбы пролетариата не только обострились, но еще больше взаимоувязались. Левые германской социал-демократии шли в авангарде движения масс, способствовали его оформлению и нарастанию.

Центральное место в политической жизни Германии в 1913 г. занимала борьба вокруг нового военного законопроекта, внесенного правительством в рейхстаг. Речь шла о значительно большем, чем в предыдущие годы, увеличении военного контингента и новых громадных военных расходах. Подготовка законопроекта сопровождалась националистической кампанией, призванной облегчить его прохождение через рейхстаг.

Руководство СДПГ считало борьбу против законопроекта бесперспективной и добивалось лишь того, чтобы новые военные расходы покрывались за счет имущих. 30 июня 1913 г. социал-демократическая фракция рейхстага совершила беспрецедентный акт — не голосуя за военный законопроект, она одобрила чрезвычайный военный налог и налог на имущество, утверждая, что таким путем можно переложить расходы на плечи имущих, затруднить тем самым гонку вооружений и облегчить борьбу против милитаризма.

В. И. Ленин, внимательно анализировавший ход событий в Германии, отмечал в это время, что «среди немецких рабочих растет возмущение и требование не только парламентских средств борьбы против бесстыдного грабежа народных денег шовинистами»[3].

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 20, стр. 16, 10; т. 23, стр. 4.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 20, стр. 16. Подробнее см. *Р. Я. Евзеров.* В. И. Ленин о некоторых вопросах развития революционной обстановки в Германии накануне первой мировой войны. — «Ежегодник германской истории. 1968». М., 1969, стр. 145—158.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 183.

В связи с резолюцией Штутгартской организации, потребовавшей более решительной, наступательной массовой борьбы, Ленин писал: «Если оппортунисты, которых много в парламентской фракции и среди чиновников рабочего движения, противятся такой борьбе, то в рабочих массах она встречает все больше сочувствия»[1].

Левые германской социал-демократии вели активную борьбу против милитаризма и парламентского кретинизма, изобличали соглашательство партийных верхов, стремились развить активность трудящихся масс. Р. Люксембург своими статьями и речами на собраниях старалась помочь массам разобраться в позиции большинства социал-демократической фракции рейхстага, вотировавшей военные кредиты[2]. Она заостряла внимание на политической стороне голосования, которую пытались скрыть за разговорами, что-де платить будут имущие, и одновременно разъясняла, что «обложение имущих» в конечном счете принесет новые тяготы трудящимся и только усилит классовый гнет[3]. В том же плане выступал Ю. Мархлевский.

Принципиальную линию социал-демократии — «этой системе — ни единого человека и ни единого гроша» — отстаивал К. Либкнехт[4]. С трибуны рейхстага К. Либкнехт разоблачал виновников гонки вооружений — «пушечных королей», пособничество им со стороны правительства[5]. Он показывал, что «борьба против внутреннего врага... представляет главную цель нашего милитаризма»[6]. Выступления К. Либкнехта получили большой отклик в Германии и за ее рубежами, их широко освещала большевистская «Правда».

Не ограничиваясь критикой конкретных действий фракции и Правления партии, левые глубоко рассматривали проблемные вопросы милитаризма, массовой борьбы пролетариата. Р. Люксембург указывала, что современные войны являются проявлением империализма. Противопоставление войн оборонительных на-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 184.
[2] См. «Пролетарская революция», 1928, № 4, стр. 171.
[3] «Leipziger Volkszeitung», 11. VI. 23, 29. VII. 1913. *R. Luxemburg.* Gesammelte Werke, Bd. 3, S. 234—237, 267—290.
[4] «Vorwärts», 28. VIII. 1913.
[5] См. *К. Либкнехт.* Избранные речи... стр. 182—216.
[6] Там же, стр. 236.

ступательным не дает возможности выявить их сущность. Социал-демократический лозунг замены постоянной армии народной милицией она требовала увязывать с перспективой низвержения юнкерства, осуществления революции[1]. С таких же классовых позиций подробный анализ лозунга народной милиции дал в эти дни Ф. Меринг[2].

Важное место в разъяснительной работе левых в предвоенные годы занимала проблема взаимоотношения масс, партии и парламентской фракции. Исходя из опыта СДПГ и ее парламентской фракции, Р. Люксембург делала вывод, что в период империализма происходит упадок буржуазного парламентаризма. Ограничиваться лишь борьбой за расширение партийных рядов и парламентского представительства — значит обрекать рабочее движение на пассивность, топтание на месте. Мощь партийных организаций, успехи на выборах в парламент, использование его трибуны должны быть подчинены задаче обеспечить революционную мобилизацию народных масс, их наступление против господствующего строя[3]. Р. Люксембург разоблачала трусливость вождей и закостенелость организаций, превратившихся в оковы развития инициативы их членов[4]. Но по-прежнему верила в возможность изменить давлением снизу эту партию, сохранить ее репутацию. «Мы должны стараться сделать все возможное, чтобы вытащить телегу из грязи»[5], — писала она. Вместе с тем характерно, что левые не фетишизировали «единство» фракции. К. Цеткин одобрила действия той ее части, которая выступила против линии большинства при обсуждении военного законопроекта[6]. В. Пик, работавший в берлинской организации СДПГ, требовал, чтобы принципиальные вопросы решались не фракцией, а чрезвычайным съездом партии[7].

Политике парламентского блокирования с буржуазными партиями левые противопоставляли «собственные политические действия масс» — массовые демонстрации и стачки, рассматривая их как с точки зрения грядущих революционных боев пролетариата, так и с точки зрения назревшей борьбы против реакции, империалистической политики[1].

Пропаганда и агитация в пользу массовой политической борьбы пролетариата усложнялась тем, что наряду с откровенным противодействием партийных и профсоюзных верхов левым приходилось преодолевать попытки под шум разговоров в пользу массовой стачки приглушить движение масс. В этом направлении активно выступали не только известные ревизионисты, например баденец Франк[2], но и Каутский. Он соглашался даже на «подготовку» к массовой стачке, но с расчетом на непредвидимое будущее и использование не русских, а «немецких форм»[3]. Весной 1914 г., Каутский выпустил специальную книгу, посвященную проблемам массовой стачки. Она была пронизана фетишизацией парламентской системы как средства, позволяющего «низшим классам добиться овладения законодательной и правительственной властью»[4]. Каутский призывал ждать для революции такого момента, когда господствующие классы будут вынуждены добровольно уступить власть и отправиться под арест к социал-демократии, дабы спастись от народного гнева[5]. Даже в случае мировой войны и вызванной ею революции Каутский уповал на парламентские средства[6]. Он утверждал, что формы и методы борьбы, выдвинутые революционным опытом России, не имеют больше значения ни для нее, ни тем более для Западной Европы[7].

«...Употребление теории, которое не имеет ничего общего с духом марксизма», — определяла Р. Люк-

---

[1] *R. Luxemburg*. Gesammelte Werke, Bd. 3, S. 217.
[2] «Die Neue Zeit», 1912/1913, Bd. 2, S. 910—913.
[3] *R. Luxemburg*. Gesammelte Werke, Bd. 3, S. 211.
[4] Там же, стр. 253.
[5] «Пролетарская революция», 1929, № 7, стр. 159—161.
[6] «Gleichheit», 30. VIII. 1913.
[7] «Vorwärts», 26. VIII. 1913.

[1] «Leipziger Volkszeitung», 30. VI. 1913.
[2] Его вынужденные призывы научиться у пролетариата всего мира массовой борьбе отразили, как отмечал В. И. Ленин, медленно, но верно зреющий «могучий протест в германском пролетариате» (см. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 252).
[3] «Die Neue Zeit», 1911/1912, Bd. 2, S. 566—567.
[4] *K. Kautsky*. Der politische Massenstreik. Ein Beitrag zur Geschichte der Massenstreikdiskussion innerhalb der deutschen Sozialdemokratie. Berlin, 1914, S. 14.
[5] Там же, стр. 203.
[6] Там же, стр. 300.
[7] Там же, стр. 210.

сембург взгляды Каутского[1]. С гордостью и уважением писала она о новом революционном подъеме в России, клеймила писания Каутского как пасквиль на русский пролетариат. Р. Люксембург характеризовала сторонников Каутского как «нерешительный, колеблющийся средний слой», отличающийся «умственным консерватизмом» и «под маской марксистского центра» выполняющий «современную политическую функцию болота» путем блокирования с ревизионистами в борьбе против левых[2]. При всей справедливости таких оценок Р. Люксембург недооценивала глубокие социальные корни, особую опасность центристского течения. Она надеялась, что преодоление центризма осуществится самим ходом событий, все больше подтверждающим правильность тактических требований левых.

Между тем центристы уже в этот период активно использовали средства партийного механизма, чтобы закрыть рот левым. В первую очередь они постарались лишить их возможности печататься. В октябре «Лейпцигер фольксцайтунг» перестала служить трибуной для левых[3]. Одновременно руководство партии отстранило Ф. Меринга от работы в «Нойе цайт».

В конце 1913 г. Р. Люксембург, Ф. Меринг, Ю. Мархлевский (Карский) предприняли издание пресс-бюллетеня «Социалдемократише корреспонденц», статьи которого предназначались для перепечатки в партийной прессе СДПГ. Сообщая 17 декабря 1913 г. о новом издании, его содержании и условиях распространения, они писали, что надеются «содействовать углублению пролетарского движения»[4].

В сентябре 1913 г. левые вели напряженную борьбу против курса откровенных оппортунистов и центристов на очередном съезде партии в Иене. В центре внимания были вопросы вотирования фракцией военных расходов и о массовой стачке. Роза Люксембург стремилась сплотить левые силы[5], но этому мешала

[1] *R. Luxemburg*. Gesammelte Werke, Bd. 3, S. 318.
[2] Там же, стр. 350—351.
[3] См. «Пролетарская революция», 1928, № 4, стр. 170—177.
[4] ЦПА ИМЛ, ф. 209, оп. 2, ед. хр. 896, л. 2. Подробнее об этом издании см. *Р. Я. Евзеров*. «Sozialdemokratische Korrespondenz» — орган левых германской социал-демократии. — «Вопросы истории», 1956, № 2, стр. 107—114.
[5] *R. Luksemburg*. Listy... t. 3, s. 361—362.

их теоретическая и организационная слабость. Правление партии старалось запутать суть обсуждаемых вопросов и предприняло атаку против левых. Р. Люксембург предвидела ее, усиленно готовилась к борьбе[1]. На съезде она резко критиковала «тактику приглушения», осуществляемую партийным руководством, отстаивала подготовку массовой борьбы пролетариата. Р. Люксембург пророчески предсказывала, что одобрение съездом вотирования фракцией военных расходов по логике вещей заставит «в случае возникновения войны... голосовать за одобрение военных расходов»[2].

Напряженная борьба шла не только по существу вопросов, но и по процедуре их обсуждения. Левым пытались не давать говорить, глушили их выступления потоком речей, зачастую попросту третировали их[3]. В такой обстановке против резолюций, которые одобряли вотирование фракцией средств на военный законопроект и отвергали массовую стачку как средство политической борьбы, все-таки проголосовала треть делегатов. Это свидетельствовало о серьезном протесте, зреющем в партии, в массах, против военных приготовлений германского империализма, юнкерско-буржуазного деспотизма и пособничества им со стороны руководства социал-демократии. «Во всяком случае этот съезд принес нам... подсчет численности левого крыла и его объединение. Но что примечательно: без Каутского и против Каутского, — писала К. Цеткин 19 сентября 1913 г. Ф. Мерингу. — Несмотря на все, мы можем — исходя из обстановки — быть довольны результатами. Мы разоблачили позицию Генеральной комиссии (профсоюзов. — *Авт.*) и других «инстанций», и наши речи будут продолжать действовать в массах»[4].

[1] *R. Luksemburg*. Listy..., t. 3, s. 363.
[2] «Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten in Jena vom 14. bis 20. September 1913». Berlin, 1913, S. 288—293, 487.
[3] См. там же, стр. 204—205, 230—233, 293—298.
[4] ЦПА ИМЛ, ф. 201, оп. 1, ед. хр. 1058. О борьбе на съезде и после него см. *В. Г. Брюнин*. Дискуссия о массовой политической стачке в германской социал-демократии накануне первой мировой войны. — «Ученые записки ЛГУ. Серия исторических

Борьба на съезде стоила Р. Люксембург много сил и нервов[1]. Однако сразу же после его окончания она отправилась во Франкфурт-на-Майне и в Майнц, где выступила на семи собраниях, обсуждавших итоги Иенского съезда[2].

Правление СДПГ специальным воззванием указало желательную линию в оценке съезда[3]. Новая, угодная Правлению партии, редакция «Лейпцигер фольксцайтунг» отказалась опубликовать статью Р. Люксембург, посвященную его итогам. Отдельные социал-демократические газеты пытались разжигать против левых враждебные настроения вплоть до националистических[4]. Осложняли борьбу и колебания среди самих левых, многие из них очень пессимистично оценивали результаты съезда в Иене[5].

Однако на многочисленных собраниях рядовые члены партии поддерживали позицию левых. 26 сентября 1913 г. на собрании в Бокенгейме (Франкфурт-на-Майне) Роза Люксембург в двухчасовом докладе бичевала капиталистическое государство, милитаризм, колониальную политику, показывала коренные причины нищеты масс, критиковала профсоюзное руководство, боявшееся массовой стачки. «Должны ли мы позволить безнаказанно ввергнуть нас в войну?» — спрашивала она. В ответ на возгласы собравшихся «Никогда!» Р. Люксембург заявила: «Если от нас потребуют вести войну против наших французских или других братьев, мы должны будем воскликнуть: Этого мы не сделаем!»[6]

Хорошо зная Р. Люксембург, речи которой производили сильнейшее впечатление на массы, как «представительницу радикальнейших взглядов социал-демократии», министерство внутренних дел установило

наук», 1950. Вып. 17; *Б. А. Айзин.* Роза Люксембург — борец против германского милитаризма и империализма (1913—1914 гг.). — «Европа в новое и новейшее время», стр. 528—535.

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 209, оп. 2, ед. хр. 870. «Я не в состоянии ни думать, ни спать, ни есть... Этот партийный съезд лишил меня здоровья на два месяца», — пишет она Тышке 26 сентября 1913 г.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 209, оп. 1, ед. хр. 415, л. 1.

[3] «Vorwärts», 27. IX. 1914.

[4] «Münchener Post», «Vorwärts», 24. IX. 1914.

[5] *R. Luksemburg.* Listy... t. 3, S. 369.

[6] «Rosa Luxemburg im Kampf gegen den deutschen Militarismus». Berlin, 1960, S. 39.

за подобными собраниями полицейский надзор[1]. В октябре 1913 г. Р. Люксембург была привлечена к судебной ответственности за речь в Бокенгейме 26 сентября, в которой власти усмотрели призыв к неповиновению закону[2].

Напряженная политическая борьба, забиравшая, казалось бы, все силы Розы, не помешала ей как раз в 1913 г. увлечься... ботаникой. «...Меня охватила страсть к растениям; я начала собирать растения, сушить их и ботанизировать... — вспоминала она в 1915 г. — Теперь у меня имеется 12 переполненных папок с растениями... Таким образом, всегда мне нужно что-нибудь такое, что захватило бы меня с головой, как бы мало ни подобало это солидной особе, от которой — на ее беду, — всегда ожидают чего-то умного»[3]. Л. Каутская впоследствии писала о Розе: «...она, как немногие, умела радоваться жизни, понимать ее красоту и снова и снова отвоевывать у жизни счастье. Была ли это самостоятельная творческая работа или упорный труд над изучением результатов чужих исследований — во всем она находила счастье и удовлетворение.

Это и было то, что ее прежде всего отличало, что придавало такой блеск всему ее существу: в работе и удовольствии, в любви и ненависти она была одушевлена всегда одним огнем, и одним из ее любимых изречений было: «надо быть, как свеча, которая горит с обоих концов». И этот огонь, который горел в ней, передавался всем ее окружавшим»[4].

Именно такой предстает перед нами Роза и во время судилища над ней за активную антимилитаристскую деятельность. Судебный процесс начался 20 февраля 1914 г. во Франкфурте-на-Майне. Скамью подсудимых Роза Люксембург превратила в трибуну для политической пропаганды[5]. Она говорила о том, что революция и массовая стачка не могут быть искусственно вызваны, а определяются закономерностями современного развития. Она показывала, что

[1] «Rosa Luxemburg im Kampf...», S. 61.

[2] Там же, стр. 36.

[3] *Р. Люксембург.* Письма к Карлу и Луизе Каутским, стр. 148.

[4] Там же, стр. 25.

[5] Материал о процессе дается по: «Rosa Luxemburg im Kampf...», S. 38—61.

борьба против милитаризма со времени I Интернационала стояла в повестке дня почти всех международных социалистических конгрессов и съездов германской социал-демократии. Р. Люксембург цитировала резолюцию международного социалистического конгресса в Штутгарте (1907 г.), на примерах выступлений пролетариата раскрывала революционные задачи его борьбы против войны.

Приговор суда гласил: год тюремного заключения.

Речь Р. Люксембург, писала К. Цеткин, выразила то, что уже сегодня ощущают и думают миллионы[1]. «В Германии процесс и речь Розы на суде... вызвали в массах невероятное воодушевление, прямо — психоз, как бешено заявляет буржуазная пресса», — отмечал Л. Иогихес (Тышка)[2]. Это объяснялось тем, что уже накануне процесса обстановка в Германии была весьма накалена именно в связи с вопросом о милитаризме.

Революционное крыло социал-демократии использовало процесс Р. Люксембург для развертывания дальнейшей работы в массах. К. Цеткин в «Гляйххайт» писала: «Товарищ Люксембург указала на те обширные средства, которыми мы располагаем, чтобы воздействовать на массы, указала на могучую силу, находящуюся в их руках, чтобы защищать свои интересы и идеалы: воспитание юношества, собрания, уличные демонстрации, массовые стачки»[3]. «Результаты процесса, способ защиты на суде и последовавшая затем и еще не окончившаяся кампания чрезвычайно укрепляют революционное течение в немецкой партии в ущерб оппортунистам и болоту»[4], — оценивая значение процесса, сообщал Тышка (Л. Иогихес).

Оппортунистические лидеры СДПГ, не желавшие допустить укрепления революционного течения, революционных настроений в рядах партии, всячески мешали развертыванию широкого движения протеста в связи с процессом[5].

---

[1] «Gleichheit», 4. III. 1914.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 163, оп. 1, ед. хр. 37367, л. 2.
[3] «Rosa Luxemburg im Kampf...», S. 77, 79.
[4] ЦПА ИМЛ, ф. 163, оп. 1, ед. хр. 37367, л. 2.
[5] ЦПА ИМЛ, ф. 201, оп. 1, ед. хр. 861.

Между тем на местах оно началось сразу же как только стал известен приговор. И уже 22 февраля Р. Люксембург, используя отсрочку его исполнения, выступала на собрании во Франкфурте-на-Майне. Участники собраний горячо поддерживали заявление о солидарности с трудящимися других стран, за которое Р. Люксембург подверглась судебной расправе[1]. Собрание в Брауншвейге закончилось мощной демонстрацией; полиция и войска оцепили многие улицы, произвели многочисленные аресты[2]. Многотысячные собрания состоялись в Штутгарте. С начала марта они происходили при участии Р. Люксембург в Большом Берлине, а также в исконной вотчине реформизма — Бадене. Здесь во Фрейбурге 7 марта 1914 г. Р. Люксембург говорила об угрозе мировой войны, которая рано или поздно должна возникнуть из безудержной гонки вооружений, разоблачала германский милитаризм, «бесчисленные драмы, изо дня в день разыгрывающиеся в германских казармах, откуда лишь изредка стоны замученных достигают наших ушей»[3].

В течение всей весны 1914 г. Р. Люксембург выступала в различных городах Германии; повсюду массы с радостью встречали ее.

В борьбе против милитаризма Р. Люксембург широко использовала статьи Ф. Меринга и советовала ему издать их поскорее брошюрой: «Мы нуждаемся в них, как в хлебе насущном»[4]. Вместе с Розой на страницах «Социалдемократише корреспонденц» развернули систематическую антивоенную пропаганду Ю. Мархлевский (Карский) и Ф. Меринг[5]. В феврале — марте 1914 г. Клара Цеткин тайно вела подготовку интернациональной женской демонстрации за мир в связи с заседанием в Берлине подготовительного комитета международной женской конференции, назначенным на 21 апреля; вопреки воле партийного руководства она добилась проведения

---

[1] «Rosa Luxemburg im Kampf...», S. 84, 114—119.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 91—107.
[4] ЦПА ИМЛ, ф. 201, оп. 1, ед. хр. 855.
[5] Подробнее об этом см. *Р. Я. Бозеров.* «Sozialdemokratische Korrespondenz» — орган левых германской социал-демократии. — «Вопросы истории», 1956, № 2, стр. 107—114.

этого антивоенного выступления[1]. К. Либкнехт в феврале 1914 г. готовил доклад о международном объединении «поставщиков смерти», используя для этого не только германские, но и французские, английские материалы. Для разоблачения поджигателей войны доклад предполагалось опубликовать одновременно в Германии, Англии и Франции[2].

В мае 1914 г., во время обсуждения в рейхстаге бюджета, К. Либкнехт снова выступил с разоблачением антинародной политики «королей пушек и стали», их широких международных связей, а также сговора государственного аппарата и ряда депутатов рейхстага с фабрикантами оружия[3]. На заседании прусского ландтага 20 мая 1914 г. К. Либкнехт поддержал антивоенную агитацию Р. Люксембург и осудил направленные против нее репрессии[4].

Все это никак не устраивало правителей Германии. Готовясь к войне, они стремились разжечь в немецком народе милитаристскую истерию. Между тем в массах зрели боевые антиправительственные и антивоенные настроения, их реакция на антивоенную агитацию левых была явно положительной, и развернувшаяся в конце мая 1914 г. кампания за массовую стачку еще раз это продемонстрировала.

Правительство вновь нанесло удары по левым. В апреле был арестован Ю. Мархлевский[5]. В мае прусский военный министр возбудил против Р. Люксембург судебное дело за ее речь 7 марта 1914 г. во Фрейбурге как оскорбляющую всех офицеров, унтер-офицеров и солдат германской армии. Кроме того, над ней нависла угроза еще одного процесса.

Новые правительственные репрессии не запугали

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 528, оп. 1, ед. хр. 239; *В. Пик.* Клара Цеткин. М., 1936, стр. 31.

[2] См. *Дж. Т. Уолтон Ньюболд.* Как Европа вооружалась к войне (1891—1914). М., 1923, стр. 6, а также выступление К. Либкнехта в рейхстаге 11 мая 1914 г. — «Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstages» (далее — «Reichstag»). Bd. 295. Berlin, 1914, S. 8728.

[3] «Reichstag», Bd. 295, S. 8699—8714, 8791—8792, 8909—8912.

[4] «Rosa Luxemburg im Kampf...», S. 132—135.

[5] Р. Люксембург рассматривала его арест как возможное начало кампании репрессий. «Я боюсь, что могут добраться и до его соседей в Штеглице. Во всяком случае надо быть начеку», — писала она Тышке (ЦПА ИМЛ, ф. 209, оп. 2, ед. хр. 908).

Р. Люксембург. «Таким образом они хотят затравить меня с помощью процессов, но я не дам испортить себе хорошее настроение. П. п. (Правление партии. — *Авт.*) и фракция обращаются со мной как с преступницей... Поскольку Розенф(ельд) теперь ожидает с часу на час моего ареста, я вынуждена, к великому сожалению, отменить собрания в Эльзасе»[1], — писала Р. Люксембург К. Цеткин. После того как было получено обвинительное заключение по второму процессу, Р. Люксембург сообщала Ф. Мерингу 22 мая 1914 г.: «Не могу высказать Вам, как радует меня это дело. Значит, снова процесс, в котором суду подлежат... основные истины, необходимые элементы нашей политической разъяснительной работы»[2].

Р. Люксембург готовилась к судебному процессу; большая работа велась по подбору свидетелей, которые не побоялись бы на суде раскрыть гнусные картины произвола в прусской казарме[3]. Однако Правление партии специальным циркуляром запретило социал-демократическим организациям обращаться к солдатам с призывами выступить свидетелями на процессе. Лишь через некоторое время пресс-бюро СДПГ вынуждено было разослать призывы к свидетелям для опубликования в местных газетах[4].

В разгар гонений Роза Люксембург продолжала борьбу за революционную линию масс. 14 июня, при поддержке социал-демократов Берлина, она дала бой по этому вопросу Правлению партии[5]. Вопреки всем ухищрениям партийного руководства почти единогласно была принята резолюция Р. Люксембург, требовавшая от членов берлинской партийной организации приложить все силы для того, чтобы всюду, где только представляется возможность, агитировать за скорейшее претворение в жизнь воли и готовности масс к борьбе. Было решено также создать для этого де-

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 528, оп. 1, ед. хр. 1242, л. 1.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 201, оп. 1, ед. хр. 855.

[3] *R. Luksemburg.* Listy... t. 3, s. 405; ЦПА ИМЛ, ф. 215, оп. 1, ед. хр. 39. Р. Люксембург рассчитывала, что к началу процесса удастся собрать 200 свидетелей.

[4] «Sozialdemokratische Partei Deutschlands. Protokolle der Sitzungen des Parteiausschusses vom 7. November 1912, 31. Januar, 2. Juni, 19. und 20. Dezember 1913, 25. März, 30. Juni 1914». Berlin, 1914, S. 12.

[5] «Vorwärts», 15. VI. 1914.

нежный фонд. «Решения, принятые на общем собрании берлинской организации, получают широчайшее распространение в партии и пользуются исключительной популярностью у партийных товарищей в провинции», — вынуждены были признать даже откровенные оппортунисты[1]. Все это вызывало серьезное беспокойство у правительства Германии и у руководства германской социал-демократии. Правительство занялось подготовкой новых судебных репрессий против Р. Люксембург за «оскорбление офицеров и унтер-офицеров германской армии» на берлинском собрании 14 июня[2] и по обвинению в подстрекательстве к классовой ненависти. В этом обвинялись и другие сторонники массовой стачки. Правление партии стремилось сорвать осуществление решений берлинского собрания[3].

Роза Люксембург и Карл Либкнехт были в первых рядах «возмутителей спокойствия», против них были направлены полицейско-судебные преследования. 16 июня 1914 г. прусская палата депутатов выдала К. Либкнехта суду по обвинению в оскорблении... русского царя в речи на социал-демократическом съезде 1910 г. В тот же день получила судебную повестку Р. Люксембург. К уже возбужденным против нее судебным делам стали присоединяться новые, и 22 июня 1914 г. она должна была явиться в суд для дачи объяснений.

Блок откровенных оппортунистов и центристов, сложившийся в руководстве СДПГ, вел курс на соглашение со «своим» правительством, стоял на пути развертывания активных массовых действий пролетариата. Между тем левые в СДПГ недооценивали силу и опасность оппортунизма в рядах социал-демократии, добивались лишь исправления политической линии внутри существующей партии и не понимали необходимости организационного разрыва с оппортунистами.

На такой же позиции стояла и Роза Люксембург, хотя в польском рабочем движении она была решительной сторонницей чистоты и сплоченности партий-

[1] «Sozialistische Monatshefte», 30. VI. 1914, S. 951.
[2] «Vorwärts», 17. VI. 1. VII. 1914.
[3] «Sozialdemokratische Partei Deutschlands. Protokolle der Sitzungen...», S. 11.

ных рядов, не допускала никаких компромиссов с соглашателями и националистами. В РСДРП она в эти годы продолжала во всех идейно-политических вопросах выступать вместе с Лениным, с большевиками. Понимая всю важность идейного единства партии, Р. Люксембург летом 1911 г. в связи с Парижским совещанием членов ЦК РСДРП, на котором обсуждался вопрос об очищении партии от оппортунистов, вновь резко выступила против меньшевиков, возмущалась писаниями Мартова против В. И. Ленина, указывала на опасность действий Троцкого, который «все больше обнаруживает свою ненадежность»[1]. Осенью того же года она написала оставшуюся неопубликованной статью «О положении в РСДРП», в которой давала близкие к ленинским оценки меньшевиков, ликвидаторов, Троцкого[2]. Вскоре после VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП, очистившей партию от оппортунистов, в феврале 1912 г. Р. Люксембург несколько раз встречалась с В. И. Лениным и с большой симпатией отзывалась о нем[3]. Незадолго до этих встреч Р. Люксембург в письме К. Цеткин давала резкую характеристику организационному комитету меньшевиков, советовала отказаться от всяких контактов с ним. В связи с попыткой Правления СДПГ провести в 1912 г. совещание в поддержку оппортунистической части российского социал-демократического движения Р. Люксембург заявила, что СДКПиЛ отказывается участвовать в совещании ввиду «непризнания его ленинцами». В борьбе против ликвидаторов в ходе предвыборной кампании 1912 г. большевистская «Невская звезда» использовала статью Р. Люксембург «Уроки классовой борьбы»[4].

Однако в вопросе об организационном размежевании в РСДРП Р. Люксембург проявляла непоследовательность. Временами ей представлялось, что за этим

[1] *Роза Люксембург.* Письма к Карлу и Луизе Каутским, стр. 137.
[2] См. *Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич.* Указ. соч., стр. 278—279.
[3] «Вчера прибыл Ленин и был до сегодняшнего дня четыре раза. Я с интересом с ним говорила, он умница и образованный человек», — писала Р. Люксембург (цит. по: «Ленин в борьбе за революционный Интернационал», стр. 189).
[4] См. там же, стр. 189, 192, 198.

процессом не стоят принципиальные мотивы[1]. Недопонимание значения борьбы большевиков за партию нового типа привело к тому, что польская социал-демократия в ноябре 1911 г. отказалась от активной работы внутри РСДРП, отозвала своих представителей из ее центрального органа газеты «Социал-демократ» и из Заграничного бюро ЦК.

Этот шаг ускорил раскол в самой СДКПиЛ. Трения между заграничной частью руководства СДКПиЛ и партийными деятелями в стране завершились расколом и образованием двух фракций — «зажондовцев» и «розламовцев». Разногласия касались не идеологических, а организационных, имевших большое политическое значение вопросов. «Розламовцы» продолжали тесное сотрудничество с ленинцами.

Краковское совещание ЦК РСДРП с партийными работниками в январе 1913 г. высказалось за преодоление раскола в СДКПиЛ, за единство партии[2]. В. И. Ленин в статье «Раскол в польской социал-демократии» высказывал надежду, что «мелкая, недостойная грызня... скоро отойдет в прошлое», «яснее наметятся принципиальные разногласия», «конкретнее выразится также и желание польских с.-д. рабочих теснее организационно связаться с русскими товарищами»[3].

Во внутрипартийную борьбу была втянута и Р. Люксембург. В сентябре 1912 г. на страницах «Форвертс» она защищала раскольнические действия Главного правления СДКПиЛ. Эту же линию поддержки «зажондовцев» и нападок на «розламовцев» она продолжала и в МСБ, хотя и столкнулась там с резким противодействием В. И. Ленина по этому вопросу. Р. Люксембург обвинила ленинцев, что они якобы вносят раскол в СДКПиЛ, и в ноябре 1913 г. предложила МСБ принять меры по «объединению» российской социал-демократии: рассмотреть этот вопрос на своем заседании и вынести его на предстоящий конгресс в Вене.

---

[1] *См. Р. Люксембург.* Письма к Карлу и Луизе Каутским, стр. 139.
[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 22, стр. 268.
[3] Там же, стр. 291.

Владимир Ильич Ленин подверг суровой критике позицию Р. Люксембург в статье «Тоже — «объединители»»[1].

Однако уже на сессии МСБ в декабре 1913 г. Р. Люксембург поняла, что ее хотят использовать для борьбы против большевиков в пользу ликвидаторов. Она выступила в защиту программных основ и Устава РСДРП, хотя и ошибочно обвиняла ленинцев во фракционности[2], даже ставила вопрос о лишении В. И. Ленина прав члена МСБ[3]. На этой сессии МСБ Р. Люксембург протестовала против утверждений Каутского, будто от старой российской социал-демократии, которая умерла, осталось лишь название[4]. Ленин весьма положительно оценил критику Р. Люксембург Каутского[5].

Выступление Р. Люксембург на Брюссельском совещании, созванном МСБ в июне 1914 г., было логическим развитием этих ошибок. Признавая существование в России очень опасных оппортунистических течений, она все же не сумела правильно оценить историческую роль Ленина, большевиков в борьбе с ними. Р. Люксембург поддержала резолюцию Каутского, направленную на объединение большевиков с оппортунистами[6]. Однако Брюссельскому совещанию не удалось ликвидировать большевистскую партию под видом «объединения» ее с оппортунистскими группами[7].

На том же совещании МСБ Роза Люксембург вместе с представителем ППС-левицы Г. Валецким выступила против растущей социал-шовинистической опасности в рядах международной рабочей организации. «Мы написали заявление, — вспоминает Г. Валецкий, — что в случае войны мы выступим против царизма, но рука об руку с российским пролетариатом»[8].

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, стр. 169.
[2] См. *Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич.* Указ. соч., стр. 331.
[3] См. там же, стр. 218.
[4] См. «Ленин в борьбе за революционный Интернационал», стр. 201.
[5] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, стр. 212—213, 230—232.
[6] См. «Ленин в борьбе за революционный Интернационал», стр. 229—232.
[7] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2, стр. 453—455.
[8] Цит. по: *F. Tych.* PPS-Lewica w latach wojny.., str. 10.

ПРОТИВ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ. ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ — «СПАСЕНИЕ ЧЕСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЦИАЛИЗМА»

В июле 1914 г. над миром нависла непосредственная угроза войны. В течение месяца после убийства в Сараеве (28 июня 1914 г.) наследника австро-венгерского престола правительства крупнейших империалистических держав, Антанты и Тройственного союза, развязали войну, которую они уже давно готовили, а теперь стремились начать наиболее благовидно, свалив ответственность на своих противников.

Перед социалистическим движением со всей остротой встали вопросы, уже ранее волновавшие рабочих всех стран, — вопросы борьбы против военной опасности. Решение их осложнялось той кампанией дезинформации и нагнетания шовинистических настроений, которую вели правящие круги империалистических государств. Однако это не умаляет ответственности руководства СДПГ — крупнейшей партии II Интернационала, чья линия объективно означала пособничество «своему» правительству.

С одной стороны, в самые критические дни лета 1914 г. и даже тогда, когда война стала реальностью, настойчиво повторялось, что войны не будет, что она невозможна. С другой стороны, руководство СДПГ продолжало мешать развитию массового антивоенного движения пролетариата [1].

Впоследствии все это начнет обволакиваться покрывалом легенды, имеющей хождение еще и сегодня, будто просто-напросто войны не ждали, и в германской социал-демократии-де получило всеобщее распространение мнение, что правительство не хочет войны. Однако позиция руководства СДПГ находилась в противоречии с настроениями весьма широких кругов ее рядовых членов. Ей противостояли в первую очередь левые германской социал-демократии. Их деятельность явно мешала партийным верхам. В то же время линия партийного руководства совпадала со стремлением правителей Германии обеспечить себе спокойный тыл для ведения войны, в частности, с помощью превентивных мер против тех революционных социал-демократов, которые могли помешать империалистическому «единению» властей и народа.

Приближение войны особенно усилило преследования левых. 2 июля 1914 г. Р. Люксембург вызвали для допроса по обвинению в подстрекательстве к классовой ненависти на собрании 14 июня 1914 г. в Берлине, где обсуждался вопрос о массовой стачке [1]. Но еще раньше, 29 июня 1914 г., началось рассмотрение дела об оскорблении офицеров и унтер-офицеров, якобы совершенном Р. Люксембург в марте 1914 г. в ее фрейбургской речи [2].

Власти опасались, что Р. Люксембург снова превратит суд в трибуну политической агитации. Поэтому, открывая судебное заседание, председательствующий предупредил, что «здесь не место для каких-либо политических рассуждений». Несмотря на все меры, предпринятые властями, количество свидетелей защиты, желавших дать показания, уже 30 июня возросло до 922 человек. Попытки полиции оказать давление на ряд свидетелей не имели успеха. Власти решили отступить: рассмотрение дела было отложено. К этому времени защита располагала уже 1013 свидетелями.

Вынужденное отступление правительства способствовало подъему антивоенных, антиправительственных настроений, могло быть использовано для развертывания антимилитаристского массового движения. Это было особенно важно в условиях начавшейся шовинистической кампании. Однако В. Пик безуспешно пытался добиться согласия берлинского руководства СДПГ на проведение собраний протеста в связи с процессом Р. Люксембург [3]. Между тем движение протеста начало развертываться снизу. При содейст-

---

[1] См. *Р. Я. Евзеров*. Германская социал-демократия в период июльского кризиса 1914 г. — «Германское рабочее движение в новое время». М., 1962, стр. 281—285.

[1] «Vorwärts», 1, 4, 21. VII. 1914.

[2] «Rosa Luxemburg im Kampf...», S. 141—157, 162—173, 183—194.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 209, оп. 1, ед. хр. 1342, л. 1, 6, 7, 8, 19.

вии Пика с почином выступила организация берлинского района Штеглиц[1]. Собрания были назначены в Штутгарте, Франкфурте-на-Майне, Ганау, Хемнице.

Тем временем К. Каутский в «Нойе цайт», признавая на словах массовую стачку и возмущаясь судебным преследованием Розы, выступил против решения Берлинского собрания 14 июня 1914 г., против Р. Люксембург: «Ее мнения постоянно вызывали живейший протест даже со стороны товарищей, вообще-то близко к ней стоящих. Большинство их отклоняет в особенности ее взгляды по поводу условий, при которых успешная массовая стачка в Германии возможна и вероятна»[2]. «Я рассматриваю последний номер «Нойе цайт» как официальное прощание с прошлым. Тем лучше»[3], — писала по этому поводу Р. Люксембург. Больше никаких надежд на «исправление» Каутского у нее уже не было.

Принципиальное отличие позиции Р. Люксембург и других левых от линии руководства СДПГ было обусловлено тем, что первые верили в движение масс, а второе его боялось. Только вечером 25 июля 1914 г., уже после того как в центре Берлина начались националистические демонстрации в связи с опубликованием провокационного австрийского ультиматума Сербии, Правление СДПГ призвало к массовым собраниям для «выражения непоколебимой воли классово сознательного пролетариата к миру», назначив их на 28 июля 1914 г.

Между тем на местах начались антивоенные выступления рабочих. Утром 26 июля происходили многотысячные собрания в Хемнице, Киле. В Лейпциге профсоюзный праздник, на который собрались 37 тыс. человек, стихийно превратился в антивоенную демонстрацию. На собраниях принимались антивоенные резолюции. Резолюция собрания в Киле требовала немедленного созыва Международного социалистического бюро и проведения международных манифестаций пролетариата против войны[4].

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 209, оп. 1, ед. хр. 1342, л. 4, 5.
[2] «Die Neue Zeit», 10. VII. 1914, S. 654.
[3] ЦПА ИМЛ, ф. 209, оп. 1, ед. хр. 1108.
[4] «Vorwärts», 27, 28. VII. 1914; «Leipziger Volkszeitung», 27. VII. 1914.

В антивоенных выступлениях ведущую роль играли левые социал-демократы, которые в напряженные дни июля 1914 г. вопреки блоку оппортунистов и центристов в руководстве партии отстаивали революционную линию антивоенной борьбы, зафиксированную в решениях Штутгартского и Базельского конгрессов II Интернационала.

Так, 25 июля на окружном съезде социал-демократической организации Вюртемберга по предложению Клары Цеткин, поддержанному еще ста делегатами, была единогласно принята резолюция, в которой говорилось: «Представители социал-демократов Вюртемберга торжественно обещают сплачивать и воспитывать массы в духе революционной классовой борьбы, чтобы они были готовы самоотверженно употребить всю свою политическую и экономическую мощь в целях сохранения мира. Они приветствуют героический революционный пролетариат России, который снова применяет оружие массовой стачки в борьбе за экономические и политические права эксплуатируемых. Они приветствуют его в этот роковой час как могучий оплот мира... Он показывает на деле, какую могучую силу может развить смелый, готовый на жертвы рабочий класс в борьбе за свободу и мир»[1]. На следующий день также единогласно была принята резолюция, поручавшая партийному руководству немедленно провести повсюду собрания, чтобы продемонстрировать волю пролетариата к миру, а также выпустить листовку с призывом к массам быть готовыми для действенного сопротивления поджигателям войны. Съезд закончился мощной демонстрацией в защиту мира.

Такие же решения были приняты 28 июля на массовых собраниях протеста против войны в Бремене[2].

Верхи партии явно опасались, что движение масс под влиянием левых может выйти за уготованные ему «спокойные» рамки. «Внутри нашей партии также не исключены затруднения. Война и мощное оживление рабочего движения в России, несомненно, вооду-

---

[1] «Vorwärts», 28. VII. 1914.
[2] «Bremer Bürger-Zeitung», 29. VII. 1914.

шевят группу Розы новыми планами»[1], — писал 27 июля 1914 г. Правлению партии один из его председателей — Эберт.

Германское правительство считало, видимо, что собрания, организованные Правлением СДПГ, не представляют большой опасности, и надеялось использовать их, чтобы показать всему миру свое «миролюбие», предстать «в качестве вынуждаемых к войне»[2]. 26 июля один из председателей Правления СДПГ и руководитель ее фракции в рейхстаге, Гаазе, был приглашен в прусское министерство внутренних дел, где ему дали понять, что германские правители готовы к военной поддержке Австро-Венгрии. При этом были использованы ссылки на «русскую опасность» как для обоснования германского вмешательства в конфликт, так и для совета проводить антивоенные собрания «поспокойней», дабы «неосторожные» выступления не усилили воинственных настроений в России. Советы, очевидно, были приняты во внимание.

В отличие от руководства СДПГ Роза Люксембург опровергала правительственную версию, согласно которой мир мог быть обеспечен решимостью Германии противостоять России и поддержать Австро-Венгрию. Вместе с тем она указывала на несостоятельность точки зрения, будто выступления социал-демократии против войны, угрожающие военной мощи Германии, усилят позиции поджигателей войны в России. В антивоенной кампании Р. Люксембург призывала следовать тем методам, которые «давным-давно так славно применяет петербургский пролетариат»[3].

Поскольку пролетариат еще не располагал достаточными силами, чтобы при любых обстоятельствах помешать мировой войне, левые считали необходимым организовать такую внушительную массовую кампанию против войны, которая вызвала бы у правительств чувство страха перед ее последствиями[1]. И поныне не утратил своей остроты призыв Розы Люксембург, обращенный к народным массам: «Нужно показать правительствам и господствующим классам, что в наши дни ни одну войну нельзя больше вести без народа и против народа. Нужно показать им, что те, кто решится под каким бы то ни было предлогом, вопреки воле народных масс, затеять мировую войну, рискуют своей головой». Такую позицию Р. Люксембург отстаивала и на последнем заседании МСБ в Брюсселе 29—30 июля 1914 г.[2]

Тем временем германское правительство укрепило свои связи с руководством социал-демократической партии, используя для этого давние контакты с такими ее откровенно правыми лидерами, как А. Зюдекум[3]. 30 июля 1914 г. на заседании прусского правительства канцлер Германии Бетман-Гольвег сделал успокоительное заявление о лояльности социал-демократии в случае войны. Вместе с тем на том же заседании было принято решение, направленное против Р. Люксембург и других левых, не приостанавливать разбирательство дел об уголовном преследовании за призыв к массовой стачке[4].

Как только началась война, в ночь на 2 августа у К. Цеткин был проведен обыск под тем предлогом, будто в ее квартире находят приют русские[5]. В то же время в газетах многих стран появились сообщения о расправе с К. Либкнехтом и Р. Люксембург. Это было своеобразное признание значения их борьбы против германского империализма. Во всяком случае положение Р. Люксембург в Берлине стало небезопасным. Однако она намеревалась оставаться там, пока это будет возможно[6].

В августе 1914 г. оппортунисты СДПГ организовали демонстрацию единства с кайзеровским прави-

---

[1] *F. Ebert*. Schriften, Aufzeichnungen, Reden, Bd. 1. Dresden, 1929, S. 309. Такие же опасения высказывал и Каутский в письме к В. Адлеру от 26 июля 1914 г. Он сомневался даже в возможности сохранения единства партии (*V. Adler*. Briefwechsel mit August Bebel und Karl Kautsky. Wien, 1954, S. 596).

[2] «Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch», Bd. 1, Berlin, 1927, S. 43—44, 118, 150, 184—185, 241.

[3] «Sozialdemokratische Korrespondenz», 28. VII. 1914.

[1] См. статьи Р. Люксембург и Ф. Меринга в «Sozialdemokratische Korrespondenz», 28, 30. VII. 1914.

[2] *G. Haupt*. Der Kongress fand nicht statt. Wien, 1967, S. 181, 185, 198.

[3] См. «Германское рабочее движение в новое время», стр. 298—302.

[4] «Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch», Bd. 2. Berlin, 1927, S. 165.

[5] «Vossische Zeitung», 8. VIII. 1914.

[6] ЦПА ИМЛ, ф. 209, оп. 1, ед. хр. 1090, л. 1.

тельством, которой левые не смогли помешать. 3 августа 1914 г. социал-демократическая фракция, насчитывавшая 110 депутатов, приняла решение голосовать за военные кредиты. Решительное давление на фракцию оказала группа правых социал-демократов, угрожавшая расколом, если СДПГ не поддержит правительство. Центристы выступали в «защиту отечества», но против вотирования военных кредитов. К. Либкнехт требовал не только голосовать против военных кредитов, но и призвать к борьбе против войны. Требование вотировать военные кредиты поддержали 78 депутатов, против голосовало 14 депутатов во главе с К. Либкнехтом (включая и центристов).

4 августа 1914 г. в рейхстаге разыгралась сцена «национального единства». По меткому замечанию Р. Люксембург, заявление социал-демократической фракции, оглашенное Гаазе, «было просто эхом, отголоском на тронную речь и речь канцлера»[1]. Фракция СДПГ вместе с остальными депутатами рейхстага вотировала требуемые правительством военные кредиты. При молчаливом согласии социал-демократов были приняты законы, урезывавшие и без того куцые права германского народа. Даже К. Либкнехт не решился тогда выступить в рейхстаге против решения фракции.

В августе 1914 г. на позиции социал-шовинизма скатилось руководство подавляющего большинства социал-демократических партий. II Интернационал потерпел крах, он «... умер, побежденный оппортунизмом»[2]. Правые деятели во всех социалистических партиях открыто отреклись от решений Штутгартского и Базельского конгрессов. Более прикрыто, ссылаясь на особую обстановку военного времени, это сделали центристы.

Верность марксизму, пролетарскому интернационализму сохранили большевики; их депутаты в Думе отказались вотировать военные кредиты, стали организаторами антивоенных выступлений и были арестованы. Открыто антивоенную позицию заняли сербские социал-демократы и болгарские левые социалисты-тесняки. Линию Штутгартского и Базельского конгрессов на развитие антивоенных революционных массовых действий последовательно отстаивала польская социал-демократия и ППС-левица.

[1] *Р. Люксембург.* Кризис социал-демократии. М., 1923, стр. 14.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 41.

Среди крупнейших социалистических партий Западной Европы первыми против империалистической войны выступили германские левые. Вечером 4 августа 1914 г., сразу как только стало известно о предательском голосовании, на квартире Р. Люксембург собрались Ф. Меринг, Ю. Мархлевский, В. Пик, Г. Дункер, Г. Эберлейн, Э. Мейер, чтобы обсудить ближайшие задачи[1]. Предложение демонстративно выйти из партии было отклонено, вместо этого решили установить связь с левыми партийными функционерами в других районах страны[2]. Р. Люксембург гневно критиковала действия фракции, считала безусловно необходимым выступить против них самым резким образом, пренебрегая осторожностью, «обратиться к рабочим»[3]. Если Каутский находил единственно возможным выжидать[4], то Роза была другого мнения: «...сейчас молчать и выжидать лучших времен — было бы предательством и жалкой трусостью»[5]. Она искала способы воздействовать на массы. Одна из попыток — предложение об организации комитета (так и не ясно до сих пор какого), другая — в качестве частных лиц действовать через журнал, брошюры и т. д.[6] Левые с самого начала войны стремились использовать для этого «Социалдемократише корреспонденц». При помощи В. Пика 22 августа 1914 г. была опубликована статья Ф. Меринга «Партия и отечество», в которой разоблачался тезис о борьбе с царизмом, выдвигалось требование не ограничиваться протестами против войны, а «продолжать освободительную борьбу также и во время мировой войны и после мировой войны»[7].

[1] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». Bd. 2, S. 228.
[2] «Dokumente und Materialien zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». Reihe II, Bd. 1. Berlin, 1958, S. 15.
[3] ЦПА ИМЛ, ф. 209, оп. 1, ед. хр. 1092, л. 1; ед. хр. 1093, л. 1.
[4] *V. Adler.* Op. cit., S. 598.
[5] ЦПА ИМЛ, ф. 209, оп. 1, ед. хр. 1092, л. 2.
[6] *H. Wohlgemuth.* Die Entstehung der Kommunistischen Partei Deutschlands. 1914 bis 1918. Überblick. Berlin, 1968, S. 42.
[7] ЦПА ИМЛ, ф. 143, оп. 1, ед. хр. 54, л. 225.

Однако Р. Люксембург считала недостаточным действовать лишь через печать[1]. Вместе с другими левыми она стремилась использовать любую возможность, чтобы разоблачать проповедников «защиты отечества». В партийных организациях, находившихся под влиянием левых, проводились собрания доверенных лиц, на которых вопреки запрету партийного правления подвергалась критике деятельность социал-демократической фракции рейхстага[2]. Р. Люксембург с радостью отмечала любые признаки отрезвления масс, например собрание в Шарлотенбурге, на котором зачитывалось письмо из армии, свидетельствующее об антивоенных настроениях солдат[3]. Сразу же после начала войны Р. Люксембург прочла социал-демократической организации Нойкельна запланированный ранее курс из четырех лекций, во время которых остро критиковалась политика СДПГ[4]. Р. Люксембург не оставляла намерения организовать издание журнала, выступала по нескольку раз в неделю на собраниях, организовывала новые[5]. На этой почве укрепилась ее дружба с К. Либкнехтом, обозначился разрыв с Ледебуром и Ленчем. В годы войны первый из них занял социал-пацифистские позиции, а второй стал социал-шовинистом.

В сентябре 1914 г. Роза Люксембург и К. Либкнехт совершили поездку на запад и юг Германии, выступали в Штутгарте, Франкфурте, Нюрнберге, Готе и других местах на собраниях протеста против аннексий и за мир[6]. Уже в начальный период войны вокруг Карла и Розы стали группироваться представители левого течения германской социал-демократии, стремившиеся организовать антивоенную борьбу. Берлин, Брауншвейг, Бремен, Хемниц, Дрезден, Франкфурт-на-Майне, Гота, Гамбург, Нижнерейнский район, Штутгарт и ряд других мест стали центрами создания левых группировок. Однако в это время ни Р. Люксембург, ни К. Либкнехт не считали своевременным уход из рядов германской социал-демократии даже в знак протеста против позиции партийного руководства[1].

В сентябре 1914 г. по инициативе Розы Люксембург было направлено заявление зарубежным социал-демократам. Вместе с ней его подписали К. Цеткин, К. Либкнехт, Ф. Меринг. 30 октября оно было опубликовано в «Бернер тагвахт». Разоблачая попытки Зюдекума и Р. Фишера представить за границей в искаженном виде позицию германской социал-демократии, левые заявили, что они и многие другие социал-демократы Германии занимают по вопросу о войне, ее причинах, характере, роли социал-демократии особую позицию, которую не могут открыто излагать из-за военного положения в стране. Тем самым левые решительно отвергали попытки правых лидеров СДПГ представить партию единой в своем стремлении к «гражданскому миру»[2]. Публикация заявления была шагом вперед, так как еще в первой половине октября Р. Люксембург, сообщая за границу, что официальная позиция фракции рейхстага, Правления партии и партийных редакторов не соответствует думам и чувствам всей партии, указывала: «не для публичной информации»[3].

В то же время, отмечая развивающийся процесс внутренней дифференциации в СДПГ, выделение элементов, не желающих приносить в жертву революционную классовую борьбу и пролетарский интернационализм, Р. Люксембург не считала правильным развертывать борьбу в партии «в столь неблагоприятных условиях». Она подчеркивала, что «только война и осадное положение искусственно поддерживают наше так называемое единство», «когда кончится война и будет снято осадное положение, с огромной силой разразится внутренняя борьба»[4].

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 209, оп. 1, ед. хр. 1092, л. 1.
[2] *H. Wohlgemuth*. Op. cit., S. 49.
[3] ЦПА ИМЛ, ф. 209, оп. 1, ед. хр. 1091, л. 2.
[4] *W. Pieck*. Gesammelte Reden und Schriften, Bd. I. Berlin, 1959, S. 330—331.
[5] *A. Laschitza, G. Radczun*. Op. cit., S. 329.
[6] *K. Liebknecht*. Gesammelte Reden... Bd. VIII, S. 24; Bd. IX, S. 277.

---

[1] *K. Liebknecht*. Gesammelte Reden..., Bd. IX, S. 276—277; ЦПА ИМЛ, ф. 209, оп. 1, ед. хр. 1090.
[2] Еще 3 сентября 1914 г. К. Либкнехт протестовал против этого в письме в «Бремер бюргер-цайтунг». — См. *Ф. Ф. Головачев*. Рабочее движение и социал-демократия в Германии в годы первой мировой войны. М., 1960, стр. 103, 105.
[3] «Германское рабочее движение в новое время», стр. 402.
[4] Там же, стр. 403.

Осенью 1914 г. оппозиционные группы, формировавшиеся в различных городах Германии вокруг лучших представителей левых СДПГ, перешли к систематической борьбе против империалистической войны. Столкновение между пока еще немногочисленными, но стойкими революционными социал-демократами, стремившимися вернуть рабочее движение на революционные позиции, и лидерами СДПГ, с чьим предательством не желали мириться недовольные, становилось неизбежным.

Этой борьбе очень помогали опубликованные руководящим ядром левых материалы, в которых разъяснялись причины войны, аргументированно разоблачались социал-шовинисты. Большое значение имели тезисы, разработанные К. Либкнехтом в ноябре 1914 г. для выступления в рейхстаге против военных кредитов. Он надеялся объединить оппозицию внутри социал-демократической фракции против линии руководства СДПГ[1]. В тезисах подчеркивался империалистический характер войны, возлагалась ответственность за ее развязывание на милитаристские круги Германии. К. Либкнехт разоблачал лживость лозунгов «борьбы против царизма» и «гражданского мира», требовал скорейшего заключения справедливого мира, призывал народ Германии и всех воюющих стран подняться против войны. Он выражал надежду, что придет день, когда рабочие на фронте откажутся стрелять друг в друга. Оценка Либкнехтом характера войны была созвучна той, которую дал В. И. Ленин в Манифесте ЦК РСДРП в борьбе за революцию и создание III Интернационала.

К. Либкнехт и Р. Люксембург стремились сделать все возможное, чтобы на предстоящем 2 декабря заседании рейхстага не допустить повторения событий 4 августа, объединить тех, кто будет голосовать против военных кредитов. К. Либкнехт вел переговоры в ряде городов Германии, прежде всего с теми, кто 3 августа противостоял линии руководства СДПГ. Он и Р. Люксембург пытались с помощью К. Цеткин воздействовать на колеблющихся. В конце ноября 1914 г. Р. Люксембург выступила со специальной статьей, в которой подчеркивала историческое значение предстоящего заседания рейхстага. Но организовать оппозицию во фракции не удалось. Накануне голосования в рейхстаге даже Ф. Меринг и Ю. Мархлевский не советовали К. Либкнехту идти против фракции, если он останется в одиночестве. Р. Люксембург, очевидно, не разделяла их точку зрения, считала необходимым выступить открыто[1].

Когда 2 декабря 1914 г. К. Либкнехт проголосовал против военных кредитов, защищая честь революционной социал-демократии, на него обрушились обвинения в нарушении партийной дисциплины. Р. Люксембург ответила гневной статьей, в которой с блеском доказала, что нарушил дисциплину не К. Либкнехт, а фракция, действия которой были направлены к тому, чтобы заставить социал-демократию изменить своим целям[2].

Либкнехтовское «Нет!» военным кредитам было не только осуждением империалистической войны, «мировой политики» германского империализма, но и отрицанием социал-шовинистской политики руководства СДПГ, сигналом тревоги и борьбы, с которым он обращался к широким слоям трудящихся в Германии и за ее рубежами. В. И. Ленин писал: «Поддержка, расширение и углубление всякого народного движения за окончание войны есть долг социалистов. Но в действительности этот долг выполняют только те социалисты, которые, как Либкнехт, с парламентской трибуны призывают солдат сложить оружие, проповедуют революцию, превращение империалистической войны в гражданскую войну за социализм»[3].

Позиция К. Либкнехта нашла широкую поддержку во многих местных организациях СДПГ, он получал многочисленные поздравления от рядовых рабочих и солдат, приглашения выступить на собраниях.

В конце декабря 1914 г. Ф. Меринг, Р. Люксембург, К. Либкнехт, К. Цеткин направили письма в редакцию английской газеты «Лейбор лидер», в ко-

---

[1] *H. Wohlgemuth.* Op. cit., S. 64—68.

[1] *См. К. Либкнехт.* Избранные речи..., стр. 404—406; *J. Schleifstein.* Franz Mehring. Sein marxistisches Schaffen 1891—1919. Berlin, 1959, S. 303.

[2] «Sozialdemokratische Korrespondenz», 4. XII. 1914.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 290.

торых разоблачалось предательство руководства германской социал-демократии, крах II Интернационала, отстаивались принципы пролетарского интернационализма и необходимость воссоздания на их основе разрушенного оппортунистами Интернационала[1]. К. Либкнехт писал, что у каждой социалистической партии ее враг и враг международного пролетариата находится в собственной стране. Р. Люксембург подчеркивала необходимость сказать международному рабочему классу горькую правду о крахе Интернационала и его германской секции. Хотя руководители левых ставили вопрос лишь об обновлении Интернационала, они считали, что восстанавливаемый Интернационал должен отличаться от старого совершенно иным духом. Левые решительно противостояли попыткам вернуться к старому.

В конце 1914 — начале 1915 г. левые усилили пропагандистскую работу, стали выпускать первые нелегальные антивоенные листовки и брошюры. Проводились дискуссии, в ходе которых резко осуждалась военная политика правой социал-демократии. Одновременно обсуждались вопросы дальнейшего сплочения оппозиционных групп, выпуска регулярного периодического издания. Р. Люксембург принимала в этой работе самое деятельное участие. В одном из декабрьских писем она сообщала, что ей предстоит написать книгу, за неделю принять участие в пяти собраниях, основать журнал и работать над созданием будущей организации[2]. Речь шла о журнале «Интернационал», который по ее замыслу должен был помочь воссоздать Интернационал. 11 февраля 1915 г. статьи для первого номера журнала уже были в работе, и Р. Люксембург надеялась, что журнал выйдет к началу марта[3].

Между тем правители Германии и руководство СДПГ делали все от них зависящее, чтобы устранить руководителей левых из общественной жизни, изолировать их от широких масс[4]. Начали они с К. Либкнехта. Его призвали на военную службу.

---

[1] «Dokumente und Materialien...», Reihe II, Bd. I, S. 77—84.
[2] *H. Wohlgemuth.* Op. cit., S. 83.
[3] Там же, стр. 85—86.
[4] Там же, стр. 81—82.

Кроме отправки в армию это означало запрет участвовать во всякого рода собраниях и заседаниях, выступать с революционными призывами.

Затем настала очередь Р. Люксембург. Состояние ее здоровья все еще оставляло желать лучшего. Зимой 1914 г. ей даже пришлось лечь в больницу. Отсрочка исполнения приговора по франкфуртскому делу, данная ей по болезни, еще не кончилась. Р. Люксембург собиралась с К. Цеткин в Голландию, где подготавливалась конференция женщин-социалисток, надеясь расширить связи с зарубежными интернационалистами, когда 18 февраля 1915 г. внезапно была арестована и препровождена в женскую тюрьму на Барнимштрассе для отбытия наказания.

Все было почти точно так, как в свое время при аресте в Варшаве. Только тогда российские жандармы вежливо эскортировали ее как «политическую», а теперь берлинские полицейские заявили, что им наплевать, кто она, и сунули Розу в «зеленый фургон», где уже было девять воровок и проституток. В тюрьме ей пришлось испытать и другие унижения: подчас дважды в день ей приказывали снять верхнюю одежду и подвергали тщательному обыску. Но она старалась не терять самообладания и принимать все с веселой миной, которую облегчала, по ее словам, длительная тренировка «в упорном равнодушии».

Арест Розы, призыв в армию К. Либкнехта не остановили революционную работу их соратников. Они объединились под именем группы «Интернационал», приняв то программное название, которое Р. Люксембург хотела дать журналу. 5 марта 1915 г. в ходе совещания левых социал-демократов семи городов Германии, состоявшегося на квартире В. Пика, группа конституировалась, избрала доверенных лиц для отдельных районов страны, приняла решение издавать журнал. Тем самым была установлена связь между разрозненными группами в различных городах Германии. Однако левые не отождествляли создание группы и организационный разрыв с оппортунистами, они надеялись в рамках партии завоевать себе сторонников для последовательной борьбы против войны. В. И. Ленин писал в декабре 1914 г.: «Раскол немецкой социал-демократии кажется мыс-

лью, которая слишком пугает многих своей «необычайностью». Но объективное положение ручается за то, что либо произойдет это необычайное... — либо мы будем свидетелями мучительного гниения того, что было некогда немецкой социал-демократией»[1].

Военная весна 1915 г. принесла трудящимся Германии новые тяготы и лишения. Социал-шовинисты усилили пропаганду победоносной войны. Активизировались центристы, пытавшиеся отвлечь массы социал-пацифистской пропагандой. В этих условиях руководители группы «Интернационал» стремились разработать программу борьбы, дававшую действительный выход из империалистической войны[2]. В апреле 1915 г. вышел первый номер журнала «Интернационал», печатавшийся под непосредственным руководством В. Пика. Официально издателями считались Р. Люксембург и Ф. Меринг. В журнале были опубликованы статьи Р. Люксембург, Ф. Меринга, К. Цеткин и других руководителей левых, посвященные актуальным вопросам войны и международного рабочего движения.

В первый же день значительная часть тиража журнала разошлась в Берлине, остальные экземпляры были разосланы в другие города Германии. Но часть тиража полиции удалось конфисковать. Сразу же после выпуска первого номера цензура прекратила издание журнала. Против издателей, в том числе и против находившейся в тюрьме Р. Люксембург, было возбуждено судебное преследование.

В статье «Восстановление Интернационала», опубликованной в первом номере, Р. Люксембург резко обрушилась на К. Каутского, оправдывавшего ренегатство лидеров II Интернационала тем, что, дескать, эта организация не была предназначена для работы в условиях войны. Она вскрывала проституирование Каутским марксистской теории на потребу официальной практике партийного руководства, разоблачала теорию центризма как теорию болота, предпринявшую такую иезуитскую ревизию марксизма, по сравнению с которой былые попытки

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 104—105.
[2] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 2, S. 246—251.

Бернштейна выглядят безобидной детской игрой[1]. В. И. Ленин считал важным, что журнал *«начал* разоблачение действительной роли оппортунистов», «дал критику «центра», т. е. каутскианства»[2]. Он с удовлетворением отмечал, что борьба «Интернационала» против оппортунистов вызвала бешеный вой с их стороны[3].

Образование группы «Интернационал» завершило первый этап процесса идейного осознания германскими левыми антинародного характера мировой войны и всего значения предательства, совершенного руководством социал-демократии 4 августа 1914 г. Были созданы первые организационные предпосылки для расширения революционной антиимпериалистической борьбы германского рабочего класса. Начался процесс, в ходе которого левые из течения превратились в организованную группу, ставшую зародышем Коммунистической партии Германии[4].

Вскоре после запрещения «Интернационала», в мае 1915 г., была выпущена написанная К. Либкнехтом листовка «Главный враг находится в собственной стране». Под этим боевым кличем, формулировавшим политическую линию «Интернационала», 28 мая 1915 г. перед рейхстагом проходила антивоенная демонстрация. В мае—июне собрания ряда социал-демократических организаций приняли резолюции в духе пролетарского интернационализма и классовой борьбы за мир[5].

Как отмечал В. И. Ленин, летом 1915 г. в Германии начиналось «революционное брожение»[6]. Для дальнейшего развития этого процесса нужно было разработать революционную программу, выдвинуть лозунги революции, гражданской войны, создать нелегальную организацию, тем более что центристы пытались своими разговорами о мире отвлечь массы от борьбы.

Группа «Интернационал» хотя и начала в общей форме пропаганду революции, но ее члены выступали

[1] *R. Luxemburg.* Ausgewählte Reden und Schriften, Bd. II. Berlin, 1955, S. 518, 523.
[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 2—3.
[3] См. там же.
[4] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 2, S. 244.
[5] См. *И. М. Кравогуз.* «Спартак» и образование Коммунистической партии Германии. М., 1962, стр. 13—14.
[6] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 49, стр. 83.

весьма непоследовательно. На международной конференции социалистов-интернационалистов в Циммервальде в сентябре 1915 г. представители «Интернационала» возражали против того, чтобы в манифесте конференции говорилось о революции, указывались конкретные средства борьбы; они не поддерживали и требования о создании нового Интернационала[1]. В то же время К. Либкнехт в своем приветствии конференции отстаивал гражданскую войну, а не гражданский мир, интернациональную классовую борьбу за мир, за социалистическую революцию. После зачтения письма К. Либкнехта В. И. Ленин несколько раз повторил: «Гражданская война — это великолепно!»[2]

Осенью 1915 г. левые организовали в Берлине антивоенные демонстрации, в которых участвовало несколько тысяч человек. Правительство опасалось, что деятельность левых, антивоенные демонстрации под их лозунгами послужат мощным катализатором недовольства широких масс. Усилились репрессии. Еще летом были арестованы К. Цеткин и ее соратники по Штутгартской социал-демократической организации, в сентябре — Мейер, Эберлейн и другие за распространение нелегальных листовок. Организаторов демонстраций сажали в тюрьмы или отправляли на фронт. Был мобилизован и отправлен на фронт В. Пик, проведший перед этим пять месяцев в заключении за организацию демонстрации в мае 1915 г. Усилило гонения против левых и руководство СДПГ, стало исключать их сторонников из партии.

Между тем Р. Люксембург по-прежнему находилась за тюремной решеткой. Но она не сложила руки, не смирилась, использовала тюремное заточение для важной теоретической и политической работы. Правда, одно время сведения о том, что происходит в мире, доходили до узницы лишь через буржуазную прессу. Только во второй половине 1915 г. стало легче: ей были разрешены письменные и личные контакты с друзьями. Приток информации увеличился, хотя запретов и ограничений было много, в частности не допускалось получение польских книг. Вспоминая

[1] См. *Н. М. Кривогуз.* Указ. соч., стр. 16.
[2] См. «Ленин и международное рабочее движение». М., 1969, стр. 257.

о тюремном заточении Р. Люксембург, Клара Цеткин рассказывала: «Упрямо-смело ответила она на постигшее ее насилие. Действительно, ее неукротимая воля превратила место жестокого заключения в место духовной свободы. Работы политического характера были ей строго запрещены. Потихоньку, с большими трудностями, под строгим наблюдением надзирающего глазка излагала она под видом дозволенных научных и литературных занятий свои глубокие, основные расхождения с социал-демократией, скупо используя на это каждую минуту времени, каждую искру света. Усталость, болезнь исчезали перед силой внутреннего убеждения. Она переносила самое тяжелое, самое мучительное: бесчисленное количество раз приходилось ей прерывать ход своих мыслей, она не была уверена, что не будет захвачена при работе и что у нее не будет отнята возможность довести свою работу до конца. Окончанием мучительнейшего душевного напряжения была для нее минута, когда она смогла наконец написать заключительное слово в рукописи и последние ее листы с изобретательностью Одиссея переправить через верные руки за пределы тюрьмы»[1].

Речь шла о брошюре «Кризис социал-демократии», работу над которой прервал арест. Она была написана Р. Люксембург в марте — апреле 1915 г. и приобрела известность как «брошюра Юниуса». Свою задачу Р. Люксембург видела в том, чтобы воздействовать на сознание широких масс пролетариата, помочь им подняться на активную борьбу.

Большое значение имело то, что Р. Люксембург при этом давала подробное аргументированное доказательство империалистического характера войны. Напомним в этой связи, что В. И. Ленин, сразу же после начала мировой войны оценивший ее как империалистическую, в 1915—1916 гг. занимался вопросом об экономической сущности империализма, изучение которого он считал важным и под углом зрения оценки этой войны[2]. Р. Люксембург не смогла столь же глубоко разобраться в происходивших событиях, в частности из-за своего подхода к экономической теории империализма. Она продолжала отстаивать и в рас-

[1] *Клара Цеткин.* Предисловие ко второму изданию книги: *Р. Люксембург.* Кризис социал-демократии, стр. XIII—XIV.
[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 302.

сматриваемый период свою концепцию «Накопления капитала», работая в тюрьме над ответом его критикам. Вместе с тем Р. Люксембург подчеркивала: «Империалистическая политика... есть продукт определенной степени зрелости мирового развития капитала...»[1]

Р. Люксембург показала империалистическую политику великих держав, и особенно Германии, присущие им внешние и внутренние противоречия, в результате которых «причины и поводы к войне уже давно назрели». Пламенная революционерка подчеркивала, что начавшаяся в 1914 г. война — та самая, которую раньше предсказывала и многократно клеймила германская социал-демократия[2]. С этих позиций Р. Люксембург подходила к вопросу о кризисе социал-демократии. Революционная критика СДПГ — лейтмотив всей брошюры, написанной на основе тщательно собранного и блестяще изложенного материала.

Основываясь на опыте русской революции, Р. Люксембург гневно опровергала попытки руководства СДПГ и каутскианского «Нойе цайт» прикрыться «завещанием Маркса» о необходимости борьбы с русским царизмом, разоблачала их воспевание «немецких прикладов» как орудия разгрома «царской системы»[3]. С классовых позиций пролетариата Р. Люксембург оценила политику руководства СДПГ и профсоюзов, которые сразу как только началась война прекратили классовую борьбу и призвали к классовому миру[4], т. е. поступили прямо противоположно тем решениям, которые были приняты Штутгартским и Базельским конгрессами: «своим вотированием кредитов и принятием буржуазного гражданского мира она (СДПГ. — *Авт.*) содействует всеми силами тому, чтобы предотвратить политический кризис и возбуждение масс против войны»[5]. Обобщая критику руководства СДПГ, Р. Люксембург делала вывод: «Благодаря своим руководителям социал-демократия... просто вычеркнула себя, как классовую партию, имеющую собственные воззрения...»[6]

[1] *Р. Люксембург.* Кризис социал-демократии, стр. 80.
[2] См. там же.
[3] Там же, стр. 63.
[4] См. там же, стр. 68.
[5] Там же, стр. 73.
[6] Там же, стр. 90.

В. И. Ленин писал, что в брошюре Юниуса подвергается революционной критике поведение официальной СДПГ, правильно ставится вопрос о ее «капитуляции» и крахе, об «измене» официальных вождей, но далее этого автор не идет[1]. Главным недостатком брошюры В. И. Ленин считал умалчивание о связи социал-шовинизма с оппортунизмом[2]. «Это теоретически неверно, ибо нельзя *объяснить* «измены», не поставив ее в связь с оппортунизмом, как *направлением,* имеющим за собой длинную историю, историю всего II Интернационала. Это практически-политически ошибочно, ибо нельзя ни понять «кризиса социал-демократии», ни преодолеть его, не выяснив значения и роли *двух направлений:* открыто-оппортунистического (Легин, Давид и т. д.) и прикрыто-оппортунистического (Каутский и К°)»[3]. Ленин считал нелегальную брошюру Р. Люксембург шагом назад в этом вопросе по сравнению со статьями в легальном журнале «Интернационал» и отмечал: «Чем объясняется этот шаг назад группы «Интернационал», мы не знаем»[4].

Возможно, В. И. Ленин подозревал, что автор брошюры Юниуса и статьи в «Интернационале», разоблачавшей каутскианство, одно и то же лицо. Своей дружеской критикой В. И. Ленин стремился, очевидно, побудить автора к большей последовательности в борьбе против оппортунизма и каутскианства, к осмыслению глубокой обусловленности краха II Интернационала. При всей непоследовательности линия борьбы с каутскианством выступала у Р. Люксембург вполне отчетливо, ее статья в «Интернационале» отражала обдуманное отношение к каутскианству. Примерно через год после написания «Кризиса социал-демократии», работая над книгой «Накопление капитала, или что эпигоны сделали из теории Маркса» («Антикритика»), Р. Люксембург прямо указывала, что «основательно сводит счеты со всей каутскианской кликой»[5]. В заключении к книге она еще раз изобличала позорную эволюцию всего направления Каутского: «Эпигоны, которые в последнее десятилетие

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 1—3.
[2] См. там же, стр. 2—3.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 3.
[5] Цит. по: *A. Laschitza, G. Radczun.* Op. cit., S. 374.

держали в своих руках официальное теоретическое руководство рабочим движением Германии, при первой вспышке мирового кризиса обанкротились и прямо передали это руководство в руки империализма. Ясное понимание этого факта является одной из необходимейших предпосылок при воссоздании пролетарской политики, достойной исторических задач периода империализма»[1].

Недостатки в оценке каутскианства, имевшиеся в работе Р. Люксембург «Кризис социал-демократии», отражали сложность и противоречивость процесса теоретического созревания германских левых. В. И. Ленин писал о «слабости *всех* немецких левых, опутанных со всех сторон гнусной сетью каутскианского лицемерия, педантства, «дружелюбия» к оппортунистам»[2]. Он указывал на объективную связь непоследовательности в критике социал-шовинизма и каутскианства с отсутствием в Германии боевой революционной партии пролетариата. «Величайшим недостатком всего революционного марксизма в Германии является отсутствие сплоченной нелегальной организации, систематически ведущей свою линию и воспитывающей массы в духе новых задач: такая организация должна была бы занимать определенную позицию и по отношению к оппортунизму и по отношению к каутскианству»[3]. Отмечая, что некоторые члены группы «Интернационал», видимо, скатились в болото каутскианства, В. И. Ленин заключал: «Что касается Юниуса, он восстает против каутскианского прожектерства в духе «разоружения», «уничтожения тайной дипломатии» и т. п. самым решительным образом. Возможно, что в группе «Интернационал» есть два течения: революционное и колеблющееся в сторону каутскианства»[4].

К этому времени Р. Люксембург под влиянием ленинской критики ее взглядов по национальному вопросу сделала принципиально важный шаг вперед, преодолев недооценку значения национальных лозунгов как составной части демократических, антиимпериалистических требований. Если часть руководства

[1] *Р. Люксембург.* Накопление капитала, стр. 462.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 16.
[3] Там же, стр. 3.
[4] Там же, стр. 4.

СДКПиЛ, особенно К. Радек, встала на путь увлечения «империалистическим экономизмом», отказа не только от национальных, но и от всяких политических требований, то Р. Люксембург радикально изменила свое отношение к лозунгу права наций на самоопределение, признав его политическое значение[1].

В. И. Ленин специально подчеркивал позитивную эволюцию «Юниуса» в отличие от ошибочной позиции представителей СДКПиЛ в Циммервальде по национальному вопросу[2]. Он с удовольствием констатировал, что «было бы несправедливо обвинять Юниуса в равнодушии к национальным движениям»[3], что последний решительно высказывается в защиту угнетенных наций колоний, а в области теории со всей определенностью стоит на позициях признания права наций на самоопределение и трактует этот лозунг как стимул к проведению пролетариатом активной революционной политики.

Р. Люксембург пыталась применить принцип права наций на самоопределение в условиях империалистической войны к колониальным народам и одновременно к метрополиям, рассматривая этот принцип как противодействующую социал-шовинизму демократическую программу, способную оживить демократические традиции — «старую действительно национальную программу патриотов и демократов 1848 года»[4].

Правильно подходя к вопросу о необходимости при подготовке социалистической революции решать одновременно и демократические задачи, Роза Люксембург, как отмечал В. И. Ленин, переносила программу, соответствующую периоду, когда на очереди объективно стояла буржуазно-демократическая революция, в условия, когда на повестку дня крупнейших государств Европы встала революция социалистическая. «Надо уметь *соединить* борьбу за демократию и борьбу за социалистическую революцию, *подчиняя* первую второй»[5], — указывал В. И. Ленин.

В. И. Ленин обращал внимание на то, что, форму-

[1] См. *Р. Люксембург.* Кризис социал-демократии, стр. 75, 77—78.
[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 49; т. 49, стр. 191, 232; т. 54, стр. 471.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 9.
[4] *Р. Люксембург.* Кризис социал-демократии, стр. 90.
[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 49, стр. 347.

лируя демократические требования, Р. Люксембург допустила ошибку, «пытаясь за волосы притянуть национальную программу к *данной, не*национальной, войне!»[1], и в то же время ошибочно утверждала, будто национальные войны вообще невозможны в эпоху империализма. В. И. Ленин подверг обстоятельной критике эту ее ошибку. Вместе с тем он специально подчеркивал, что, «несомненно, Юниус решительно против империалистической войны и решительно *за* революционную тактику...», что «Юниус вплотную подошел к правильному ответу на вопрос и к правильному лозунгу: гражданская война против буржуазии, за социализм...»[2].

В. И. Ленин дал общую высокую оценку брошюры Р. Люксембург, которая, «несомненно, сыграла и сыграет крупную роль в борьбе против перешедшей на сторону буржуазии и юнкеров бывшей социал-демократической партии Германии... Брошюра Юниуса в общем и целом — прекрасная марксистская работа...»[3] Одновременно В. И. Ленин отмечал, что автор «не освободился вполне от «среды» немецких, даже левых социал-демократов, боящихся раскола, боящихся договаривать до конца революционные лозунги... В брошюре Юниуса чувствуется *одиночка*, у которого нет товарищей по нелегальной организации, привыкшей додумывать до конца революционные лозунги и систематически воспитывать массу в их духе»[4].

Ленинская характеристика имеет большое значение для понимания еще одного важного произведения Р. Люксембург, непосредственно примыкающего к «брошюре Юниуса». Речь идет о первом проекте политической платформы группы «Интернационал», который был затем доработан, обсужден группой и опубликован в качестве приложения к брошюре, получив известность как «Тезисы о задачах международной социал-демократии» или «Тезисы Юниуса». Они были написаны Р. Люксембург, очевидно, на основе разработки проблем, поставленных в «брошюре Юниуса», и в связи со стремлением воплотить их в конкретную программу борьбы левых сил. Дальнейшим стимулом к подготовке тезисов было полученное Р. Люксембург осенью 1915 г. известие, что Международная социалистическая комиссия (МСК), созданная на Циммервальдской конференции социалистов-интернационалистов, рекомендовала продолжить разработку основ международного сотрудничества интернационалистов.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 10.
[2] Там же, стр. 14, 15.
[3] Там же, стр. 2.
[4] Там же, стр. 15, 16.

Под углом зрения ситуации, возникшей в результате мировой войны и позиции руководства социал-демократических партий, в Тезисах рассматривались важнейшие вопросы международного рабочего движения[1]. Р. Люксембург констатировала, что во время войны социал-демократия «колоссально укрепила за счет пролетариата экономические, политические и моральные позиции господствующих классов».

Однако в Тезисах не хватало диалектической связи между пагубным влиянием мировой войны на развитие революционного движения и революционными перспективами, возникшими в ходе войны. «Революционное вмешательство» международного пролетариата как возможный результат войны не увязывалось с поражением господствующих классов той или иной страны, создающим благоприятную перспективу победы пролетариата. В. И. Ленин отмечал обязательность выяснения связанных с этим вопросов[2].

Постановку проблемы революционного выхода из войны Р. Люксембург давала лишь общетеоретически. Совершенно справедливо отвергая «утопические или в основе своей реакционные» планы установления мира во всем мире, она противопоставляла им правильное, но лишенное конкретности утверждение, что мир может обеспечить лишь «революционная воля и политическая способность к борьбе международного пролетариата». Р. Люксембург устанавливала связь международного единства пролетариата в борьбе против империализма с классовой борьбой пролетариата в рамках отдельных стран. Она акцентировала внимание на том, чтобы антивоенная борьба против империализма была одновременно «борьбой за политическую власть в государстве, решающим столкновением между социализмом и капитализмом». Но

[1] *K. Liebknecht.* Gesammelte Reden.., Bd. VIII, S. 383—400.
[2] *См. В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 15.

дальнейшего шага, конкретизирующего развитие мировой пролетарской революции применительно к отдельной стране, Р. Люксембург не сделала. «Надо было обдумать систематические, последовательные, практические, *безусловно осуществимые* при *всяком* темпе развития революционного кризиса действия, лежащие по линии назревающей революции»[1], — писал В. И. Ленин в связи с Тезисами Р. Люксембург.

Ленинский лозунг поражения «своего» правительства, превращения войны империалистической в войну гражданскую, ленинский вывод о первоначальной победе социалистической революции в отдельном, слабом звене империалистической цепи давали ту научно обоснованную конкретную перспективу борьбы за социализм, до понимания которой Р. Люксембург не сумела подняться.

Предстоящая революционная борьба международного пролетариата, по мысли Р. Люксембург, требовала «сделать пролетариат всех стран решающим фактором политической жизни с помощью сильной международной организации, в которой существует единое понимание его интересов и задач, единство тактики и политической способности к борьбе в условиях мира и войны». Она подчеркивала жизненную необходимость создания нового Интернационала, «который возьмет на себя руководство и объединение революционной классовой борьбы против империализма во всех странах». Р. Люксембург считала, что Интернационал должен в мирное время определять тактику национальных секций по вопросам милитаризма, колониальной политики, торговой политики, празднования Первого мая, а в условиях войны — всю тактику вообще; при этом выполнение решений Интернационала — первостепенная обязанность каждой партии; секции, действующие вопреки таким решениям, ставят себя вне Интернационала.

Основные положения проекта Тезисов в течение нескольких месяцев обсуждались руководящим ядром группы «Интернационал».

В частности, К. Либкнехт неоднократно высказывал свои замечания по проекту, предложил два варианта его изменений, выражавших важные мысли

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 14.

о диалектической связи демократической и социалистической революции[1]. В тюремной камере Р. Люксембург обдумывала поправки и замечания, редактировала, совершенствовала первоначальный вариант. Затем Тезисы были предложены для обсуждения общегерманской конференции группы «Интернационал».

Конференция была созвана с целью объединить всех левых германской социал-демократии. Она открылась 1 января 1916 г. в адвокатской конторе К. Либкнехта. Присутствовало 15 делегатов, представлявших левых Берлина, Брауншвейга, Бремена, Вюртемберга, Гамбурга, Рурской области, Саксонии, Тюрингии; в числе делегатов были К. Либкнехт, Ф. Меринг, В. Пик, К. Дункер, И. Книф, Р. Линдау и др.[2]

После оживленной дискуссии были приняты «Тезисы о задачах международной социал-демократии», которые затем были распространены в виде листовки и в «Письмах Спартака» (так стали называться «Политические письма», которые публиковались эпизодически группой «Интернационал»). По решению конференции с 27 января 1916 г. они стали публиковаться регулярно.

Конференция обсудила сообщения о состоянии революционной работы на местах, вопросы агитации, проведения уличных демонстраций, стачек. В результате конференции большинство германских левых объединились вокруг «Интернационала» (впоследствии они стали называть себя группой «Спартак»). Некоторые делегаты, чьи принципиальные поправки к Тезисам не были приняты, от имени своих групп отказались от объединения.

Группа «Спартак» была пропагандистской организацией, ориентирующей рабочий класс и все антивоенные силы германского народа на борьбу с империализмом и милитаризмом. Ее листовки, «Письма Спартака» рассылались во многие города Германии, распространялись через доверенных лиц, которые одновременно оказывались и связующим звеном группы. В этом большая заслуга спартаковцев. Однако группа не была партийной организацией и не

[1] *K. Liebknecht.* Gesammelte Reden.., Bd. VIII, S. 302—304, 383—400; *H. Wohlgemuth.* Op. cit., S. 127—132, 330—331.

[2] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 2, S. 265 ff. *И. М. Кривогуз.* Указ. соч., стр. 17 и др.

уделяла должного внимания организационной работе. Тем не менее всегерманская конференция 1916 г. и дальнейшее функционирование группы «Спартак» были важным шагом на пути собирания революционных сил германского рабочего класса.

Во время январской конференции группы «Интернационал» Р. Люксембург еще находилась в тюрьме. Но 18 февраля 1916 г. истек срок заключения, и властям пришлось освободить узницу. Опасаясь, что ее освобождение усилит левое крыло социал-демократии, вызовет антивоенные демонстрации, полицейские власти не прочь были подвергнуть Розу «превентивному заключению». Однако страх, что новые репрессии против Р. Люксембург усилят антивоенное настроение берлинского пролетариата, одержал верх.

И все-таки демонстрации власти не избежали. В день освобождения Р. Люксембург более тысячи человек, главным образом женщин, собрались около тюрьмы. Когда автомобиль, в котором вместе с К. Либкнехтом, Я. Вальхером находилась Р. Люксембург, появился из ворот, раздались возгласы: «Да здравствует Роза!», «Да здравствует мир!» Люди вскакивали на подножку автомобиля, бросали в него цветы. Более 70 женщин пришли приветствовать Розу к ней домой в Зюденде. Квартиру буквально заполнили цветы и подарки: пироги и консервы, мыло и какао, пакетики чая и овощи. Много теплых, добрых слов сказали представительницы трудового народа той, которая смело и энергично выступала против войны и социал-предателей.

С первых же дней Р. Люксембург включилась в активную борьбу за сплочение революционных сил германского рабочего класса, против официального руководства СДПГ и его центристских пособников.

В марте 1916 г. в письме Кларе Цеткин Р. Люксембург рассказывала о том, как массы постепенно проходят политическую школу, необходимую для размежевания с правыми и с центристами, которое уже не за горами. Вместе с К. Либкнехтом, Ф. Мерингом Р. Люксембург готовила нелегальную всегерманскую конференцию группы «Спартак». Нужно было правильно ориентировать массы на самостоятельную борьбу против империалистической войны, за демократический мир и общественный прогресс нации. В связи с задачами организации последовательного, революционного антивоенного движения перед намечавшейся конференцией встал вопрос о принципиальном отношении к центризму. Тем более, что центристы в берлинской партийной организации мешали осуществлению решений январской конференции группы «Интернационал», заявили о невозможности дальнейшего сотрудничества с левыми. Кроме того, следовало рассмотреть проблемы Интернационала и Циммервальдского движения.

Конференция группы «Спартак» состоялась 19 марта 1916 г. На ней присутствовали 34 представителя от 8 избирательных округов Большого Берлина и 17 городов Германии. Р. Люксембург выступила с докладом по проблеме Интернационала и Циммервальдского движения. Она же была автором резолюций об отношении к Циммервальдской конференции и по вопросу о военных кредитах. К. Либкнехт выступил с докладом по вопросу об организации массовых действий против империалистической войны[1]. Конференция ориентировала революционные силы на развертывание массовых выступлений и завершила формирование группы «Спартак».

В это время борьба против центризма вступила в новую фазу. После того как 24 марта 1916 г. социал-шовинисты исключили из социал-демократической фракции рейхстага 18 центристов, проголосовавших против военных кредитов в рейхстаге, последние организовали самостоятельную группу под руководством В. Дитмана, Г. Гаазе и Г. Ледебура; при этом Гаазе сложил с себя обязанности председателя СДПГ. Возникновение особой группы, стоявшей на центристских, социал-пацифистских позициях, способствовало распространению иллюзий, будто центристские лидеры пошли на решительный разрыв с социал-шовинистами и тем самым затрудняло консолидацию революционных сил вокруг спартаковцев. По признанию К. Каутского, если бы не создание особой центристской группы, Берлинская организация оказалась бы в руках спартаковцев и вышла бы из партии[2].

---

[1] «Spartakusbriefe». Berlin, 1958, S. 137—141.
[2] «Dokumente und Materialien...», Reihe II, Bd. I, S. 431.

Р. Люксембург приняла участие в подготовке нелегальной прокламации «Уроки 24 марта», в которой разоблачалась половинчатая, уступчивая политика центристов. Прокламация призывала рядовых членов партии оказывать давление на группу Гаазе — Ледебура, добиваясь от нее впредь использования парламентских средств для принципиальной социалистической борьбы против империалистической политики и для подъема народных масс[1]. Р. Люксембург рассчитывала на возможность исправить с помощью масс кое-кого из центристов, завоевать их на свою сторону.

Одновременно спартаковцы вели большую работу по укреплению своих позиций в широких кругах рабочего класса. Примерно 500 человек в различных районах страны нелегально распространяли материалы группы, подбирали доверенных лиц, которые конспиративно устанавливали связи «Спартака» с важнейшими промышленными предприятиями. Таким образом, вокруг революционных социал-демократов и их ядра — берлинского руководства во главе с Р. Люксембург и К. Либкнехтом — формировалась все более разветвленная сеть сторонников.

Весной 1916 г. спартаковцы возглавили движение масс против империализма, войны и классового господства буржуазии. Первым таким выступлением была первомайская демонстрация 1916 г. Несмотря на усиленные кордоны пешей и конной полиции, примерно 10 тыс. берлинцев вышли в этот день на демонстрацию. Среди них были Р. Люксембург, К. Либкнехт. Его призыв «Долой войну!», «Долой правительство!» раздался над толпой собравшихся. Тотчас же Либкнехт был оттеснен группой полицейских. Р. Люксембург и другие товарищи пытались помешать его аресту, но тщетно. Сама Р. Люксембург, буквально с помощью кулаков пробивавшаяся к своему другу, была на волосок от ареста. Тысячи голосов, скандировавшие «Долой войну!», «Да здравствует мир!», «Да здравствует Интернационал!», сливались теперь с особой силой в повторяющемся возгласе «Да здравствует Либкнехт!». В тот же день антивоенные демонстрации состоялись в Брауншвейге, Бремене,

[1] *R. Luxemburg.* Ausgewählte Reden, Bd. II, S. 551—557; «Спартак» во время войны». М., 1933, стр. 123—126.

Дрездене, Дуйсбурге, Иене, Киле, Лейпциге, Магдебурге, Пирне, Штутгарте.

Первомайские выступления отражали полевение масс и способствовали укреплению авторитета спартаковцев. В результате 18 июня 1916 г. на собрании в берлинском округе Тельтов — Бесков — Сторков — Шарлотенбург Р. Люксембург и другие представители левых были избраны в Правление окружной организации. Прежнее правооппортунистическое руководство после безуспешной попытки сорвать собрание покинуло его и было лишено полномочий[1]. Тем самым впервые на уровне округа Большого Берлина было осуществлено организационное отделение от социал-шовинистов.

Рост влияния левых вызвал новые репрессии правительства. В нарушение закона подвергся аресту депутат рейхстага К. Либкнехт; на его квартире был произведен обыск, во время которого обнаружили пачки первомайских воззваний и листовок. К. Либкнехта предали суду к великой радости правооппортунистических лидеров партии, лицемерно требовавших освободить заключенного[2]. Не пошла дальше протестов в рейхстаге и центристская «независимая» группа фракции.

С гневным протестом, осуждающим правительственный произвол, пособничество руководства СДПГ, выступила Р. Люксембург. Написанные ею листовки призывали трудящиеся массы к защите Либкнехта. 27 июля 1916 г., накануне судебного разбора «дела Либкнехта», состоялась 25-тысячная демонстрация на Потсдамской площади Берлина. В тот же день началась массовая стачка на военных заводах в Брауншвейге. 28—30 июня забастовали 55 тыс. рабочих военных предприятий Берлина, требуя освобождения К. Либкнехта.

Так в Германии начались первые за время войны массовые политические стачки. Они не смогли помешать осуждению К. Либкнехта, но показали, что в

[1] *A. Laschitza, G. Radczun.* Op. cit., S. 400—402. Общее собрание организаций Большого Берлина поддержало принятую на собрании рекомендацию об избрании левых в члены Партийной комиссии.

[2] *H. Wohlgemuth.* Karl Liebknecht. Eine Biographie. Berlin, 1973, S. 332—340.

массах зреет понимание правильности его позиции: «для меня лозунгом является не гражданский мир, а гражданская война».

Преследованиям подверглись и другие левые. 22 мая оказался под «превентивным арестом» Ю. Мархлевский. 10 июня было запрещено выступать с речами К. Дункер. 3 августа был арестован Э. Мейер, 15 августа — Ф. Меринг. В середине июня Р. Люксембург подверглась кратковременному аресту как автор «подстрекательских листовок». 8 июля 1916 г. военные власти распорядились провести у нее обыск и арестовать ее как одного из наиболее опасных и энергичных агитаторов крайне радикального крыла социал-демократии. Есть данные, что этого ареста прямо требовал один из правых социал-демократических депутатов рейхстага[1]. 10 июля 1916 г. началось «превентивное заключение» Р. Люксембург, которое продолжалось 2 года и 4 месяца. Через 10 дней после ареста ее перевели в женскую тюрьму, где еще совсем недавно она отбывала наказание.

В тюрьме Р. Люксембург продолжала активно работать, используя всякую возможность связи с товарищами. На страницах «Писем Спартака», которые печатались теперь уже типографским способом и завоевывали все большую аудиторию, она гневно разоблачала политику правительства, предательство правых социал-демократов, половинчатую позицию центристов. Р. Люксембург страстно призывала массы к борьбе: «... не в парламенте должны решаться судьбы войны и мира, Интернационала, массового голода, а на фабриках, в мастерских, на улицах», только активное движение масс может спасти партию от Эберта-Шейдемана, обеспечить мир и свободу[2]. Она объясняла массам смысл позорного процесса над К. Либкнехтом: «Это возмездие за все его поведение в рейхстаге и ландтаге, где он единственный перед всем миром сорвал маску с кровавого фарса гражданского мира, возмездие за то, что в арестантской камере и в зале суда закованный в цепи К. Либкнехт, презирая своих палачей, твердо и непоколебимо отстаивал дело революции, международный социализм»[1]. Судьба К. Либкнехта, писала Р. Люксембург, органически связана с судьбой рабочего класса Германии[2].

[1] *P. Fröhlich.* Rosa Luxemburg. Gedanke und Tat. Frankfurt a. M., 1967, S. 270.
[2] «Spartakusbriefe», S. 216.

В сентябре 1916 г. власти решили строже изолировать Р. Люксембург. До решения вопроса о новом месте заключения ее перевели в помещение полицей-президиума на Александерплац. Здесь она провела полтора месяца в грязной, кишащей клопами одиночной камере, зажатая между парашей и железной кроватью. В камере не было освещения, и Р. Люксембург приходилось читать, высоко подняв книжку к оконцу входной двери, через которое скупо пробивался тусклый свет. Всю ночь в коридоре раздавался топот, звон ключей и лязг железных дверей — прибывали и убывали заключенные. К этой ночной «музыке» присоединялся грохот поездов городской железной дороги, от которого содрогались стены тюрьмы. Так продолжалось до 27 октября 1916 г., когда Р. Люксембург перевели в крепость Вронке (Вронки), расположенную в отдаленной части провинции Познань.

Обстановка во Вронке для узницы была несравненно более благоприятной. Она пользовалась большей свободой передвижения и даже разбила две цветочные клумбы в маленьком садике. Прибыли ящики с ее книгами. Роза Люксембург много читала, интенсивно работала. Готовила к изданию «Введение в политическую экономию» — курс лекций, прочитанный до войны в партийной школе, занималась переводом на немецкий язык «Истории моего современника» В. Г. Короленко. В ноябре уже было готово 10 печатных листов. Это «замечательное художественное произведение» привлекло ее и как «культурно-исторический документ первостепенного значения», который «отражает в себе переходное время от старой крепостной России к современной капиталистической»[3]. Как справедливо замечает советский исследователь М. М. Кораллов, предисловие Р. Люксембург к ее переводу этой работы Короленко — первый марксистский очерк русской литературы XIX в., одно из лучших произведений, посвященных русской литера-

[1] «Spartakusbriefe», S. 217.
[2] Там же, стр. 219.
[3] «Роза Люксембург о литературе», стр. 215.

туре[1]. В своих литературоведческих работах Р. Люксембург указывала на связь литературы с социально-экономическим и политическим развитием общества, выделяла проблемы мировоззрения писателей, подчеркивала высокое социальное звучание российской литературы, активное воспитание ею борцов против самодержавия.

Тюремный режим то давал весьма значительные возможности контактов с внешним миром, то снова их резко сужал. «... Писем личного характера я опять в течение продолжительного времени не могу ни писать, ни получать, и вы примите это к сведению»[2], — сообщала Р. Люксембург из Вронке в конце января 1917 г. Между тем она и Карл Либкнехт оставались центрами, дававшими идейно-политические импульсы работе спартаковцев[3].

Перебои в общении с внешним миром тяжело сказывались на Розе. В общем она держалась хорошо, но нервы сдавали. «По-видимому, год на Барнимштрассе, затем 4 месяца бешеной работы, а теперь снова семь месяцев одиночества на разных этапах не прошли для меня бесследно»[4], — анализировала она свой «horror pleni». Роза нетерпеливо ждала весны — «весна всегда влияет на меня прямо чудесным образом». «... Я не представляю себе высшего блаженства, как бродить в апреле — мае по полям или хотя бы по городским улицам, останавливаться перед каждым палисадничком, любоваться на зеленеющие кусты с почками, на каждом из них свернутыми по-иному, на распускающиеся клены с их желто-зелеными звездами, выглядывающими из весенней травки. Право же, я теперь ни в чем так не нуждаюсь, ничего так не жажду, как иметь возможность проводить таким образом часок в день. Не пойми меня ложно! Я не говорю, что хотела бы ограничиться этим и отказаться от активной жизни мыслящего существа. Я говорю лишь, что этим моя потребность в личном счастье была бы удовлетворена вполне и что этим одним уже я была бы вознаграждена за все лишения борьбы и вооружена

[1] «Роза Люксембург о литературе», стр. 30.
[2] *Р. Люксембург.* Письма к Карлу и Луизе Каутским, стр. 166.
[3] *A. Laschitza, G. Radczun.* Op. cit., S. 406.
[4] *Р. Люксембург.* Письма к Карлу и Луизе Каутским, стр. 166.

против всех ее невзгод»[1]. Это была тяга к живой природе не от борьбы, а для борьбы. Жизнь, полнокровная во всех ее проявлениях, и борьба, неутомимая, всепоглощающая, у Р. Люксембург обусловливали друг друга. Из крепости она писала С. Либкнехт, жене Карла: «... я чувствую себя гораздо больше дома на таком клочке сада, как здесь, или в поле среди шмелей и травы, чем на партийном съезде. Вам ведь я могу все это сказать. Вы не почувствуете сразу измены социализму. Вы ведь знаете, я несмотря на это все же надеюсь умереть на посту: в уличной битве или в смирительном доме»[2]. Теми же чувствами проникнуто ее воспоминание о весне 1916 г., когда в обстановке напряженной борьбы общение с природой придавало новые силы: «Этот бедняга, — писала она о К. Либкнехте, — всегда, ведь, жил ventre á terre, галопом, в вечной суете, спеша на свидание со всем светом, на заседания, в комиссии, всегда окруженный пакетами и газетами, с карманами, полными записных книжек и бумажек, прыгая из автомобиля в трамвай, из трамвая в железнодорожный вагон, с душой и телом, покрытыми уличной пылью... Это был его жанр, хотя этот человек, как немногие, был в душе глубоко поэтичной натурой и мог радоваться, как дитя, каждому цветку. Я заставила его пару раз пойти со мной погулять и немножко насладиться весной. Как он ожил при этом!»[3]

Приход весны 1917 г. ознаменовался для Розы Люксембург радостной вестью: в России началась революция. Жадно вбирала она в себя ту отрывочную и запутанную информацию, которую два раза в день приносили доступные ей газеты. Роза понимала, что свержение российского самодержавия лишь увертюра: «Дела должны принять там грандиозный размах — это заложено в природе вещей». Ее беспокоило, что даже друзья недостаточно ощущают значение событий в России для победы революции в Германии. «Это должно, это будет спасительно воздействовать на весь мир... я непоколебимо уверена, что теперь

[1] *Р. Люксембург.* Письма к Карлу и Луизе Каутским, стр. 169, 170.
[2] «Письма Розы Люксембург из тюрьмы», стр. 18.
[3] *Р. Люксембург.* Письма к Карлу и Луизе Каутским, стр. 170.

начинается новая эпоха и что война больше не может долго длиться»[1], — писала она в апреле 1917 г.

Р. Люксембург правильно предполагала, что империалисты попытаются использовать революцию в России либо для войны до победы Антанты, либо для мира, выгодного державам Тройственного союза. На страницах нелегальных «Писем Спартака» она раскрывала сложность создавшейся обстановки, видела выход в дальнейшем развитии российской революции при активной поддержке ее пролетариями других стран. «Таким образом, вопрос о мире в действительности связан с наиболее беспрепятственным, наиболее радикальным развертыванием русской революции, а это — с параллельными революционными действиями в пользу мира как со стороны французского, английского и итальянского, так и особенно германского пролетариата ... Война или революция! Третьего не дано»[2]. Однако она не ограничивала значение развернувшейся в России революции ее антивоенной направленностью, считала, что развивается «пролетарская революция всемирно-исторического значения, которая должна оказать обратное воздействие на все капиталистические страны и как раз в качестве пролетарско-социалистической борьбы за власть может быть доведена до конца в Германии, как и повсюду, лишь на революционном пути»[3]. Таким образом, под влиянием революционного движения, развернувшегося в России, Р. Люксембург развивает свое понимание задач антивоенной борьбы, все больше акцентирует внимание на превращении империалистической войны в революционную, гражданскую войну пролетариата за овладение политической властью и переход к социализму. В. И. Ленин сделал это уже в самом начале войны, выдвинув лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую, Р. Люксембург пришла к этому выводу постепенно.

Обращаясь из-за тюремной решетки к германскому пролетариату, Р. Люксембург стремилась помочь ему понять, что революция, происходящая

[1] *R. Luxemburg*. Briefe an Freunde, S. 157.
[2] «Spartakusbriefe», S. 328—329.
[3] Там же, стр. 351.

в России, — «его собственное дело, дело единого и неделимого международного пролетариата». Со всей резкостью она разоблачала попытки правых оппортунистов и центристов исказить всемирно-историческое значение начавшегося в России процесса ликвидации классового господства капитала. Р. Люксембург подвергла аргументированной критике особо опасные для развития сознания масс заявления, что-де под влиянием событий в России следует активизировать борьбу «на парламентской почве», «революция не может быть искусственно осуществлена», «неправильно пытаться схематически переносить средства одной страны на другую», с которыми выступил центристский орган «Нойе цайт» 8 апреля 1917 г.

Как раз в эти дни на съезде в Готе центристская оппозиция оформилась в Независимую социал-демократическую партию Германии (НСДПГ). Ее создание было, с одной стороны, результатом растущего недовольства рядовых социал-демократов и примыкающих к ним трудящихся предательской линией официального руководства СДПГ. С другой стороны, организационное оформление самостоятельной партии было предпринято центристами, чтобы удержать под своим влиянием недовольные, революционизирующиеся массы, помешать их переходу на позиции левых, спартаковцев[1]. В НСДПГ, число членов которой за период немногим более года достигло примерно ста тысяч, оказались объединенными социал-демократы, весьма различные по уровню классовой сознательности; в ее рядах имели широкое хождение парламентские иллюзии и социал-пацифистские настроения. Руководство партии возглавили правоцентристские лидеры Э. Бернштейн, Г. Гаазе, К. Каутский. Они, а не левые элементы центристского направления определяли партийную линию.

В этот период ряд местных организаций революционных социал-демократов, как, например, хемницкая и штутгартская, бременские и гамбургские левые, считали назревшим создание революционной партии левых. Р. Люксембург не разделяла такой позиции. В «Открытом письме к единомышленникам»,

[1] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 2, S. 306—313.

опубликованном под псевдонимом «Гракх» в Дуйсбурге в спартаковской газете «Дер Кампф» 6 января 1917 г., она рассматривала вопросы раскола, единства и выхода из партии [1]. Споры о расколе и единстве между сторонниками Шейдемана и Гаазе Р. Люксембург считала пустыми, поскольку «германская социал-демократия как целое сегодня вообще больше не существует». Критикуя центристскую оппозицию, Р. Люксембург указывала, что 4 августа изменило партию и пути назад к прежней партии нет. Но и для тех, кто стремится вперед, кто хочет преодолеть раскол рабочего движения, она считала выход из партии неправомерным. Она расценивала его как бегство, предательство масс, которых бросают на произвол, оставляют в петле у Шейдемана и Легина, у буржуазии. Р. Люксембург отвергала ликвидацию существующей социал-демократии как результат действий отдельных групп, она считала, что этот неизбежный процесс произойдет лишь вследствие окончания мировой войны и при участии всех сил рабочего движения. Главное, по мнению Р. Люксембург, — работа с массами в рамках существующей партии. Такой же точки зрения придерживался и Л. Иогихес (Тышка), стоявший в это время во главе группы «Спартак». В борьбе против центризма Р. Люксембург, как и многие левые, допускала ошибки, связанные с недооценкой организационного сплочения революционных сил в Германии и на международной арене. Уделяя особое внимание идеологической стороне борьбы, которая, как им представлялось, позволит массам преодолеть влияние оппортунизма, вожди левых не поняли значения опыта большевиков, создавших партию нового типа. Между тем все развитие германского рабочего движения в годы мировой войны и впоследствии во время революции демонстрировало не только идеологическую, но и организационную опасность центризма, являвшегося своеобразным ответом на рост революционных настроений масс, стремящегося приспособиться к ним, повести их за собой в «спокойное» русло.

Обсуждая вопрос об отношении к НСДПГ, спартаковцы 5 апреля 1917 г. приняли решение присоединиться к независимцам. Они руководствовались намерением отвоевать у центристских вождей партийную массу, действуя в рамках единой с ними партии. На деле это решение замедлило образование марксистско-ленинской партии в Германии, так как затруднило революционным рабочим понимание принципиального различия между революционной по фразе и капитулянтской по сути дела линией центристского руководства НСДПГ и революционной классовой позицией группы «Спартак». Вместе с тем группа «Спартак» сохранила политическую самостоятельность, продолжала нелегальную работу, не потеряла своего лица самостоятельной революционной группы. В ходе разработки и осуществления программы революционного окончания войны «Спартак» шаг за шагом приближался к ленинизму. Группа «Спартак» объективно была ведущей силой процесса образования революционной партии в Германии [1].

Весной 1917 г. в Германии обозначился подъем массовой борьбы трудящихся. Мощным стимулом к этому послужила революция, начавшаяся в России. В апреле 1917 г., отвечая на сокращение хлебных норм и демонстрируя солидарность с русской революцией, выступили 300 тыс. рабочих Берлина. В ходе забастовки был создан комитет «революционных старост» — представителей рабочих-металлистов крупнейших предприятий города. В Лейпциге по русскому образцу возник рабочий Совет. Движение охватило Рурскую область, Брауншвейг, Дрезден, Ганновер, Магдебург. Правительство и правые социал-демократы обрушились на забастовщиков. Одни объявляли стачку во время войны «бессмыслицей», другие организовали серию процессов «за измену». Чтобы успокоить недовольных, Вильгельм II обещал реформу конституции и избирательного права в Пруссии, а правые социал-демократы объявили, что такая реформа будет иметь для будущего Германии «не меньшее историческое значение, чем русская революция для России...» [2]. Каутскианцы пытались ис-

[1] «Dokumente und Materialien...», Reihe II, Bd. I, S. 522—525.

[1] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 2, S. 313.

[2] Цит. по: *Я. С. Драбкин.* Ноябрьская революция в Германии. М., 1967, стр. 20.

пользовать подъем народного движения для проведения через рейхстаг предложений о «демократизации».

Однако остановить нарастание революционного движения в стране было уже невозможно. Первомайские выступления 1917 г. прошли под лозунгом «Долой войну!». Во многих промышленных центрах и районах Германии происходили голодные стачки и уличные демонстрации. Летом революционный подъем охватил матросов военного флота; выдвигались требования образовать матросские Советы, провести всеобщую стачку флота для достижения мира. Тысячи рабочих военной промышленности участвовали в забастовках, добиваясь повышения зарплаты, улучшения снабжения продовольствием, прекращения войны.

Нарастал кризис «верхов» Германии. С июля по октябрь 1917 г. дважды были сменены канцлеры. Социал-демократические лидеры и буржуазные партии стремились побудить правителей страны к реформам «сверху», дабы избежать революции снизу.

Весной — летом 1917 г. Р. Люксембург за тюремной решеткой продолжала большую публицистическую работу. Под псевдонимами, а зачастую и анонимно она выступала в «Письмах Спартака». В «Дер Кампф» почти еженедельно публиковались ее статьи по проблемам войны, борьбы с социал-предателями, развития международного рабочего движения.

Предвидение Р. Люксембург, что Февральская революция в России будет лишь увертюрой, получало все новые подтверждения. Месяцы напряженной борьбы большевиков во главе с В. И. Лениным за продолжение и развитие революции дали свои плоды. Помогая массам избавиться от иллюзий и заблуждений, преодолевая соглашательскую запруду на пути революционного потока, созданную блоком буржуазных партий с меньшевиками и эсерами, ленинцы привели массы к социалистической революции.

Когда до узницы дошли радостные вести о победе Октября, Роза Люксембург могла лишь «из-за решетки восхищаться мировой историей...»[1]. С июля 1917 г. она находилась в тюрьме в Бреслау (Вроцлаве), где режим был гораздо строже, чем в крепости Вронке[1].

[1] *Р. Люксембург.* Письма к Карлу и Луизе Каутским, стр. 176.

Р. Люксембург сразу же поняла, что события, свершившиеся в России, — «это — акт всемирно-исторического значения, следы которого не исчезнут вовеки»[2]. Однако важнейшее положение теории социалистической революции, сформулированное В. И. Лениным в годы мировой войны, — вывод о возможности победы в одной стране — не укладывался в представления, сформировавшиеся у Р. Люксембург. Сильная сторона ее суждения о революции в России как неотъемлемой части мировой революции обернулась слабостью — она разделяла широко распространенный взгляд о необходимости для победы пролетариата в России поддержки революции на Западе. Сомнения в успехе русской революции были продиктованы пониманием контрреволюционности «вождей» социал-демократии на Западе, а не отрицанием правильности пути развития революции в России. «Конечно, в этом шабаше ведьм они не смогут удержаться не потому, что статистика доказывает отсталость экономического развития России, как высчитал твой ученый супруг, — писала Р. Люксембург 24 ноября 1917 г. Л. Каутской, — но потому, что социал-демократия высокоразвитого Запада состоит из самых жалких трусов и спокойно будет смотреть, как русские истекают кровью»[3]. Р. Люксембург не представляла себе, что даже в такой критической ситуации пролетариат, трудящиеся массы России во главе с ленинской партией способны одержать победу.

Отсюда и ее отрицательное отношение к Брестскому миру: она считала его по существу капитуляцией русского революционного пролетариата перед германским империализмом. Для суждений Р. Люксембург о Брестском мире характерна некая «идеальная» революционность, оторванная от практической политики. Разумеется, такая политика должна быть пронизана революционной идеей. Но в то же время в силу необходимости воплощать эту

[1] Настроение Розы было очень тяжелое: пришло известие о гибели на фронте близкого друга — Ганса Диффенбаха.

[2] *Р. Люксембург.* Письма к Карлу и Луизе Каутским, стр. 176.

[3] Там же, стр. 175—176.

революционную идею в жизнь исходя из конкретных обстоятельств, такая политика должна быть достаточно гибкой, а по необходимости и компромиссной, дабы идея революции стала реальностью. В. И. Ленин писал впоследствии о Брестском мире: «Это был действительно компромисс с империалистами, но как раз такой и в такой обстановке, который был *обязателен*»[1]. Р. Люксембург из своего тюремного далека не сумела разглядеть эту сторону дела. Ей казалось, что Брест наносит страшный моральный удар по международному социализму, для которого Россия была «последним единственным уголком», воплощающим революционный социализм, чистоту принципов, помогающим сохранить веру в «идейное дело и святость слова». Подобно «левым коммунистам» она делала вывод, что предпочтительнее любое политическое поражение большевиков в «честной борьбе».

Однако при всем этом Р. Люксембург понимала, что с точки зрения В. И. Ленина и его соратников необходимость Брестского мира была продиктована стремлением выиграть передышку, верой в мировую социалистическую революцию, непоколебимой решимостью до конца защищать завоеванную власть, чтобы использовать ее для самого энергичного и радикального переустройства общества. Р. Люксембург верила, что В. И. Ленин и его соратники в своем вынужденном соглашении с германским империализмом готовы на определенном этапе категорически заявить: не дальше! Она разоблачала антибольшевистский вой и стенания, поднятые по поводу Бреста меньшевиками вкупе с «независимцами». Расценивая Брест как одну из ошибок большевиков, Р. Люксембург главную ответственность за нее возлагала в первую очередь на международный пролетариат, оставивший без поддержки революцию в России, и прежде всего на германскую социал-демократию, предавшую дело социализма.

Уже в начальный период переговоров в Бресте Р. Люксембург, хотя и с оговорками, в главном была на стороне большевиков, боровшихся за социалистическую революцию. «Да, о большевиках! Конечно,

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 19.

они не во всем правы в их фантастическом стремлении к миру, — отвечала она Л. Каутской. — Но, в конце концов, **они** не виноваты. Они в безвыходном положении и, выбирая из двух зол, предпочитают меньшее. На **других** лежит ответственность за то, что русская революция идет на пользу дьяволу... Подметемте-ка лучше у собственных дверей. События в целом грандиозны и будут иметь еще неисчислимые последствия»[1]. Считая, что «спасение чести русской революции в этот решающий час идентично спасению чести германского пролетариата и международного социализма»[2], Р. Люксембург призывала к развертыванию массового движения в Германии, к восстанию в тылу германского империализма.

Пролетарский революционер, отделенный от происходящих событий сотнями километров и линией фронта, тюремной стеной и полицейской цензурой, может допустить ошибку в оценке, но, даже заблуждаясь, он останется революционером и пролетарским интернационалистом, для которого главный враг находится в собственной стране. Именно такой была Р. Люксембург. Таким был и К. Либкнехт, заявлявший: «Наш величайший, наш священный долг — прийти на помощь русским братьям»[3]. В этом были едины руководители спартаковцев, к тому же далеко не все они разделяли критическую оценку Р. Люксембург Брестского мира[4].

Тюремные месяцы 1917—1918 гг. по-прежнему заполнены у Р. Люксембург интенсивной работой. Как и всегда, это не только политика. Она продолжает переводить Короленко, перечитывает о нем все, что могла получить с воли. Занялась изучением полемики о Шекспире, происходившей в Германии в 60—70-е годы XIX в. Трудно даже очертить круг ее литературных и художественных интересов. Еще в 1908 г. она увлеклась живописью. Эти занятия доставляли ей особое волнение и удовлетворение, помогали ощущать полноту жизни и упоение прекрасным. Утом-

[1] *Р. Люксембург.* Письма к Карлу и Луизе Каутским, стр. 182.
[2] «Spartakusbriefe», S. 460.
[3] Цит. по: *Я. С. Драбкин.* Указ. соч., стр. 33.
[4] «Spartakusbriefe», S. 459; *A. Laschitza, G. Radczun.* Op. cit., S. 431.

ленный мозг требовал отдыха, и за мольбертом она была счастлива. «Если бы я могла посвятить теперь два года только живописи — это меня поглотило бы целиком!»[1] — писала она 22 августа 1908 г. Косте Цеткину. Известен ее автопортрет, написанный смелыми, энергичными мазками, без вычурности и претенциозности, сдержанно и просто передающий ее облик — спокойное лицо, горящие глаза, твердую линию рта, выражающую сосредоточенность и упорство. Но ей скоро пришлось отказаться от занятий живописью. Не без сожаления она писала К. Цеткину: «...все это безумные мечты, я, конечно, *не имею права* это сделать, потому что в моей жалкой мазне не нуждается ни одна собака, а в моих статьях нуждаются люди...»[2] В тюрьме она радовалась присланным друзьями репродукциям картин великих мастеров, а в письмах к С. Либкнехт делилась воспоминаниями о посещении художественных галерей. Ее суждения о Рембрандте поражают глубокой и тонкой наблюдательностью, замечаниями о богатстве его колорита, отодвигающем восприятие «в область сказочной фантазии», при «ошеломляющем реализме всех деталей». Она ценит значительность образов у величественного Тициана, сдержанно-серьезные, наделенные своеобразной гармонией сцены крестьянского труда у Милле[3]. Ей импонирует максимальная обобщенность и социальная насыщенность сатирических образов французского карикатуриста О. Домье.

В тюрьме она продолжает любимые занятия — изучает растения, птиц, цветы. Осенью 1917 г. ее захватила геология: «Она колоссально расширяет духовный горизонт и дает такое единое всеохватывающее представление о природе, как никакая другая наука»[4].

Однако Розу тяжко гнетет тюремное затворничество, невозможность активно участвовать в революционной борьбе. «...Если бы только могла я двигаться!» — писала она в декабре 1917 г. в связи с Октябрьской революцией. — Но жалобы — это не мой жанр; я слежу пока что за событиями и сильно

[1] «Роза Люксембург о литературе», стр. 268.
[2] Там же.
[3] См. там же, стр. 246, 241.
[4] «Письма Розы Люксембург из тюрьмы», стр. 42.

надеюсь еще пережить кое-что...»[1] Внешне она, как обычно, спокойна и весела. Но здоровье все ухудшалось, мучила бессонница, чувство оторванности от мира обострялось все больше. «...Лежу я здесь в темной камере, на твердом как камень матрасе, вокруг меня в доме царит обычная кладбищенская тишина, кажется, что находишься в могиле...»[2] — писала Р. Люксембург в середине декабря 1917 г. С. Либкнехт. Попытки добиться хотя бы на время прекращения «превентивного заключения» потерпели неудачу. «Я, очевидно, должна ждать пока мы победим весь мир»[3], — невесело замечала Роза в письме от 24 марта 1918 г. «Ах, мои нервы, мои нервы, я совсем лишилась сна»[4] — это написано 25 июля 1918 г. Одно из ее писем, посланное нелегально в конце лета или осенью 1918 г., буквально потрясло Л. Каутскую: «...я оцепенела, настолько испугал меня жар, которым пахнуло на меня из этого письма и который сжигал эту женщину, обычно так хорошо умевшую владеть собой»[5].

Но она не позволяла себе расслабляться. Главное, чем она была занята, — вопросы революции, совершающейся в России и назревающей в Германии и во всем мире. Вера в близость революции наполняла ее жизнь, помогала ей подбадривать и друзей на воле. «...Терпение и мужество! Мы еще будем жить и переживем великие события. Теперь мы видим, как целый старый мир проваливается, каждый день кусок — новый провал, новое гигантское падение... и самое смешное, что большинство этого не замечает и думает, что оно стоит на твердой почве»[6], — писала она С. Либкнехт 15 мая 1918 г.

Лето — осень 1918 г. прошли в Германии под знаком развития революционной обстановки. Брестский мир вопреки опасениям Р. Люксембург не укрепил позиции германской военщины, а привел к разложению ее армий под воздействием российской революции. Поднялась новая волна стачечного

[1] *Р. Люксембург.* Письма к Карлу и Луизе Каутским, стр. 182.
[2] «Письма Розы Люксембург из тюрьмы», стр. 46.
[3] Там же, стр. 55.
[4] *Р. Люксембург.* Письма к Карлу и Луизе Каутским, стр. 186.
[5] Там же, стр. 192.
[6] «Письма Розы Люксембург из тюрьмы», стр. 61.

движения. В начале сентября 1918 г. полицейские власти и Генеральная комиссия профсоюзов, правительственные чиновники и руководство СДПГ отмечали нарастание кризисной обстановки в стране.

Кризис «верхов» в сентябре—октябре 1918 г. привел к появлению нового правительства принца Макса Баденского, в составе которого была представлена и СДПГ. Эберт объявил, что это поворотный пункт в истории Германии. Независимцы опубликовали обращение «К трудящемуся народу Германии!», в котором подлинно революционные требования были подменены критикой правых социал-демократов, сочетающейся с заверениями, что «империализм у нас потерпел катастрофу», идея демократии и социализма находится «на победоносном марше»[1].

7 октября 1918 г. спартаковцы провели нелегальную общегерманскую конференцию с участием бременских и гамбургских левых, не входивших в группу. Конференция приняла программу революционной борьбы, ориентировавшую массы на вооруженное восстание, формирование Советов и решительную борьбу за республику, и подвергла критике правых социалистов и каутскианцев. Несмотря на отдельные недостатки и непоследовательность, решения конференции имели большое революционное значение. В. И. Ленин 18 октября 1918 г. направил приветствие членам группы «Спартак», в котором говорилось: «Работа германской группы «Спартак», которая вела систематическую революционную пропаганду в самых трудных условиях, действительно спасла честь немецкого социализма и немецкого пролетариата. Теперь наступает решительный час: быстро назревающая германская революция призывает группу «Спартак» к выполнению важнейшей роли, и мы все твердо надеемся, что скоро германская социалистическая пролетарская республика нанесет решительные удары мировому империализму»[2].

Конференция «Спартака» закончилась выражением солидарности и братской симпатии русским товарищам, обещанием проявить ее не только на словах, но и на деле следовать примеру русской ре-

[1] «Dokumente und Materialien...», Reihe II, Bd. 2. Berlin, 1957, S. 207.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 50, стр. 195.

волюции. Конференция приветствовала всех товарищей, находившихся в заключении, особенно Карла Либкнехта и Розу Люксембург.

Между тем правительство всячески стремилось изолировать массовое движение, поднимающееся в стране, от его признанных вождей. В октябре 1918 г. министры пять раз обсуждали вопрос, как быть с Карлом Либкнехтом: освободить ли по амнистии или заменить каторгу тюрьмой[1].

Роза Люксембург также оставалась в заключении. Изменение политического климата в стране не ослабило тюремный режим. Безрезультатной оказалась и попытка обратиться к имперскому канцлеру. Но она страстно рвалась на волю, к борьбе. 15 октября 1918 г. в письме С. Либкнехт Роза писала: «Я терпеливо все выносила все эти годы и при других условиях оставалась бы такой же терпеливой еще годы. Но после общего изменения положения, в моей психологии произошел надлом. Разговоры под наблюдением, невозможность говорить о том, что меня действительно интересует, так тяжелы для меня, что я лучше откажусь от всякого посещения, пока мы не увидимся свободными людьми. Долго это уже не может продолжаться. Если Дитман и Курт Эйснер выпущены на свободу, меня не могут держать дольше в тюрьме, и Карл скоро тоже будет свободным»[2].

А пока не пришла долгожданная свобода, Р. Люксембург по-прежнему стремилась и за тюремной решеткой работать на революцию. В центре ее внимания революция в России и назревающая революция в Германии, проблемы развития мировой социалистической революции. В октябрьские дни 1918 г. накануне революции в Германии Р. Люксембург пыталась додумать, обобщить и систематизировать свои мысли о революции в России. Опыт русской революции она считала лучшей школой для германских рабочих и рабочих всего мира во имя задач, которые вырастали перед ними в тогдашней ситуации[3]. Раздумья об успехах и недостатках свершающегося ре-

[1] См. *Я. С. Драбкин.* Указ. соч., стр. 59.
[2] «Письма Розы Люксембург из тюрьмы», стр. 62.
[3] *R. Luxemburg.* Die russische Revolution. Ini *R. Luxemburg.* Politische Schriften, Bd. II. Frankfurt a. M., 1968, S. 109.

волюционного переворота были проникнуты стремлением добиться торжества мировой социалистической революции. Так появилась рукопись в 108 страниц школьной тетрадки. Ее содержание — записки о русской революции, о войне и национальном вопросе и просто заметки в связи с обдумываемыми проблемами[1].

Уже после гибели Р. Люксембург копия рукописи попала в руки члена руководства КПГ П. Леви, который опубликовал ее после своего исключения из партии в 1922 г. с тенденциозным антисоветским предисловием и со всеми ошибками и пропусками, которые в копии оказались[2]. Так было положено начало одной из многочисленных попыток использовать имя Р. Люксембург для освящения антисоветизма и антикоммунизма[3]. В. И. Ленин тогда же метко разоблачил эту попытку с негодными средствами. Он писал: «Павел Леви желает теперь особо выслужиться перед буржуазией — и, *следовательно*, перед II и II½ Интернационалами, ее агентами, — переиздавая как раз те сочинения Розы Люксембург, в которых она была неправа. Мы ответим на это двумя строками из одной хорошей русской басни: орлам случается и ниже кур спускаться, но курам никогда, как орлы, не подняться... на заднем дворе рабочего движения, среди навозных куч, куры, вроде Павла Леви, Шейдемана, Каутского и всей этой братии, разумеется, будут особенно восторгаться ошибками великой коммунистки. Каждому свое»[4].

В записках о русской революции Р. Люксембург выступает решительной сторонницей дела В. И. Ленина, партии большевиков, ставших во главе революционного движения, которое свергло власть эксплуататорских классов. Р. Люксембург отвергает россказни меньшевиков и каутскианцев о незрелости России для революции, об освободительной миссии «германских штыков», разоблачает нападки на большевиков, якобы «по ошибке» ставших на путь диктатуры пролетариата. Она прямо заявляет, что «ленинская партия была единственной, которая поняла заповедь и обязанность действительно революционной партии и которая с помощью лозунга: вся власть в руки пролетариата и крестьянства — обеспечила успех революции»[1].

Р. Люксембург считала великой заслугой большевиков, что их программой было «не какое-либо обеспечение буржуазной демократии, а диктатура пролетариата с целью осуществления социализма. Тем самым им принадлежит непреходящая историческая заслуга впервые провозгласить конечные цели социализма в качестве непосредственной программы практической политики»[2]. С гордостью противопоставляла Р. Люксембург героических революционеров-ленинцев их «добропорядочным» социал-демократическим оппонентам: «Вся революционная честь и способность к действию, которой недоставало социал-демократии Запада, была представлена в большевиках. Их Октябрьское восстание было не только действительным спасением для русской революции, но также и спасением чести международного социализма»[3]. Опираясь на опыт большевиков, Р. Люксембург разоблачала парламентский кретинизм официальной социал-демократии, ее контрреволюционную постепеновщину во имя «поддержки большинства народа». «... Истинная диалектика революции ставит эту парламентскую мудрость кротов на голову: не через большинство к революционной тактике, а через революционную тактику к большинству идет путь. Решительность, с которой Ленин и его товарищи в критический момент дали единственно ведущий вперед лозунг ... превратила партию почти за одну ночь из преследуемого, оклеветанного нелегального меньшинства... в абсолютную хозяйку положения»[4]. Р. Люксембург с тем большей гордостью писала об опыте большевиков, что он практически подтверждал справедливость ее многолетней борьбы против реформизма, против линии на выжидание,

[1] *F. Weil.* Rosa Luxemburg über die russische Revolution. — «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung». Leipzig, 1928, S. 285—286.
[2] Там же, стр. 287—288.
[3] См. *А. П. Бутенко.* Вокруг работы Розы Люксембург «Русская революция». — «История СССР», 1958, № 2.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 421—422.

[1] *R. Luxemburg.* Die russische Revolution. — Op. cit., S. 115.
[2] Там же, стр. 116.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 115.

проповедовавшейся оппортунистами в рядах германского и международного рабочего движения.

Вместе с тем при анализе Октябрьской революции, деятельности В. И. Ленина, большевистской партии Р. Люксембург допускала в своих записках существенные ошибки. Дело прежде всего в том, что победу социалистической революции в России Р. Люксембург полагала возможной только при условии мировой социалистической революции. Она считала необходимым и правильным, как это сделали большевики, начать борьбу за социалистический переворот в одной стране, поставив тем самым на практическую почву борьбу за осуществление социализма. Но Р. Люксембург полагала, что осуществить социализм в одной стране невозможно, а отсюда ограниченно трактовала историческую заслугу и международное значение опыта большевистской партии. «Мы все подчинены законам истории, и социалистический строй может быть введен только в международном масштабе. Большевики показали, что они могут все, что в пределах исторических возможностей способна сделать подлинно революционная партия... Вся суть в том, чтобы отличить в политике большевиков существенное от несущественного...» — писала Р. Люксембург. Выделяя «существенное и непреходящее в политике большевиков», она утверждала: «В этом смысле за ними остается бессмертная историческая заслуга, что они завоеванием политической власти и практической постановкой проблемы осуществления социализма пошли впереди международного пролетариата и дали могучий толчок спору между капиталом и трудом во всем мире. В России проблема могла быть только поставлена, но не разрешена. И в этом смысле будущее повсюду принадлежит «большевизму»» [1].

Однако развитие мирового революционного процесса наглядно показало, что большевизм проложил путь человечеству к социализму не только практической постановкой проблемы, но и, главное, осуществлением реального социалистического общества. Историческая ограниченность и односторонность подхода Р. Люксембург к рассматриваемой проблеме

[1] *R. Luxemburg*. Die russische Revolution. — Op. cit., S. 141.

не позволили ей в октябре 1918 г. увидеть существенное и общезначимое в ряде мероприятий ленинской партии и Советского правительства по осуществлению социалистического переворота. Справедливо отмечая влияние, оказанное на ход этого переворота в России особыми условиями, в которых оказалась революционная страна, Р. Люксембург подчас переоценивала их значение. Она видела специфическую, «навязанную этими несчастными условиями тактику» там, где в ряде вопросов речь должна была идти о международно-значимом опыте большевиков, Октябрьской социалистической революции.

Об отношении большевиков к своему революционному опыту В. И. Ленин писал в 1920 г.: «Первые месяцы после завоевания пролетариатом политической власти в России (25.X.—7.XI. 1917) могло казаться, что громадные отличия отсталой России от передовых западноевропейских стран сделают революцию пролетариата в этих последних очень мало похожей на нашу. Теперь мы имеем уже перед собой очень порядочный международный опыт, который говорит с полнейшей определенностью, что некоторые основные черты нашей революции имеют не местное, не национально-особенное, не русское только, а международное значение... понимая под международным значением международную значимость или историческую неизбежность повторения в международном масштабе того, что́ было у нас...

Конечно, было бы величайшей ошибкой преувеличить эту истину, распространить ее не только на некоторые из основных черт нашей революции» [1].

Разумеется, пребывание Р. Люксембург в тюрьме, неполнота информации, которой она располагала, были важной причиной ее ошибочных суждений. К этому присоединялось отсутствие собственного опыта борьбы за практическое осуществление социалистической революции. Отсюда и определенный теоретический схематизм в подходе к ряду важных вопросов, недостаточное обогащение теории на основе практического опыта. При этом в своих записках Р. Люксембург особо отмечала: только опыт может корректировать и открывать новые пути

[1] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 3.

позитивной, созидательной работы социалистической революции[1].

Теоретической односторонностью и практически политической ошибкой была недооценка Р. Люксембург органичной связи задач социалистических и демократических, проблем удержания власти и осуществления созидательной работы в ходе социалистического переворота.

Особое внимание к вопросам социалистического преобразования общества порой оборачивалось у Р. Люксембург недостаточным учетом конкретной ситуации развивающейся революции, конкретных интересов действующих в ней сил. В результате появлялись ошибочные оценки и выводы.

Так, при оценке аграрной программы большевиков Р. Люксембург противопоставляла «ленинскую собственную программу, существовавшую до революции», и «лозунг, перенятый у ...стихийного движения крестьянства»[2], утверждала, что раздел земли правилен как политическая мера для укрепления пролетарско-социалистического правительства, но ничего общего не имеет с социалистическим хозяйством. Таким образом, получилось игнорирование неразрывной связи социалистического преобразования сельского хозяйства и укрепления государственной власти пролетариата как необходимой к тому предпосылки. Р. Люксембург упрекала большевиков даже не за то, что аграрная программа, с ее точки зрения, не содержала социалистических мер. Ей казалось, что программа большевиков «нагромождает на пути преобразования аграрных отношений в социалистическом духе непреодолимые трудности»[3]. Она считала, что ленинская аграрная реформа создает в деревне мощный слой населения, враждебного социализму, оказывающего ему особенно опасное и упорное сопротивление[4]. Таким образом, и здесь имело место одностороннее суждение о перспективах участия крестьянства в социалистическом перевороте, не учитывалось «двоедушие» крестьянина — собственника и труженика.

[1] *R. Luxemburg*. Die russische Revolution. — Op. cit., S. 134—135.
[2] Там же, стр. 119.
[3] Там же, стр. 118.
[4] Там же, стр. 120.

Того же рода недостатки проявились и в подходе Р. Люксембург к национальному вопросу: считая необходимым усилить ориентацию на социалистическую революцию, она делала шаг назад в трактовке национально-освободительного движения. А именно такое движение разгоралось в это время на востоке Европы.

Рассматривая Октябрь как начало мировой социалистической революции, стремясь обеспечить единство международного пролетариата для ее дальнейшего развития, Р. Люксембург не поняла значения и методов осуществления большевиками права наций на самоопределение в 1917 г. Снова она встала на путь неприятия этого принципа как якобы дезорганизующего трудящиеся массы нерусских национальностей и способствующего укреплению гегемонии буржуазии. Р. Люксембург рассматривала национально-освободительную борьбу угнетенных народов только как проявление национального сепаратизма, а не как составную часть комплексного процесса социальной революции. Она вновь утверждала, что только самоопределение пролетариата и союз с революционной Россией способны противодействовать росту политического влияния буржуазии и триумфу контрреволюции.

Односторонность подхода Розы Люксембург к проблемам революции проявилась также в ошибочных оценках деятельности большевиков по вопросам демократии и диктатуры, Советов и Учредительного собрания. Р. Люксембург призывала не отбрасывать буржуазную демократию, а наполнить ее новым, социалистическим содержанием[1], не учитывая, что при этом необходимо также изменение демократических форм. Она отстаивала диктатуру как применение демократии и при этом пыталась противопоставить диктатуру, осуществляемую классом, диктатуре, осуществляемой руководящим меньшинством от имени класса[2]. Тем самым уже здесь проявились элементы «детской болезни левизны» в Германии, которые ана-

[1] *R. Luxemburg*. Die russische Revolution. — Op. cit., S. 139.
[2] Там же.

лизировал и помогал преодолеть В. И. Ленин в 1920 г.[1] В этой связи следует рассматривать и неоднократные возражения Р. Люксембург против роспуска Советской властью Учредительного собрания. Ряд ошибочных оценок деятельности большевиков она очень скоро исправила на основе собственной практической деятельности в германской революции.

Говоря о неправильных оценках, высказанных Р. Люксембург, не следует, очевидно, забывать и определенную обусловленность их опытом работы в германском рабочем движении. С одной стороны, в Германии чересчур привыкли к легальности, к свободному выбору вождей регулярными съездами партии, поэтому всякие иные пути формирования и сохранения руководящей группы, продиктованные особыми условиями, настораживали, зарождали беспокойство даже при том, что было понятно действие чрезвычайных условий. С другой стороны, опыт германской социал-демократии с ее закрытой, самовоспроизводящейся, много лет функционирующей группой «вождей», которая на глазах Р. Люксембург отгораживалась от влияния масс, от рядовых членов партии, обюрокрачивалась, закрывала фактически каналы для критики в свой адрес, манипулировала съездами и конференциями, митингами и собраниями, дабы приглушить голос недовольных, создать послушное себе большинство, приводил к тому, что приходившие из Советской России сообщения о фактах бюрократизма (Р. Люксембург упоминала в своих записках слова В. И. Ленина об этом) вызывали у пламенной революционерки опасения за будущее партийной и государственной системы в России, тем большие, что ей представлялось, будто диктатура пролетариата в понимании большевиков означает отказ от применения демократии.

Впоследствии антисоветчики и антикоммунисты неоднократно пытались и пытаются выдать эти опасения Р. Люксембург за ее антисоветскую, антибольшевистскую позицию. Они старательно закрывают глаза на то, что критика Р. Люксембург даже там, где она писала об ошибках большевиков или высказывала беспокойство по поводу дальнейших перспектив их деятельности, была направлена в первую очередь не в адрес революционной России, а в адрес не пробудившейся еще Германии. «Ошибки русской революции могут быть устранены и исправлены только в связи с германской революцией, — писала она К. Цеткин летом 1918 г. — Указывая на ошибки русских, мы должны все вновь и вновь будить в немцах сознание их главной и основной вины»[1].

Революция, начавшаяся в Германии, помогла Р. Люксембург. Она, по словам В. И. Ленина, «ошибалась в своих тюремных писаниях 1918 года (причем сама же по выходе из тюрьмы в конце 1918 и начале 1919 года исправила большую часть своих ошибок)»[2].

РЕВОЛЮЦИЯ В ГЕРМАНИИ. СОЗДАНИЕ КПГ

Ноябрьская революция 1918 г. в Германии принесла освобождение Розе Люксембург. 9 ноября ее выпустили из тюрьмы. В течение всего первого дня долгожданной свободы вплоть до трех часов ночи она участвовала в революционных выступлениях на улицах Бреслау (Вроцлава). Железнодорожное сообщение со столицей было прервано, но из разговоров с берлинскими товарищами по телефону Роза знала о происходивших там событиях.

Положение в Берлине было сложным. Правительство и лидеры правой социал-демократии пытались любыми средствами сдержать развитие революции. Они обращались с успокоительными заверениями «К немецкому народу» и одновременно искореняли «революционную заразу». С помощью провокации было выдворено советское посольство. По поводу разрыва дипломатических отношений с Советской Россией В. И. Ленин писал, что германское правительство «потеряло голову, и, когда горит вся Германия, оно думает, что погасит пожар, направляя свои полицейские кишки на один дом»[3].

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 22—29.

[1] *Клара Цеткин.* Роза Люксембург и русская революция. М. — Пг., 1924, стр. 37.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 421—422.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 150.

Правые социал-демократы пытались возглавить массовое движение, чтобы ввести его в спокойное русло. В этих целях 7 ноября 1918 г. они предъявили рейхсканцлеру ультиматум, одним из пунктов которого было немедленное отречение кайзера и кронпринца[1]. Правительство готово было пойти на уступки правой социал-демократии, чтобы использовать ее против революции.

Руководители спартаковцев в Берлине, в первую очередь К. Либкнехт[2] и В. Пик, стремились помочь массам преодолеть колебания, разобраться в тактике вождей официальной социал-демократии и независимцев, также пытавшихся под флагом «трезвости и выдержки» сдержать развертывание революции.

Утром 9 ноября десятки тысяч рабочих, поддерживаемых вооруженными солдатами и группами рабочей охраны, вышли на улицы Берлина; в их рядах были и руководители спартаковцев. Вооруженные силы, предназначавшиеся для подавления революции, перешли на сторону народа.

Правительство принца Макса Баденского под давлением масс было вынуждено уступить пост рейхсканцлера Ф. Эберту. Он сразу же обратился с призывом к народу покинуть улицы, соблюдать спокойствие и порядок.

Однако революция продолжала развиваться. Восставший народ занял здание полицей-президиума, почту, телеграф, комендатуру и другие объекты. Над важнейшими зданиями города взвились красные флаги. С балкона императорского дворца К. Либкнехт провозгласил Германию свободной социалистической республикой, призвал создать правительство рабочих и солдат, установить новый государственный строй.

Вечером 9 ноября вышел первый номер новой газеты «Ди Роте фане», подготовленный спартаковцами Г. Дункером и Э. Мейером в захваченной революционными рабочими типографии газеты «Берлинер локаль-анцайгер». Обращаясь к трудящимся массам, спартаковцы призывали их быть бдительными, не

[1] Здесь и далее см. *Я. С. Драбкин*. Ноябрьская революция в Германии, стр. 87—102.

[2] После демонстрации 16 октября 1918 г. власти выпустили К. Либкнехта из крепости, и 23 октября он вернулся в Берлин.

обольщаться достигнутыми успехами, не идти на сделку с правительственными социалистами, а добиваться создания социалистической республики Советов, немедленно заключить мир, установить интернациональные связи с социалистами всех стран, и в первую очередь с Советской Россией, вернуть в Берлин ее посольство.

Пока на улицах Берлина развертывались революционные события, лидеры правых социал-демократов и независимцев за спиной масс сговаривались о создании «партийного» правительства.

Поздно вечером 10 ноября в цирке Буш состоялось общее собрание Советов Берлина. Принятые на нем решения выражали революционные настроения масс. Однако в Совете народных уполномоченных — Временном правительстве[1] — и Исполкоме Берлинского Совета, созданных на этом собрании, верховодили правые лидеры СДПГ и независимцы. Партийный и профсоюзный аппарат помог им стать у власти и повести за собой значительные слои революционно настроенных масс. Подлинные выразители этих настроений, спартаковцы оказались слабее, организационные средства их связи с массами были недостаточны. Отказавшись войти в Исполком, спартаковцы проявили недостаточную тактическую гибкость.

Такова была обстановка в Берлине, когда 10 ноября около 10 часов вечера сюда приехала Роза Люксембург. Она остановилась напротив Ангальтского вокзала в отеле «Эксцельсиор», где жил К. Либкнехт, и сразу же окунулась в революционную борьбу.

Уже в день приезда Р. Люксембург появилась в редакции «Берлинер локаль-анцайгер», где готовился второй номер «Ди Роте фане». Печатники под давлением буржуазных элементов не хотели выпускать газету. Убедительная и страстная речь Р. Люксембург помогла преодолеть саботаж, и номер вышел[2]. Здесь же в помещении редакции К. Либкнехт, Р. Люксембург, Л. Иогихес (Тышка), В. Пик

[1] В него вошли от СДПГ Ф. Эберт, Ф. Шейдеман, О. Ландсберг, от НСДПГ — Г. Гаазе, Э. Барт, В. Дитман.

[2] «Karl und Rosa. Erinnerungen. Zum 100. Geburstag von Karl Liebknecht und Rosa Luxemburg». Berlin, 1971, S. 35.

и другие руководители спартаковцев обсудили результаты собрания в цирке Буш[1].

11 ноября 1918 г. в отеле «Эксцельсиор» состоялось заседание руководителей спартаковцев, на котором было решено преобразовать группу «Спартак» в «Союз Спартака». Р. Люксембург стала членом центрального руководства Союза. Хотя «Союз Спартака» оставался в составе НСДПГ, его образование объективно было дальнейшим шагом по пути создания революционной партии в Германии. Появились некоторые новые черты самостоятельной организации — центральное бюро с различными секретариатами, членские карточки, хотя и без взносов. Союз пользовался добровольными пожертвованиями, в которых широко участвовали рабочие.

Влияние «Союза Спартака» стало быстро расти в Берлине и многих других районах страны: в Баварии, Брауншвейге, Верхней Силезии, Восточной Пруссии, Гессене, Дрездене, Лейпциге, Магдебурге, Нижне-Рейнском районе, Руре, Тюрингии, Франкфурте-на-Майне, Штутгарте, в северо-западных и приморских районах Германии. Агитацию среди солдат вел также Красный солдатский союз.

На заседании 11 ноября и в местных организациях раздавались требования образовать самостоятельную рабочую партию. Однако Р. Люксембург, Л. Иогихес (Тышка), К. Цеткин и ряд других спартаковцев были против выхода из НСДПГ. Обращаясь к Р. Люксембург, К. Цеткин писала 17 ноября 1918 г., что, хотя ее чувствам соответствовало бы отделение от независимцев, она не считает момент подходящим. Она полагала, что такой шаг не будет понят массами и возможности воздействовать на них ухудшатся. Поэтому К. Цеткин отстаивала точку зрения, что целесообразно остаться в НСДПГ, ведя там принципиальную, непреклонную критику[2]. Судя по ее письму, Р. Люксембург и Л. Иогихес (Тышка) придерживались таких же взглядов.

В первые же дни после освобождения Р. Люксембург пришлось заняться вопросами польского рабочего движения, и прежде всего вопросом единства польского пролетарского авангарда. Еще накануне первой мировой войны стала обсуждаться проблема объединения СДКПиЛ с ППС-левицей, революционно-интернационалистской партией, выделившейся под влиянием революции 1905 г. из ППС и сближавшейся с польской социал-демократией. На Брюссельском совещании в июле 1914 г. Р. Люксембург выступила совместно с представителем ППС-левицы Г. Валецким с интернационалистским заявлением по внешнеполитическим вопросам. Детально выяснив позиции ППС-левицы в ходе встреч с Г. Валецким весной 1914 г., а также после его приезда в Берлин в феврале 1915 г.[1], она убедилась, что «разницы почти не было (между нами и ними)». Р. Люксембург надеялась, что «война даже ускорит сближение»[2].

В годы войны, находясь в тюрьме, она использовала каждую возможность, чтобы получить весточку с родины, узнать, как идут дела в партии. В сентябре 1918 г. в письме секретарю Советской дипломатической миссии в Берне члену СДКПиЛ С. Братману-Бродовскому она интересовалась, как обстоят дела с объединением, и просила передать привет находившемуся в Швейцарии Г. Валецкому. В октябре в Берн приехал к семье Ф. Дзержинский. Валецкий беседовал с ним по поводу объединения. В начале второй декады ноября Г. Валецкий по пути на родину посетил Р. Люксембург в Берлине и детально обговорил с ней проблему объединения[3]. К этому времени подготовка объединения в стране шла полным ходом. Приехавшему из Берлина Валецкому было поручено вместе с М. Кошутской-Костшевой и А. Варским сформулировать единую идейно-политическую платформу будущей партии[4].

Феликсу Дзержинскому, посетившему в конце октября Берлин, увидеться с Розой Люксембург, к его

---

[1] *Wilhelm Pieck.* Gesammelte Reden und Schriften. Bd. I. Berlin, 1959, S. 435.

[2] «Vorwärts», I.V.1969.

[1] «Z pola walki», 1958, N 4, s. 250—251.

[2] Цит. по: *F. Tych.* Z dziejów PPS-Lewicy w latach wojny 1914—1918. — «Ruch robotniczy i ludowy w Polsce w latach 1914—1923». Warszawa, 1961, s. 254.

[3] *J. Kancewicz.* Wstęp. Henryk Walecki. Wybór pism. 1905—1918». T. 1. Warszawa, 1967, s. 30—31.

[4] См. *Н. С. Яжборовская.* Коммунистическая партия Польши и идеи Октября. 1918—1923. М., 1967, стр. 71—72.

великому сожалению, не удалось. «Роза ... все еще сидит, и неизвестно, когда ее освободят, — писал он жене в день отъезда из Берлина — 28 октября 1918 г.— Ожидают, что скоро»[1]. Двум ведущим деятелям польской социал-демократии, один из которых был на переднем крае Великого Октября, а другая — в числе вождей германской революции, больше никогда не довелось встретиться. В рабочем кабинете председателя ВЧК, на стене позади письменного стола, всегда висел портрет Розы Люксембург[2].

С образованием «Союза Спартака» деятельность Р. Люксембург в революционном Берлине стала еще более напряженной. К тому же на нее и К. Либкнехта была возложена ответственность за выход «Ди Роте фане», первые номера которой опирались еще на материалы «Берлинер локаль-анцайгер». Стоило очень большого труда возобновить издание газеты, после того как с помощью социал-демократических лидеров спартаковцев изгнали из «Берлинер локаль-анцайгер». Лишь через неделю, 18 ноября 1918 г., удалось обеспечить выход очередного номера «Ди Роте фане».

Р. Люксембург была не только ведущим автором газеты и ответственной за ее редактирование, она присматривала и за версткой. Возникало множество сложностей. Трудно было с бумагой. Последние известия, которые должны были найти отражение в номере, можно было получить в это бурное время только к ночи. А дни были заполнены конференциями, собраниями, обсуждениями. Требовались поистине нечеловеческие силы, и если Р. Люксембург их находила, то главным образом благодаря волевому характеру, колоссальной жажде деятельности, которая накопилась за долгие месяцы тюремного заключения. Обстановка была очень тревожной. Систематические предупреждения, что Р. Люксембург и К. Либкнехта подстерегают убийцы, вынуждали все время менять место ночлега[3]. Лишь самообладание Р. Люксембург помогло избежать нападения со стороны пьяных солдат, которые по приказу правительства Эберта окружили спартаковцев в редакции «Берлинер локаль-

[1] *С. Дзержинская.* В годы великих боев. М., 1965, стр. 271.
[2] Там же, стр. 282.
[3] *A. Laschitza, G. Radczun.* Op. cit., S. 455.

анцайгер»[1]. Появляться дома было тоже опасно. Лишь 28 ноября, через две недели после возвращения в Берлин, когда уже ни в одном отеле в районе Потсдамского и Ангальтского вокзалов нельзя было получить пристанища, Р. Люксембург обосновалась в своей квартире в Зюденде[2].

В таких исключительно сложных условиях Р. Люксембург глубоко анализировала обстановку в Германии, сопоставляла ход событий с опытом русской революции, чем немало способствовала развитию теоретических установок спартаковцев.

Для возобновившегося издания «Ди Роте фане» Р. Люксембург написала 17 ноября 1918 г. две статьи, в которых формулировала насущные задачи дальнейшего развития революции. Она исходила из того, что революция, которая началась, но еще не получила необходимого размаха в Германии, имеет социалистические цели. Однако «ее единственная жизненная сила, ее социалистический и пролетарский характер»[3] уже выхолащиваются. Осуществленные преобразования верхушечны, поскольку были лишь реакцией на борьбу масс. Совет народных уполномоченных сразу же провозгласил, что «считает своей задачей осуществление социалистической программы». Однако, как показывала Р. Люксембург, «...в государстве Гогенцоллернов ничего существенно не изменилось: рабоче-солдатское правительство действует как преемник империалистического правительства...».

В статьях обращалось внимание на то, что весь государственный аппарат остается в руках тех, кто вчера поддерживал абсолютизм, а завтра выступит с позиций контрреволюции. Лозунг созыва Национального собрания квалифицировался как стремление создать буржуазный противовес рабоче-солдатскому представительству, перевести движение на рельсы буржуазной революции. Разоблачалось стремление правительства сделать все для обеспечения неприкосновенности капиталистических отношений и успокоения буржуазии. Дальнейшее развитие революции, подчеркивала Р. Люксембург, должно идти по такой линии: «Всю власть в руки трудящихся масс, в руки

[1] «Karl und Rosa...», S. 35.
[2] *A. Laschitza, G. Radczun.* Op. cit., S. 455—456.
[3] *R. Luxemburg.* Ausgewählte Reden..., Bd. II, S. 595.

рабочих и солдатских советов, охрана дела революции от ее находящихся в засаде врагов».

В качестве первых необходимых шагов, которые должно осуществить правительство, Р. Люксембург выдвигала следующую программу: расширение и перевыборы местных Советов, с тем чтобы они были результатом не импульсивного жеста, а сознательного процесса развития революции; непрерывные заседания Советов, которым должна быть передана из рук Исполкома собственно политическая власть; скорейший созыв общегерманского парламента рабочих и солдат для того, чтобы конституировать пролетариат всей Германии как класс, как компактную политическую силу; незамедлительная организация сельского пролетариата, мелких крестьян, которые как социальный слой еще не включились в революционное движение; образование пролетарской Красной гвардии и подготовка рабочей милиции, включающей в себя весь пролетариат; устранение перенятых у абсолютистско-милитаристского полицейского государства органов управления, юстиции и армии; немедленная конфискация имущества и владений династий и помещиков как первая мера для обеспечения продовольственного снабжения населения; немедленный созыв в Германии всемирного конгресса рабочих, чтобы со всей силой и ясностью подчеркнуть социалистический, интернациональный характер революции, ибо будущее германской революции — в Интернационале, в мировой революции пролетариата.

Программа, сформулированная Р. Люксембург, давала ответ на ряд актуальнейших вопросов, которые возникли в ходе революции. Напомним, что широкая волна создания Советов в Германии к середине ноября 1918 г. уже обнаружила их слабые стороны: они не стали действенной и устойчивой властью[1]. Исполком Берлинского Совета пытался ликвидировать Советы в Большом Берлине, всячески ограничивал их компетенцию. Сохранившийся аппарат государственной власти действовал в центре и на местах помимо Советов, а то и вопреки им. Буржуазия спешила поскорее созвать Национальное собрание, чтобы с его помощью обезвредить Советы и подавить революцию;

[1] См. *Я. С. Драбкин.* Указ. соч., стр. 132—150.

в Берлинском Исполкоме 17 ноября была провалена резолюция, противопоставлявшая Советы Национальному собранию[1].

Статьи Р. Люксембург указывали практический путь становления в Германии действительной власти Советов. Характерно, что для Р. Люксембург устранение старого государственного аппарата означало одновременно и вовлечение в революционное осуществление власти широких масс трудящихся, с помощью которых она только и надеялась обеспечить последовательное развитие революции и охрану ее от врагов. В этой связи следует рассматривать предлагаемые Розой меры, направленные на усиление власти Советов за счет Исполкома. Расширению массовой базы революции способствовало также требование организации сельского пролетариата и мелкого крестьянства вопреки попыткам правительства создать «крестьянские Советы». В. И. Ленин считал, что такая постановка вопроса Р. Люксембург совершенно правильна[2].

Практическая программа борьбы, опубликованная Р. Люксембург в третьем номере «Ди Роте фане», опиралась на весьма трезвую оценку сложности осуществления предлагаемых мер. «Реакционное государство цивилизованного мира не станет в 24 часа революционным народным государством. Солдаты, которые вчера в Финляндии, России, на Украине, в Прибалтике в качестве жандармов реакции убивали революционных пролетариев, и рабочие, которые спокойно допускали это, не стали в 24 часа ясно видящими цель носителями социализма»[3]. Но Р. Люксембург верила, что революция в Германии, начало которой уже положено, шаг за шагом, через все трудности и мучения сможет прийти к победе и победит.

Во второй половине ноября внимание Розы снова было привлечено к проблемам революции в Польше. К ней приехал Ю. Чишевский, член комиссии по подготовке объединения польских пролетарских партий, недавно побывавший в Москве. Там он встречался не только с руководством ППС-левицы в России, но и с Я. М. Свердловым, поддержавшим стремление

[1] *Я. С. Драбкин.* Указ. соч., стр. 151—159.
[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 508.
[3] *R. Luxemburg.* Ausgewählte Reden.., Bd. II, S. 595.

СДКПиЛ и ППС-левицы к объединению. В Берлин Ю. Чишевский привез подготовленный комиссией проект идейно-политической платформы объединения вместе с письмом члена той же комиссии, близкого соратника и друга Розы Люксембург А. Варского.

Проект программного документа будущей польской коммунистической партии, создаваемой путем слияния двух партий, содержал анализ эпохи империализма и характеристику кризиса капитализма. В нем указывалось, что Великая Октябрьская социалистическая революция открыла эру пролетарских революций, что важнейшей задачей международного рабочего движения является создание III Коммунистического Интернационала. Кратко характеризовалась расстановка классовых сил в польских землях и задачи польского пролетариата. Он нацеливался на социалистическую революцию, на переход политической власти в руки пролетариата города и деревни, объединенного в Советы рабочих депутатов, и на восстановление разрушенной оккупантами экономики «на принципах общей собственности на средства производства и землю»[1]. Однако при выработке общей политической линии объединявшиеся партии не учитывали в должной мере интересы крестьянства и национально-освободительное движение. Программный документ, проникнутый верой в близость мировой революции, не был достаточно конкретизирован применительно к развитию революционных событий в самой Польше.

Платформа объединения была последовательно интернационалистским документом, ориентирующим на тесный контакт с международным пролетариатом и с Октябрьской революцией как его авангардом, на воспитание рабочего класса Польши в духе пролетарской солидарности, т. е. на продолжение борьбы за отмежевание пролетариата от буржуазии, за преодоление влияния национализма в рабочем классе прежде всего. Зато конкретные задачи революционного пролетариата в экономической и политической области формулировались еще весьма неопределенно и в самых общих чертах[2]. Слабым местом этого документа, ставшего затем первой программой Коммунистической партии Польши в ее борьбе за социальное и национальное освобождение польского народа, было недостаточное внимание к тем мерам и методам, которые обеспечили бы партии поддержку масс, а польскому пролетариату — завоевание на его сторону широких слоев трудящихся.

[1] «KPP. Uchwały i rezolucje», t. I. Warszawa, 1953, s. 42.
[2] Там же, стр. 44, 45.

Р. Люксембург внимательно ознакомилась с привезенными Ю. Чишевским материалами обеих партий и платформой объединения, обстоятельно побеседовала с ним, подчеркнув в разговоре, что объединение польских рабочих партий давно назрело. В целом проект платформы и название будущей партии («Коммунистическая рабочая партия Польши») Р. Люксембург одобрила, но хотела вместе с Л. Иогихесом (Тышкой) в особом письме сформулировать свои замечания к тексту документа, в частности к освещению краха II Интернационала, где следовало бы «подчеркнуть роль партийной и профсоюзной бюрократии». Однако они не успели этого сделать ввиду срочного отъезда Ю. Чишевского, который смог передать товарищам только высказанные ими устно вопросы и соображения. В своих воспоминаниях он пишет, что во время беседы с Л. Иогихесом последний не раз ставил его в тупик детальными вопросами о состоянии рабочего движения, о тактике партий, об их влиянии, об их деятельности в Советах и т. д. Розу Люксембург интересовали положение в стране, деятельность «народных» правительств, роль ППС и Ю. Пилсудского. Она хотела знать, как долго можно рассчитывать на легальность партии, и подчеркивала важность организационной стороны объединения, придания массового и агитационного характера этой кампании[1].

Таким образом, стоя у колыбели Компартии Польши, Р. Люксембург, а также Л. Иогихес (Тышка) обращали внимание польских революционеров на проблемы выработки стратегии и тактики, на вопросы организационного строительства партии. Некоторые их пожелания и соображения были учтены при доработке платформы накануне I Объединительного съезда КРПП, состоявшегося 16 декабря 1918 г.

[1] «Z pola walki», 1929, N 7—8, s. 298—301.

Вопросы польского коммунистического движения решались Р. Люксембург в неразрывной связи с опытом польского рабочего движения, Октябрьской революции, революции в Германии, которой она отдавала в тот период все свои силы, время и энергию. Р. Люксембург, К. Либкнехт и другие руководители спартаковцев считали революцию не только результатом определенной зрелости масс, их недовольства, но и средством, которое ведет к быстрому революционному просвещению масс, созреванию их революционной активности. «Начало революции было знаком, что этот процесс созревания начался»[1], — отмечала Р. Люксембург. «Мы пытались и пытаемся дать массам ясное сознание их положения и их целей...» — писала она на страницах «Ди Роте фане» 3 декабря 1918 г. Для решения этой задачи спартаковцы, их вожди К. Либкнехт и Р. Люксембург стремились всемерно использовать все доступные им средства, в первую очередь страницы боевой ежедневной газеты и трибуну массовых собраний[2].

Залог успеха революции Р. Люксембург видела в «высшей духовной зрелости и неиссякаемом идеализме народных масс»[3]. Может показаться, что тем самым она слишком сужала задачи борьбы, сводила их к идейному воспитанию масс. На деле в данной обстановке проблема воздействия на массы, с тем чтобы они достигли необходимой для уровня революционных задач «духовной зрелости», приобретала особое значение. «Это *кажется* «только» пропагандистской работой», — писал В. И. Ленин о сходных задачах, обозначившихся в России в апреле 1917 г., когда разгул «революционной фразы» приобрел широкий размах. — «На деле это — самая *практическая революционная* работа, ибо нельзя двигать вперед революцию, которая остановилась, захлебнулась фразой, проделывает «шаг на месте» *не из-за* внешних помех, *не из-за насилия* со стороны буржуазии... а *из-за* доверчивой бессознательности масс»[4].

Особая значимость идейного воздействия на массы еще больше усиливалась тем, что не исключена была

[1] *R. Luxemburg*. Ausgewählte Reden.., Bd. II, S. 629.
[2] *A. Laschitza, G. Radczun*. Op. cit., S. 466.
[3] *R. Luxemburg*. Ausgewählte Reden.., Bd. II, S. 596.
[4] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 157, 158.

возможность (и Р. Люксембург прямо указывала на нее) натравливания несознательных слоев рабочих или солдат на революционные силы, и в первую очередь на спартаковцев. Р. Люксембург разоблачала лидеров правой социал-демократии и профсоюзных боссов, пытавшихся клеветой, слухами, созданием погромной атмосферы помешать широчайшим массам ознакомиться с политикой и целями спартаковцев. «Мы не дадим заткнуть нам рот»[1], — заявляла она.

Статьи Р. Люксембург, опубликованные 18 ноября 1918 г. в «Ди Роте фане», с очевидностью показывают, что опыт революционной борьбы побудил пересмотреть ряд положений, содержавшихся в ее тюремных записях, в частности по кардинальному вопросу «демократия и диктатура, Советы и Учредительное собрание». Участие в борьбе за победу революции в Германии помогало Р. Люксембург преодолеть свои ошибки.

Еще совсем недавно в заметках о русской революции Р. Люксембург не соглашалась с линией большевиков, отвергавших Учредительное собрание, которое в ходе революции превратилось в орудие и лозунг контрреволюционных сил. Она считала, что если даже роспуск Учредительного собрания, отражавшего вчерашний день революции, был правилен, все же необходимо вместо него созвать новое, вышедшее из обновленной России. Обдумывая вопрос о соотношении Советов и Учредительного собрания, Р. Люксембург записала в своих тюремных заметках: «Как Советы в роли спинного хребта, так и Учредительное собрание и всеобщее избирательное право»[2].

Теперь, в ходе революции, она принципиально меняет свою позицию, ибо события в Германии также показали, что за лозунгами парламентаризма, Национального собрания скрывается контрреволюция. В статье «Национальное собрание», опубликованной 20 ноября 1918 г. в «Ди Роте фане», Р. Люксембург расценивала как смешную мелкобуржуазную иллюзию надежды на введение социализма посредством решения парламентского большинства, без классовой борьбы. Она разъясняла, что лозунги Национального собрания на руку тем, кто хочет увести пролетарскую

[1] «Dokumente und Materialien...», Reihe II, Bd. 2, S. 424.
[2] *R. Luxemburg*. Die russische Revolution. — Op. cit., S. 133.

революцию от ее целей, выхолостить ее, превратив в революцию буржуазно-демократическую. «Тот, кто сегодня хватается за Национальное собрание... является замаскированным агентом буржуазии... Парламентский кретинизм был вчера слабостью, сегодня является двурушничеством, завтра будет предательством социализма» [1].

Под таким углом зрения Р. Люксембург рассматривала и демагогическую фальшь лозунга «Демократия или диктатура!», ставшего оружием контрреволюции. «Не о том идет речь сегодня — демократия или диктатура. Поставленный историей в порядок дня вопрос гласит: буржуазная демократия или социалистическая демократия. Ибо диктатура пролетариата — это демократия в социалистическом смысле. Диктатура пролетариата... — это использование всех политических средств власти для осуществления социализма, для экспроприации класса капиталистов — в духе революционного большинства пролетариата и посредством его воли, т. е. в духе социалистической демократии» [2]. «За или против социализма, против или за Национальное собрание: третьего не дано» [3], — писала она в конце ноября 1918 г. «Учредительное собрание или Центральный Совет рабочих и солдатских депутатов», такова, по ее мнению, постановка вопроса, ибо сама история противопоставила эти два типа «различной классовой организации» [4].

Еще одной проблемой, приобретавшей с развитием германской революции все большую остроту, была проблема обобществления производства, или, как тогда говорили, социализации.

Вторгнутся ли народные массы в святая святых капитализма — капиталистическую собственность на средства производства, пойдет ли это вторжение по линии революционного превращения капитализма в социализм, или дело ограничится несколькими ничего по сути дела не меняющими правительственными декретами — вот что решалось в борьбе по вопросу о социализации.

---

[1] *R. Luxemburg.* Ausgewählte Reden.. Bd. II, S. 606—607.
[2] Там же, стр. 606.
[3] *R. Luxemburg.* Ich war, ich bin, ich werde sein. Berlin, 1958, S. 46.
[4] *R. Luxemburg.* Ausgewählte Reden.., Bd. II, S. 623.

Рабочие массы связывали проблемы социализации со своими непосредственными жизненными требованиями. В конце ноября под лозунгом «Немедленно начать социализацию!» начались забастовки в различных районах Германии. Они явно нарушали намерения соглашателей всячески помешать «грубому вторжению в хозяйственную жизнь». Состав комиссии, созданной по предложению Гаазе для подготовки социализации, свидетельствовал о том, что она будет всячески срываться.

Р. Люксембург придавала особое значение поднявшейся волне забастовок: «Массы инстинктивно прибегли к единственному средству, действительно ведущему к социализму: к борьбе против капитала» [1]. Она считала, что в результате будут сорваны планы такого развития германской революции, когда основным считаются «порядок и спокойствие», а первой и настоятельной задачей — защита капиталистической частной собственности. Забастовки поднимают германскую революцию, делала вывод Р. Люксембург, на новый уровень, революция наносит удары по социальному фундаменту буржуазного общества.

Дальнейший ход событий показал, что Р. Люксембург явно преувеличивала значение этих забастовок, особенно в общем плане развития революции. Но показательно и другое — стремление Розы найти в выступлениях масс черты, без развития которых не может быть подлинно революционного движения.

В этой связи интересна еще одна сторона подхода Р. Люксембург к задачам социалистической революции — умение видеть в ее бойцах не только разрушителей старого, но и созидателей, будущих членов нового, социалистического общества. Как ни сложны сегодняшние задачи революции, разъясняла она в статье «Социализация общества», предназначенной специально для молодежи, еще более сложны задачи организации социалистического производства. Отсюда особая требовательность к бойцам армии социалистической революции, ибо «с ленивыми, легкомысленными, эгоистичными, бездумными и равнодушными людьми осуществить социализм невозможно» [2].

---

[1] «Dokumente und Materialien...», Reihe II, Bd. II, S. 488.
[2] Цит. по: *A. Laschitza, G. Radczun.* Op. cit., S. 468.

Зная по опыту истории и своему собственному, что в ходе революционной схватки не приходится думать о белизне перчаток, Р. Люксембург всегда помнила и свято отстаивала революционную чистоту борцов против капитализма, за новое общество.

С пролетарско-революционных позиций Р. Люксембург, К. Либкнехт и другие руководители спартаковцев разрабатывали в эти бурные ноябрьские дни проблемы германской революции.

Коренной вопрос власти — Советы или Учредительное собрание получил, как мы видели, у спартаковцев ясное теоретическое решение. Но этого было недостаточно. Требовалось провести такую линию борьбы на практике, осуществить ее, учитывая слабость существующих Советов, укрепление позиций контрреволюции, учитывая мешанину, которая возникала в головах рядовых рабочих, поскольку контрреволюция рядилась в революционные одежды, прикрывалась демократическими лозунгами, использовала силу социал-демократической и профсоюзной организации.

К тому же в конце ноября 1918 г. все больше обнаруживались определенные успехи попыток использовать против революции армию и особенно гвардейские части; контрреволюция активизировалась в Берлине и его окрестностях. 6 декабря в ходе контрреволюционной демонстрации матросов и солдат Эберта провозглашали президентом республики, разгромили редакцию «Ди Роте фане», пытались арестовать руководителей спартаковцев. Контрреволюционные силы хотели ликвидировать даже Берлинский Исполком. В тот же день солдатскую демонстрацию, организованную спартаковцами в столице, встретили пули гвардейских стрелков. Почти одновременно реакционные силы выступили и в ряде других городов Германии[1]. 1 декабря в Берлин под звуки парадных маршей с оружием в руках вступили реакционные гвардейские части. Исполком Берлинского Совета оказался не в состоянии что-либо предпринять для отпора контрреволюции и продолжал линию на капитуляцию. Правительство Эберта тем временем приступило к созданию добровольческих контрреволюционных формирований и решило разоружить трудящихся столицы. 14 декабря было объявлено распоряжение, грозившее тюремным заключением населению, которое не сдаст оружие и военное имущество. Что же касается взаимоотношений с Берлинским Исполкомом, то правительство все больше его третировало.

[1] См. *Я. С. Драбкин.* Указ. соч., стр. 226—233.

В соответствии с обстановкой спартаковцы стремились сочетать разоблачение происков контрреволюции и мобилизацию революционных сил. Важное место в осуществлении этой линии занимала разработка программных вопросов и разъяснение массам целей «Союза Спартака». Большую роль в этом сыграли Тезисы, составленные К. Либкнехтом в ноябре 1918 г. Тезисы Карла Либкнехта были выдающимся документом, программной основой для выяснения существенных вопросов государства и революции в рядах марксистского авангарда рабочего класса и для размежевания с мелкобуржуазной, центристской позицией руководства НСДПГ. Тезисы указывали путь к победе революции, к решению национальных жизненных вопросов германского народа, к утверждению миролюбивой, демократической и социалистической Германии[1].

С начала декабря спартаковцы регулярно проводили большие собрания, на которых вели разъяснительную работу и одновременно оттачивали программные положения своей организации. 1 декабря в Берлине было организовано шесть собраний с докладами «Чего хочет «Союз Спартака»?». В здании союза учителей, где собралось около 3 тыс. человек, выступила Р. Люксембург. Ее доклад вызвал оживленную дискуссию. Лишь три человека не поддержали резолюцию с требованием передать всю власть Советам, которым надлежит изгнать Эберта, Шейдемана и их последователей из правительства, вооружить трудящихся для защиты революции, энергично осуществлять социализацию. На следующий день 10 тыс. рабочих приняли участие в собрании, на котором К. Либкнехт разъяснял, чего хотят спартаковцы. Одновременно 2,5 тыс. рабочих участвовали в собрании, организованном спартаковцами в Софиензале.

[1] *K. Liebknecht.* Gesammelte Reden.., Bd. IX, S. 630—635.

Единодушное одобрение получили требования социализации и отставки правительства.

По призыву спартаковцев трудящиеся Берлина развернули движение протеста против наглых вылазок контрреволюционеров. 7 декабря 150 тыс. человек участвовали в митинге с требованиями свергнуть правительство — пособников контрреволюции, установить дружественные отношения с Советской Россией. В тот же день забастовало несколько крупнейших предприятий Берлина. 8 декабря состоялась мощная демонстрация под лозунгами «Долой правительство Эберта—Шейдемана!», «Вся власть Советам!». Демонстранты требовали разоружения контрреволюционеров, вооружения рабочих, создания Красной гвардии, приветствовали Советскую Россию.

Развертывание массового движения усиливало размежевание спартаковцев с центристами, борьбу против их содействия контрреволюции.

Ход революции все больше демонстрировал, что политика лидеров НСДПГ «вообще не политика», что они «спокойно и уютно уселись в нечистотах» и что «друг, подобный НСДПГ, хуже и опаснее, чем честный противник»[1]. Уже во втором номере «Ди Роте фане» были помещены решения вюртембергской организации спартаковцев, отмечавшие, что позиция НСДПГ мешает рабочим осознать свои классовые интересы. В конце ноября 1918 г. Р. Люксембург опубликовала в «Ди Роте фане» статью, в которой с гневным сарказмом разоблачала эклектическую теорию центристов — набор радикальных формул, лишенных социалистического духа[2]. Р. Люксембург бичевала НСДПГ как партию, способную в великий час революции лишь на двусмысленности, колебания, половинчатость, партию, стремящуюся сотрудничать с аннексионистами, шовинистами, палачами революции из лагеря правых социал-демократов, пытающуюся убеждать массы в необходимости спокойствия и рабского повиновения плетке предпринимателя. «Такая партия осуждена каждым своим словом и каждым своим действием»,— заключала Р. Люксембург и требовала скорейшего созыва партийного

[1] *R. Luxemburg*. Ausgewählte Reden.., Bd. II, S. 623—624.
[2] *R. Luxemburg*. Ich war.., S. 42.

съезда, который должен внести ясность и принять необходимое решение, ибо «германскому пролетариату нужно сегодня, чтобы во главе его стояла социалистическая партия, которой по плечу великий час».

14 декабря 1918 г. в «Ди Роте фане» был опубликован разработанный Р. Люксембург программный манифест «Чего хочет «Союз Спартака»?», который принципиально противостоял линии НСДПГ в революции. В тот же день, когда он был опубликован, центральный орган независимцев «Ди Фрайхайт» в редакционной статье «Германская тактика для германской революции», пропитанной ярой антисоветчиной, противопоставлял курсу на развитие революции по-спартаковски выборы в Национальное собрание — как средство решения революционных проблем.

В первом разделе манифеста «Чего хочет «Союз Спартака»?» давалась характеристика революции 9 ноября 1918 г. и ее предпосылок. Во втором разделе формулировалась задача осуществления социалистического общественного порядка. Отмечалось, что она требует «полной перестройки государства и полного переворота в экономических и социальных основах общества» в ходе борьбы самих масс. В ожесточенной борьбе против капитала на каждом предприятии «путем создания постоянных представительных органов рабочие могут взять на себя контроль над производством и в заключение фактическое управление».

В третьем разделе документа рассматривались методы осуществления социалистических преобразований. Р. Люксембург в принципе отвергала террор и политические убийства как не соответствующие целям и задачам пролетарской революции. При этом в противовес сладеньким иллюзиям о «мирном введении» социализма она подчеркивала: «Было бы безумием верить, что капиталисты добровольно подчинятся социалистическому вердикту парламента, Национального собрания, спокойно откажутся от собственности, прибыли, привилегий эксплуатации..., они скорее превратят страну в дымящиеся развалины, чем добровольно откажутся от наемного рабства».

В этой связи программа выдвигала требование сломить сопротивление капиталистов «железным

кулаком и не знающей оглядки энергией. Силе буржуазной контрреволюции должна быть противопоставлена революционная сила пролетариата... Борьба за социализм — самая величественная гражданская война, которую видела мировая история, и пролетарская революция должна приготовить себе необходимое оружие для этой гражданской войны... Такое вооружение сплоченных трудящихся народных масс всей политической властью для решения задач революции и есть диктатура пролетариата и поэтому истинная демократия... только там существует демократия, которая не является обманом народа».

Для решения поставленных задач манифест намечал конкретные мероприятия: разоружение контрреволюции и вооружение всего взрослого пролетарского мужского населения, создание Красной гвардии; перестройку старой армии; замену всех политических органов и властей прежнего режима доверенными людьми Советов; создание революционного трибунала для суда над представителями правящей династии и военных властей, ответственными за войну, а также над всеми контрреволюционными заговорщиками; немедленную конфискацию всех средств питания, чтобы обеспечить снабжение населения. В области политической и социальной: создание единой германской республики; передача функций парламентов и муниципалитетов рабочим и солдатским Советам, избираемым всеми взрослыми пролетариями обоего пола и солдатами, при этом фиксировалось право отзыва представителей из Советов; создание Центрального совета рабочих и солдатских депутатов всей Германии, переизбираемого не реже, чем раз в три месяца, Исполкома — высшего органа законодательной и исполнительной власти, который назначает и заменяет народных уполномоченных (правительство) и все центральные общегерманские органы и чиновников; отмена всех сословных различий, орденов, титулов, полное правовое и социальное равенство мужчин и женщин; радикальное изменение социального законодательства, сокращение рабочего дня; немедленное преобразование в пролетарско-революционном духе системы продовольственного снабжения, обеспечения жильем, здравоохранения, образования. В качестве ближайших экономических требований предлагались:

конфискация всех доходов династий; аннулирование государственных долгов и военных займов; ликвидация крупной и средней собственности на землю, образование социалистических сельскохозяйственных товариществ под единым центральным управлением во всей стране, одновременно предусматривалось, что «мелкие крестьянские хозяйства остаются в собственности их владельцев до их добровольного присоединения к социалистическим товариществам»; экспроприация Республикой Советов банков, крупных промышленных и торговых предприятий; овладение общественными средствами связи; конфискация доходов, превышающих уровень, установленный Центральным Советом; избрание на всех предприятиях производственных советов, которые в согласии с рабочими Советами будут контролировать производство, а затем возьмут в свои руки управление предприятиями; создание центральной стачечной комиссии, которая в постоянном сотрудничестве с производственными советами должна обеспечить развертывающемуся в стране стачечному движению единое руководство, социалистическую направленность, поддержку политической власти Советов.

Специальный раздел программы был посвящен интернациональным задачам. Здесь предлагалось немедленно установить связь с братскими партиями за рубежом, чтобы обеспечить развитие социалистической революции на основе международного братства и революционного подъема мирового пролетариата.

В заключительном разделе от имени «Союза Спартака» Р. Люксембург писала, что он «лишь сознающая цель часть пролетариата, которая на каждом шагу указывает всей широкой массе рабочего класса ее исторические задачи, на каждой отдельной стадии революции защищает социалистическую конечную цель, а во всех национальных вопросах — интересы пролетарской мировой революции». Р. Люксембург подчеркивала, что спартаковцы никогда не возьмут власть иначе как в результате ясного, недвусмысленного выражения воли громадного большинства пролетарских масс всей Германии, одобряющих цели и методы борьбы «Союза Спартака», и заключала: «Победа «Союза Спартака» находится не в начале, а в конце революции, она идентична с победой

громадных миллионных масс социалистического пролетариата».

Программный документ, вышедший из-под пера Р. Люксембург, страдал определенными недостатками, которые свидетельствовали о сложности процесса идейно-политического формирования спартаковцев. Тем не менее манифест «Чего хочет «Союз Спартака»?» явился выдающимся документом, воплощающим марксистский ответ на основные вопросы германской революции. «...Объективно он был дальнейшим важным шагом к созданию марксистской партии германского рабочего класса»[1].

В. И. Ленин высоко оценил значение программного документа спартаковцев для развития международного коммунистического движения. Спустя две недели после опубликования манифеста «Чего хочет «Союз Спартака»?» он в письме к Г. В. Чичерину ставил задачу срочно сформулировать основы платформы нового, III, Коммунистического Интернационала. Для этого В. И. Ленин предлагал «взять теорию и практику *большевизма*», «затем взять «*Was will der Spartacusbund?*»», отмечая, что вместе взятое «достаточно ясно дает *основы платформы*»[2].

Итак, ко времени открытия Всегерманского съезда Советов Р. Люксембург сформулировала развернутую программу борьбы за социалистическую революцию. На этой основе спартаковцы могли вести работу по сплочению революционных сил, против линии правых социалистов и центристов.

Всегерманский съезд Советов проходил с 16 по 21 декабря 1918 г. 290 делегатов (из 489) представляли социал-демократов; 195 из них были редакторами, депутатами, партийными и профсоюзными чиновниками. Независимцев представляли 90 делегатов, спартаковцев среди них было только 10 человек. Левые группы не сумели создать самостоятельную объединенную фракцию. К. Либкнехту не удалось договориться с представителями левого крыла НСДПГ о совместных требованиях. Ни Либкнехт, ни Р. Люксембург не были избраны делегатами; предложение допустить их в качестве гостей с совещательным голосом было отклонено.

[1] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 3, Berlin, 1966, S. 155.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 50, стр. 228.

Важнейшие решения были приняты съездом еще до обсуждения соответствующих вопросов, при голосовании резолюций по отчету Исполкома и докладу Совета народных уполномоченных. Резолюция спартаковцев, характеризовавшая деятельность правительства как направленную на уничтожение власти Советов и потому служащую укреплению контрреволюции, была отклонена, так же как предложение о роспуске контрреволюционных формирований (хотя в то же время прошла резолюция о необходимости принять немедленные меры для разоружения контрреволюции). Не получила поддержки и резолюция с требованием очистить правительство от буржуазных элементов, провозгласить верховную власть Советов и предоставить право Всегерманскому съезду Советов контролировать, назначать и смещать правительство. Зато была одобрена резолюция, согласно которой впредь до окончательного решения вопроса Национальным собранием законодательная и исполнительная власть передавалась Совету народных уполномоченных, а Центральному Совету, избираемому съездом, оставлялось лишь неопределенное право «парламентского надзора» над правительством.

Тем самым вопрос «Национальное собрание или система Советов?», который стоял вторым в повестке дня, был по сути дела решен еще до его обсуждения. Съезду оставалось лишь еще раз отвергнуть резолюцию в пользу Советов, определить срок выборов в Национальное собрание. Они были назначены на 19 января, на четыре недели раньше первоначально намеченного срока. Контрреволюция спешила укрепить свои позиции. Большинство съезда пошло у нее на поводу, по-видимому веря, что для Германии открывается путь к демократии и социализму, что в самый короткий срок, как обещали шейдемановцы, в Германии на основе равного избирательного права установится народная республика, обеспечивающая свободу собраний, союзов, печати, вероисповедания, равноправие рабочих и предпринимателей.

После этого обсуждение вопроса о социализации экономической жизни не могло играть решающей роли, да и докладчик — Р. Гильфердинг — постарался

выхолостить все революционное содержание проблемы, что и было закреплено в резолюции.

Итак, коренные вопросы революции были решены Всегерманским съездом Советов по сути дела в пользу контрреволюции. Р. Люксембург писала 21 декабря 1918 г. о «победе контрреволюции по всей линии»[1].

Для Р. Люксембург и других спартаковцев решения съезда вряд ли явились неожиданностью. По основным вопросам повестки дня спартаковцы не были в состоянии повести делегатов за собой. В канун открытия съезда на собрании организации НСДПГ Большого Берлина резолюция Р. Люксембург, формулировавшая требования спартаковцев, собрала менее трети голосов. Большинство же съезда составляли крайне враждебные революции представители правых. Р. Люксембург писала после окончания съезда, что, несмотря на 9 ноября 1918 г., в зале заседаний господствовал дух 4 августа 1914 г.[2] Напомним также, что за месяц до съезда она отмечала невозможность немедленного превращения в сознательных социалистов тех, кто служил орудием подавления революции в России или молча допускал это.

И все же накануне принятия съездом решения в пользу Национального собрания Р. Люксембург выступила со статьей «Национальное собрание или правительство Советов?», в которой призывала отказаться от буржуазного парламентаризма, утратившего в ходе пролетарской революции право на существование, и передать всю власть в руки трудящихся масс[3]. К. Либкнехт в день открытия съезда на массовой демонстрации у здания, в котором он происходил, потребовал, чтобы депутаты взяли в свои руки всю политическую власть для осуществления социализма в Германии, а не передавали ее Национальному собранию. Вряд ли при этом Р. Люксембург и К. Либкнехт верили в возможность переубедить делегатов съезда, хотя некоторых сдвигов в ходе его работы можно было добиться.

Главное, на что возлагали надежды руководители спартаковцев, — это движение масс, внепарламентское давление на съезд Советов. Такому движению

[1] *R. Luxemburg*. Ich war.., S. 76.
[2] Там же, стр. 78.
[3] *R. Luxemburg*. Ausgewählte Reden.., Bd. II, S. 644.

было тем труднее развернуться, что «охранные отряды старого порядка», используя вывеску социал-демократии, боролись против революции под чужим флагом, под флагом самой революции[1], как писала Р. Люксембург. Но тем самым массовое движение и внепарламентское давление приобрели особую важность для революционного воспитания масс на основе их собственного опыта. С точки зрения спартаковцев, в этом был ключ к успешному развитию всей германской революции.

Всегерманский съезд Советов проходил в условиях подъема массового движения рабочих Берлина и солдат гарнизона, которые выступили под спартаковскими лозунгами. В день открытия съезда рабочие крупнейших предприятий города прекратили работу и вышли на демонстрацию. 250 тыс. человек шли под лозунгами: «За рабочие и солдатские Советы!», «Против Национального собрания!», «Долой шейдемановцев!» — гремели возгласы у здания прусской палаты депутатов. На следующий день на съезд пришли делегации солдат, требовавших власти Советов в армии и флоте. 18 декабря депутация берлинских рабочих потребовала допустить ее в зал заседаний, угрожая в противном случае начать забастовку 250 тыс. человек. 45 представителей рабочих сумели пробиться в зал и провозгласили: «Вся власть рабочим и солдатским Советам в Исполкому как высшему законодательному и исполнительному органу!»

Дело дошло до того, что в знак протеста против давления масс правые социал-демократы ушли с заседаний, угрожая сорвать работу съезда[2].

Таким образом, линия спартаковцев на развитие массового движения в ходе революции давала положительные результаты. Хотя и не так быстро, как нужно было бы для успеха коренных преобразований, массовое движение развивалось. В этом смысле Р. Люксембург была права, когда считала, что Всегерманский съезд Советов поработал в направлении воспитания масс, прояснения их сознания. Однако она подчас переоценивала темпы роста сознательности широких масс. В этой связи нам

[1] *R. Luxemburg*. Ich war.., S. 78.
[2] См. *Я. С. Драбкин*. Указ. соч., стр. 244—250.

представляется, что итоги работы съезда не столько означали поражение масс, становящихся на подлинно революционный путь, сколько демонстрировали отставание процесса собирания сил революции от укрепления позиций контрреволюции. Авангард революции еще не набрал достаточную силу. Таким образом, особую актуальность приобретал вопрос изменения соотношения сил в предвидении грядущей решающей схватки. Для решения такой задачи необходима была настойчивая, целеустремленная организационная работа. Тем более что революционной борьбе спартаковцев противостояла слаженная и многократно опробованная система организации СДПГ и реформистских профсоюзов, опиравшаяся к тому же на глубокие традиции социал-демократизма в рабочем движении. Эффективному функционированию такой системы немало способствовало в ноябрьские дни 1918 г. использование рычагов государственной власти, находившихся в руках социал-демократического правительства Эберта — Шейдемана.

Все это отрицательно влияло на осуществление политической линии «Союза Спартака», сказывалось не только на борьбе за требование «Вся власть Советам!», но и на попытках добиться вооружения революции и разоружения контрреволюции. Линия на углубление и расширение революции, на активное участие масс в коренных преобразованиях германского общества требовала не только агитации и пропаганды, но и революционной организации.

15 декабря на собрании организации НСДПГ Большого Берлина Р. Люксембург по поручению «Союза Спартака» выступила с резкой критикой руководства независимцев, подчеркивала, что в партии объединены элементы, которые не связаны друг с другом[1], предлагала принять резолюцию, требующую немедленного созыва партийного съезда. Но и в этот период Р. Люксембург, Л. Иогихес (Тышка) все-таки считали возможным не выходить из НСДПГ, а, оттеснив центристское руководство, превратить ее в революционную партию[2].

В своем выступлении на собрании Р. Люксембург

[1] *R. Luxemburg*. Ich war.., S. 73.
[2] *См. Н. М. Кривогуз*. Указ. соч., стр. 193—194.

предупреждала, что революция уже почти доведена до края пропасти, призывала пролетариат железной рукой отвести ее от гибели[1]. К. Либкнехт под бурные аплодисменты собравшихся заявил: «Мы призываем пролетариат к новой революции, к действительной революции, которая разгромит социал-патриотов»[2]. В резолюции, предложенной собранию, и на страницах «Ди Роте фане» Р. Люксембург прямо называла четыре неотложных мероприятия, осуществление которых еще позволило бы Советам стать во главе революции. Во-первых, устранить гнездо контрреволюции — правительство Эберта—Шейдемана—Гаазе; во-вторых, потребовать разоружения фронтовых частей; в-третьих, потребовать разоружения всех офицеров и созданной правительством белой гвардии; в-четвертых, отклонить Национальное собрание как покушение на революцию, на рабочие и солдатские Советы. Статья заканчивалась призывом: «Вся власть рабочим и солдатским Советам!»[3].

Осуществлению таких требований мешал центристский курс руководства НСДПГ. В то же время политика блока с шейдемановцами, проводившаяся правым руководством этой партии, а также половинчатость и революционное фразерство многих ее левых руководителей вызывали все большее недовольство среди рядовых независимцев, требовавших созвать в декабре съезд НСДПГ и порвать с шейдемановцами. Однако Правление НСДПГ отказалось собрать съезд. Одновременно центристы провели «отвлекающий маневр» — вышли из Совета народных уполномоченных и этим в какой-то мере укрепили свое влияние. Тем острее становилась необходимость сформировать революционную партию германского пролетариата.

Руководство спартаковцев решило собрать в конце декабря общегерманскую конференцию Союза и сформулировать позицию в отношении кризиса в НСДПГ, по вопросам программы, Национального собрания и намечавшейся в Берне международной конференции социал-демократических партий[4]. «Ди Роте фане» пи-

[1] *R. Luxemburg*. Ich war.., S. 74—75.
[2] *K. Liebknecht*. Gesammelte Reden.., Bd. IX, S. 643.
[3] *R. Luxemburg*. Ich war.., S. 69.
[4] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 3, S. 168.

сала 29 декабря о пропасти, отделяющей спартаковцев не только от сторонников Эберта — Шейдемана, но и от независимцев. В статье подчеркивалось, что германской революции необходим точный компас, безошибочно указывающий великую цель: решительную борьбу пролетариата за власть для освобождения человечества от гнета капитала. «Быть таким указывающим путь компасом, таким подталкивающим вперед клином, пролетарски-социалистической закваской революции — специфическая задача Союза Спартака в современном столкновении двух миров».

Общегерманская конференция «Союза Спартака» открылась 29 декабря 1918 г. в парадном зале прусской палаты депутатов в Берлине. Собрались представители 46 местных организаций спартаковцев, Красного солдатского союза, молодежи, гости. На неофициальном заседании после краткого обмена мнениями было принято решение немедленно разорвать с НСДПГ и образовать самостоятельную партию. Против голосовали только три человека, в том числе Л. Иогихес (Тышка), еще надеявшийся на возможность преобразовать НСДПГ в революционную партию [1]. На следующий день — 30 декабря 1918 г. — конференция конституировалась как Учредительный съезд Коммунистической партии Германии.

При обсуждении съездом вопроса о кризисе в НСДПГ докладчик К. Либкнехт обосновал необходимость разрыва с независимцами во имя верности революции. Без прений была принята резолюция, в которой говорилось: «Союз Спартака разрывает всякие организационные связи с НСДПГ и конституируется как самостоятельная политическая партия под названием: Коммунистическая партия Германии (Союз Спартака)» [2]. Когда название новой партии обсуждалось на предварительном совещании, Р. Люксембург и Иогихес (Тышка) предлагали назвать ее «Социалистическая партия». Однако в комиссии прошло и съездом было принято название, резко отмежевывающее новую партию от старой социал-демократии и от «независимцев».

[1] *См. Я. С. Драбкин.* Указ. соч., стр. 300.
[2] «Protokoll des Gründungsparteitages der Kommunistischen Partei Deutschlands (30. Dezember 1918 — 1. Januar 1919). Berlin, 1972, S. 92—94.

Большую остроту приобрел на съезде вопрос о Национальном собрании. После того как созыв его стал неизбежным, борьбу за дальнейшее развитие революции предстояло вести в ходе выборов в Национальное собрание и в самом собрании. Р. Люксембург, учитывая изменение обстановки, уже 23 декабря писала в «Ди Роте фане»: «Избирательная борьба, трибуна этого контрреволюционного парламента должны стать средствами обучения, собирания, мобилизации революционной массы, этапом в борьбе за установление пролетарской диктатуры...» [1]

Такая же линия проводилась в докладе, сделанном на съезде П. Леви. Однако многие молодые радикально настроенные делегаты считали предложение об участии в выборах позорным и самоубийственным, дезориентирующим рабочих. Выступления Р. Люксембург, К. Либкнехта, К. Дункер, Ф. Геккерта не смогли преодолеть такого настроения, в котором Р. Люксембург справедливо видела немного детский, неперебродивший, прямолинейный радикализм. Предложение ЦК об участии в выборах было отклонено 62 голосами против 23. Давая впоследствии оценку позиции руководителей спартаковцев, В. И. Ленин писал: «Роза Люксембург и Карл Либкнехт были, по-моему, правы, когда защищали участие в выборах в буржуазный немецкий парламент, в учредительное «Национальное собрание» на январской конференции 1919 года спартаковцев в Берлине *против* большинства этой конференции» [2].

Значительно более слабой была позиция Р. Люксембург по вопросу о профсоюзах. Выступая в прениях по докладу П. Ланге об экономической борьбе, она по сути дела поддержала антипрофсоюзную линию. Рассматривая германские профсоюзы как важнейшую опору буржуазного государства, Р. Люксембург полагала, что осуществление их задач должны взять на себя рабочие и солдатские Советы, а также производственные советы. Вместе с тем она считала, что вопрос об отношении к профсоюзам еще не созрел для решения, и предложила передать его для изучения в комиссию по программе. В. И. Ленин

[1] *R. Luxemburg.* Ausgewählte Reden.., Bd. II, S. 654.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 161—162.

отметил, что даже Р. Люксембург провозглашает «ликвидацию профессиональных союзов»[1].

Центральное место в работе съезда занял доклад Р. Люксембург о программе партии и политической ситуации. С чувством великой гордости и ответственности она обращалась к Учредительному съезду «единственной революционной социалистической партии германского пролетариата»[2]. Лейтмотив доклада — идея осуществления социалистической революции.

Обосновывая партийную программу, проект которой был уже известен делегатам съезда по изданному брошюрой манифесту «Чего хочет «Союз Спартака»?», Р. Люксембург подчеркнула ее принципиальную связь с «Манифестом Коммунистической партии» в противоположность фальсифицированному «официальному марксизму»: «Мы сегодня, товарищи, переживаем момент, когда можем сказать: мы снова с Марксом, под его знаменем. Когда мы сейчас в нашей программе заявляем: непосредственной задачей пролетариата является не что иное, как — говоря кратко — претворение социализма в жизнь и выкорчевывание капитализма, мы становимся на почву, на которой стояли Маркс и Энгельс в 1848 г. и которую они принципиально никогда не покидали». «...Мы сегодня не только в состоянии решить эту задачу, она не просто наша обязанность по отношению к пролетариату, ее решение сегодня является вообще единственным спасением для существования человеческого общества»[3]. При этом Р. Люксембург допускала определенные упрощения, отрицая необходимость различать программу-минимум и программу-максимум. «Для нас теперь нет программы-минимум и максимум; и одной и другой является социализм; это — тот минимум, который мы ныне осуществляем»[4]. В этом проявилось стремление заострить и разъяснить социалистические задачи и пути осуществления революции в борьбе против правых социал-демократов и каутскианцев, пытающихся, по словам В. И. Ленина, «раздробить и

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 141.
[2] *R. Luxemburg.* Ausgewählte Reden.., Bd. II, S. 667.
[3] Там же, стр. 664—665.
[4] Там же, стр. 666.

затормозить революцию, навязывая ей ограниченные, демократические цели»[1].

Однако такая постановка вопроса о программе, да еще в ходе развития буржуазно-демократической революции, несла в себе опасность недооценки демократических требований, промежуточных лозунгов и форм, подводящих массы к осуществлению непосредственно социалистических преобразований, втягивающих в революционную борьбу все более широкие слои трудящихся. Тем самым не получала необходимого раскрытия и обоснования широкая, многосторонняя программа конкретных требований, содержавшаяся в манифесте «Чего хочет «Союз Спартака»?».

Стремление революционизировать классовое сознание широких масс трудящихся, и в первую очередь германского пролетариата, для того, чтобы революция в Германии привела к победе социализма, проявилось также в анализе хода событий, содержавшемся в докладе Р. Люксембург.

В революции Р. Люксембург выделяла два периода. Первый — с 9 ноября по конец декабря 1918 г. — носил, по ее мнению, политический характер: ценою жертв трудящихся преодолевались многочисленные иллюзии, массы излечивались «революционным методом от своих заблуждений». Тем самым, подчеркивала Р. Люксембург, получился величайший выигрыш для пролетариата, ибо «ничто так не вредно для революции, как иллюзии, ничто так не полезно для нее, как ясная, откровенная правда»[2].

Р. Люксембург считала, что правительство в значительной степени потеряло опору в пролетарских массах, будет все больше терять опору среди солдат. Правительство потеряло доверие и буржуазии, заинтересованной в сильной власти. Из этого она делала вывод, что правительство Эберта — Шейдемана неизбежно перейдет к неприкрытой контрреволюции, противоречия обострятся и в ходе дальнейшего развития революции можно будет рассчитывать на свержение существующего правительства, замену его социалистическо-пролетарско-революционным правительством.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 263.
[2] *R. Luxemburg.* Ausgewählte Reden.., Bd. II, S. 672.

Начинающийся второй этап германской революции должен был, по мнению Р. Люксембург, ознаменоваться гораздо большей остротой классовых боев, чему способствовало также развертывание экономической борьбы рабочего класса. Революция, считала Р. Люксембург, продолжала развиваться, ибо главные ее задачи лежали в экономической области.

Нам представляется, что характеристика хода событий в Германии, данная Р. Люксембург, отражает скорее глубинные тенденции, чем их фактические проявления. К примеру, заявление Р. Люксембург о пошатнувшихся надеждах правительства обуздать пролетариат с помощью фронтовиков. Казалось бы, оно не соответствовало действительности. Вспомним хотя бы использование солдат в «кровавый сочельник» 24 декабря 1918 г.[1] или в дни январских боев в Берлине в 1919 г. Но нельзя забывать, что в течение двух недель декабря из девяти дивизий группы генерала Леки, расквартированной под Берлином для борьбы против революции, осталось не более 1200 штыков, а после «кровавого сочельника» Верховному командованию была направлена телеграмма: «Части войск группы Леки больше непригодны... Имеются только остатки боевых соединений...»[2] Контрреволюция собрала к январю 1919 г. в Берлине новый вооруженный кулак, но в тревожные дни 6—7 января и в этих частях проявились серьезные колебания[3]. Как уже отмечалось, Р. Люксембург в период Ноябрьской революции видела недостаточную революционную сознательность солдатских масс. Но она прозорливо отмечала перемены, происходившие в солдатской среде, хотя и переоценивала быстроту, с какой происходили сдвиги.

То же относится к вопросу о растущей потере правительством Эберта — Шейдемана опоры в пролетарских массах. Тенденция такого рода проявилась в том, что лозунг «Долой Эберта — Шейдемана» снова и снова выдвигался массами. В январские дни 1919 г. с ним выступили сотни тысяч рабочих Берлина при

[1] В этот день правительственные войска обстреляли революционных матросов Народной морской дивизии (см. *Я. С. Драбкин.* Указ. соч., стр. 276—280).
[2] Там же, стр. 278—279.
[3] Там же, стр. 343—344.

поддержке трудящихся многих крупных городов Германии. Однако до потери правительством опоры в пролетарских массах было еще далеко. В. И. Ленин в марте 1919 г. подчеркивал, что германский пролетариат не дифференцировался от буржуазии. «Ведь только о нескольких крупных городах сообщалось, что большинство рабочих в них против шейдемановцев»[1].

Тем самым обнаружилась характерная черта Ноябрьской революции 1918 г.: субъективная готовность масс к революционной борьбе отставала от степени зрелости объективных условий для революции. Но в свою очередь стихийное движение масс опережало степень зрелости руководства, которое могло бы возглавить движение. В. И. Ленин прозорливо предвидел величайшую беду немецкого пролетариата в том, что к моменту решающих сражений в Германии нет революционной партии[2].

Стремясь заострить внимание членов новой партии на развитии революционного процесса в стране, Роза Люксембург несколько преувеличивала степень его зрелости. Такое преувеличение могло привести к неправильному представлению о реальном соотношении сил. Так и получилось в январские дни 1919 г. в Берлине, в частности при оценке возможности повести войска за собой.

Центральной идеей доклада Р. Люксембург была идея развития массовой борьбы пролетариата как важнейшего условия осуществления революционного преобразования капитализма в социализм. Она подчеркивала невозможность ввести социализм с помощью декретов, которые издаст новое подлинно социалистическое правительство. «Социализм должен быть осуществлен массами, каждым пролетарием. Лишь это — социализм, лишь так может быть осуществлен социализм»[3].

Однако Р. Люксембург преувеличивала значение стачечной экономической борьбы пролетариата за осуществление задач социалистической революции. Вместе с тем она считала такую борьбу важной для подрыва позиций правительства Эберта — Шейдемана

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 157.
[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 109—110.
[3] *R. Luxemburg.* Ausgewählte Reden.., Bd. II, S. 676.

снизу. Залогом успеха революции Р. Люксембург считала создание всеохватывающей системы Советов, включающей рабочие, солдатские Советы, а также Советы сельскохозяйственных рабочих и крестьян-бедняков. В руках Советов должна сосредоточиться общественная власть, законодательство и управление; через Советы массы получают воспитание в социалистическом духе. «Массы должны, осуществляя власть, учиться осуществлять власть»[1]. Свержение правительства должно явиться заключительным актом, которому предшествует сосредоточение власти в руках рабочих и солдатских Советов[2]. Тем самым, по мнению Р. Люксембург, можно будет «осуществить захват политической власти не сверху, а снизу», что соответствует характеру нынешней пролетарской революции[3].

Р. Люксембург обращала внимание на то, что революция в Германии в своем развитии не затронула деревню, которая поэтому требовала особого внимания новой партии как с точки зрения предстоящего социалистического преобразования страны, так и с точки зрения расстановки сил в ходе революции. Однако Р. Люксембург огульно зачисляла в резерв контрреволюции все крестьянство, являющееся, по ее словам, «фанатичным приверженцем частной собственности». В программном манифесте выдвигалось требование о ликвидации крупной и средней собственности на землю. Такая линия не могла обеспечить поддержку революции со стороны среднего крестьянства. Мелкую крестьянскую собственность Р. Люксембург предлагала на время сохранить, считая при этом необходимым развязать классовую борьбу в деревне, мобилизовав безземельных пролетариев и мелких крестьян. Тем самым предложения, выдвигаемые Р. Люксембург, ничего реального не давали мелким крестьянам. В. И. Ленин в связи с задачами, стоящими в Германии, отмечал в 1920 г., что «можно сохранить крупное производство и притом все же дать мелким крестьянам нечто, весьма для них существенное... Иначе мелкий крестьянин и не заметит разницы

[1] *R. Luxemburg*. Ausgewählte Reden.., Bd. II, S. 686.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 687—688.

между тем, что было прежде, и советской диктатурой. Если пролетарская государственная власть не будет проводить этой политики, она не сможет удержаться»[1].

Разработка Розой Люксембург программных вопросов КПГ показала, что и в дни германской революции она не всегда делала правильные выводы из опыта ленинской партии большевиков. Но Р. Люксембург всегда оставалась пламенной интернационалисткой, с гордостью произносящей имя большевиков, высоко поднимающей знамя Октября, начавшего мировую революцию пролетариата. Это проявилось и в составленном ею воззвании «К пролетариям всех стран», которое вместе с ней подписали и опубликовали 25 ноября 1918 г. К. Либкнехт, Ф. Меринг, К. Цеткин. «...Мы никогда не должны упускать случая, — говорила Р. Люксембург на съезде КПГ, — услышав клеветнические выпады против русских большевиков, отвечать на это: где вы обучились азбуке вашей нынешней революции? От русских вы получили ее: рабочие и солдатские Советы... Это русская революция дала первые лозунги для мировой революции»[2]. По предложению Р. Люксембург съезд принял резолюцию, клеймящую сговор правых социал-демократов с английским военным командованием для борьбы с большевиками в Прибалтике[3]. Карл Либкнехт под бурное одобрение делегатов съезда подчеркнул необходимость практически реализовать солидарность с русскими братьями, призвал немецких пролетариев в военных мундирах не выполнять позорные приказы командования и открыто выступить против социал-демократических лидеров[4]. «Сознание, что у вас все сердца бьются в унисон с нашими, придает нам силу и мужество в нашей борьбе. Да здравствует социализм! Да здравствует мировая революция!»[5] — говорилось в приветственной телеграмме Учредительного съезда КПГ Российской Социалистической Федеративной Советской Республике. И в унисон с этим торжественным заявлением съезда звучало коротень-

[1] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 251—252.
[2] *R. Luxemburg*. Ausgewählte Reden.., Bd. II, S. 668.
[3] «Protokoll des Gründungsparteitages...», S. 222—223.
[4] Там же, стр. 244—245.
[5] «Die Rote Fahne», 31. XII. 1918.

кое личное письмо, скорее даже записка, которую, соблюдая правила конспирации, Р. Люксембург написала В. И. Ленину 20 декабря 1918 г. Его должен был лично вручить Ильичу Э. Фукс, направленный спартаковцами, чтобы информировать Ленина о положении в Германии. Вот это письмо:

«Дорогой Владимир!

Пользуюсь поездкой дяди, чтобы переслать всем вам сердечный привет от нашей семьи, Карла, Франца и других. Дай бог, чтобы грядущий год все наши желания исполнил. Всего хорошего! О нашем житье-бытье расскажет дядя. Пока вам рукопожатия и приветы. Роза»[1].

Доклад Р. Люксембург на Учредительном съезде КПГ вызвал огромное внимание и получил бурное одобрение его участников. После непродолжительного обсуждения съезд передал все высказанные предложения и замечания в программную комиссию, которая должна была представить соответствующие материалы к следующему партийному съезду. Программа КПГ, в основу которой была положена разработанная Р. Люксембург платформа «Чего хочет «Союз Спартака»?», была единогласно принята. Доклад Р. Люксембург на съезде было решено издать в виде агитационной брошюры.

В состав Центрального Комитета, одобренный съездом, вошли: Г. Дункер, К. Дункер, Л. Иогихес (Тышка), П. Ланге, П. Леви, К. Либкнехт, Р. Люксембург, Э. Мейер, В. Пик, А. Тальгеймер, П. Фрелих, Г. Эберлейн.

«Возникновение Коммунистической партии Германии было кульминационным пунктом героической борьбы, которую германские левые и их выдающиеся вожди Фриц Геккерт, Лео Иогихес, Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Франц Меринг, Вильгельм Пик, Клара Цеткин и другие вели против империализма, милитаризма и войны, против ревизионизма и центризма. Основание КПГ отвечало потребностям и интересам германского рабочего класса, германской нации...»[2] Образование КПГ имело большое значение

[1] «Письма В. И. Ленину из-за рубежа». М., 1969, стр. 115. Дядя — Э. Фукс, «наша семья» — спартаковцы, Карл — Карл Либкнехт, Франц — Франц Меринг.

[2] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 3, S. 170.

и для развития международного рабочего движения. В январе 1919 г. на международном Совещании в Москве по предложению В. И. Ленина было решено созвать в ближайшее время Учредительный конгресс III Коммунистического Интернационала. В обращении Совещания на основе программных документов РКП(б) и «Союза Спартака» была кратко сформулирована идейно-политическая платформа нового Интернационала. Вскоре после I съезда КПГ в Москву был направлен член ЦК КПГ Г. Эберлейн. Р. Люксембург и Л. Иогихес (Тышка) дали ему директиву безусловно поддержать создание III Интернационала, но считали, что следует повременить с его основанием, поскольку коммунистические партии или группы сложились лишь в немногих развитых капиталистических странах. В силу такого императивного мандата Г. Эберлейн воздержался при голосовании на I конгрессе Коминтерна вопроса о немедленном конституировании III Интернационала. Но сам Эберлейн в Москве понял, под влиянием В. И. Ленина, что создавать III Интернационал нужно немедленно[1]. Доводом за это было также и существование КПГ. «...Когда «Союз Спартака» назвал себя «коммунистической партией Германии», — тогда *основание* действительно пролетарского, действительно интернационалистского, действительно революционного III Интернационала, *Коммунистического Интернационала*, стало *фактом*»[2], — указывал В. И. Ленин.

* * *

В докладе на I съезде КПГ Р. Люксембург говорила, что не берется пророчествовать, сколько времени потребуется для осуществления целей революции. «Да и кто из нас будет с этим считаться, кого это может печалить, если только хватит нашей жизни довести дело до конца!»[3]

Прошло всего две недели — и она погибла за дело революции.

В начале января 1919 г. правительство Эберта — Шейдемана спровоцировало выступление рабочих

[1] См. «Ленин в борьбе за революционный Интернационал», стр. 428, 432.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 455.

[3] *R. Luxemburg.* Ausgewählte Reden.., Bd. II, S. 688.

Берлина. 5—6 января оно развернулось во всю ширь, охватив около полумиллиона рабочих столицы. Однако соотношение сил было все еще в пользу правительства правых социалистов. При этом контрреволюция заранее и серьезно подготовилась. Революционные массы должным образом не были организованы и вооружены для того, чтобы осуществить свое требование «Долой Эберта — Шейдемана!».

В такой обстановке решение, принятое представителями революционных старост, руководства берлинской организации НСДПГ и ЦК КПГ — при участии К. Либкнехта и В. Пика, — призвать рабочих и солдат к непосредственной борьбе за власть было ошибочным. К тому же левые независимцы, составлявшие большинство в Революционном комитете, ничего толком не сделали для практической организации поднявшихся на борьбу рабочих. Переговоры руководства НСДПГ с правительством помогали ему выиграть время, создавали благоприятную почву для надежд масс на «единство социалистов». Р. Люксембург на страницах «Ди Роте фане» писала 8 января 1919 г. о разрыве между стихийным выступлением масс и пытавшимися возглавить движение революционными старостами, берлинским правлением НСДПГ, которые пренебрегли самыми элементарными правилами революционной тактики. В обстановке развернувшегося движения КПГ призвала рабочих Берлина вооружаться и разоружать контрреволюцию. На заседании ЦК КПГ Р. Люксембург и Л. Иогихес (Тышка) резко осудили поведение центристов и потребовали, чтобы К. Либкнехт и В. Пик вышли из возглавлявшегося независимцами Революционного комитета [1].

Между тем правительство, силы контрреволюции перешли 8 января в наступление. Их с начала января возглавил социал-демократ Носке, цинично заявивший: «Кто-нибудь ведь должен стать кровавой собакой, я не боюсь ответственности». К 15 января Берлин был в руках вооруженных карателей, заканчивавших свое кровавое дело.

Сразу же после январского поражения в Берлине Роза Люксембург писала: «...ожидалось ли свержение

[1] *W. Pieck.* Die Gründung der KPD. Reden und Aufsätze, Bd. I, S. 116.

правительства Эберта — Шейдемана и установление социалистической диктатуры? Разумеется, нет, если зрело принять во внимание все обстоятельства, которые решали вопрос... На окончательную длительную победу в этот момент еще нельзя было рассчитывать. Была ли поэтому борьба последней недели «ошибкой»? Да, если речь могла бы идти вообще о преднамеренной «атаке», о так называемом «путче»!» [1] Однако исходным моментом борьбы, как и 6 и 24 декабря 1918 г., была «грубая провокация правительства». Следовательно, и оценка событий должна была быть иной. «Поставленный перед фактом грубой провокации со стороны Эберта — Шейдемана, революционный рабочий класс был вынужден взяться за оружие. Да, это было делом чести революции тотчас же со всей энергией отразить нападение, чтобы не ободрить контрреволюцию к дальнейшему наступлению, не допустить, чтобы поколебались революционные ряды пролетариата, моральное доверие Интернационала к германской революции» [2]. В тяжелые дни после поражения в Берлине Р. Люксембург не теряла веру в победу революции. «Весь путь социализма — поскольку принимаются во внимание революционные бои — усеян сплошными поражениями. И все же сама эта история неудержимо ведет к окончательной победе! Где были бы мы сегодня без тех «поражений», из которых черпали исторический опыт, познание, силу, идеализм!» [3] — писала она в «Ди-Роте фане» 14 января 1919 г. К такому выводу пришла на основе анализа проигранной битвы пламенная революционерка в своей последней предсмертной статье, написанной в обстановке разгула контрреволюции, погромной агитации, когда стены домов покрывали плакаты, требовавшие убить ее и К. Либкнехта, а сотни специально подосланных агентов уже искали их по всему городу.

Голос Р. Люксембург звучал в унисон с голосом К. Либкнехта. «Да, верно! Революционные рабочие Берлина разбиты... Но есть поражения, которые становятся победой; и победы, более роковые, чем поражения... Сегодняшние побежденные станут завтра

[1] *R. Luxemburg.* Ausgewählte Reden., Bd. II, S. 709—710.
[2] Там же, стр. 711.
[3] Там же, стр. 712.

победителями. Ибо поражение послужит им уроком. Ведь германскому пролетариату еще не хватает революционной традиции и опыта. И только ищя и пробуя, пройдя через ошибки молодости, горестные отступления и неудачи, он приобретет практические знания, которые обеспечат будущий успех... А будем ли мы живы или нет, когда удастся достигнуть цели, все равно — жить будет наша программа; она станет господствующей в мире освобожденного человечества. Вопреки всему!»[1] — писал он в статье, вышедшей в «Ди Роте фане» 15 января 1919 г. «Порядок царит в Берлине» — с злой иронией издевался над победителями заголовок последней статьи Розы Люксембург. «Вопреки всему!» — бросал им в лицо Карл Либкнехт название своей последней статьи.

Уже то, что «Ди Роте фане», редакция которой была разгромлена, продолжала выходить, было делом их героических усилий. Аресты вырывали людей их ближайшего окружения. 13 января были арестованы члены ЦК КПГ Л. Иогихес (Тышка), К. Дункер, сестра К. Либкнехта. Руководители КПГ убеждали Р. Люксембург и К. Либкнехта укрыться от преследований. Два дня они скрывались в Нойкельне, а затем их спрятали в районе Берлин — Вильмерсдорф на Мангеймерштрассе, 43, у семьи Маркуссон. Здесь они были выслежены агентами «секции 14» социал-демократического полка «Рейхстаг», и вечером 15 января их арестовал буржуазный «отряд самообороны». Арестованных доставили в отель «Эден» у Зоологического сада, где помещался штаб гвардейской кавалерийской дивизии.

Допрашивал их с целью «установления личности» начальник штаба дивизии капитан Пабст. Он-то хорошо знал, с кем имеет дело и что делать с арестованными. Ведь 12 января у него состоялся знаменательный разговор с лидером Антибольшевистской лиги Штадлером. «Я сказал ему, — вспоминал впоследствии Штадлер, — что военное вступление в Берлин — лишь полдела... Роза Люксембург в высшей степени опасна... и с каждым днем растет ее популярность среди... пролетарских масс. Глаза... Пабста блестели... Он встал, по-солдатски пожал мне руку и

[1] *К. Либкнехт.* Избранные речи... стр. 485, 488.

сказал только: «Я вам очень благодарен, на меня вы можете положиться...»[1]

Допрос продолжался всего несколько минут, затем Пабст приказал доставить арестованных поодиночке в Моабитскую тюрьму. Тотчас нашлись желающие выполнить столь «почетное» задание. Сначала повели К. Либкнехта. У выхода стоявший на посту гусар Рунге нанес ему зверский удар прикладом по голове. Началось избиение. Окровавленного Либкнехта сунули в автомобиль и повезли через Тиргартен. Здесь ему приказали идти пешком и через несколько минут застрелили из пистолета. Полчаса спустя его тело как «труп неизвестного» было сдано в полицейский участок на Курфюрстендам. Почти по тому же «сценарию» была убита и Р. Люксембург. Только с ней спешили еще больше и заметали следы еще старательнее. Начал Рунге — удары прикладом посыпались на Розу у выхода из отеля. Не успел еще отъехать автомобиль, куда ее втащили, как раздались выстрелы. Затем труп обмотали проволокой и бросили в Ландверканал у Корнелиусбрюке[2].

На следующее утро была пущена в ход лживая версия, будто К. Либкнехт застрелен при попытке к бегству, а Р. Люксембург линчевала возмущенная толпа и труп ее не удалось найти. Правительство объявило о необходимости строжайше расследовать обстоятельства дела, наказать виновных и присовокупило к этому, что оба убитых, несомненно, тяжко провинились перед германским народом.

А дальше все пошло как по-писаному. Судебное разбирательство поручили военному суду той самой контрреволюционной гвардейской дивизии, где было совершено преступление. Организаторы преступления остались в тени. Даже те, кто непосредственно совершил злодеяние, отделались пустяковым наказанием. Один из убийц был немедленно «сплавлен» за границу.

Трудящиеся Германии ответили на злодейское убийство многотысячными собраниями протеста, демонстрациями, забастовками. Их горе и гнев разде-

[1] Цит. по: *Я. С. Драбкин.* Указ. соч., стр. 362.

[2] «Der Mord an Rosa Luxemburg und Karl Liebknecht. Dokumentation eines politischen Verbrechens». Hrg: von Elisabeth Hannover — Drück und Heinrich Hannover. Frankfurt a. M., 1968.

лял трудовой народ Советской России. «Не найти слов для выражения всей мерзости и низости этого палачества, совершаемого якобы социалистами» [1], — писал В. И. Ленин. ЦК ВКП(б) и ВЦИК в специальном обращении заклеймили убийство. По всей революционной России прокатилось движение протеста. Из многих стран мира приходили сообщения о собраниях протеста и выражения соболезнования. Грандиозная демонстрация состоялась в Берлине 25 января 1919 г., в день похорон К. Либкнехта и погибших участников январских боев.

Труп Р. Люксембург был обнаружен в Ландверканале только 1 июня 1919 г. Его опознала многолетняя подруга убитой по остаткам одежды, обуви и медальону. 13 июня мощная демонстрация проводила Розу Люксембург в последний путь на кладбище Фридрихсфельде, где она была похоронена рядом с К. Либкнехтом.

После прихода фашистов к власти в Германии был разрушен памятник, установленный в 1924 г. на могиле героев-коммунистов. В 1941 г. захоронение сровняли с землей, а в кладбищенской книге появилась запись, запрещающая перезахоронение. Зато убийц почитали как «истинно-германски мыслящих людей». В 15-ю годовщину похорон Р. Люксембург правители гитлеровского рейха выдали ее убийце Рунге «единовременную компенсацию» в 6000 марок.

Прошли годы.

Окруженные глубоким почетом и уважением всего прогрессивного человечества покоятся на кладбище столицы социалистического государства — Германской Демократической Республики героические борцы за свободу и счастье Германии, за дело мировой революции. Символом борьбы за демократию и социализм стали имена непоколебимого Карла и Красной Розы.

Подтвердилась справедливость пророческих слов В. И. Ленина: «Кровь лучших людей всемирного пролетарского Интернационала, незабвенных вождей международной социалистической революции закалит новые и новые массы рабочих к борьбе не на жизнь, а на смерть. И эта борьба приведет к победе» [2].

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 460.
[2] Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Сквозь терни — к звездам» — это древнее мудрое изречение очень созвучно жизни и деятельности Розы Люксембург, отдавшей всю себя служению людям, борьбе за свободу и счастье угнетенных. Страстная, темпераментная и вместе с тем поэтичная Роза умела не только бороться, она умела мечтать. Она мечтала о том, чтобы люди проходили «сквозь жизнь в шитом звездами плаще, который охраняет... от всего мелкого, тривиального и страшного» [1].

Роза была одновременно поэтом и теоретиком, художником и политическим публицистом, литературоведом и политэкономом, блестящим оратором и организатором, несгибаемым борцом с врагами пролетариата и заботливой воспитательницей, Революционером с большой буквы. Только под этим углом зрения могут быть осмыслены жизнь и все стороны многогранной деятельности Р. Люксембург. Ее теоретические концепции совершенно невозможно понять вне ее политической практики, в отрыве от ее работы как партийного публициста, лектора партийной школы, докладчика на многочисленных партийных съездах и международных социалистических конгрессах, видного политического деятеля, основателя революционной партии пролетариата. Не случайно ведь Р. Люксембург писала: «...универсальность интересов, внутреннюю гармонию — каждый может усвоить себе или, по крайней мере, должен стремиться к этому... я думаю, что именно политический-то борец как раз и должен стремиться возвыситься над повсе-

---

[1] *Р. Люксембург.* Письма из тюрьмы, стр. 47.

дневностью. В противном случае он погрязнет в пустяках. Разумеется, я при этом имею в виду борца крупного масштаба...»[1]

Именно таким борцом была Роза. Жизнь подтвердила справедливость пророческих слов К. Либкнехта: «...эта женщина, хрупкое тело которой несет в себе такую пламенную, огромную душу, такой смелый, блестящий ум... со славой войдет в историю человеческой культуры, в то время как... герои милитаристского варварства будут преданы презрению и забвению».

Однако и сегодня, в условиях острого противоборства сил прогресса и реакции за Розу Люксембург и ее наследие, не прекращаются попытки использовать имя Розы и даже ее смерть во вред делу социализма. Показательна в этой связи международная теоретическая конференция на тему «Вклад Розы Люксембург в развитие марксистской мысли», состоявшаяся в Реджио-Эмилия в 1973 г., которая как бы подвела итог всей предшествующей разработке идейно-теоретического наследия Р. Люксембург[2]. Коренным вопросом, вокруг которого развернулась борьба на конференции, явилась проблема «В. И. Ленин — Р. Люксембург». Под таким углом зрения неоднократно предпринимались попытки прямого противопоставления Р. Люксембург В. И. Ленину, авторы которых пытались фальсифицировать исторические факты, не утруждая себя доказательствами[3]. Как отметил на конференции известный советский ученый А. И. Соболев: «противники ленинизма стремятся выдать ошибки Р. Люксембург, значительную часть которых она сама же исправила, за существо ее взглядов»[4]. В духе противопоставления В. И. Ленина и Р. Люксембург были попытки обосновать тезис, будто ее взгляды представляют собой некий особый вариант марксизма, и если она в чем-то и расходилась с В. И. Лениным, то они тем самым «взаимно дополняли друг друга». Вопреки утверждениям и ссылкам

[1] *Р. Люксембург.* Письма к Карлу и Луизе Каутским, стр. 163.
[2] См. *В. А. Богорад.* Указ. соч. — «Рабочий класс и современный мир», 1974, № 2, стр. 151—160.
[3] См. критику их французским коммунистом Ж. Бадиа — там же, стр. 154.
[4] «Рабочий класс и современный мир», 1974, № 2, стр. 155.

на то, что В. И. Ленин якобы обогатил марксизм лишь опытом России, тогда как Р. Люксембург — опытом революционной борьбы экономически развитого капиталистического Запада, А. И. Соболев подчеркивал: «Закономерности, которые марксизм открыл и сформулировал, носят всеобщий, универсальный характер. В. И. Ленин развил учение К. Маркса не применительно к условиям отсталой России, а применительно к эпохе империализма и пролетарских революций. Ленинская теория империализма, государства, социалистической революции, диктатуры пролетариата и строительства социализма, разработка В. И. Лениным аграрного и национального вопросов отражают опыт не только российского пролетариата, но и всего рабочего класса»[1].

Жизнь и деятельность Р. Люксембург при всех сложностях и противоречиях развивалась в общем по отмеченной В. И. Лениным линии — завоевания Розы большевизмом[2], который сама она считала синонимом революционного социализма. Роза Люксембург твердо верила в победу пролетарской революции. В своей последней предсмертной статье Р. Люксембург писала, что вопреки трудностям и поражениям революция снова возвестит: «Я была, я есть, я буду!» С полным правом эти слова можно отнести и к самой Розе, чья жизнь была до конца отдана делу социалистической революции.

[1] «Рабочий класс и современный мир», 1974, № 2, стр. 156.
[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 19, стр. 105.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Аллер В. 61, 228, 231
Айзин Б. А. 3, 66, 71, 136, 160, 187, 188, 214
Алексеев Г. А. 3, 136
Апухтин А. Л. 19
Архангельский Н. М. 53
Ауэр И. 56, 58, 104

Б

Бадна Ж. 320
Бакунин М. А. 153
Бардовский П. 22
Барт Э. 279
Бартель В. 4
Бебель А. 61, 65, 66, 71, 72, 90, 142, 143, 164, 167, 172, 180, 181, 184, 195, 198, 199, 208, 228
Берент В. 30
Берне К. Л. 62
Бернштейн Э. 44, 60—68, 70, 76, 91, 97, 142, 239, 259
Бетман-Гольвег Г. 229
Бобиньский С. 20
Богданов А. 183
Богорад В. А. 8, 160, 320
Борейша Е. В. 20, 25
Боркенау Ф. 6
Братман-Бродовский С. 281
Брунс Ю. 87, 88, 141
Брюнин В. Г. 213
Будзилович Ф. 168
Бутенко А. П. 270
Бюлов Б. 164

В

Вайнн Э. 181
Валевская 147, 151
Валецкий Г. 223, 281
Вальхер Я. 250
Варский А. 20, 28, 30, 31, 39, 48—51, 53, 86, 94, 95, 100, 104, 105, 107, 108, 113, 115, 127, 129, 139, 140, 146, 155, 165, 184, 286
Варшавский М. 95
Варминьский Л. 22
Василевский Л. (Плохоцкий Л.) 94, 95, 97, 115, 116, 152
Вейль Ф. 270
Весоловский Б. 29, 31, 35
Вильгельм I Гогенцоллерн 16
Вильгельм II Гогенцоллерн 89, 261
Винтер А. 55, 58, 82, 87
Витте С. Ю. 164
Войнар-Суецкая Я. 160
Войнаровская Ц. В. 94, 95, 98, 104, 105, 115, 117, 118, 127
Вольгемут Г. 4, 231, 232, 234, 236, 243, 253
Вольный Т. 57
Вольтер М. Ф. 152
Вольф Ю. 27, 51
Вольфе Б. 6
Воровский В. В. 141
Воронцов В. П. 31
Врублевская Б. 26
Вурм М. 15, 16, 167
Вурм Э. 167

Г

Гаазе Г. 228, 230, 251, 252, 259, 260, 279, 291, 303
Гаазе Е. 86, 87
Галифе Г. А. О. 72
Ганновер Г. 317
Ганновер-Дрюк Е. 317
Ганецкий Я. 115, 146, 147, 154, 155, 164, 166
Гаупт Ж. 229
Гед Ж. 181
Гейне В. 79
Гейне Г. 81
Геккерт Ф. 305, 312
Гельфанд А. Л. (Парвус) 61, 132, 140
Гердава К. (Стефан) 128
Гериш 104
Герцен А. И. 153
Герчиков И. В. 11, 16, 38
Герэн Д. 7
Гизберт-Студницкий В. 31
Гильфердинг Р. 202, 203, 299
Глаголев Н. М. 169
Гловацкий А. 5
Гогенцоллерны 283
Гоговский Ю. 84
Головачев Ф. Ф. 233
Гольст Р. 149
Гортер Г. 149
Горький А. М. 175
Градовский Р. 5
Гракх см. Люксембург Р.
Гроневский К. 19
Гурко И. В. 19
Гюисманс К. 196

Д

Давид Э. 107, 151, 243
Дан Ф. И. 140
Данельчук Б. 57
Дашиньский И. 38, 95, 154
Дейтшер П. 78
Деренковский Г. М. 3, 166, 168—170
Дзевульский Я. 5, 48
Дзержинская С. С. 282
Дзержинский Ф. Э. 92, 93, 101, 105, 117, 129, 145, 155, 168, 169, 207, 281
Дикштейн Ш. 22, 105
Дитман В. 194, 198, 251, 269, 279
Диффенбах Г. 263
Домбровский Я. 12
Домье О. 266
Достоевский Ф. М. 14
Драбкин Я. С. 261, 265, 269, 278, 284, 292, 301, 304, 308, 317
Дункер Г. 231, 278, 312
Дункер К. 249, 254, 305, 312, 316

Е

Енгеров Р. Я. 4, 208, 212, 217, 224
Ермолаева Р. А. 47, 124, 139, 140, 182—184, 201, 221

Ж

Жорес Ж. 181

З

Зайдель М. 52
Зайдель Р. 52
Зайцев Я. В. 4
Замойский Я. 9—11
Зарудная З. С. 169
Заруднаи-Кавос Е. С. 169
Зарудный А. С. 169, 170
Засулич В. И. 50, 98
Зингер П. 66, 117, 118
Зюдекум А. 229, 233

И

Иогихес Л. (Грозовский К., Тышка Я.) 5, 13, 29—31, 38, 39, 49, 51, 52, 54, 55, 58, 59, 61, 89—92, 98—100, 105—107, 112, 127, 130, 131, 133, 138, 140, 141, 145, 147, 149, 150, 166, 173, 174, 183, 190, 191, 199, 216, 218, 260, 279, 280, 287, 302, 304, 312—314, 316
Иодко-Наркевич В. 37

К

Канцевич Я. 281
Касевак М. 23, 25, 26, 57, 83, 106
Кассьюш С. 23
Каутская Л. 10, 12, 14, 38, 44, 67, 89, 90, 123, 144, 146—150, 152, 155, 164—167, 170, 171, 182, 190, 200, 207, 215, 221, 222, 256, 257, 262, 263, 265, 267
Каутский К. 12, 14, 44, 60, 61, 66, 67, 70, 73, 81, 89, 90, 107, 111, 117, 123, 132, 144, 146—150, 152, 155, 164—167, 170, 171, 182, 187—192, 200, 201, 203, 207, 211—213, 215, 221—223, 226, 228, 231, 238, 243, 251, 256, 257, 259, 262, 263, 265, 267, 270
Качановская Я. 5, 39, 117

Кеневич С. 12, 18, 52, 53
Клейн Б. С. 51
Клейн Э. 88
Кнеф И. 249
Ковалик Т. 5
Коралов М. М. 4, 255
Короленко В. Г. 14, 255, 265
Костюшко Т. 38
Красин Л. Б. 139
Кривогуз И. М. 4, 239, 240, 249, 302
Кроненберг Л. 23
Крупская Н. К. 169, 182, 184
Кульчицкий Л. 20, 23, 24
Куницкий С. 22
Купов Г. 143

Л

Лаге П. 305, 312
Ландсберг О. 279
Лауфенберг Г. 198
Лафарг П. 104
Лапица А. 4, 59, 65, 76, 78, 143, 163, 192, 193, 194, 198, 201, 232, 243, 253, 256, 265, 282, 283, 288, 291
Левенштейн Л. 18
Леви П. 270, 305, 312
Легин К. 243, 260
Ледебур Г. 61, 198, 232, 251, 252
Леки 308
Ленин В. И. (Ульянов В. И.) 3, 4, 6—8, 22, 28, 41, 43, 47, 56, 61, 62, 67, 98, 99, 101, 106, 108—116, 118—121, 123—126, 132, 137, 141, 143, 144, 155, 159, 163, 169, 170, 173—192, 194, 195, 199, 201, 203, 205—209, 211, 221—223, 230, 234, 235, 237—241, 243—248, 258, 262—264, 268, 270—273, 275—277, 285, 288, 298, 305—307, 309—313, 318, 320—321
Ленч П. 198, 232
Либкнехт В. 56
Либкнехт К. 16, 89, 142, 164, 172, 187, 189, 196, 198, 209, 218, 220, 229, 230, 232—237, 239, 240, 247, 248—257, 265, 269, 278, 279, 282, 283, 288, 292, 293, 298, 300, 303—305, 311, 312, 314—318
Либкнехт С. 16, 17, 164, 257, 266, 267, 269
Линдау Р. 249
Лильпоп С. 18
Лимановский Б. 37
Луначарский А. В. 38
Любек Г. 52, 168
Любек К. 28, 50, 52
Любек О. 28, 52
Люксембург А. 11
Люксембург Л. 13
Люксембург Максимилиан 11, 13, 166, 171
Люксембург Николай 11, 13
Люксембург Р. (Крушинская, Матшке А., Гракх, Хмура Ю.) 3—17, 20, 21, 23—29, 31—56, 57—107, 109, 112—124, 127—195, 197—207, 209—223, 225, 226, 228—260, 262—267, 269—277, 279—295, 297, 298, 300—321
Люксембург Р. М. 50
Люксембург Э. 9, 11—13, 51
Люксембург Ю. 11, 13, 14, 51, 165

М

Маклин Э. 6
Макс Баденский 268, 278
Макусевич А. Я. 4, 47, 124, 139, 140, 182—184, 201, 221
Маркс К. 22, 28, 30, 33, 42, 61, 69, 86, 91, 107, 111, 158, 191, 193, 200, 205, 206, 242, 243, 306
Маркуссон 316
Мартов Л. 140, 183, 221
Мартынов А. С. 183
Мархлевская Б. 16, 26, 33, 38
Мархлевский Ю. (Карский) 5, 13, 16, 26, 28—31, 33, 36, 38, 39, 48, 49, 53, 54, 59, 86, 106, 115, 143, 146, 166, 173, 176, 184, 203, 209, 212, 217, 218, 231, 235, 254
Матушевский В. 95
Матшке А. см. Люксембург Р.
Мах Э. 182
Мейер Э. 143, 231, 240, 254, 278, 312
Мендельсон С. 37
Меринг Ф. 61, 89, 111, 132, 149, 187, 209, 212, 213, 217, 219, 229, 231, 233, 235, 238, 249, 250, 254, 311, 312
Мещаниновский М. 5
Милле Ж. Ф. 266
Мильеран А. Э. 72—75
Михайлов Л. М. 166
Михайловский Н. К. 31
Михалковский Ш. 20
Мицкевич А. 10, 13, 52, 84, 85
Млот Я. см. Дикштейн Ш.
Мольквенбур Г. 196
Моравский Ф. 55, 57, 60
Морандо Б. 9, 10

Н

Наземблю В. 23
Нахоряков Н. Н. 179
Нетта П. Дж. 10, 63
Носке Г. 314
Ньюболд Дж. Т. У. 218

О

Обломов 14
Ольшевский В. 96, 115
Оссовский М. 22
Оузи Р. 22

П

Пабст В. 316, 317
Паннекук А. 149
Парвус см. Гельфанд А. Л.
Перль Ф. 37
Петрусиньский Я. 22
Пик В. 209, 218, 225, 226, 231, 232, 237, 238, 249, 278, 279, 290, 312, 314
Пилсудский Ю. 287
Плеханов Г. В. 29, 31, 38, 50, 61, 78, 96—98, 104, 155, 167, 178
Плохоцкий Л. см., Василевский Л.
Познаньский И. 18
Потресов А. Н. 99, 121, 123, 140
Пухлов Н. Н. 101, 115

Р

Радек К. 245
Радчук Г. 4, 59, 65, 76, 78, 143, 163, 193, 198, 201, 232, 243, 253, 256, 265, 282, 283, 288, 291
Ратыньский К. 30, 35
Рау В. 18
Рембрандт Х. 266
Розенфельд К. 219
Роланд-Гольст Г. 10, 131, 149
Рунге О. 317, 318
Рязанов Д. Б. 106

С

Сартр Ж.-П. 179
Свердлов Я. М. 285
Сверчевский К. 12
Селезнев М. А. 103
Семковская Н. 21, 172
Сен-Симон А. К. 22
Сисмонди Ж.-Ш.-Л. 205
Соболев А. И. 320, 321
Собчак Я. 173, 174
Соломон 16
Спартак 249—252, 254, 255, 258, 261, 262, 265, 268, 280, 282, 293, 295, 297, 298, 302, 304, 306, 307, 312, 313
Старовер см. Потресов А. Н.
Сташиц С. 9
Струве П. 91
Суслов М. А. 119
Сушков 165, 168

Т

Тальгеймер А. 312
Тициан В. 266
Толстой Л. Н. 14
Трота Л. 15
Троцкий Л. Д. 140, 221
Трусевич-Залевский С. 95
Тургенев И. С. 14
Туган-Барановский М. И. 205
Тых Ф. 5, 10, 28, 30, 34, 39, 117, 147, 152, 160, 165, 168, 176, 223, 281
Тышка Я. см. Иогихес Л.

У

Ульянов В. И. см. Ленин В. И.
Уншлихт Ю. 173
Успенский Г. И. 14

Ф

Файнштейн В. (Ледер З.) 128
Федер Т. 31
Фишер Р. 230
Франк Л. 211
Фрёлих П. 10, 254, 312
Фукс Э. 312
Фурье Ш. 22

Х

Хайрих В. 30
Хенке А. 198
Хербиг Э. 4, 141
Хербет С. 9
Хилквист М. 170
Хмура Ю. см. Люксембург Р.
Хох Г. 198
Хук С. 6
Хшановская Я. 50

Ц

Цеткин К. 14, 45, 61, 89, 142, 167, 187—189, 195, 198, 207, 209, 213, 216—219, 221, 227, 229, 233, 235, 237, 238, 240, 241, 250, 277, 280, 311, 312
Цеткин Константин 266

Ч

Чарторыйские 45
Челкош А. 161
Чернышевский Н. Г. 30, 153
Чеховский А. 165, 166, 168
Чистяков В. В. 4, 136, 163
Чичерин Г. В. 298
Чишевский Ю. 285—287

Ш

Шайблер 18
Шейдеман Ф. 254, 260, 270, 279, 293, 294, 302—304, 307—309, 313—315
Шекспир В. 265
Шёвланк Б. 59, 61, 62, 82, 89, 107
Шиллер Ф. 13, 16, 17
Шиппель М. 79
Шлейфштейн Й. 235
Штадгаген А. 142, 143
Штадтлер Э. 310
Штейн-Краевский В. 174
Штребель Г. 143
Штудт К. 84
Шумахер Х. 4, 30

Щ

Щепаньский К. 20, 23—25

Э

Эберлейн Г. 231, 240, 312, 313
Эберт Ф. 228, 254, 268, 278, 279, 282, 292—294, 302—304, 307—309, 313—315
Эйснер К. 269
Энгельман О. см. Иогихес Л.
Энгельс Ф. 22, 28, 38, 42, 69, 91, 107, 111, 192, 306
Эрве Г. 181
Эттингер А. (Дальский) 100

Я

Яжборовская И. С. 4, 8, 39, 43, 48, 81, 111, 138, 160, 175, 187, 206, 281

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3
Замощь — Варшава 9
В швейцарской эмиграции. Формирование марксистского мировоззрения. «Справа роботнича» — начало СДКПиЛ 25
В рядах социал-демократической партии Германии. Реформа или революция? 54
На службе СДКПиЛ. Революция грядет из России 91
В огне революционных боев 125
«Стратегия измора» или подготовка революции? . . 187
Против империалистической войны. Октябрьская революция — «спасение чести международного социализма» 224
Революция в Германии. Создание КПГ 277
Заключение 319
Указатель имен 322

Евзеров Р. Я. и Яжборовская И. С.

Е 13 Роза Люксембург. Биографический очерк. М., «Мысль», 1974.

327 с.; 1 л. портр.

В книге показывается формирование и развитие Р. Люксембург как революционера-марксиста, самоотверженного борца против милитаризма и войны, за утверждение пролетарского интернационализма в международном рабочем движении. Авторы анализируют ее деятельность в российском, польском и германском рабочем движении.

Е $\frac{10303-198}{004(01)-74}$ 79-74 ЗКИ1(092)

Евзеров, Роберт Яковлевич
Яжборовская, Инесса Сергеевна

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ
Биографический очерк

Редактор *Г. П. Новикова*
Младший редактор *З. В. Ратушняк*
Оформление художника *В. А. Шевченко*
Художественный редактор *В. А. Захарченко*
Технический редактор *В. Н. Карпилова*
Корректор *Л. Ф. Карпинка*

Сдано в набор 6 мая 1974 г. Подписано в печать 6 сентября 1974 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская, № 1. Усл. печатных листов 17,32 с вкл. Учетно-издательских листов 18,04 с вкл. Тираж 45 000 экз. А08122. Заказ № 1409. Цена 1 р. 15 к.

Издательство «Мысль». 117071, Москва, В-71, Ленинский пр., 15. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Гатчинская ул., 26.

1 р. 15 к.

95:96

ГПБ Русский фонд
74-3
55762